adventure

Геннадий
Семенихин

Космонавты живут на Земле. Книга 2

Аннотация

Автор этой книги писатель Геннадий Александрович Семенихин, перу которого принадлежат известные широкому кругу читателей романы «Летчики», «Над Москвою небо чистое» и повесть «Пани Ирена», длительное время изучал жизнь коллектива людей, готовивших первые космические старты, присутствовал в районе приземления кораблей «Восток-3» и «Восток-4», сопровождал космонавтов в ряде их поездок по стране и за рубежи нашей Родины.
Роман «Космонавты живут на земле» – первое художественное произведение о людях молодой героической профессии. Герои его – вымышленные. Вместе с тем содержание романа во многом навеяно реальной действительностью.



doc2fb, FictionBook Editor Release 2.6
17 May 2012
5E917F7B-5D20-4866-9D2F-04148FC45ED1
2

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

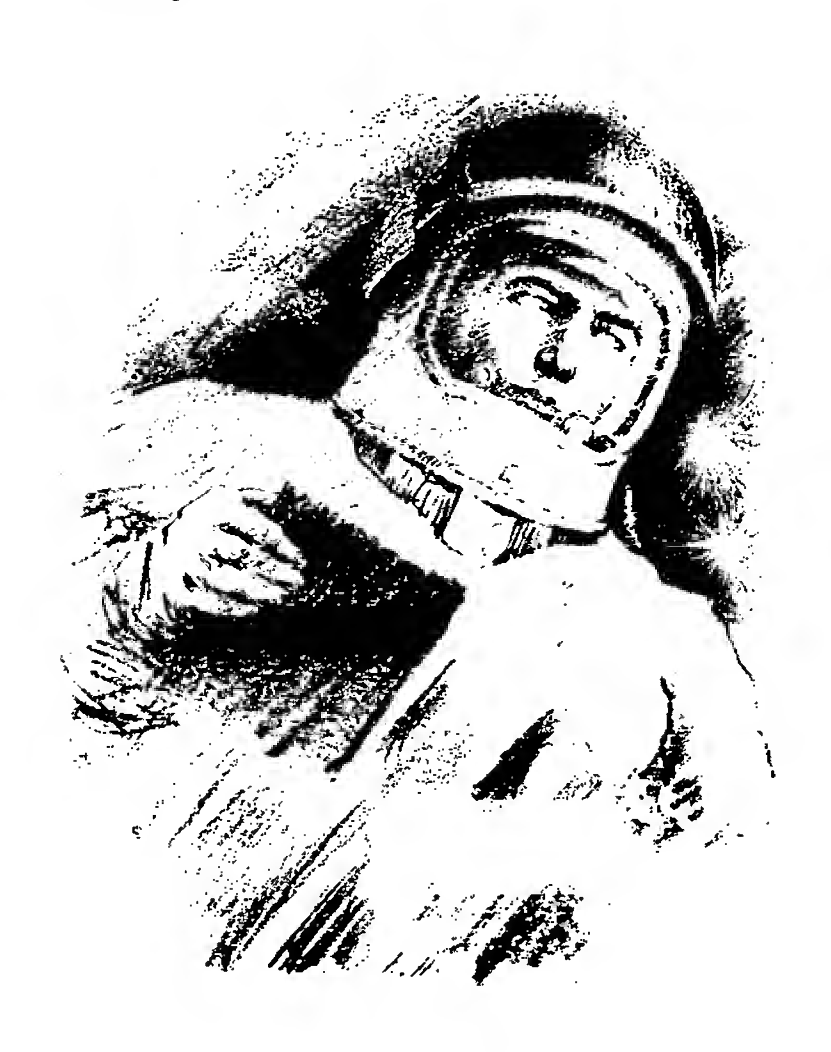
Приятного чтения!

ГЕННАДИЙ СЕМЕНИХИН

КОСМОНАВТЫ ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ

РОМАН

Книга вторая



Ордена Трудового Красного знамени

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Москва —1971

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛУННЫЙ ВАРИАНТ

Пассажирский лайнер, полого забирая влево, делал гигантский круг над степью. За консолями длинных вибрирующих крыльев струился полуденный воздух, нагретый южным солнцем. Легкий металл, в который был одет фюзеляж самолета, отсвечивал голубизной. Над винтами четырех двигателей дрожали световые блики. Лайнер снижался, постепенно теряя высоту. Его первый и третий салоны пустовали, и только в среднем сидели двадцать пассажиров в военной

форме, какую летом носят в южных гарнизонах нашей страны. Среди них — две молодые женщины в легких с открытыми воротниками рубашках и синих юбках. Матерчатые погончики на их плечах были увенчаны знаками различия старшего лейтенанта.
—Вот мы и завершаем маршрут, товарищи, — сказал седеющий полковник с густыми, зачесанными назад волосами и шрамом над правой крутой бровью. — Под крылом Степновск, идем на посадку. Приглядитесь с воздуха к нашему новому местожительству. Все-таки целое лето будем здесь обитать.
Двадцать человек прильнули к иллюминаторам, а полковник добавил:
- Я попросил командира корабля сделать лишний круг над аэродромом. Холостой заход, так сказать.
- Что такое холостой заход, Павел Иванович? — засмеялся зеленоглазый подполковник с редким, отливающим медью зачесом, не оставлявшим сомнений в том, как тщательно ухаживает за ним хозяин. — У меня уже давно дети. У Кострова и Дремова — тоже. Нас нельзя призывать к холостому заходу. Разве вот двоих вы, товарищ замполит, можете на это толкнуть — Алешку Горелова да Женю. Больше холостяков нет. Даже Маринка и та...
- Перестань, Андрюша! — вспыхнула смуглая женщина — старший лейтенант и застенчиво отлога глаза. — Тебя всегда невпопад прорывает.
- Чудак Андрей, — без улыбки заметил широколицый подполковник, — не раскрывай своего послевоенного происхождения. Полковник Нелидов называет вещи своими именами.
- Пожалуй, так, — согласился Нелидов. — Во время войны на холостом заходе летчики погибали. Было. Даже меня зенитка поцеловала, — прибавил он мягко и прищурил глаз над шрамом. — А назначение холостого захода на войне — присмотреться к цели перед атакой. Вот и мы должны присмотреться.
—Сдаюсь, — примирительно протянул шутник.
Плотно прильнувшие друг к другу женские головки, светлая и черная, закрыли иллюминатор.
- Смотрите, смотрите! — закричала звонкоголосая Женя Светлова. — Верблюды идут! Целый караван. У самого аэродрома. Вот это экзотика!
- А вон поле для парашютных прыжков,—отметила ее подруга, — оно начинается сразу за большим аэродромом.
- Где? — недоверчиво протянул горбоносый Игорь Дремов. — Подвинься, Локтев, ничего не вижу. Все своей фигурой боксерской закрыл. Ты что-нибудь видишь, Горелов?
- То же, что и все, — улыбнулся Алексей Горелов.— Зрелище весьма любопытное. Перед такой степью блекнут любые представления о времени и пространстве.
- Почему о времени, философ? — колко уточнил зеленоглазый подполковник. — Ну пространство, я понимаю. А время?
- А ты подумай, — лениво посоветовал Горелов, продолжая пристально смотреть в иллюминатор.
Чернявая Марина весело захлопала в ладоши, и на ее смуглых щеках заплясали ямочки.
—До чего ж, Субботин, у тебя замедленная реакция! — засмеялась она. — Я и то сразу догадалась.
- Конечно, при взгляде на эту степь ты — хочешь не хочешь — должен о времени и пространстве подумать.
Раньше кочевник пересекал ее на своем верблюде за год, а наш «илюша» покрыл расстояние от Москвы до Степновска всего за каких-то несколько часов. Вот и пала к ногам человечества даль необъятная оттого, что покорилась Людям.
—Ты еще о первой космической скорости загни, Маринка, — добродушно проворчал Субботин, — или что-нибудь насчет светящихся частиц из своей недописанной диссертации.
Алеша Горелов, пропуская их веселую перебранку мимо ушей, продолжал вглядываться с безоблачной высоты в необъятную панораму степного края. Кто-то аккуратно провел прямые линии аэродромных дорог, вычертил квадратики белых зданий авиагородка и полоски улиц. Излучина широкой реки и ее поросшие серым кустарником берега с желтыми языками отмелей, выступающих местами до самой середины, оживляли безлюдную необъятную равнину, лишь кое-где изрезанную балочками и лощинами. Виднелись редкие юрты. Возле них пестрели пасущиеся стада. Алеша перенес взгляд правее и увидел скопление белых, густо лепившихся у берега реки зданий Степновска, большое поле аэродрома, обозначенное скрещением двух

бетонированных полос и самолетными стоянками, а чуть подальше — другое поле с выложенным для приземления парашютистов белым круг.ом. Вдали от аэродрома и Степновска в миражном мареве то возникали, то угасали контуры еще одного большого городка, такого неожиданного в этой степи.
—Павел Иванович, а там что? — спросил Горелов у Нелидова.
Полковник тыльной стороной ладони притронулся к шраму:
— На горизонте, что ли?
—Да.
— Геологи раньше обитали.
- В этой степи?
- Разумеется.
— И что же они тут делали?
Нелидов пожал плечами:
— Странный вопрос. Это же не далекая Сахара, в которой только атомные взрывы можно производить да финики выращивать у оазисов. Среднеазиатская степь щедрая. В ней и ископаемых немало.
—А теперь что там?
Замполит пожал плечами:
—Не знаю, Алексей Павлович. По-моему, какое-то мирное поселение.
За спиной у полковника Нелидова выросла фигура второго пилота. Он осведомился, можно ли запросить разрешение на посадку. Нелидов утвердительно кивнул седеющей головой. Лайнер вздрогнул, меняя курс. Левый борт машины уходил от солнца, и на толстом плексигласе круглого окна Горелов на мгновение увидел четкое отражение своего лица. Серые глаза под широким разлетом бровей, курчавые волосы, взбегающие над бугристым лбом, мягкий очерк подбородка — все было прежним, если не считать, что в глазницах уже легли морщинки не то от усталости, не то от напряжения, а скорее, от этих последних, нелегко прожитых в особом отряде лет. «Прежний и не прежний Алешка», — подумал он о себе.
Лайнер, упрямо кренясь, шел на посадку. Оставались до нее считанные минуты. Пять, может, шесть, не больше. Оттого, что хвост самолета резко взбалтывался на разворотах, в заднем салоне подрагивали мешки с пара плотным снаряжением.
«А почему же я не прежний? — спросил самого себя Горелов. — Неужели только потому, что прорезались под глазами лучики вот этих морщин, а на кителе серебрится ромбик выпускника военно-инженерной академии? Или потому, что на погонах появилась четвертая, капитанская звездочка? Вздор! — резко оборвал он себя. — При чем тут внешность? Человек меняется внутренне. Беднее1 или богатеет. А я? Разбогател или оскудел?» И Алеша задумался. Нет, не зря прошли эти годы. Он вспомнил Верхневолжск и тот день, когда бросался к машине Гагарина с конвертом в руке, в котором была изложена просьба «взять в космонавты». Наивная юношеская просьба. Потом вспомнил Соболевку, погибшего друга Васю Комкова, себя, спасающего горящий истребитель, сурового, но такого доброго комдива Ефимкова, случайное, счастливое направление в отряд генерала Мочалова...
Эти годы... Они многое изменили и в отряде космонавтов, готовящихся к облету Луны. Алеша пришел туда наивным неоперившимся пареньком. И вот он не только
окончил академию, но уже успел написать большую работу об испытании скафандра космонавта в окололунной сфере. Он бы никогда ее не одолел, если бы не тот драматический опыт у «закройщика космической одежды» Станислава Леонидовича, когда в условиях лунной ночи Алеша потерял сознание.
Полгода назад Станислав Леонидович снова затребовал его, Горелова, на опробование нового скафандра. Алеша усмешливо спросил:
- Мне к чему готовиться? Снова в обморок?
- Если вам к обмороку, то мне к отставке, — холодно пошутил конструктор. — Нет, Алексей Павлович, теперь из области экспериментальной моя конструкция переходит в область эксплуатационную. — Он поджал тонкие губы. — Впрочем, если это вас не устраивает, я могу найти и другого кандидата для последнего испытания.
- Что вы, Станислав Леонидович, — засмеялся Горелов, — давайте уж лучше я. Все-таки я уже жертвовал здоровьем во имя вашего скафандра.
Конструктор неодобрительно пожал плечами:

—На сей раз никаких жертв от вас не потребуется.
Его снова проводили врачи и инженеры в тоннель,
где была смонтирована термобарокамера, усадили в кабину, из которой три года назад он не мог выбраться без посторонней помощи. И опять с пульта управления был включен мертвенно-голубой свет, извещающий о температуре минус сто шестьдесят градусов. Минут через пятнадцать Горелов ощутил небольшую тяжесть. Ожидая, что она начнет быстро нарастать, спружинил тело. Но тяжесть равномерно легла на плечи, спину и грудь, так что могло показаться, будто на него попросту надели еще один, более тяжелый скафандр. Перегрузки больше не возрастали. Дышать было легко, кровь не звенела в голове, и доска приборов не подрагивала перед глазами, как во время первого испытания.
—Алексей Павлович, — прозвучал спокойный голос конструктора, — дайте мне отсчеты, курс, время, скорость, процент кислорода, температуру в кабине, давление.
Горелов быстро назвал показания приборов и удивился, что сидит в термобарокамере уже более тридцати минут, а минус сто шестьдесят по Цельсию еще не дали себя знать.
Вы нам спеть что-нибудь не сможете? — спросил конструктор.
- Станислав Леонидович, — рассмеялся Алексей, — вы Же знаете, что я из породы безголосых.
- Тогда продекламируйте что-нибудь. Надо записать дыхание.
- Это можно, — согласился Алеша и неторопливым глуховатым голосом начал:
Во глубине сибирских руд Храните гордое терпенье, Не пропадет ваш скорбный труд И дум высокое стремленье.
Лунный свет заливал глаза, сковывал своей холодной таинственностью. Горелов с вдохновением продолжал:
...Темницы рухнут — и свобода Вас примет радостно у входа, И братья меч вам отдадут.
- Достаточно, Алексей Павлович, — остановил конструктор. — Однако согласитесь с тем, что ваша темница сегодня не такая страшная, какой была в прошлый раз. Вы просидели сорок восемь минут. Усталость ощущаете?
- Нет.
- Тогда продолжаем опыт...
Горелов вышел из термобарокамеры через четыре с половиной часа, почти не ощущая перенесенной перегрузки. Его встретили с цветами, но Алеша решительно отстранил от себя молоденькую лаборантку:
—Позвольте, товарищи. Это не по адресу. Я здесь нипри чем. Для букета есть прямой адресат — Станислав Леонидович.
В тот вечер они долго просидели в кабинете у конструктора. Станислав Леонидович подробно, со всеми деталями объяснил ему схему нового скафандра, внесенные в нее усовершенствования, допускавшие длительное пребывание космонавта в условиях лунной среды. Потом он подошел к книжному шкафу, нажал кнопку. Полка с книгами выдвинулась, и Алеша увидел тайник. В небольшой нише стояла бутылка коньяку, блюдечко с лимоном и две хрустальные рюмки-тонконожки.
—Полагаю, мы имеем право — за победу? — лихо предложил Станислав Леонидович. — Давайте перед ужином выпьем по одной?
Горелов развел руками:
—Так ведь ко мне ночью придут врачи кардиограмму записывать.
— Чудак человек, — окончательно развеселился конструктор, — не забывайте, что после испытания у вас пульс замедленный и такой ускоритель, как пятизвездочный армянский коньяк, только поможет. Притом мы всего, как говорится, символически... только по пятьдесят.
—За такой успех стоило бы и побольше, — осмелел Алеша.
Но Станислав Леонидович погрозил правой рукой без мизинца:
- Ну-ну, вы же космонавт. А значит — трезвость прежде всего. Больше не налью. Берите лимон и — ваше здоровье.
- За ваш успех! — восторженно воскликнул Горелов. Конструктор выпил и, не взяв лимона, поставил на место пустую рюмку.
- Успех, говорите? — переспросил он. — Да, это действительно успех! Десять минут назад с космодрома принесли поздравительную телеграмму от моего самого большого начальника. Короче говоря, лунная одежонка есть. Остановка теперь за лунной тележкой. Тогда и на самом деле к ночной красавице можно будет в гости собираться. А мой скафандр... — он вдруг

прервал свою речь коротким нервным смешком. — Вы знаете, Алексей Павлович, о чем я часто думаю? Люди были бы страшно неинтересными, если бы состояли из одних положительных качеств и добродетелей. Не люди, а этакие совершенные и плохо осязаемые кибернетические существа. Нажми одну кнопку — и гениальное решение. Нажми другую — идеальный высокоэтический поступок. Тьфу! Помереть бы можно было от такой правильности. Ни споров, ни ссор, ни конфликтов. Нет, дорогой мой друг и соратник, человек именно тем и хорош, что состоит не только из достоинств, но и из слабостей. Возьмите, например, женщину. Я полагаю, что из нас, мужчин, никто не вобрал в себя так, как женщина, веками нажитую эмоциональность: и нежность, и страсть, и жертвенность, и смелость в поступках, не всегда, может быть, правильных, но всегда продиктованных искренним порывом дущи. А лишите ее всех этих качеств, сделайте холодной и рассудочно-правильной, так мы же первые отвернемся и потеряем самое дорогое — возможность для большой любви.
У меня еще не было такой, Станислав Леонидович, — неожиданно сознался Алеша, который все больше и больше привязывался к своему новому покровителю. Тот принял его откровенность как должное и невозмутимо заметил:
Ну и что ж, что не было. Будет. Обязательно будет, Алексей Павлович! Так вот, о человеческих слабостях. Я им тоже подвержен. И знаете, какой в первую очередь? Люблю хвалиться. Да-да. Люблю! — воскликнул он, видя, что серые глаза космонавта уходят недоверчиво в сторону. — Вы меня однажды видели убитым, поверженным в прах. Это в тот день, когда мой скафандр не выдержал испытания и вас, мой друг, в бессознательном состоянии извлекли из термобарокамеры.
- Так и я тогда был убит неудачей, — подтвердил Алексей.
И закономерно. Конструктор с испытателем делят всегда поровну триумфы и поражения. Тогда мы разделили с вами провал, а сегодня делим успех, триумф, черт возьми! Не будем этого слова стыдиться, потому что я хочу сейчас перед вами только хвастаться. Вы знаете, что такое этот новый скафандр, если хорошо подготовленный космонавт выдерживает в нем запросто несколько суток лунной ночи? В полете к Луне мы не будем производить высадки. Задача будет сформулирована более скромно: облететь Луну, заснять ее с близкого расстояния, наметить площадки для предстоящей посадки. Следовательно, у нашего космонавта прямого контакта с лунной средой не будет. А окололунная среда проще, и мой скафандр будет в ней еще более надежной защитой. Вот за это самое я и выпил с удовольствием сегодня.
Тогда же Алеша смущенно признался конструктору, что для своей первой научной работы хочет избрать тему — развитие скафандров в отечественной космонавтике. Он думал, что Станислав Леонидович, загруженный тысячами дел, подбодрит его и на этом все закончится. Но конструктор стал его ревностным опекуном. Не проходило недели, чтобы они с ним не повидались. Иногда конструктор заглядывал в городок космонавтов, иногда Горелов заезжал к нему на завод. Они вместе несколько раз выбирались на рыбалку, и равнодушный к этому занятию Алеша овладел спиннингом. В свободные часы он написал портрет Станислава Леонидовича, а тот внимательно следил за каждым его шагом в разработке новой темы, был придирчивым и злым, беспощадно бракуя многие Алешины выводы. И все же перед отлетом Алеши на юг Станислав Леонидович сказал:
— Однако вы кое-что свое уже нащупываете.
И сейчас, мельком вспомнив обо всем этом, Горелов удовлетворенно подумал, что эти годы не были прожиты зря. Это — годы приобретений. Да и не только у него, у всех.
Взгляд Горелова скользнул по лицам товарищей. Вот они сгрудились у окошек самолета, вглядываются в контуры авиационного городка, где им предстоит провести целое лето. Они еще по-прежнему несколько грубоваты з шутках, которыми обмениваются, и часто прямолинейны в обхождении друг с другом. Но как и они ущли вперед! Володя Костров уже год кандидат наук. Его защита работы по высшей математике стала гордостью всего отряда. Сергей Ножиков победил самого себя после автомобильной катастрофы и опять вернулся в отряд. Тяжелые травмы уже не мучают его. Субботин и Дремов стали мастерами парашютного спорта. Локтев закончил академию. Милая Маринка неожиданно для всех вышла замуж за молодого инженера с завода космических кораблей, приезжавшего к ним в городок читать лекции, И вся она как-то повеселела, расцвела. Только встречаясь взглядом с Алешей, иногда отводит свои глаза, потому что нет-нет да и застилаются они грустной дымкой. Ничего, Маринка, потерпи, скоро и это пройдет.

А вот красивая Женя так и осталась пока незасватанной невестой, и не поймешь, что у нее за отношения с этим самым журналистом Леней Роговым. И прогнать его не прогонит, и к сердцу, как видно, близко не подпускает.
«Да и правильно делает, — одобрил Алеша, — разве Рогов ей пара! Она требовательная, наша Женя».
Горелов не очень долюбливал Рогова. Ему все время казалось, что Рогов только играет простачка, общаясь с космонавтами, на самом же деле смотрит на них с некоторым высокомерием, а длинными увлекательными рассказами о своих путешествиях словно старается сказать: мол, пока вы каждый по разу облетите планету, я ее всю успею изучить и описать в журналистских репортажах. Алеша хотел подавить против воли возникавшее в нем предубеждение к журналисту и не мог.
«Странное дело, — рассуждал про себя Алеша, — когда я читаю его очерки в газете, они мне нравятся. Там и мысли, и образы, и наблюдения интересные. А увижу лысинку на его круглой голове да толстые розовые щеки— и меня уже мутит. А кто это... кажется, Чехов говорил, что ему нет дела до того, как жили, пили, любили и ели другие писатели — только их книги для него существуют. Неуязвимая логика. Почему же я не могу ее при нять и подружиться с Роговым? Он же не сделал мне ничего плохого. А вот Женя не должна за него выходить. Если узнаю, что собирается, даже на «большой сбор» всех космонавтов созову, чтобы отговорить».
—Прошу внимания, товарищи! — позвал всех в эту минуту полковник Нелидов. — В этом гарнизоне мы будем числиться как особая группа парашютистов. Еще раз напоминаю об этом. Авиаторы, по себе знаю, люди дотошные и засыплют вас вопросами. Будьте сдержанны и представляйтесь им только как парашютисты.
—Мы можем и более развернуто отрекомендоваться, Павел Иванович, — весело вмешался Андрей Субботин. —Я, например, готов представляться как конферансье, Олег Локтев — известный пианист, Володя Костров — продолжатель Лобачевского и Эйнштейна, Алеша Горелов — подающий надежды художник из студии Грекова, Сережа Ножиков — автогонщик. Ну а Женя, она и на самом деле — мастер парашютного спорта. Видите, какое пестрое подразделение.
Нелидов поднял руку, прося тишины:
- Моя информация еще не закончена, друзья. Жить будем в гостинице. Три номера за нами забронированы. Руководить обучением нашей группы будет заслуженный мастер парашютного спорта капитан Георгий Каменев. После покойного полковника Долгова и майора Андреева этот юноша весь мир поразил своим высотным прыжком из стратосферы. Вероятно, о нем вы все слыхали.
- О Каменеве? Еще бы! — забасил Локтев. — Кто же не слыхал о Каменеве? Прыгнуть с тридцати тысяч метров — что-нибудь да значит.
- Одно удовольствие, что к такому мастеру в ученики попадаем, — сдержанно улыбнулся Игорь Дремов.
- Однако вы должны знать, товарищи, — предупредил Нелидов, — Каменев еще очень молод. И по годам, и по званию моложе многих из вас. Боюсь, что этот сибирский парнишка, зная, что он имеет дело с космонавтами, будет робеть. Не пользуйтесь этим. Помогите человеку. Создайте обстановку самую непринужденную и серьезную.
- За это я ручаюсь, Павел Иванович, — пообещал Ножиков. — Пусть только попробует кто-нибудь панибратствовать или высокомерничать, будет иметь дело со мной.
Женя Светлова, напрягая тонкие брови, проговорила:
- Каменев, Каменев... Георгий Каменев. А знаете, в десятом классе с нами в Омске тоже Жора Каменев учился. Даже ухаживал за мною немножко. Я у него однажды контрольную по алгебре списала.
- Между прочим, капитан Каменев тоже из Омска,— заметил Нелидов.
- Это не тот, — засмеялась Женя, — тот был явно не из храброго десятка. Однажды мы на Иртыше купались, он вызвался с моста в воду спрыгнуть, а когда на перила залез и вниз посмотрел, сдрейфил. Одной девчонке пришлось за него это сделать.
- И звали ту девчонку Евгенией Светловой, — ухмыльнулся Субботин.
- Это к делу не относится, Андрей, — вспыхнула Женя, — но факт остается фактом: мой одноклассник испугался каких-то пятнадцати метров высоты, а вы хотите, чтобы он с тридцати тысяч...

Лайнер вздрогнул, под фюзеляжами раздались щелчки — летчик выпускал шасси. Белые домики авиагородка надвинулись на самолет, выросли в иллюминаторах. Их было много. Смыкаясь в кварталы, они громоздились над безупречно ровной степью. Городок был большим и еще продолжал расти: то тут, то там над траншеями высились земляные насыпи, экскаваторы и краны. В центре виднелось поле стадиона, окруженное пустыми трибунами, левее — излучина реки с желтыми зализами отмелей и обрывистым берегом над ними, на который выбегали заросли камыша. По улицам городка ветер переметывал тучи пыли.
Городок ушел под крыло, и широкая бетонированная полоса стала набегать на нос самолета. Небольшой толчок — и огромный лайнер побежал по земле. Когда он
зарулил на стоянку и бортмеханик распахнул выходной люк, в самолет хлынул обжигающий дыхание полуденный зной.
—Вот мы и прибыли, — вздохнул Субботин, — это вам не кавказская Ривьера, мальчики!
По узкому трапу, совсем не такому нарядному, какие подаются в гражданских аэропортах, космонавты вслед за полковником Нелидовым спустились на землю. После не по-летнему промозглого дождя, провожавшего их от Москвы почти до самого Куйбышева, первое ощущение было — будто они попали в парилку. Ветер здесь был душный, пронизанный керосиновыми парами, приторным нитролаком.
Женя сходила по трапу последней, придерживая на голове синий армейский берет. Забияка ветер обрадован-но набросился на ее короткие локоны. Светлова увидела двух человек у трапа: худенького, спортивной выправки капитана и невысокого майора с бронзовым лицом и седыми висками. На капитане была выгоревшая на аэродромном ветру гимнастерка с орденом Ленина. Рассмотреть его как следует Светловой не удалось. Она лишь услышала обрывки рапорта, отдаваемого им Нелидову:
—Товарищ полковник... к приему группы все готово.
Потом они обменялись рукопожатиями и пошли впереди всех. Несколько младших сержантов подошли к майору и, о чем-то его спросив, стали подниматься по трапу в самолет. «Вероятно,' это укладчики пришли за нашим парашютным снаряжением», — подумала Женя. Вблизи от самолета стоял съехавший с бетонной дорожки серый автобус, тоже, казалось, вылинявший от немилосердного солнца. У распахнутой дверцы капитан и Нелидов остановились, дожидаясь, когда подтянется вся группа. Капитан, жестикулируя, что-то объяснял полковнику. Его коричневое от загара лицо с заостренным носом и мягким широким подбородком показалось Светловой знакомым. Капитан остановил на ней взгляд черных внимательных глаз и, видимо, оборвал на полуслове свою речь, обращенную к Нелидову: руки его безвольно застыли в воздухе.
—Женька! Светлова!—крикнул он и пошел ей на встречу. Она тоже остановилась, замерла от неожиданности.
—Жорка! — обрадовалась она. — Так это ты!
Каменев помедлил, борясь с собственным смущением,
потом решительно обнял ее за плечи, привлек на мгновение к себе. Не поцеловал, только загорелой щекой прижался к ее лицу и тотчас отстранился, сделав вид, что получше хочет ее рассмотреть.
—Женька! Вот кого не ожидал здесь увидеть! Ты какими судьбами? Инструктор по укладке парашютов? Врач?
Смущенная Женя смеялась, отрицательно качая головой.
- Берите выше, — заметил Володя Костров. А Субботин невозмутимо прокомментировал:
- Вот так встреча! Покажи такую в кино, первый же рецензент напишет по этому поводу: «Сценарист явно погрешил против жизненной правды и построил все на случайностях».
- Она такая же, как и все мы, — тихо сказал Алеша Горелов, которому с первого взгляда понравился этот капитан с броско приколотым на гимнастерке орденом и бесхитростным мальчишеским лицом.
Черные глаза капитана расширились и остановились на Алексее, сразу выделив его из общей массы. Лоб капитана со следами облезшей от солнца кожи скрывался под навесом густых каштановых волос. В тонких складках застыло удивление. Пухлые губы, не слишком старательно выбритые — на верхней торчала щетинка, — пришли в движение:
- Такая же, как и вы?.. Не может этого быть...
- А ты не знал! — кокетливо прищурилась Женя, явно обрадованная этой встречей.

- Откуда же! — вскричал Каменев. — Полковник Нелидов только сейчас передал мне список вашей группы. Вы же все личности строго секретные, — прибавил он потише, — даже не знаю, как с вами и обходиться. Никогда у инструктора Каменева не было таких почетных учеников.
- Как можно попроще и посвободнее обходитесь, — сказал Ножиков, подходя к капитану. — И как можно меньше обращайте внимания на то, что мы майоры, подполковники и старички даже. Вы наш учитель. Учитель! Значит, имеете право по всем законам логики даже в угол ставить за нерадивость.
- Нет, это вам не угрожает, — смутился Каменев, — да и какой я вам учитель! Просто старший инструктор. Организатор вашей парашютной подготовки, так сказать. Не больше... Товарищи, прошу в автобус. Сейчас поедем в гостиницу. Женя, мы с тобою потом договорим.
- Обязательно, Жора, — с радостью отозвалась Светлова и не удержалась, спросила на весь автобус: — Где это ты передний зуб потерял?
- Вот этот? — засмеялся Каменев, притрагиваясь к белой пластмассовой коронке пальцем. — Однако же и наблюдательность у тебя, Женька.
- Как у космонавта, — вставил Нелидов.
- Нет, товарищ полковник, — возразил Каменев, — она и в школе была такой... самой глазастой из всех девчонок нашего класса. А зуб... Я с этой потери карьеру парашютиста начинал. Память о первом приземлении.
Автобус мчался по ровной, хорошо заасфальтированной дороге. В открытых окнах мелькали силуэты распластавшихся на стоянках огромных бомбардировщиков, проплывали аэродромные постройки. На здании командного пункта вяло висел полосатый матерчатый конус. Ветер стлался по земле, лишь кое-где поднимался вверх душными завертями. Автобус накалился, к металлическим поручням сидений больно было прикасаться.
Каменев сидел впереди рядом с Нелидовым, время от времени обменивался с ним односложными фразами и часто оборачивался назад, широко улыбаясь, смотрел на Женю, откровенно и озадаченно любовался ею. И опять он понравился Горелову своей непосредственностью, тем, что не скрывал восторга, навеянного неожиданной встречей.
«Видно, прямая душа наш новый парашютный наставник», — подумал о нем Алеша.
Словно сговорившись, космонавты молчали, делали вид, что сосредоточенно рассматривают окрестности: Каменев понял: это они ему с Женей уступают тишину. Поблагодарил мысленно: «Какие деликатные ребята!» Кинул в сторону Жени:
Жень, а я месяц назад отца твоего видел — на заводе у них был.
Ну и как он? — встрепенулась Женя.
На житье и здоровье не жаловался. В пивнушку «Голубой Дунай» по субботам и в праздники заходит. Я и о тебе у него спросил — где, мол.
—А он?
— Дипломат старик. Самый уклончивый ответ дал. В каком-то, говорит, почтовом ящике работает или в этом роде. Если интересуешься, могу ей об этом сообщить.
- Ты, конечно, не поинтересовался?
- Время горячее было, — смущенно вздохнул Каменев.
Женя улыбнулась:
- Узнаю своего папу-конспиратора.
- Он-то хоть знает, что ты космонавтка?
- Знает, Жора. Была в прошлом году дома и созналась.
- А мне в прошлом не пришлось. К прыжку готовился.
- О ком из наших одноклассников знаешь?
- О Ленке Слоновой и Вите Пономареве. Витя кончает энергетический, а Ленка уже замужем за каким-то артистом. Двойню родила.
У Светловой колко вспыхнули глаза. Она сняла с головы берет, обмахнулась им, как веером.
- У самого-то сколько? — спросила с неловким смешком.
- Чего сколько? — не понял Каменев.
- Вот чудак, — напряженным голосом уточнила космонавтка, — не чего, а кого. Ребятишек сколько?
Каменев обиженно покачал головой:
- Откуда же им быть, Женя?
- Разве ты не женат?

- Нет, — вдруг повеселел капитан. — Парашютисты народ ветреный. Им не так просто найти жену по душе. Это я тебе точно.
—Запаздываешь, — сказала она и задумалась.
Марина Бережкова отвернула лицо от окна, негромко возразила:
—А сама-то.
- Ну, я дело другое, — порозовела Женя. — Я вылета буду ждать. Своего космического счастья и, может, еще в старых девах прохожу. А Жора?.. Ты посмотри, Маринка, какой он сейчас возмужалый. И не узнать прежнего десятиклассника.
- Ладно, ладно, — прервал ее Каменев, и было видно по его лицу, как по душе пришлась ему реплика Марины Бережковой. Значит, Женя не замужем! Он как-то сразу повеселел и сделал вид, что разговора с нею он дальше продолжать не будет, потому что озабочен массой дел. Наклонившись к плечу Нелидова, стал торопливо, вполголоса что-то говорить ему.
Волоча за собой пыльный хвост, автобус уже мчался по широкой улице авиационного городка к берегу реки. В переднем смотровом окне возникло трехэтажное каменное здание, и водитель затормозил.
—Это и есть степновский отель, товарищи, — пояснил Каменев.
Космонавты один за другим выпрыгивали из машины на жесткий раскаленный песок.
Жене Светловой капитан протянул руку.
- Не надо, — смутилась вдруг Женя, — разве ты забыл, какой я была в школе? Через три ступеньки по лестницам прыгала.
- Нет, не забыл, — засмеялся Каменев.

* * *

Леня Рогов очень хотел отправиться на парашютные прыжки в далекий Степновск вместе с космонавтами. Но пока он сдавал очерк о нефтяниках Каспия, написанный в последней командировке, и оформлял допуск на военный аэродром, прошли лишние сутки и группа Нелидова улетела. С огорчением взял он билет на пассажирский самолет, садившийся по пути на Дальний Восток около небольшого древнего среднеазиатского города, от которого до Степновска было рукой подать — всего сотня километров. В сумерках, волоча тяжелый чемодан, пестрый от иностранных наклеек, вышел он из деревянного здания аэровокзала и стал договариваться с шоферами такси. Двое сразу отказались от поездки за пределы города. Леня размашистым шагом подошел к третьей машине. За рулем дремал молодой широколицый казах.
—Не рано ли решил заночевать, дядя? — покровительственно спросил Рогов.
Казах открыл узкие глаза с большими подвижными белками, усмешливо ответил:
—Если я дядя, тогда кто же ты? Наверное, дедушка? А? Внучке подарки в заграничном чемодане везешь? Признавайся.
В косом шоферском зеркале Леня увидел свое полное, с налетом пыли на щеках и мешочками под глазами лицо, и ему стало грустно от этого веселого вопроса. «Черт возьми, — подумал журналист, — а если я сниму беретку и обнажу лысину, совсем за аксакала для него сойду». Он с завистью покосился на сильные, по локоть обнаженные руки шофера и его лишенное растительности, совсем еще юное лицо.
Отгоняя дремоту, казах добродушно зевнул.
- Тут и поневоле заснешь, — объяснил он охотно, — целые сутки дежурю. Сменщик заболел. В городе такси мало, пассажиров много. Куда хотел ехать? В гостиницу? На железнодорожный вокзал? Садись, домчу.
- Мне чуть подальше надо, — улыбнулся Рогов. — В Степновск.
- В Степновск? Ай, куда захотел! — приподнял голову шофер и, как показалось Лене, с некоторым подозрением покосился на его тяжелый чемодан с заграничными наклейками. — А ты кто будешь?

- Журналист. Леонид Рогов. Может, слыхал? — спросил Леня не без надежды, что получит утвердительный ответ. Рогов давно уже привык к тому, что случайно повстречавшиеся на жизненных тропах люди — в поездах, на аэровокзалах, в театрах, приемных начальников — знали его по очеркам и статьям. Этот не знал. Равнодушно покачав коротко остриженной головой, он скосил на Леню хитрые узкие глаза:
- Нет. Не знаю. Журналистов много, а я, Юра Тоголбеков, один.
- Ну, так повезешь меня в Степновск? Шофер пренебрежительно пожал плечами:
- Не-е... не повезу.
- Отчего же?
- А зачем я тебя повезу, рассуди сам. До Степновска сто тридцать километров, а я по закону могу ехать от города всего на сто. А как же остальные тридцать?
- Так я же тебе заплачу, — убеждал Леня, — даже дороже заплачу.
- Дороже заплатишь, а потом фельетон писать будешь, — язвительно заметил казах. — Знаем мы вашего брата журналиста. Ты напишешь, а я, Юра Тоголбеков, должен страдать.
- Да перестань, парень, причитать, — вздохнул Леня. — Плохо ты о журналистах думаешь. Они самый щедрый и отзывчивый народ. Ты всю дорогу можешь с выключенным счетчиком вообще ехать, а я тебе все до копеечки заплачу и даже на четвертинку прибавлю. Думаешь, в Москве мне так не приходится? Сам пойми, время меня сейчас режет.
- Ну, садись, — флегматично согласился водитель, — садись, журналист. Только я сегодня ничего не ел.
- Это исправимо, — усмехнулся Леня и тотчас подумал: «Ну и рвач же этот парень! Не успел ногу в машину занести, уже об угощении речь завел. Черт с ним. Придется раскошелиться». — Этим ты не напугал меня, дружище,— продолжал Леня вслух.— Подрули к самому лучшему здешнему ресторану, и мы оба поужинаем.
- Ты тоже не ужинал! — обрадованно воскликнул шофер. — Какой молодец будешь, что не ужинал! Вместе с Юрой Тоголбековым сегодня поужинаешь. Только никакой ресторан ехать не будем. Дома у меня поужинаем. Понимаешь?
До Рогова не сразу дошло.
- Милый! — воскликнул он растроганно. — Так это ты зовешь меня к себе в гости перед дальней дорогой?
- Конечно. Ты меня правильно понимал! — обрадованно подтвердил таксист. — Я — казах. Зачем же ты будешь вести меня в ресторан и платить за меня деньги, если я тут хозяин, а ты гость? В одну минуту домой доставлю. Счетчик выключим — и за манты. Манты когда-нибудь ел?
- Нет, — соврал Леня, желая польстить своему новому знакомому.
- О! — вырвалось у казаха. — Совсем тогда хорошо. А моя жена Нина, она знаешь какие крутые манты лепит? Она у меня русская, — прибавил он с гордостью, — и тоже москвичка.
- Где же ты ее повстречал?
- О! — прищурился шофер. — Юра Тоголбеков очень хитрый человек. Раньше сюда много девушек на целинные земли приезжало. Только девушек много, а Нина среди них одна. Два года за ней ухаживал, пока невестой стать согласилась.
Рогову стало неловко, что он так нехорошо подумал об этом молодом парне и поспешил отнести его к той категории таксистов-выжиг, которые, увы, не перевелись еще и по сей день.
- У тебя дети есть, Юра? — спросил он.
- Есть, есть, — обрадованно заулыбался казах. — Маленький мальчик есть, сын Вовка. Ему скоро пять лет будет.
- Тогда завернем к гастроному, подарок ему куплю.
- Зачем гастроном? Не надо никакой гастроном.
- Нет, завернем, — упрямо повторил Леня, — если я гость, подарок — мое дело. Тебя это вовсе не касается.
- Давай как знаешь, — вздохнул казах, и машина свернула на главный проспект.
Минут через двадцать с коробкой конфет в руках Рогов вошел в одноэтажный, не очень новый окраинный домик. Их встретила худенькая женщина с русой косой в простеньком, но чистом и аккуратно выглаженном ситцевом платье. К ее коленям жался удивленный мальчонка, оказавшийся Вовкой.

- Ты, Нина, не пугайся, что мы вдвоем, — отвечая на ее вопросительный взгляд, пояснил Юра. — Товарищ из Москвы, журналист. Ему быстро-быстро надо в Степновск. Мы поужинаем и поедем. Ты знакомься.
- Нина, — певучим голосом сказала она и протянула холодную ладонь.
- Оказывается, мы земляки, — произнес Рогов, осматривая небогато обставленную комнату. Двуспальная деревянная кровать, диванчик, служивший ночью постелью для сына, столик, четыре венских стула, проживших длинную жизнь и сменивших на своем веку, очевидно, немало хозяев, кошма, разостланная на полу. На стене же, чистой, недавно побеленной, — портрет космонавта Николаева и несколько фотографий.
- Земляки, — подтвердила Нина, — только в недалеком прошлом. А теперь я здешняя. Давно уже не была в столице.
- Где вы там жили?
- Измайлово знаете? Так вот там, на Девятой Парковой.
- И наверное, в Москву тянет?
- Да как вам сказать? Разве в этом счастье?
- Она у меня нашу степь полюбила, — с гордостью объявил Юра. — Ваша Москва — большой, шумный. Там и не заметишь, как состаришься. Если бы я там таксистом работал, каждый бы день штрафы платил: не так повернул, не в тот ряд пристроился. А у нас степь большой, гуляй куда хочешь на машине. Руки мыть будешь?
- Буду, — согласился Рогов, — только сначала конфетами твоего сына угощу. Забирай всю коробку, Вова!
- Ой, да зачем вы его так балуете?! —всплеснула руками Нина. Было что-то доброе и отзывчивое в ее голосе, в ее робком взгляде.
Рогов не заметил, как на столе появилось блюдо с горячими мантами, огромная душистая лепешка, красный перец и кувшин с холодным кумысом, принесенный из погреба. Юра сел за стол в одной белой сетке, подчеркивавшей смуглоту его лица, шеи и рук. Нина принесла бутылку портвейна, и он удовлетворенно крякнул:
- Какой молодец, Нина, все мои мысли на лбу читаешь!
- Так твой же лоб — это книга без переплета, — засмеялась жена, ставя два граненых шкалика.
Рогов попробовал отказаться, но хозяин не дал ему договорить.
- Ты мой гость. Значит, должен на дорогу выпить. Это мне с тобой нельзя. Я за рулем.
- А я один как-то не привык.
- Зачем один? С Ниной пить будешь. За Москву пить будешь. Потом за наш Казахстан, а потом за счастливый путь. — Они с женой переглянулись как-то особенно выразительно, и Юра спросил: — Ты не станешь возражать, если Нина с нами поедет?
Рогов удивленно пожал плечами. Поняв его замешательство, женщина скупо проговорила:
—Юра боится в дороге уснуть. Не спал две ночи.
—Пожалуйста, пожалуйста, — улыбнулся Рогов.
Нина покинула их и минуту спустя внесла п комнату
пахнущую бензином куртку:
—Это для тебя, Юра. Ночи у нас холодные. А вот
спички и папиросы.
Юра покачал коротко остриженной головой. Стараясь побороть в голосе нежность, пробормотал:
- Скажи ты какая!
- А еще я возьму термос с горячим чаем, — не слушая его, прибавила Нина.
- У нас действительно ночью собачий холод, — словно оправдываясь, проговорил Юра, а Рогову вдруг стало тепло и завидно от того, что он успел увидеть в этой бедноватой комнате, где обитали люди, согретые настоящей любовью. Он перевел глаза на мальчугана, уплетавшего шоколадные конфеты.
- А этого пузана куда?
- Он сейчас заснет, он свое время знает, — поспешно сказала Нина. — Правда, Вовочка?..
Южная ночь плотно укутала землю, когда подошли они к темневшей у калитки «Волге». Крупные яркие звезды висели в небе, да еще уличные фонари пробивали темень. Юра предложил Рогову сесть рядом, но тот наотрез отказался, уступил место Нине, сославшись на то, что на заднем сиденье удобнее будет подремать.

—Тогда как знаешь, — просто сказал Юра, и Рогов
без труда понял по его голосу, как тому приятно будет ехать рядом с женой.
Зашуршал легкий плащ, когда Нина усаживалась на переднее сиденье. На свои колени она положила шоферскую куртку. «Волга» промчалась по главной улице, еще оживленной в этот вечерний час, и казах, рукой указывая на огни кинотеатра и витрины магазинов, одобрительно промолвил:
—Видал? Чем у нас не Москва? Раньше при царе сюда революционеров ссылали, а теперь смотри, сколько неоновых огней! Разве мой город плохой?
Большие трех- и четырехэтажные дома постепенно сменились подслеповатыми глинобитными и саманными постройками. В ярком свете фар впереди возникли высокие железные фермы моста, опрокинутого над бурной рекой. Она была неразличима в темноте, но даже сквозь ровный шум автомобильного мотора доносился грохот падающей с каменистых порогов воды, и слышно было, как она бурлит у берега. За мостом дорога круто поворачивала вправо, и Нина тихо напомнила:
- Здесь на прошлой неделе дождем мосток подгнивший снесло.
- Помню, — негромко откликнулся Юра, — там два бревна заменили. Не опасно.
И действительно задняя часть «Волги» встряхнулась на неровностях залатанного настила, рессоры ее застонали.
Редкая сетка городских огней давно уже осталась позади. Леня устало смежил тяжелые веки и задремал. Когда он очнулся от сильного толчка на ухабе, увидел, что Юрина голова с черными жесткими волосами неудобно лежит на мягкой спинке сиденья, а Нина, вытянув руки, правит машиной. Свет фар ложился далеко впереди, выхватывая из мрака широкую, не покрытую ни гравием, ни асфальтом, но хорошо наезженную дорогу.
- Не спи! — будила Нина мужа.
- А я и не сплю. Я только мало-мал, — оправдывался тихо Юра. Он положил сильные руки на баранку, а Нина придвинулась к нему, и было видно, как слились в один темный круг две головы. И опять шепот:
- Соскучился по тебе, Нина, день и ночь не видел.
- А зачем в рейс пошел? Лучше бы дома остались.
- Так я ведь долг сегодняшними сверхурочными покрою. И еще тридцать километров с выключенным счетчиком проеду.
- И не совестно, Юрка! Это что? В условия вашей бригады коммунистического труда входит? Ездить с выключенным счетчиком и брать за это деньги с пассажира... Ой как хорошо!
- А ты забыла, что наша бригада в переходный период от социализма к коммунизму существует. Большие начальники и те еще от капиталистических пережитков не все освободились, а Юра Тоголбеков — человек маленький.
- Болтушка мой Юра Тоголбеков, — засмеялась она сдавленно, и Леня услышал приглушенный поцелуй.
- Почему болтушка? — поворачивая баранку вправо, заинтересовался муж. — Всего двадцать рублей не хватает, чтобы тебе электрическую швейную машину купить.
И ты собираешься их накопить подобным путем? Не выйдет, Юра. Даже в переходный период не выйдет.
Потом он попросил закурить, и Нина заботливо приблизила к его губам папиросу, зажгла спичку. Желтый ободок огня осветил широкоскулое лицо шофера, на нем сияла с трудом сдерживаемая счастливая улыбка. Нина осведомилась — не холодно ли ему, и Юра, видимо вовсе, не оттого, что было холодно, а просто чтобы она лишний раз к нему прикоснулась, утвердительно кивнул. Жена накинула на его спину куртку, нежно провела ладонью по загорелой шее.
- У тебя мозоли, — прошептал он, — ты много работаешь. И на фабрике, и дома.
- Нет, — таким же ласковым шепотом ответила она, — это у Юры шея такая шершавая.
- Когда я стану зарабатывать больше, ты уйдешь с фабрики. Только семьей будешь заниматься.
- А кто же будет создавать материальные ценности в переходный период? Один ты?
- Ты обязательно уйдешь, — повторил он настойчиво, — годика на два, на три. Сейчас ты очень устала. И потом, ты такая красивая. Самая красивая во всей нашей степи. Если бы я был космонавтом, от такой, как ты, ни к каким бы звездам не улетел.

Нина обрадованно засмеялась. Они совсем забыли о присутствии пассажира. Им, должно быть, казалось, что сейчас во всем мире только они двое, да еще вот эта серая и ровная, как скатерть, степь и огромный диск луны, медленно встающий над землей. И еще кремовая «Волга» с пояском из шашечек, стремительно несушаяся по пыльной дороге. Впереди на их пути блеснула вода в балке. Юра пожал плечами:
- Откуда бы это? Неужели от прошлого дождя?
- Надо объехать, — неуверенно посоветовала жена. Он фыркнул:
—Зачем? Прямо проедем. Тут не глубоко.
«Волга» стремительно съехала с откоса и врезалась в
воду. С мягким шумом полетели брызги от ее крыльев, и в машину проник полный непередаваемой свежести запах воды. На самой середине мотор зачихал и смолк. Юра чертыхнулся и стал разуваться.
—Может, тебе помочь? — предложил свои услуги молчавший все это время Рогов.
— А-а, ты не спишь? — откликнулся Юра. — Зачем не спишь? Отдыхай. Сам все сделаю.
Он засучил по колено штаны, захватил заводную ручку и ступил в прохладную воду. Луна проливала на степь яркий свет, и Рогов увидел, как, орудуя ручкой, Юра сделал несколько оборотов, и тотчас радостно застучал мотор. Казах деловито забрался в кабину, не спеша обулся и включил скорость. Расплескивая воду, машина рванулась вперед и очутилась на другой стороне балки. Под ее колесами снова застучала сухая, потрескавшаяся земля. Что-то огромное, черное надвинулось на капот и с шумом шлепнулось о переднее стекло.
- Ай как нехорошо! — покачал головой Юра. — Так и до инфаркта можно человека довести.
- Что это? — поинтересовался Леня.
— Птица. Беркут или маленький орел. Может, соколенок.
- Ты замерз, накинь куртку, — забеспокоилась Нина.
- А, это пожалуйста.
И она набросила ему на плечи пахнущую бензином одежду. Леонид подумал: «Семь лет прожили и так трогательно заботятся друг о друге. Совсем как молодожены. Все-таки есть на земле счастье». Ему стало тепло и грустно. Вспомнилась собственная неуютная и недолгая семейная жизнь. Почему ушла от него жена? Ее тоже звали Ниной. Она не была глупой и не относилась к той категории женщин, которых принято считать легкомысленными. Правда, у нее было какое-то кукольное лицо с очень уж правильными чертами, лицо заурядной киноартистки, манекенщицы, но не интеллектуального человека. Она была веселой, любила хорошо одеваться, ходить на премьеры и юбилеи известных людей. Каждый ее день начинался с телефонных звонков. Если она замечала, что Леня от них болезненно морщится, откровенно спрашивала:
—Тебе не нравится, Леньчик? Да? Ладно, с завтрашнего дня буду под твоим руководством сокращать переговоры со своими абонентами.
Но дни проходили, а все оставалось по-прежнему. Выхоленная, белокожая Нина вставала поздно и тотчас же, не умываясь и не причесываясь, садилась к телефону.
Она окончила экономический институт. После замужества бросила работу в статистическом управлении и на робкий вопрос Рогова — почему? — беспечно ответила:
—Слушай, Леньчик. Человеку так мало отпущено в этом мире, что, право слово, жалко убивать время на сидение за рабочим столом от и до, тем более если у тебя —
хорошо зарабатывающий муж. Знаешь, что такое наше бытие? Вчера ты носила пионерский галстук, сегодня уже примеряешь белую фату, завтра вставляешь коронки, так
как твои зубы разрушило время, а послезавтра, глядишь, тебя уже ждут на Ваганьковском или Востряковском кладбище, потому что на Новодевичьем хоронят самых выдающихся и туда тебе не попасть...
Говоря все это, она смеялась, и Рогову временами казалось, что Нина только шутит. Ему не нравился и круг ее друзей, и те мужские и женские голоса, что бесконечно спрашивали ее по телефону, и то, что она называет его приторно-уменьшительным именем Леньчик. Ей тоже, по-видимому, многое в нем не нравилось, потому что бездумно-веселые голубые глаза иной раз покрывались ледяой пленкой, уходили словно в норы и оттуда изучающее недружелюбно наблюдали за ним.
По утрам он целовал ее в стылые губы, торопясь в редакцию, а Нина, не отстраняясь, равнодушно говорила:
—Почему ты такой вялый, Леньчик, совсем вялый?..

Когда Рогов возвращался из длительных командировок, Нина иногда ласкала его так бурно, что казалось —она и на самом деле его любит. Его рассказы о пережитом и увиденном она слушала без интереса, но привезенные сувениры рассматривала и принимала с жадным любопытством.
А потом он вернулся из восьмимесячного плавания китобойной флотилией и нашел на письменном столе спевшее пожелтеть от солнца, пробивавшегося сквозь зашторенные окна, письмо, покрытое налетом пыли:
«Меня не разыскивай. Очевидно, мы с тобой ошиблись, попытавшись связать свои судьбы в одну. Мы очень я очень разные, и лучше принять решение, пока не поздно».
Он узнал, что Нина ушла к начинающему дипломату, ожидавшему назначения в одну из африканских стран, и дал ей согласие на развод. В народный суд он даже не пошел. Было горько и гадко на душе. Все-таки он ее любил и долго не мог смириться с этой потерей. Дома Леня почти полгода не передвигал вещи, расставленные Ниной, и не смахивал с них пыль. Потом грусть иссякла я на смену ей пришло ожесточение, родившееся от одиночества.
Года через два Нина однажды позвонила ему и, когда он услыхал в телефонной трубке ее незабытый голос, понял, что волнуется.
- Это ты, Леньчик? — спросила Нина. — Как ты живешь? Один или нет?
- Пока один, — ответил он глухо. — А ты?
- Я по-прежнему, — сказала она тихим мягким голосом. — У меня уже годовалая дочь. И еще ожидаем прибавление.
- Ты счастлива?
Трубка долго молчала и ответила ему горьким вздохом:
—Не знаю.
Он больше ни о чем ее не спросил, понимая, что между ними давно выросла такая стена, что ее уже не перешагнешь, как бы ты этого ни хотел.
Рогов снова с головой ушел в журналистику, дав клятву, что никогда больше ни с одной из женщин не свяжет себя брачными узами. Он считал себя талантливым человеком и горестно думал, что если кому-то что-то дано, то что-то должно быть и отнято. «Мое отнятое — это личное счастье, любовь», — решил он. Рогову удавались яркие репортажи о путешествиях, экзотических памятниках, о природе, истории городов и стран. Побывав на озере со старым рыбаком и покопавшись в местных краеведческих музеях, он мог вытащить на свет всеми забытую интересную быль, и, написанная сочным выразительным языком, она воспринималась как откровение. Он мог красочно и образно передать историю древнего дуба, вокруг которого когда-то стояли шатры запорожцев, или построенной несколько веков назад старорусской церквушки, рассказать об известном на всю округу лекаре-гомеопате или об охоте тигроловов. Если он описывал закат на озере или цветок, то находил такие слова и детали, что люди, читая, с удивлением отмечали: «Вот это да. Как же я раньше не заметил!» Книжка его репортажей «Караваны на дорогах» получила хвалебные отзывы в печати. Леню ввели в бюро секции очеркистов. Он уже был тучным и важным и незаметно для себя в обращении с коллегами, даже с теми, у кого в свое время учился, выработал несколько покровительственный тон.
После первой удачи ему захотелось попробовать себя и в большой литературе. В глубине души Леня сознавал, что люди со своими чувствами и поступками под его пером живут где-то на втором плане, оттесненные удачными пейзажными зарисовками и хроникой событий. Но он этого не побоялся и написал повесть о молодом агрономе, которого жена заставляла цепляться за Москву, а потом постыдно бросила, когда он твердо решил ехать в далекий отстающий район. Агроном на Алтае по прошествии нескольких лет вывел новый сорт пшеницы, стал героем. Повесть завершалась тем, как удачливый агроном вернулся в столицу и был назначен на весьма ответственный пост, а его вероломная жена, у которой вновь не получилась личная жизнь, с запоздалым раскаянием бросилась ему со слезами на грудь, но прощения не получила.
Рогов отнес повесть одному своему знакомому литератору, с которым он часто пил пиво в баре Дома журналистов и о романах которого отзывался несколько пренебрежительно, но тайком зачитывался ими. Недели через две они снова встретились в баре. Долговязый пожилой писатель с гривой всклокоченных волос медленно тянул бочковое прохладное пиво «Гамбринус». Перед ним стояла тарелка с воблой и черными сухариками. И Леня, чтобы лучше расположить его к себе, пустился в длинные рассуждения о качествах пива, испробованного им в Сиднее, Лондоне, Мюнхене и Братиславе. Потом как бы между прочим спросил:
—Повесть мою прочел?

Писатель набил старомодную трубку с чертом, затянулся пряным дымком и лишь после этого молча кивнул в ответ. Леня уже совсем робко поинтересовался:
—Ну и как?
Его собеседник вынул изо рта трубку, выбил пепел в дешевую стеклянную пепельницу.
—Ты же очень умный человек, старик, — сказал он Рогову. — Сам должен понимать. Журналисты часто берутся за перо, мечтая о писательском поприще. Одним удается, другим нет. Те, кому не удается, всегда потом говорят: лучше быть хорошим журналистом, чем ходить в плохих писателях. А тебе не надо произносить этой фразы. Ты и так уже в королях журналистики ходишь...
Они в молчании допили пиво и разошлись. Месяца через два Рогов перечитал свои двести страниц и понял, насколько писатель был прав.
Шли месяцы и годы суетливой журналистской жизни, к темпу которой Рогов настолько привык, что не замечал уже одиночества. Оно обострилось после встречи с Женей Светловой. Никогда Леня не думал, что снова оживет в нем огромное чувство нежности и любви, да еще с такой силой. Они подружились. Женя к нему даже привязалась. По крайней мере, с самым искренним интересом ожидала его приезда в городок космонавтов, была ласковой и доброй, когда встречала после возвращения из длительных командировок, садилась с ним рядом в автобусе, если вместе со всеми космонавтами и их женами ехали они в столицу в оперу или драму.
Дважды Рогову казалось, что надо объясниться, и он это. попытался сделать. В первый раз Женя его просто остановила. Во второй позволила высказаться и, склонив набок беленькую, с короткой стрижкой головку, не поднимая глаз, сказала:
- Но вы же знаете, Леня, какая у меня заветная мечта.
- Знаю. Полет, — тихо ответил Рогов.
- И до него я лишила себя права на все личное, на все, что может отвлечь. Ну а если я по каким-то причинам вообще не полечу, — грустно закончила Светлова, — то едва ли буду уж так кого-либо интересовать.
- Да что вы, Женя! — с жаром воскликнул Рогов. — Неужели вы могли подумать, что я вас полюбил только за то, что вы космонавтка? Да если вы сию минуту мне скажете, что уходите из отряда и никогда не полетите, разве я от своих чувств откажусь?
- Не надо, Леня, — прервала она мягко и положила ладонь ему на плечо, — не надо пока продолжать этот разговор.
В борении с самим собою прожил Рогов эти годы. Они не прибавили ему молодости. В свои тридцать семь он стал тяжелее в весе, под глазами появились мешочки, тонкие нити седины пробились на висках, да и предательская лысинка стала заметнее. Но он все же верил и ждал.
За эти годы космонавты из Звездного городка еще несколько раз выходили на орбиты. Рогов участвовал во всех торжественно-шумных поездках на старт и на финиш, давал отчеты и очерки о космонавтах, их последних предстартовых часах, отчеты с пресс-конференций, писал о новых героях. Вернувшись в Москву, он выступал по телевидению с устными рассказами и всегда потом с затаенным дыханием спрашивал у Жени Светловой, видела ли она его и как эти рассказы ей понравились. Он чувствовал, что устал уже писать о космонавтах и начинает повторяться. Вероятно, он бы отошел уже от этой темы, если бы не желание общаться с Женей. Вот и на эти парашютные прыжки в далекую знойную степь он ехал лишь потому, что туда вместе с другими космонавтами из отряда генерала Мочалова поехала она.
«Если бы Женя стала моей, я бы ее любил еще больше, чем этот казах свою жену, — грустно думал Рогов. — Какие они, право, счастливые».
«Волга» бесшумно вскарабкалась на пригорок, и Рогов увидел впереди широкий пояс электрических огней.
Огни возникли неожиданно. Леня обрадовался окончанию ночного пути. Да и шофер, вероятно, этому обрадовался, потому что обернулся к нему и, улыбаясь белозубым ртом, весело провозгласил:
—Смотри сюда, журналист. Степновск... хоть столицей степного края называй. Ты приехал. Я тебя высажу у будочки часового.
Он лихо развернулся, и машина замерла у самой проходной. Леня вытащил чемодан, опустил его на обочину дороги.
- Хорошие вы ребята, — сказал он с грустью и завистью, — я давно не видел такой дружной пары. Проживите так лет сорок, а?

- Зачем сорок? — встрепенулся Юра. — У нас степь привольная, воздух — что надо, мы и сто проживем. Приезжай к нам на золотую свадьбу.
- Сколько я тебе должен?
- Сколько на счетчике написано, читай.
- Да, но ты же его выключил на сотом километре.
- Э-э, не будем об этом говорить.
Рогова охватил неожиданный прилив великодушия и щедрости:
- Слушай, Юра. Я сквозь сон слышал, тебе двадцати рублей на покупку не хватает. Возьми их у меня вместо расплаты. Я перед отъездом из Москвы приличный гонорар получил. Держи, — и он полез в карман.
- Что ты, что ты! — испуганно отскочил казах. — Не могу я взять твои деньги. Ни за что не могу.
- Так я же от чистого сердца.
- Нет-нет. Ты мне будешь деньги давать — себя унизишь, меня унизишь. А ты мне теперь друг. Юра Тоголбеков эту двадцатку сам заработает.
- Тогда возьми хоть за последние тридцать километров. Не из своего же кармана будешь ты холостой пробег оплачивать.
- Это как знаешь, — тихо вымолвил казах и опасливо покосился на Нину, стоявшую молчаливо с непроницаемым лицом.
- Послушай, Юра, — нашелся журналист, — давай лучше так. Я тебе дам все-таки двадцать рублей. Из них ты вычтешь сумму за тридцать километров, а остальные будешь мне должен. Идет?
- Что сказал?!— обрадовался шофер.— Нина, как ты на это смотришь? Честное слово, сейчас под зарплату ни у кого из друзей не займешь, а мы товарищу сразу переведем.
- Если, конечно, он даст адрес, — усмехнулась женщина.
- Адрес известен, — засмеялся Рогов. — Вы же читаете нашу центральную газету. Вот на редакцию и вышлите, когда сможете.
- Видишь, Нина, он правду говорит, — торопливо посыпал Юра, — я возьму эти деньги, а мы их потом вернем.
- Обязательно вернем, — растроганно подтвердила женщина.
Леня пожал им на прощанье руки. Казах улыбнулся, высунувшись из окошечка:
—Обратно поедешь, не забудь, что есть у тебя друг Юра Тоголбеков. Комсомольская, сорок три.
«Волга» умчалась. Рогов долго еще стоял на обочине дороги, придерживая ногою чемодан, и глядел, как всё дальше и дальше уходит желтая полоса света от фар. На душе у него было и грустно и тепло.
Леню Рогова поселили в отдельном номере на третье этаже степновской гостиницы. За распахнутым окном ширилась залитая лунным светом речная пойма. До слуха его доносился шум быстротечного Иртыша. На излучине река едва поблескивала. Рогов даже разглядел лесовой плот, проносившийся вниз по течению и всего на несколько секунд застрявший на повороте. Перевидавший на своем веку и не такие пейзажи, он равнодушно отвернулся от окна, включил электрический свет. И сразу прямоугольник окна оделся черной шторой.
Распаковав чемодан, Леня переоделся в легкий спортивный костюм и с полотенцем через плечо прошагал по длинному цементному полу коридора в умывальную комнату. Увидел двенадцать чистеньких раковин.
—Благодать! — обрадовался он.
Подошел к первому крану — воды нет, отвернул второй и третий — та же картина. Обойдя все двенадцать кранов, Леня не на шутку разозлился. Что за гостиница,
даже умыться нельзя. Спустился на второй этаж, но и там не нашел воды. Сбежал вниз по лестнице и не слишком деликатно распахнул дверь в комнату дежурного администратора. Тикали пожелтевшие ходики. За серым дубовым столиком сидела полная молодая женщина с высокой светлой прической. Уложенные короной волосы возвышались над ее лбом. Синие с грустинкой глаза равнодушно остановились на неожиданном посетителе.
—Слушаю вас, товарищ, — сказала она с обезоруживающим спокойствием.
Бурные слова обиды, заготовленные Леней, вдруг пропали. Он широко развел руками и замер как вкопанный.

- Что за край у вас, скажите на милость, — улыбнулся он, — что ни мужчина — то богатырь, что ни женщина — то красавица!
- Это что, комплимент? — насмешливо спросила женщина.
- Едва ли, — возразил Рогов, — всего скорее, регистрация факта, которая никак не может сойти за комплимент.
- Так вы за этим ко мне и пришли?
- К сожалению, нет, — вздохнул Рогов, — я пришел по более прозаическому поводу — выразить неудовольствие, что на третьем этаже нет воды.
- Так ее в такую жарищу и на первом нет. Могу рас утешить. И у меня на квартире нет. Из колонки носим.
- Печально, — протянул Леня, — может , вы посоветуете, как мне быть, если я сто с лишним километров проехал но пыльной дороге и чертовски хочу умыться.
- Конечно посоветую, — почти весело отозвалась женщина — полотенце через плечо — и на Иртыш. Сами потом меня поблагодарите.
—А ведь и верно, — опять улыбнулся Рогов.

На улице его обдала ночная прохлада. Звезды, казалось, ходили веселыми табунками вокруг месяца. В желтом свете электрических фонарей роилась мошкара. Длинный забор из серого цемента тянулся вдоль возвышенности

,

за которой начинался крутой спуск к воде. Шум реки доносился снизу. Прохладный речной ветерок свежестью обдал лицо. Рогов определил спуск к берегу — увидел традиционные цементные чаши, без которых наши архитекторы вот уже долгие годы не могут построить ни одного входа на пляж или пристань. Он ускорил шаги, ощущая от этого освежающего ветерка необыкновенный прилив сил. Махровое полотенце терлось о шею. Чахлые кустики отбрасывали под ноги робкие тени. Надо было уже и сворачивать, но Рогов неожиданно услыхал мужской голос и страшно знакомый громкий смех. Так только один человек мог смеяться — Женя, ради которой он сюда приехал. Б самом конце широкой асфальтированной площадки, отделявшей здание гостиницы от недостроенного серого цементного забора, в том месте, где электрический свет рассеивался и мерк, колыхались две длинные тонкие тени. Напрягая зрение, всмотрелся в них Леня. Незнакомый офицер и Женя в белом платье двигались ему навстречу, увлеченно о чем-то споря. Мужчина не был похож ни на Субботина, ни на Кострова, ни на Игоря Дремова ни фигурой своей, ни голосом. На нем была офицерская рубашка с короткими рукавами и широко распахнутым воротом. По асфальту весело стучали Женины каблучки, и Рогов безошибочно определил, что^ она сегодня на своих любимых шпильках. Если бы Женя в полночный час прогуливалась с кем-либо из его знакомых космонавтов, он бы не придал этому никакого значения. Но этот человек был чужой, Рогов ни разу не видел его в отряде генерала Мочалова, и это неприятно настораживало. Он остался стоять у недостроенного забора, прислушиваясь к ночному треску цикад и дожидаясь, пока двое приблизятся. Женин спутник робко взял ее за локоть и тотчас же стыдливо опустил.

—Ну и выкинула тогда ты номер, Женька, — давясь от смеха, проговорил он, — впрочем, от кого, от кого, а от тебя всегда можно было ожидать. Яков Прокофьевич потом через недельку как-то встретил меня и говорит: «Слушай, Жора, ты, кажется, там у них комсорг. Неужели ты не можешь Женьку привести к общему знаменателю?
У нас с матерью ровным счетом ничего не получается. Вся индивидуальная работа насмарку идет».
—А ты? — звонко спросила Светлова.
Ее спутник покачал головой, вздохнул:
—Сдался, Женька. Раз, говорю, парторг завода ничего не может с собственной дочерью поделать, куда же тут комсомолу вмешиваться. Комсомол всего-навсего резерв партии.
—Подожди, Жора, — встрепенулась внезапно Светлова и взяла его под руку, — кажется, тебе предстоит интересное знакомство.
Зоркие Женины глаза уже разглядывали смирно стоявшего в стороне Рогова. Она ускорила шаги и за руку подвела к нему своего собеседника.

—Леня! — воскликнула она. — Вы уже добрались? Вот здорово. Оказывается, гражданская авиация точна в своих рейсах. Здравствуйте, Леня. И познакомьтесь сразу. Это мой большой друг, а в прошлом и одноклассник, капитан Жора Каменев.
Леня протянул мягкую ладонь:
- Журналист Рогов.
- А я встречал ваши статьи, — звонким чистым голосом сказал капитан. — Мне нравится, как вы пишете.
- Приятно слышать, — со скрытой усмешкой произнес Леня и стал холодно рассматривать Жениного спутника.— Очень приятно даже в этой чертовой степи находить своих читателей. Как вы полагаете, Женечка, а?
Светлова промолчала, а Каменев удивленно пожал плечами:
- Почему вы считаете эту степь чертовой?
- Жарища, безлюдье, — с деланным равнодушием пояснил Леня.
- А я с ней попросту свыкся, — возразил капитан, — и мне нравится. Во-первых, безлюдье здесь не ощущаешь. Степь все-таки населена. А Степновск даже очень веселый городок. Что же касается жары, она не настолько изнурительна, как сначала кажется. И потом, обратите внимание — какие чудесные прохладные ночи! А вы, простите за нескромность, будете о парашютной подготовке что-нибудь писать?
- Конечно будет, — ответила за него Женя, и в ее торопливом голосе он уловил какую-то фальшивинку, сразу поняв, что девушка хочет их как можно скорее сблизить. — Вы будьте с ним поучтивее, Леня. У него вам не однажды придется брать интервью. Жора — наш царь п повелитель на все время, которое мы должны провести под этим знойным небом. Он руководитель нашей парашютной подготовки.
Капитан взмолился:
—Женька, да перестань ты меня рекламировать!
- Постойте, постойте! — перебил Рогов. — Назовите еще раз свою фамилию.
- Каменев. А что?
- Каменев? — Черные глаза Рогова расширились от удивления. — Уж не вы ли автор знаменитого прыжка с тридцати тысячи метров?
- Да, вроде бы... — неловко помялся капитан и сделал у пояса такое движение, будто хотел потуже затянуть несуществующий ремень. — Только почему же автор? Ну исполнитель — дело другое.
- Вам не нравится слово «автор»? — в свою очередь удивился Леня.
Каменев хмыкнул:
- А не люблю я эту модернизацию русского языка. Только и слышишь по радио, по телевидению да и в газетах: автор гола, автор шайбы, автор заплыва, забега... какая чушь! Автор — это святое слово. Это Рафаэль, Куинджи, Чайковский, Лобачевский, Гоголь... А у нас сопливого мальчишку, который прорвется к чужим футбольным воротам и коленкой затолкнет мяч, важно именуют автором... Вздор!
- Однако вы интересно рассуждаете, — усмехнулся Леня.
Они оценивающе разглядывали друг друга. Один видел располневшего человека с залысинами и жидким зачесом; у него насмешливо вздрагивающие губы и умный пронизывающий взгляд. Другой же — спадающие на загорелый лоб густые каштановые волосы, продолговатые смелые глаза под прямыми стрелками бровей, прямой четкий нос и совсем-совсем по-мальчишески припухлые губы; открытый ворот армейской форменки обнажал крепкую грудь и сильные ключицы.
- О! — воскликнул Рогов. — Если вы тот самый Каменев, я с завтрашнего дня ваш покорный слуга.
- Но почему же не с сегодняшнего? — вступила в их разговор Женя. — Сегодня чудесный вечер, и мы бы прекрасно могли провести его втроем.
- Благодарю за внимание, Женечка, — вздохнул театрально Рогов, — но я весь еще в дорожной пыли. Спешу на дикий берег Иртыша.
- Будьте осторожны: Иртыш быстротечен.
Рогов выразительно посмотрел на Светлову.

- Разве вы забыли, Женя, что я умею немножко плавать? Притом я не Ермак и на мне нет тяжелого панциря. Да и царя такого не было, чтобы мог мне этот панцирь подарить. Сейчас все больше короли да принцы.
Женя вспомнила, как в прошлом году всем отрядом отдыхали космонавты на берегу Черного моря и Леня удивлял их — бесстрашно бросался в пятибальные волны и далеко заплывал.
- Нет, не забыла, — сказала она потеплевшим голосом.
- Значит, я освобождаю вас от напрасного беспокойства, — удаляясь, засмеялся Леня, и было слышно, как зашуршала сухая земля под его ногами.
- Все-таки вы на обратном пути нас не обходите! — кинула она в темноту.
- Постараюсь, — донеслось уже снизу.
При блеклом свете Женя не могла увидеть, как нахмурился и помрачнел Каменев, но она это поняла по скованности, появившейся в его голосе.
- Кто он тебе? — спросил Георгий.
- Так... старый знакомый.
- Только ли? — голос Каменева дрогнул от иронии, а Светловой вдруг стало радостно — она сознавала в эти минуты свою власть над обоими и право этой властью распоряжаться.
Беззаботно расхохоталась, и так громко, что капитан с удивлением попятился:
- Чего это ты?
- Просто так. Настроение хорошее пришло.
- А ко мне вот плохое, — сознался Каменев. — Ты ведь ждала его приезда, Женька? - Правда? Только не лукавь.
- Ну, допустим, ждала, — дразня, подтвердила она.
- Выходит, я здесь лишний. Только свидание вам расстроил. Не хочу играть в третьего лишнего. Уйду.
Каменев повернулся спиной и сделал шаг, но Женя цепко схватила его за плечи обеими руками.
- Постой, Жора. Чего насупился? — спросила она с издевательским смешком. — Разве ты мне отказываешь в праве иметь друзей?
- Он тебе не друг, — мрачно возразил Каменев, — я видел, какими он на тебя глазами смотрел.
Светлова вздохнула:
—Пожалуй, ты прав: Идем, я тебе все расскажу. —
Она взяла его под руку, шла рядом, заглядывала в лицо.
Профиль Жориного подбородка внушал представление о твердости характера, но обиженно оттопыренные губы это представление тотчас рушили. — Слушай, Жора, — скороговоркой продолжала Женя, — не будь маленьким. Ты обязан понять. Леня Рогов — мой старый знакомый. Это правда. И если хочешь знать, мне чисто по-женски или просто по-человечески очень жаль его. Талантливый парень, брошенный женой...
- Талантливых парней, брошенных ветреными стервами, много, — язвительно прервал ее Каменев и широким взмахом руки разлохматил свои волосы так, что они упали на самые глаза. — Не можешь же ты жалеть их всех!
- Всех не могу, — согласилась Женя, — а его жалею, потому что по-своему он мне дорог. Если на то пошло, он меня давно уже любит и дважды пытался объясниться.
А ты?
Она доверчиво посмотрела на своего школьного друга. Речной ветерок колыхнул ее короткие волосы. Женя, прижимая их, положила на затылок ладонь.
- Тебе признаюсь. Я не могла ему сказать ни да, ни нет. По-моему, настоящая любовь — это то, что невозможно планировать. А он, чудак, думает, что меня от ответа удерживает лишь ожидание космического старта.
- Так ему и надо, — быстро выдохнул Каменев. — Неужели, Женька, ты сможешь полюбить этого самодовольного дельфина? Ведь сразу ясно — этакий самоуверенный тон и покровительственный взгляд: мол, люди, я вас изучаю и наблюдаю, терпите.
- Жорка, ты сейчас злой, — остановила его Светлова, — злой и несправедливый. Я запрещаю тебе так говорить о Рогове.
- Ладно, не буду, — мягко усмехнулся Каменев, — удивляюсь лишь, как ты, собирающаяся в космос, не наберешься мужества сказать ему «нет».
- А если я наберусь мужества и скажу «да»?
- Женька! — шутливо прикрикнул на нее Георгий. — Ты уже давно не в десятом «б».

Она предостерегающе подняла руку:
—Молчи. Мне еще с тобою надо свести кое-какие счеты, — колко заметила Женя, — и выяснить некоторые подробности твоей биографии. До сих пор не могу понять, как ты стал парашютистом. Ну всему бы поверила: что ты инженер, археолог, бухгалтер, а вот тому, что ты парашютист... ей-богу, нет.
Каменев остановился и нерешительно притронулся к Жениной руке, чувствуя под пальцами ее тепло. Ему было сейчас удивительно радостно. «Она не должна связывать с ним свою жизнь, — горячо думал Каменев, — она еще такая юная. Зачем ей этот потрепанный жизнью человек?.. Но ты-то почему так близко к сердцу все это принял?» — осек он себя.
- Жора, ты молчишь, — весело сказала Светлова. — Ты не слишком внимателен к своей даме.
- Какая ты дама, ты всего-навсего моя одноклассница. А раз не успела выскочить замуж, то плюс к тому и легкомысленная девчонка.
- Ты этому рад?
- Тому, что ты легкомысленная девчонка?
- Нет, тому, что я еще не выскочила замуж.
- Еще бы! — горячо воскликнул Каменев и стыдливо умолк.
- Послушай, ты помнишь, как мы весною гурьбой уходили на Иртыш бросать камни? Сейчас под нами тоже Иртыш.
- Что же ты предлагаешь?
- Пойдем побросаем камни.
Жора рассмеялся:
- Чего доброго, по ошибке в твоего знакомого угожу. А впрочем, пойдем!
Светлова вздохнула:
- Только вот с Леней опять встречаться придется.
- Ты этого не хочешь?
- Нет.
- Так в чем же дело? Все устраивается самым наилучшим образом. Он будет подниматься по лестнице, а мы спустимся с другой стороны по тропке. Пошли, я здесь все ходы-выходы знаю.
Они побежали вдоль цементного забора. Свет фонарей давно уже выпустил их из поля зрения.
- Давай руку, — позвал Жора, когда перелез через метровую стенку, но Женя отрицательно покачала головой:
- Пусти. Кому нужны в полночь эти светские манеры?
Правой рукой она оперлась о верх забора и легко перескочила через него, светлым пятном мелькнув в ночи. Потом деловито отряхнула с ладоней цементную пыль.
- Однако, — похвалил зачарованный Георгий.
- Что — однако?
- Ловко ты. Почти как Лариса Латынина.
- Что?! Ты бы меня в физзале на брусьях посмотрел. -
- А хвастаться ты и после десятого «б» не разучилась.
- А ты? — насмешливо спросила Женя, и ее бывший одноклассник потупился.

- Женька, не будь инквизитором. Опять про тот случай? Про мост?
^_

- Не могу забыть, как бежал ты тогда по берегу с моими босоножками в руках.
- Злопамятная...
Она уточнила:
—Не злопамятная, а памятливая. Как же ты стал парашютистом?
Каменев оперся о стенку.
—Стоит ли? Честное слово, ничего романтического. Даже твой Рогов не сумел бы обыграть в очерке. Случайность, узаконенная диалектикой. Провалился в индустриальный институт по конкурсу. Под мамины и папины слезы пошел в армию па срочную службу. На распределительном пункте пожилой подполковник спросил:
«В парашютнодесантные войска пойдешь?» Виски у него седые, а на груди синий значок с цифрой «пятьсот» на колечке. Я ему честно в ответ: «Что вы, товарищ подполковник! Я даже в

реку с моста побоялся прыгнуть, а девчонка прыгнула. Куда мне в парашютисты! Совсем для десантника не подходящий материал». Он рассмеялся и
говорит: «Мы и не из такого сырья десантников делали. Сам будешь потом благодарить». И знаешь, Женька, так мне стыд за тот случай щеки жег, что я уже на первом прыжке отличился. Был третьим на очереди. Двое оробели, инструктор отставить их приказал. А я сам в люк шагнул. И таким все нестрашным представилось...
В лунном свете Женя отчетливо видела и тонкие вздрагивающие крылья Жориного носа, и легкую улыбку на губах.
—А тот, рекордный прыжок был трудным?
—Не надо, Жень, а то я начну тебе, как журналисту, заученными фразами резать. Лучше под настроение сам расскажу когда-нибудь.
Женя шепотом предупредила:
—Тсс... видишь, по лесенке Рогов поднимается? Точно, как ты говорил.
Георгий обернулся и увидел: тяжелыми медленными шагами, что-то насвистывая, взбирается по ступенькам журналист. Белеет перекинутое через плечо полотенце.
—Ну и пусть, — развеселился Каменев, — а мы тут сбежим. Только я первый, а ты за мной. Пошли!
Сухой песок заструился под ногами.
Когда Рогов подошел к подъезду гостиницы, на асфальтовой площадке уже никого не было. Он громко вздохнул и направился к себе в номер.

* * *

Каменев прошелся вдоль стены учебного класса, увешанной схемами нового парашюта, и остановился у широкого подоконника. На спине тотчас почувствовал всю силу среднеазиатского полуденного солнца. Украдкой посмотрел на слушателей. Их вето десять: девять космонавтов да полковник Нелидов, деликатно попросивший разрешения присутствовать на первом занятии. Десять слушателей, но как трудно держаться перед ними! Никогда еще не было у капитана Каменева такой аудитории, и поневоле брови на его лице сводит от напряжения. Георгий встретился с подбадривающим взглядом Жениных глаз и почувствовал — сразу стало легче.
«Спасибо, хоть один свой человек, — подумал он, — а то совсем бы стушевался».
Нет. Еще полковник Нелидов смотрит на него доброжелательно. А космонавты... Те, ради кого прислали его сюда, в далекие знойные степи... Марина Бережкова стальной пилочкой точит ногти. Субботин, позевывая, смотрит в распахнутое окно. Заречной далью, что ли, любуется? Ножиков что-то записывает в тетрадь. Майора Локтева обуяла сонливая истома, и он беззастенчиво опустил веки. Морщит лоб подполковник Костров, и мысли у него, вероятно, далеки от парашютной подготовки. Только Игорь Дремов и самый молодой из парней капитан Горелов с критическим интересом наблюдают за его движениями.
Каменев справился с нахлынувшим волнением, взял указку.
- О том, что такое парашют и что его изобрел русский человек Котельников, рассказывать не буду, — попробовал заговорить он несколько вольно, но с задней скамьи тотчас донесся флегматичный голос Субботина:
- А надо было бы!
Каменев подумал, что это насмешка, но Андрей так же спокойно закончил:
- Говорю, надо бы, потому что мы уже около года как не прыгали, и некоторые из нас, наиболее мечтательные, будут вместо вытяжного кольца за пояс себя дергать.
- Андрей, не перебивай человека, после выскажешься, на переменке, — осадил его Костров.
- Чего это ради? — заспорил Субботин. — Я даже в первом классе предпочитал в основном на уроках высказываться, а не на переменках.

Каменев подошел к доске, обвел чертеж тонким концом указки.
- Перед вами, товарищи, схема нового высотного парашюта П-семьдесят шесть. Именно с таким придется вам совершать в Степновске тренировочные прыжки.
- Попутный вопрос, — снова перебил Субботин. Каменев покоробленно вздрогнул. Ему показалось, что реплики Андрея направлены против него, и от этого он еще более оробел.
- Да, я слушаю, — разрешил он.
- Скажите, — приподнялся Андрей, — лично вы свой рекордный высотный прыжок совершили с этим парашютом или нет?
- Газеты надо читать, — буркнул Олег Локтев. Субботин снисходительно на него поглядел:
- Благодарю за совет. Однако в печати тип парашюта не назывался. Действительно, газеты надо читать. Только повнимательнее. Поэтому я и спрашиваю у капитана Каменева: с таким ли парашютом он прыгал с аэростата, устанавливая рекорд?
- Это к теме нашего занятия не относится, — сухо ответил Георгий. Но Субботин лишь распалился и, вставая со стула, упрямо заявил:
- Нет, относится. Если вы прыгали именно с этим парашютом, это ж самая лучшая аттестация ему.
Каменев улыбнулся, настороженность сразу исчезла. Так вот, оказывается, что — Субботин хочет его приободрить. Он вовсе далек от мысли о какой-либо обструкции.
- Я действительно прыгал с парашютом данной конструкции, — признался Каменев, — правда, мой экземпляр имел некоторые усовершенствования, но схема такая же.
- Вот это и требовалось доказать, — Андрей одобрительно кивнул головой и сел, — теперь продолжайте, товарищ капитан, будем с интересом вас слушать, — закончил он приветливо, и у Георгия растаяли последние опасения. «Странный народ эти космонавты, — подумал он, — пытливые, колкие, требовательные и в то же время такие участливые к чужим затруднениям».
- Парашют П-семьдесят шесть — последняя новинка нашей авиационной техники, — заговорил Каменев. — Он предназначен для индивидуальных и групповых прыжков с больших высот. Купол его отличается большой прочностью. Я в космонавтике дилетант, но думаю, что во время дальнейших полетов мы не можем застраховать пилотов звездных кораблей от необходимости приземляться не с кораблем, а отдельно от него, покидая корабль путем катапультирования. Вполне вероятно, что при этом само катапультирование будет в целях безопасности происходить на больших высотах. Как мне кажется, в этом случае прыжок космонавта будет коренным образом отличаться от обыкновенного спортивного или тренировочного прыжка.
- Чем же? — спросил Алексей Горелов.
Каменев скрестил на груди руки и подошел к нему.
—Прежде всего психологической нагрузкой. Допустим, я парашютист-спортсмен, а вы, Алексей Павлович, летчик-космонавт, возвращающийся из длительного полета на нашу родную Землю. Какая между нами разница? Я иду в полет свежим, полным нерастраченных сил, потому что передо мной стоит только одна задача — прыгнуть, выполнить норматив времени при задержке прыжка, отработать какие-то элементы свободного парения иблагополучно приземлиться. Вы же утомлены долгим пребыванием в невесомости, перенесенными перегрузками, обросли бородой, очень напряжены, устали. Возможно, в полете вы переносили тяжелый температурный режим или выходили из люка в безатмосферное пространство. А может, огромных усилий потребовало устранение какого-нибудь дефекта внутри корабля. Плюс к этому нервное напряжение, рожденное одиночеством. Кому прыгать труднее — мне или вам? Ясное дело, вам. В таком состоянии длительный затяжной прыжок труден. Не исключено, что вы можете потерять на секунды и сознание. Так вот на этот случай на П-семьдесят шесть установлен идеально срабатывающий счетный механизм. Что бы с вами ни случилось, а на необходимой высоте парашют автоматически раскроется. Если вдруг произойдет отказ кислородного оборудования, вступит в действие аварийный баллончик, рассчитанный на двадцать минут. Парашют очень прост и надежен в эксплуатации. Лично мне пришлось совершить с ним пятнадцать прыжков: пять тренировочных и десять испытательных. А теперь перейду к краткому описанию аэродинамических качеств парашюта и его конструктивных особенностей.
Каменев взял мел и снова подошел к доске. Приподнявшись на цыпочки, так, что рубашка натянулась на острых лопатках, Георгий написал длинную формулу. Он уже увлекся материалом и совсем избавился от робости и скованности. Теперь это был уверенный в себе

педагог, объясняющий с подлинным вдохновением то, что было ему хорошо известно.
Космонавты слушали с интересом. Ножиков сочувственно улыбался, одобрительно кивал Игорь Дремов. А Горелов на чистом листе бумаги машинально набрасывал профиль Каменева и, морща лоб, сосредоточенно думал: «Ты космонавт. Зачем тебе так много парашютных прыжков? Два года назад прыгали в Заволжье, в прошлом году зимой приземлялись на заснеженные подмосковные поля, а летом — на воду, на самое ласковое из морей — наше Черное море. Теперь надо привыкать к этому новому П-семьдесят шесть. Нужно ли это, если экипажи всех последних космических кораблей приземлялись, не покидая пилотских кабин? Надо ли мне так много прыгать, если есть система мягкой посадки и огромные надежные парашюты, с которыми уже опустился не один корабль, да так нежно, что на твердой степной почве и следов не осталось? Но если не сработает система мягкой посадки? Если не выйдут полностью тормозные парашюты, как это уже один раз было, и у тебя не будет катапультного устройства? Неужели тебе, космонавту, пришедшему из окололунной дали, погибать?» Нет, на корабле «Заря», устройство которого Горелов уже изучал несколько месяцев, главный конструктор Тимофей Тимофеевич это предусмотрел. Помимо системы мягкой посадки «Заря» имеет все необходимое, чтобы космонавт мог ее покинуть путем катапультирования. И может, это произойдет на большом расстоянии от Земли. Значит, нрав капитан Каменев, и космонавту все-таки надо, наверное, прыгать с парашютом. Такие прыжки помогают вырабатывать координацию. И другое ведь важно. Когда ты летишь вниз, не прикасаясь к вытяжному кольцу, а только балансируя руками и ногами, заставляя свое тело принимать различные положения, ты незаметно для себя вырабатываешь качества, какие помогут потом переносить ощущения невесомости. Разве не так?
Невесомость... Она представлялась Алеше как нечто неизведанное и не каждому человеку покоряющееся. Все, что услышал о ней от космонавтов, что прочел в научных книгах и статьях, не могло научить переносить ее, так же как и короткие тренировки, во время которых в большом воздушном лайнере, совершающем параболическую горку, он то всплывал с мягкого мата к потолку, то вновь шлепался, едва успев сделать два-три кульбита, потому что не больше тридцати — сорока секунд длилось на тренировке состояние невесомости. Зато летчик корабля выходил весь в поту и долго ворчал на земле, сетуя на то, как трудно вести тяжелую двухтурбинную машину по восходящей параболической кривой.
«Может, прыжки с парашютом дадут нам гораздо больше», — Думал Горелов, вслушиваясь в спокойную речь капитана Каменева.

* * *

В трехэтажном каменном здании степновской гостиницы, выстроенном на крутой излучине Иртыша, было не так много свободных номеров, и всех космонавтов разместили в трех комнатах: одна небольшая была отдана девушкам, а в двух других поселили всех мужчин. Одному Алексею Горелову не хватило места, и его временно направили в маленький номер, где обитал летчик, командированный в Степновск из большого уральского города. Летчик этот пригнал сюда двухместный учебно-тренировочный самолет и теперь дожидался, когда машину опробуют в воздухе, примут, а ему поездом разрешат уехать домой. Фамилия у этого майора была звучная — Убийвовк. Большеротый, с рыжими веснушками на щеках и капризно-насмешливыми прилипчивыми глазами, он не очень по душе пришелся Алексею с первого взгляда. Пока Горелов внес дорожный чемодан и умылся, майор успел исчезнуть, и первое знакомство было прервано.
Пришел полковник Нелидов, критически оглядел тесную узкую комнату с двумя по-солдатски заправленными койками, фанерным шкафчиком и столиком у окна.
- Неважнецкие апартаменты вам достались, Алексей Павлович.

- Переживу, Павел Иванович, — весело ответил Горелов. — Вы же знаете, что я обладаю огромной приспо-, собляемостью к окружающей среде.
Нелидов кивнул головой, увенчанной шапкой седеющих волос, и на его лице со шрамом над бровью мелькнула добрая улыбка.
- Капельку потерпите. Сосед уйдет, а больше к вам никого не вселят.
- Зачем уж так заботиться обо мне, Павел Иванович? Ребятам вон теснее...
- Так надо, — сдержанно ответил замполит, — вас я должен несколько больше сейчас опекать.
Алексей не спросил почему. С тех пор как его первым допустили к испытанию скафандра в лунной среде, а потом часто и методично стали подвергать дополнительным медицинским обследованиям, он смутно догадывался, что его готовят к какому-то сложному полету. В то же время удивлялся, что на всех официальных служебных совещаниях в отряде, когда назывались имена первых кандидатов на космический старт, о нем не говорили. Но по изменившемуся к нему отношению и генерала Мочалова, и замполита Нелидова, и начальника штаба Иванникова он чувствовал, что его постоянно выделяют среди других и загружают несколько иной программой обучения, чем та, по которой занимаются его друзья.
Огромная программа по астрономии и небесной механике была на первых порах утомительной, но вскоре Горелов привык к постоянно увеличивающейся нагрузке. Если бы это было несколько лет назад в Соболевке, первом авиагарнизоне, где начиналась самостоятельная его жизнь военного летчика, он бы сказал своему любимому комдиву, грубоватому, но такому всамделишному полковнику Ефимкову, не признававшему в жизни ничего придуманного и малореального, что будет вскорости с остервенением изучать эти науки, тот бы только глаза на него скосил да широченными плечами передернул. А быть может, сверкнув белками глаз, фыркнул неодобрительно:
—Нашел на что время тратить. Ты — летчик на уровне. А небесная механика и астрономия пусть кабинетным мудрецам остаются на утешение. У них на головах черные колпачки, а на твоей — гермошлем летчика-перехватчика. Так-то, парень.
Хотя при чем тут полковник Ефимков? Он и сам никак уж не мог предвидеть, что будущее сложится подобным образом. Думая о своем возможном будущем, Горелов часто вспоминал ночной разговор с генералом Мочаловым, во время которого Сергей Степанович снял с большого глобуса чехол и, улыбнувшись, сказал:
—Это не Земля, Алексей Павлович. Это Луна, ваша цель.
Луна!.. Когда неопытным зеленым юнцом Алеша Горелов прибыл из летной части в отряд космонавтов, он, шагая в вечерние часы по зимним дорожкам их маленького городка, не раз вглядывался в ярко-желтый диск сквозь голые стылые ветви продрогших на январском ветру берез и тополей.
«Ну что такое наши орбиты? — думал он. — Триста — пятьсот километров, но больше. А до Луны почти четыреста тысяч километров. Сколько радиационных поясов! А метеоритные бури и солнечные вспышки! А предполагаемые магнитные поля, окружающие ее поверхность! Это ли не суровые препятствия на пути у конструкторов, ученых и космонавтов!»
И Горелову казался бесконечно далеким полет лунного варианта. А потом, со временем, почти незаметно, он свыкся с возможностью такого полета. В открытый космос вышел Леонов и самым благополучным образом возвратился через шлюз в корабль. Американцы произвели стыковку. В районе Океана Бурь благополучно приземлилась станция «Луна-9», зачеркнув версию о притяга; тельной способности окололунных магнитных полей и о наличии толстого слоя пыли на поверхности нашего загадочного спутника. И наконец, Ветерок и Уголек — два симпатичных ушастых живых существа — благополучно
вернулись на Землю, побывав в районе радиационного пояса.
И еще запомнился Алексею Горелову зимний холодный день, когда хоронили академика Сергея Павловича Королева, их космического наставника. Узкая Пущкинская улица у зеленого здания Дома Союзов никак не хотела расшириться, чтобы пропустить всех желающих пройти мимо гроба и хотя бы раз в своей жизни посмотреть на человека, по проекту которого строился первый космический корабль «Восток», унесший Гагарина от Земли в неизведанный мир и благополучно возвративший назад, бережно опустив обгорелую пилотскую кабину на широкую степь.

Алеша вместе с группой других космонавтов прошел в Колонный зал через дверь, предназначенную для вносивших венки. Полный человек неопределенных лет с повязкой дежурного на рукаве попытался его остановить властным окриком:
—Постойте, товарищ капитан, вы-то куда?! Нельзя порядок нарушать. Назад, назад!..
Но шагавший сзади Леонов веско перебил:
—Это — наш! И за ним — наши...
Дежурный отошел и с любопытством стал всматриваться в офицеров мочаловского отряда, стараясь запомнить их лица, чтобы когда-нибудь потом сказать о них в семейном кругу или среди друзей:
—А этого я знал еще задолго до его полета. На похоронах академика Королева познакомились.
Сквозь огромный зал Дома Союзов мимо круглых мраморных колонн, подпирающих высокий, украшенный сверкающими люстрами потолок, текла нескончаемая живая лента людей. Там были и москвичи, и приезжие, наши и иностранцы. В эту ленту вплетались лица и с белой и с черной кожей. И все они были повернуты в сторону гроба. Свет, струившийся с потолка, бликами переливался на мраморных колоннах, скользил по спокойному широкому лицу конструктора.
Алеша стоял близко к гробу в плотной толпе людей, остававшихся в зале до самого окончания траурной церемонии. Он вспомнил, что только однажды видел Королева в Звездном городке. Кто-то его даже представил тогда Сергею Павловичу — не то генерал Мочалов, не то Гагарин. Но Королев, увлеченный беседой, лишь кивком непокрытой головы отметил его присутствие. Горелову навсегда запомнились резкие жесты, короткие точные фразы и удивительно жизнелюбивые глаза. Нет, Королев никак не походил на ранее созданный Алешей образ ученого, тихого и сосредоточенного, немного рассеянного оттого, что он постоянно углублен в себя, в свои мысли. От плотной фигуры академика веяло неистребимой энергией. Сейчас, когда Алексей глядел на гроб, ему тоже казалось, что печать энергии, воли и одухотворенности не в силах была стереть с этого лица даже смерть.
«Вот и не услышу никогда больше его голоса», — подумал Горелов и вспомнил, что с первого дня пребывания в отряде космонавтов он постоянно мечтал, как академик Королев будет напутствовать его в космический полет и даже перейдет с ним при этом на дружеский тон. У гроба в эту минуту сменялся почетный караул. Становились к изголовью космонавты. Горелов увидел печальное, с покрасневшими глазами лицо Германа Титова и вспомнил рассказы о том, что покойный академик по-отечески тепло относился к космонавту-два. От многочисленных венков и разбросанной по полу хвои витал в зале слегка дурманящий запах. Люди, стоявшие поодаль от гроба, негромко переговаривались.
Как он был уверен, что еще при жизни увидит старт космического корабля к Луне, — услышал у себя за спиной Алеша мягкий баритон. И тотчас ему откликнулся негромкий тенорок:
- Однако жизнь будет идти вперед, и наш Тимофей Тимофеевич со своей группой блестяще доведет «Зарю».
Горелов обернулся и вздрогнул. Он узнал говоривших по тем портретам, что висели у них в учебном классе. Это были тоже создатели космических кораблей, самые близкие друзья и помощники покойного. Алексей с грустью тогда подумал, что не так-то легко и просто будет им продолжать его дело без его советов и поддержки. Но успешный запуск «Луны-9», ее прилунение, телевизионные передачи, ошеломившие весь мир, — все это ошеломило и его. И Горелов с бесконечной гордостью убедился, насколько умны и талантливы люди, работающие сейчас над космическими проблемами, если сделали они такой рывок. «Такие не остановятся на полпути даже после смерти выдающегося конструктора, — радовался Алексей, — они продолжат начатую им эру космических полетов».
А потом он узнал, что такое «Заря». Ему единственному из всего отряда космонавтов было поручено изучить конструкцию нового космического корабля, рассчитанного на полет к Луне, и благополучное возвращение к Земле. Позднее иногда на таких занятиях стал появляться и зеленоглазый весельчак Субботин.
Из приоткрытой двери тянуло душным обжигающим ветерком. Было обеденное время. Расплавленный солнечный шар безмолвно повис над бесконечной степью, щедро расточая тепло, но не спрашивая, нужно ли оно человечеству в таком количестве. Солнце нагревало штабные помещения, учебные классы, офицерские квартиры и окна гостиницы. Сейчас хорошо бы сбежать по ступенькам вниз, на бережок реки, чтобы сбросить с себя сонливую

расслабленность, порожденную зноем. Горелов в одной майке и трусах сделал несколько резких движений, разминая замлевшее тело. Не услышал, как широко распахнулась дверь. Насмешливый, немного певучий басок заставил его прервать гимнастику:
—Ого-го-го! Мей брей, оце да!
С порога весело щурился сосед по комнате майор Убийвовк. По всему видно, пришел из столовой. Большие влажные губы лоснятся, щеки пунцовеют от жары. Он даже причмокнул, словно пережевывая пищу.
- Такэ, такэ, мий гарный парубок. Кругом пекло, а вы еще и физкультурой плюс к тому занимаетесь. Вы и каждый день так?
- Пять раз в день, — буркнул Алеша, но Убийвовк то ли не уловил неласковых ноток в его голосе, то ли попросту пропустил их мимо ушей сознательно — его глаза продолжали насмешливо щуриться. Он любил вставлять в свою речь украинские слова, хотя мог бы прекрасно обходиться и без этого.
- Оце да! А я только в приказные часы этим физо занимаюсь. А зачем оно вам в таком объеме? Мабудь, на чемпионат по гимнастике собираетесь, а?
- Да нет, майор. Не собираюсь, — усмехнулся Горелов. — Просто в форме надо себя держать.
- В форме?! — вздрогнул от смеха Убийвовк и стал снимать мокрую от пота рубашку. — Да вы что? Располнеть боитесь?! У вас же фигура, про какую говорят — осиная талия.
- И тем не менее надо согнать два лишних килограмма.
- Гм... — поперхнулся Убийвовк. — Не угадал я про чемпионат гимнастики. Возможно, к боксу в легком весе готовитесь?
- Точно, майор, в легком весе, — пытаясь от него отделаться, согласился Алеша, но Убийвовк был привязчивым, и глаза его смотрели теперь на Горелова уже не насмешливо, а несколько недоверчиво. Алексей захватил мыло, полотенце, пустой стакан с зубной щеткой и, сунув ноги в тапочки, прошлепал за дверь в умывальник. Через минуту возвратился и разочарованно поставил на столик наполовину наполненный стакан.
Вот и все, что из восьми кранов сумел выжать, — с усмешкой признался он.
Убийвовк, успевший за это время раздеться и лечь на заправленную койку, сонно повел лохматой головой:
- Ось так мало?
- Да.
- Не дюже гарнизон удовлетворяет возросшую потребность трудящегося в воде.
- Не говорите. — Алеша гадал, что ему сделать с таким количеством воды: умыться, побриться или напиться? Потрогал жесткий от пробившихся волосков подбородок и решил побриться. Безопасная бритва бесшумно заскользила по лицу. Кое-как, обмакивая край полотенца в остаток воды, стер мыльную пену. Убрал бритвенный прибор и рассмеялся, осененный неожиданной мыслью. Вырвал из тетради листок и карандашом быстро набросал карикатуру: сидит мрачный, лохматый, с обросшим лицом человек перед полупустым стаканом; перед ним полотенце, мыло, бритвенный прибор; человек горько думает: умыться, напиться, побриться? Любопытный Убийвовк заглянул в листок.
- Вот это автопортрет получился! Куда там твои Кукрыниксы!
- Какой уж вышел, — скупо отозвался Алеша. Ему все больше и больше не нравился этот майор. Не то что глухое чувство раздражения, а попросту стремление уйти от дальнейших расспросов овладело Гореловым, У Алеши был свой метод познания человека, с которым приходилось знакомиться. Если он проводил с ним несколько часов или день, то об общем первом впечатлении судил по количеству подмеченных поступков. И если потом соотношение хороших и плохих поступков было в пользу нового знакомца — хорошие преобладали над плохими, — тот, как правило, начинал Горелову нравиться. Эта система, смешная и наивная, редко обманывала, и он, сам смеясь над ее примитивностью, все же принял ее на вооружение. Сейчас, думая о соседе, мысленно загибал пальцы: «Перебил мне зарядку — минус один, лег на застеленную койку, поленившись снять одеяло, — минус два, непрошеным заглянул в листок и стал комментировать карикатуру — минус три».
А сосед по номеру гарнизонной гостиницы, ничего не подозревая, смачно почесал волосатую грудь и добродушно посоветовал:
—Идите в столовую, капитан, через полчаса закрывается.

Когда Алексей вернулся из столовой, майор по-прежнему валялся на койке и курил, то и дело вынимая изо рта сигарету и картинным движением отводя руку в сторону.
Ну что, подкрепились? — осведомился он лениво. — Из всех авиационных столовых, какие я видел на своем веку, эта, доложу, не самая лучшая. Вот на ДВК на одном аэродроме столовая была... вот там да. Дивчины-официантки все как на подбор, одна другой краше. Краля на крале. В очи заглянешь — дрожь берет, и никакого бифштекса тебе уже не надо. Даже если бульон прокисший подаст такая дивчина, никак на нее нема силы разгневаться. Тильки на ручки те смотришь, какими она перед тобой ту паршивую тарелку ставит. Один раз такая нашего комэска Ваню Фролова горячим чаем обварила нечаянно. Он аж, как порося, взвизгнул. А посмотрел той русалочке вслед да увидел, какими она стройными ножками по нашему земному шарику топает, так и застыл. И слова не выговорит. Совсем как тот гоголевский чоловик, который вареником подавился А тут... старушек набрали, глаз не на ком остановить.
- Я больше бифштексами сейчас интересовался, — уже незлобиво усмехнулся Горелов, — голодный был. Не до обзора ручек и ножек.
- Каждому свое, — нравоучительно изрек Убий-вовк, — так и в библии, кажется, законспектировано.
- А вот я на амурные дела готов свою недельную продовольственную норму променять. Никакого аппетита в такую жару.
- А если месячную понадобится? — подначил Горелов.
- И за тем не постою!—пылко воскликнул Убийвовк. — Я же роду Сечи Запорожской, мабудь, догадались. Гулять так гулять. Как там поется в древней студенческой песенке? — И майор внезапно рявкнул громким басом:
- Быстры, как волны, дни нашей жизни, Что ни день, то короче к могиле наш путь. Налей, наалей, товарищ, заздравную чашу, Бог знает, что с нами случится впереди.
И вдруг остановил самого себя:
- Виноват, не то хотел для подтверждения мысли своей, а вот это: «Наша жизнь коротка, все уносит с собой, проведемте ж, друзья, эту ночь веселей». Здорово, а? Ось дывысь, мий гарный парубок, як в этих словах точно сформулирована вся диалектика человеческой жизни. Однако мы долго балакаем. Не пора ли по такой жаре и на боковую?
- Нет, — отозвался Алексей, — я, майор, боковой среди дня не признаю.
- А чем же ее заменяешь?
- Разминками.
- Какими же?
- Умственными и физическими.
- Ничего не понимаю, — пожал плечами Убийвовк. — То ты про наилегчайшие категории по боксу, то про какие-то умственные разминки. Кто ты есть? Я вот, например, точно все про себя тебе сформулирую, затадок никаких. Военный летчик первого класса майор Григорий Убийвовк, Гриньком можешь меня кликать. Все ясно и просто. Гоняю самолеты по всей стране. Иногда и за кордон приходится. В этот гарнизон, Тьмутаракань, так сказать, только по воле командования прибыл. Самолет двухместный тренировочный пригнал. Как примут, свободен буду. Может, назад четырехтурбинный экземпляр гнать придется. В Энск, на завод. Движки заменять пора. Почти весь ресурс выработали.
- А гнать до завода долго?
- Да тысячи три по прямой будет.
- А если у движков ресурс и кончится в это время?
- Так я же первого класса летчик, хоть и в военно-транспортной авиации служу, — флегматично зевнул Убийвовк, — перегоню как-нибудь, тем более тут все степ да степ под крылом.
Горелов на него посмотрел — и ни в движениях, ни в ленивом позевывании не уловил никакой искусственности. Представил, что Убийвовк уже не однажды гонял «над степом» такие самолеты с осипшими, умирающими двигателями. Гонял опасно и трудно. Но ни взмахом бровей, ни прищуром зеленых глаз не хочет на это намекнуть. Профессия! Редко встретишь летчика, способного ею хвастаться и выдавать за геройство свое отношение к трудностям. «Пожалуй, зря я сужу его так строго, — подумал Алексей про себя, — сколько я там насчитал? Три — ноль? За этот ответ придется приплюсовать очко, пусть будет три — один».
- Да разве такую машину па степь посадишь? — поинтересовался Алеша.
- Если припрет, так посадишь.

- А припирало когда-нибудь?
- Было разок.
- Ну и что же?
- Жить захотелось, когда шасси стал выпускать. Вот и балакаю теперь с вами.
- Чудной вы, майор.
- Какой уж есть. Продолжайте свои умственные и физические разминки, а мне дайте поспать.
- Да ведь не мешаю, кажется, — ухмыльнулся Горелов.
Убийвовк взбил подушку и хотел уже на нее завалиться, но вдруг спохватился:
- Постойте, капитан. Я все уже вам рассказал — и кто, и откуда, и куда четырехтурбинный экземпляр погоню. А вы что можете сказать в свое оправдание?
- Летчик, такой же, как и все, — вяло отмахнулся Алексей, — только песню эту «наша жизнь коротка» не знаю. Это что? Из Есенина, что ли?
Убийвовк подложил под щеку кулак и прыснул:
- Ге-ге, парубок, вы ще скажете, это из Евтушенко. Нехоршо. Надо знать такие вещи. Це ж классика.
- Все знать нельзя.
- Но это же элементарная вещь, это старая добрая студенческая песня.
- А вы все элементарные вещи знаете, майор?
- Да как сказать. Смотря что вы имеете в виду?
Горелов убрал со стола законченный шарж. Засмеялся, и кудряшки вздрогнули на его голове. Как менялось с годами его лицо! Еще недавно было оно мягким, обрамленным детским пушком, и в глазах что-то всегда таилось от детства — ямочки на щеках плясали, если улыбался. А сейчас зрачки потемнели, губы стали тоньше, упрямее, часто смыкались в одну полоску, когда задумывался или старался обиду перебороть какую.
—Что я имею в виду? — переспросил он. — А вот что. Как-то ребенок поинтересовался у своего отца: «Скажи, папа, почему все считают тебя великим?» Отец подумал и ответил: «Знаешь, сынок. Жук за свою жизнь проделывает огромный извилистый путь по земле, но ни разу на него не оглядывается. А я оглянулся на свой путь и на его извилины. Я увидел свой путь. Может, поэтому меня и стали считать великим». Кто это сказал, майор?
Убийвовк на локтях поднялся над кроватью, глаза округлились.
- Мей брей, та, ей-богу, не знаю. Балакай дале, капитан. Я буду с радостью слушать.
- Альберт Эйнштейн.
- Да ну? Тот самый, что выдумал теорию вероятности?
- Положим, не выдумал, а развил, углубил.
- И над атомной теорией работал.
- Это так, — согласился Горелов и весело рассмеялся: — Как видите, каждому свое. Вы в студенческих песенках прошлого века хорошо ориентируетесь, а я в изречениях великих математиков и физиков.
- Это ваша профессия?
- Возможно, и так.
- А бокс в наилегчайшем весе?
- Это уже самодеятельность, — развел руками Горелов.
Убийвовк даже вскочил с постели:
—Ничего не понимаю. Кто ты такой, капитан? Так темнишь, что и сам запутался.
Горелову стало весело. Он вспомнил последние указания их веселого секретчика майора Дробышева, советовавшего любыми путями уклоняться от расспросов об их особой группе, ну а уж если собеседник окажется не в меру упрямым, говорить о том, что прибыл в Степновск с особой группой парашютистов, и на этом ставить точку. Он так и сделал, но получил в ответ только гримасу.
- Особая группа? — презрительно переспросил Убий-вовк. — Куда ни пойди — везде только и слов, что особая группа. В столовой для вас целый зал, в Доме офицеров всегда в первых рядах сидите. Спасибо еще, что из одной гостиницы с вами не выселяют. Чем же вы, позволю себе спросить, занимаетесь?
- Парашютными прыжками, — ответил Горелов уклончиво.
- Хм... — недоверчиво кашлянул неугомонный Убий-вовк. — Шоб мои очи повылазили, колы я ими не бачил на вашей тужурке значка военного летчика второго класса. Вы же пилотяга, а не

прыгун. Чого ж вы мени туточки баки заливаете? Хотя, погодьте. Мабудь, вы на самолете бросать их возите, тех прыгунов?
- Вожу, — подтвердил Алеша, желая поскорее избавиться от этого затянувшегося допроса. — На правом сиденье летаю.
- Такэ, такэ, — протянул майор, — теперь все ясно. А я-то думал, может, космонавты какие, раз так засекречены. Ну, добре, капитан, вот мы и познакомились. Вечером, может, сообразим? — прищелкнул он языком. — И не на троих, а на двоих.
До Алексея не сразу дошел смысл последней фразы.
- Чего сообразим?
- Вот малэнький, — захохотал Убийвовк, — пятьсот граммов аш два о от бешеной коровки крепостью в сорок градусов.
- Ах, это! — засмеялся Алексей. — Не могу. Завтра полеты.
- Полеты — святое дело, — мрачно подтвердил Убийвовк. — Сам перед полетами грамма в рот не беру. Жаль, что компаньона на сегодня лишаюсь. Придется самому идти на промысел. А то, мабудь, по дивчинам ударим, га? У тебя же тут жинки под боком нема?
Ни под боком, ни под селезенкой, — сказал Горелов, убирая со стола рисовальную тетрадь и карандаши, — у меня ее вообще нет. А у вас, майор?

- Была, — признался Убийвовк, — только не сошлись характерами. Вот и приходится иногда знакомства на стороне заводить
- Ну-ну, — иронически усмехнулся Алексей, — желаю успеха. А я на реку.
Он взял сверток с купальными принадлежностями и вышел из комнаты.
Над Иртышом в иссиня-ярком, обжигающем глаза небе стояло солнце. Струйками клубился над берегом раскаленный послеполуденный воздух. Песок от солнца был жестким, хрустел под подошвами ботинок. Горелов высмотрел местечко под бурым обрывистым берегом, там, где серо-пепельные кусты ивняка отбрасывали легкую тень, быстро разделся. В эти часы многие обитатели большого авиационного гарнизона приходили освежиться в речной воде. Одни, неторопливо окунувшись, долго потом лежали на песке, подставляя солнцу бока и спину. Другие стремительно бросались в реку и, едва успев охладиться, тотчас уходили, пытаясь унести с собой речную прохладу. Их ждали в штабах или на аэродроме дела. У Алексея был целый час свободного времени, и он не спешил. Прежде чем войти в реку, долго любовался бурными завертями на поверхности Иртыша, правым берегом, сплошь покрытым ивняком. Корявые деревья толпами спускались к самой воде, пытаясь ее зачерпнуть гибкими ветвями. Эти выносливые растения даже ожесточенной жаре не поддавались. Солнце смогло лишь окраску узких продолговатых листков изменить из зеленой в пепельно-серую. Очевидно, годами протекал этот процесс, но дерево прижилось в жарком краю. Корни самых крупных ив уходили в воду и жили в вязком суглинке, насыщая влагой стволы и листья. За большими ивами, будто пытаясь столкнуть их с суши в Иртыш, сбивался в густую толпу молодняк. Большие многолетние ивы словно сдерживали толпу ребятишек, озорных и неосторожных, которым рано было еще заглядывать в древний, много повидавший Иртыш.
Берег чем-то напомнил Горелову его родной Верхневолжск. Только деревья в верхнем течении Волги были другие: дубки, березы, сосенки. Посидев на песке, он подошел к Иртышу, пригоршней зачерпнул теплую на мелкоте воду. Иртыш ворчливо бурлил. Навстречу течению проплыл, сердито кряхтя, пароходик и скрылся за поворотом. Солнце припекало голую спину. Горелов потянулся и стремительно бросился в воду. По грудь высовываясь из воды, он саженками отмахал метров сорок, борясь с течением. Потом лег на спину и увидел, что кустик, под которым сложил одежду, стремительно отлетел назад. У середины течение стало таким сильным, что бороться с ним было бесполезно. Наметив ориентир, Алексей повернул к берегу и вскоре был доставлен течением на отмель. Вода, бурля, билась о его колени. Передохнув, он поплыл дальше и вскоре вышел метрах в трехстах от того места, где разделся. Назад шел навстречу уже снижающемуся солнцу. Оно слепило, и, чтобы рассмотреть людей, раздевавшихся под тем же ивовым кустиком, он щитком ладони защитил глаза. «Так и есть, наши, — сразу угадал он. — Вон в сиреневом купальнике стоит Женя Светлова, а рядом — наш парашютный бог

капитан Каменев. Чего это он так часто сопровождает Женьку? А впрочем, пускай сопровождает. Он парень броский, я против него ничего не имею. А кто же третий? — Горелов не сразу узнал полного, успевшего раздеться и похлопывающего себя по плечам ладонями человека — будто под палящим солнцем ему было зябко. — Ха! Это же Рогов, наша пресса! Вот уж ситуация. Ну и молодчина Женька. Двоим головы задурила».
Подходя к ним, Горелов приветственно поднял руку:
- Робинзонам от Робинзона.
- Какова водичка? — поинтересовался Каменев.
- Ни горячая, ни холодная. Как лимонад из нашего буфета.
- Весьма меткое определение, Алексей Павлович, —одобрил Рогов. — Честное слово, в вас помимо космонавта и художника зреет еще и фельетонист.
- А что, возьмете к себе в редакцию, если генерал Мочалов рассчитает?
- С удовольствием, — засмеялся Леня, — только на какой планете такую редакцию мы откроем?
- Я пошла, мальчики, в этот самый лимонад, — заявила Женя.
На ее тронутой загаром спине, обнаженной вырезомкупальника, нежно розовела родинка. Безотчетное желание прикоснуться к этой родинке вдруг овладело Алексеем. Понимая, что это нелепо, он не смог все-таки удержаться. У самого берега нагнал Светлову и указательнымпальцем, словно на кнопку электрического звонка, нажал на эту нежную розоватую родинку.
— Ты чего, Алексей? — удивленно обернулась Женя. — Я тебя никогда не видала таким.
— Так посмотри! — по-мальчишески ухмыльнулся Горелов.
Женины плечи дрогнули от смеха.
- Честное слово, Алеша, сколько тебя знаю, никогда еще не видела на твоем лице такой глупой ухмылки.
- Тебя это покоробило?
— Да нет, чудной, — покраснела Женя, — мы ежедневно так много занимаемся серьезными проблемами и так заинтеллектуалились, что иногда глупость или шалость — как отрезвляющий душ. — Она внимательно и несколько удивленно рассматривала Алексея, его не успевшее загореть курносое лицо и мокрые кудряшки на лбу.
- Знаешь, Женька, что я заметил? — не меняя шутливого тона, продолжал он. — На тебя благотворно влияет степновское солнце. Ты какая-то стала сильная, мужественная.
- А это хорошо или плохо?
- Смотря в какой ситуации. Если выйдешь замуж за этого твоего вздыхателя Рогова и при первой супружеской размолвке дашь ему своей лапочкой по загривку, сразу до предынфарктного состояния доведешь.
— Ой, не могу! — беззаботно расхохоталась Женя. —Да откуда ты взял, что я замуж собираюсь?
—На эту тему в отряде ходит сто версий.
— Сто предположительных и ни одной близкой к истине, — прищурилась Светлова. — Дискуссия исчерпана, товарищ Горелов. Дорогу женщине, меня ждет Иртыш, мой старый знакомец.
Вздымая тучи брызг, Женя с веселым визгом кинулась в воду.
Горелов возвратился к кустику, лег на песок, прикрыл полотенцем голову. Сонливая истома овладела им. Веки смежились, и он поддался дреме. Из сладостного забытья вывело восторженное восклицание Каменева:
— Ну и плещется Женька! Сущий дельфин. А с течением как справляется! Русалка и та бы не смогла с ней состязаться.
Горелов открыл глаза. Каменев сидел недалеко от него, обхватив руками колени сильных ног. На черных шерстяных купальных трусиках алел силуэт акулы. Когда он смеялся, мускулы бугорками переливались у предплечий. «Ей-богу, античный герой, — подумал о нем Горелов, вспомнив о своих на время заброшенных мольбертах, — хоть в натурщики его бери».
Рогов лежал рядом с Каменевым. Его лысеющая голова была прикрыта синим носовым платком, стянутым узелками на концах. Алексей, машинально разглядывая дряблые бока журналиста, заметил, что за последнее время тот отяжелел еще больше. «И куда только

смотрит Женька. Неужели так много надо раздумывать, чтобы сделать выбор? А впрочем, любовь не картошка». Свет лая Женина головка виднелась уже за вспененной серединой реки.
—Сумасбродная! На тот берег рванула! — восхищенно воскликнул Каменев.
Рогов обеспокоенно заворочался на песке, привстал:
- Это же опасно, Георгий... Ее надо немедленно вернуть.
- Что вы! — возразил Каменев. — Никаких оснований для беспокойства. Когда мы были в десятом классе, я уговорился с одним пареньком прыгнуть с двадцати метрового моста. На перила залезли, вниз глянули и устрашились. А Женя так на нас презрительно посмотрела: эх вы, рыцари! На те же перила вскарабкалась — и вниз. Вот она какая!
- Потрясающе, — заулыбался Рогов. — Странно. Она мне об этом никогда не рассказывала.
- Да что вы! Разве она хвастунишка? — голосом, переполненным нежностью, отозвался Каменев и подумал: «Значит, не столь уж близкими были отношения у него с Женей, если она не рассказала о нашумевшем том прыжке».
—Смотрите, уже на том берегу! — закричал Рогов.
Они вглядывались в желтую отмель противоположного берега. Сиреневый купальник мелькал на фоне пепельно-серых ив. Светлова победно махала друзьям руками. Рупором сложив ладони, Каменев позвал:
- Женя! Назад осторожнее! На снос боковой возьми поправку!
- Я поняла! — прозвенел над неспокойной поверхностью реки голос космонавтки.
По желтой отмели правого берега, огибая скользкие корни ив, прямая и гордая шла Женя. Она сорвала ивовый прутик и кокетливо била им по воде, словно наказывая ее за строптивость. Горелов лениво любовался движениями девушки, усмешливо рассуждал: «Красивая Женька. В балете бы даже прижилась, если бы поступила. И откуда у простой рабочей девчонки такая осанка? Не зря ее Субботин именует «королевой красоты» нашего отряда. Красивая Женька, а полюбить я бы ее не смог. Почему бы это?» — полунасмешливо, полусерьезно спросил он себя и не нашел ответа.
Подхваченная течением, Женя точно рассчитала, на какое расстояние ее отнесет. Длинные сильные ее руки разгребали бурливый Иртыш. Каменев не сводил с нее восторженных глаз.
- Правее, Женька! Тебя относит!
- Управлюсь! — отфыркиваясь, откликнулась Светлова.
- Вы ее любите, Георгий? — спросил неожиданно Рогов.
Каменев обернулся и густо покраснел.
—Женьку? Да откуда вы взяли, Леонид Дмитриевич?
Рогов его называл Георгием, а Жора — подчеркнуто по имени-отчеству. Рогов улавливал в этом обращении постоянно присутствующий намек на разность их возраста.
- Профессиональная наблюдательность, — обжегся горькой улыбкой Рогов. — Журналист обязан все видеть.
- Да нет, вы, право, напрасно, — развел руками Каменев в замешательстве. — Просто вместе росли, учились. А это знаете как сближает! Вроде и роднит даже несколько.
Женя вышла на берег метрах в ста от места, где они расположились, и торопливыми шагами направилась к ним. Она плавала без резиновой шапочки и умудрилась не замочить волос.
- Как приземление, товарищ инструктор? — обратилась она к Каменеву.
- Боюсь перехвалить.
- То-то же, — покровительственно согласилась Женя.— Идите-ка в воду, мальчики. Изумительная! Леша напрасно ее сравнивал с лимонадом. Лимонад в столовой куда теплее.
- Пойдемте, пожалуй, Леонид Дмитриевич, — потянул Рогова капитан. — Женя дает верный совет. Тем более у нашей группы через сорок минут — занятия.
- Пойдемте,—убитым голосом согласился Рогов, и они зашагали к желтой полоске берега, на которую набегала ласковая волна. Рогов впереди, Каменев сзади. Дождавшись, когда журналист вошел в воду, Георгий опустился на колени на прибрежный песок. То, что он увидел, было сейчас его безраздольной собственностью.
Ни Леня Рогов, плескавший воду себе на живот и на грудь, ни Алексей Горелов, все еще нежившийся в тени ивового куста, ни Женя, переодевшаяся в брезентовой будочке, не могли этого видеть. На прибрежном песке Каменев отыскал нетронутый робкой волной

отпечаток узкой Жениной ноги. Двумя ладонями он отгреб песок от этого отпечатка, а потом с каким-то ликованием осторожно погладил тонкий и точный контур, погладил с такой нежностью, словно это и на самом деле была обнаженная Женина нога.

* * *

Степновская трехэтажная каменная гостиница была во многом похожа на десятки подобных гостиниц, выстроенных в других авиационных гарнизонах нашей страны. Узкие коридоры, тесные, небогато обставленные номера, где эмалевые батареи не всегда были теплыми. Что поделаешь, если в век атома и космоса, нейлона и полиэтилена военные люди, управляющие самой совершенной боевой техникой, порой фантастически точной и сложной, еще вынуждены обитать в таких гостиницах. Нет ничего в этом удивительного, потому что техника развивается гораздо быстрее всего другого. Но наверное, недалеко и то время, когда в самых дальних гарнизонах пойдут на слом древние гостиницы и на их месте из бетона и стекла появятся отели с комфортабельными номерами, где йудут н нарядные абажуры торшеров, и ванные комнаты, выложенные кафелем цвета морской волны, и уж конечно горячая и холодная вода в любое время суток.
Пока же в степновской гостинице и летчики сверхзвуковых реактивных самолетов, и инженеры локаторных установок, и будущие космонавты довольствовались тем, что было, да и не сетовали особенно, потому что щедрый, неугомонный Иртыш шумел рядом и в любое время мог восполнить недостаток воды, а в холодные дни, когда нет-нет да и случались перебои с отоплением, горячая молодая кровь грела не хуже теплоцентрали, а уж если и сдавалась деду-морозу, то на помощь ей приходил летный комбинезон, и авиатор побеждал любые невзгоды.
Хуже было другое: в Степновске на огромный авиагарнизон .и десятки приспособлений, обслуживающих боевую технику, порой не хватало электроэнергии и бывало, что к одиннадцати часам некоторые подсобные предприятия, в том числе и гостиница, выключались из электросети.
На этот раз Алексей Горелов до полуночи задержался в штабе, где переводил статью из иностранного технического журнала. Поздно ночью вышел на главную улицу Степновска. Первое, что заметил: лампочки на приземистых столбах тлели в полнакала. Он с тревогой перевел взгляд на гостиницу. Все три ее этажа тонули во мгле. Горелов подумал: что если его многословный сосед за день хорошо выспался? Пользуясь отсутствием света, он долго будет мучить байками... Была не была, придется сегодня послушать Убийвовка.
Бархатное звездное небо висело над Степновском и широким, мирно мурлыкающим Иртышом. Ночи здесь не были жаркими. К вечеру из далекого горного ущелья спускалась прохлада и быстро уничтожала всю добросовестную работу солнца, нещадно палившего весь день. Остывали железные крыши и камни, твердым и холодным становился асфальт.
Запрокинув голову, Алексей любовался небом. В ночной россыпи звезд он выделил спираль Млечного Пути с блеклыми, словно размытыми, границами, нашел яркую нарядную Венеру и мерцающий Марс. Небо меж звездами было тихим и черным. Он представил, как сейчас, когда спят безмятежным сном миллионы людей, эту черную пустоту рассекают десятки невидимых с Земли искусственных тел. Одни из них уходят ввысь по нараболическим кривым, другие, выполнив свою миссию, сгорают в плотных слоях атмосферы, третьи сталкиваются с крупными метеоритами и тоже прекращают существование, четвертые опоясывают Луну и Землю новой сетью орбит.

«Много понакидали мы железа в космос, — подумал Алексей,—уже не скажешь про Вселенную, что она тихая».
Скоро придет п его очередь подниматься в эту черную бездну и прокладывать путь, который наметят ему ученые и конструкторы, его командир генерал Мочалов. Он хочет туда, к звездам. И вовсе не потому, что это приводит космонавтов к славе. Нет, не за славой и не за приключениями отправится он в далекий космос. Только неизведанность Вселенной и желание увидеть Землю и звездный мир с высоты манили его.
Глядя сейчас на звездное небо, на блекло очерченный Млечный Путь, Горелов вспоминал последнее совещание, на котором генерал Мочалов сказал, что принято решение не привлекать личный состав отряда к обычным орбитальным полетам.
—Держите голову выше, ребята. Перед нами поставлена задача работать по лунному варианту, — закончил генерал свою речь.
Сухой воздух прохладной ночи приятно распирал грудь. Алексей жадно его глотал и не мог насытиться. Он вспомнил, что не захватил с собой электрического фонарика, а спичек просто не имел привычки носить: ему, некурящему, они и вовсе были ни к чему. «Ладно, найду и в потемках свою комнатку». Шаги его на асфальтовой площадке перед гостиницей звучали в ночной тишине, как выстрелы. Летучая мышь промчалась над головой, и воздух, ею рассеченный, слабо плеснулся в лицо.
«Любопытно устроен мир, — подумал Алексей. — Степная летучая мышь никогда ни во что не врезается. Локатор у нее не хуже наших, созданных человеческим мозгом. Только наши локаторы искусственные, а у нее естественный... Она в темноте не спотыкается, а я в гостинице койку боюсь не отыщу. Он рванул на себя входную дверь на мягкой бесшумной пружине и вошел в холл. Лестница была слева, и Горелов направился было к ней, но вдруг остановился, привлеченный шумом, доносившимся из комнаты администратора.
Уйдите, товарищ майор! По-хорошему вас прошу,— послышался из темноты женский голос. — Ну что мне « вами делать? Неужели на помощь надо посторонних звать?
Та не надо, золотце, не надо кричать, коханая моя дивчина, — приглушенно бормотал во мраке Убийвовк,
сосед Алексея. Послышалась возня, шумное дыхание женщины и, наконец, звонкий, на весь вестибюль разнесшийся звук пощечины.
Оце влепила!—почти с восторгом воскликнул Убийвовк. — Только я все одно не отступлю. Еще не было таких крепостей, чтобы Убийвовку не сдавались.
На тебе еще! — вскрикнула невидимая женщина, и звук второй пощечины долетел до Алексея.
«Надо вмешаться, — решил Горелов. — Пьяный он, что ли?»
—Что здесь происходит? — спросил Горелов громко.
Убийвовк узнал его по голосу и пьяно пробормотал:
—А-а, капитан объявился. Иди до хаты, гарный парубок. Я тут с королевой красоты балакаю.
Трудно было сказать, почему так случилось, но именно в эту минуту во всем Степновскв вспыхнул яркий электрический свет и в просторном вестибюле стало как днем. Алексей увидел Убийвовка в распахнутой белой рубашке и засмеялся, глядя на его побагровевшую щеку. Потом перевел взгляд на женщину и оборвал смех. Она сосредоточенно поправляла на плечах розовую тонкую кофточку с короткими рукавами. Только на мгновение Горелов увидел большие синие глаза. Она их поспешно опустила. У женщины были полные, почти не тронутые загаром руки, на правой виднелись следы прививок. Светлая прическа, словно корона, вздымалась над ее чистым, без единой морщины лбом. Дверь в маленькую комнату дежурного администратора была открыта, и Алексей увидел валявшееся на полу одеяло, а на диване с опрокинутым валиком — смятую подушку. Женщина, вероятно, опала, когда Убийвовк вошел в комнату. На красном лице майора блуждала хмельная ухмылка. Нехорошее, злое чувство шевельнулось в душе Алексея.
- Видишь, какая она у меня строптивая, га?
- Слушайте, вы! — вспыхнул Горелов не в силах унять разраставшейся ярости. — Немедленно убирайтесь отсюда ко воем чертям!
- Что! — насмешливо процедил Убийвовк. — Ка-пи-тан? Мей брей, ты разве мне командир? Будь полегче на виражах, я и не таких в штопор пускал.

- Еще раз говорю — убирайтесь отсюда вон!—цепенея от гнева, повторил Алексей.
Покачиваясь на нетвердых ногах, Убийвовк спросил:
- А что? Коменданта гарнизона покличешь?
- Нет.
- А что?
- По шее как следует дам.
- Ты?
- Я.
- А это видал? — Убийвовк закатил выше локтя рукав штатской рубашки и сделал попытку выжать мускул. Рука оказалась бессильной.
Алеша с силой его оттолкнул. Женщина безмолвно наблюдала эту сцену.
—Немедленно убирайся наверх, иначе действительно попадешь к коменданту и в три счета вылетишь отсюда.
Убийвовк поднялся с пола, отряхиваясь.
- Это ты меня... так легко?
- Уходи!
Убийвовк медленно попятился. В его взгляде мелькнуло что-то трезвое.
—Я пойду... Хорошо, я пойду, — пробормотал он послушно и стал не очень уверенно подниматься по лестнице. — А ты, капитан, остаешься, да? — донесся сверху
его голос. — Может, тоже хочешь попытать счастья у королевы красоты? Не советую. Как и я, фиаско потерпишь.
Едва шаги Убийвовка смолкли, Горелов, не глядя на женщину, сказал:
—Простите этого шалопая, пожалуйста. Я с ним завтра утром еще не так поговорю. Не расстраивайтесь из-за пьяного дурня. Очень вас прошу, не расстраивай
тесь.
Женщина села за столик, посмотрела на него широко открытыми глазами, потом уронила голову на руки и горько заплакала. Она плакала молча, только раз приглушенно всхлипнула. Алексей видел вздрагивающие плечи. Он стоял, не зная, что делать. Злость на Убийвовка уже прошла, но он, сурово сжимая губы, все же сказал:
—Эх, мало я его тряханул! Надо бы посильнее, что бы в его электронной коробке звон пошел. Надолго бы запомнил...
Женщина подняла голову, достала платок и вытерла слезы. Ненакрашенный рот дрогнул в горькой усмешке.
В уголках рта еще оставались скорбные морщинки, когда она сказала:
—Большое вам спасибо за вмешательство, конечно. Я бы и сама справилась с этим любителем приключений, но вы так кстати появились. А на него, на вашего неудачного соседа по номеру, я и не злюсь. Что с такого возьмешь? Спала себе спокойно, а он пьяный ввалился и целоваться задумал. Кажется, и взаимность получил в две пощечины. Завтра сам придет извиняться. Да разве он одинок? Видала донжуанов и похлеще. Почему все думают, что если женщина одинока, то обязана на первое приглашение откликаться? Или не противоречить, в крайнем случае. — Она посмотрела в распахнутое окно на звездный квадрат неба, стерегущего Степновск и бурлящий Иртыш, и, явно избегая глядеть на Горелова, медленно договорила: — Есть зов сердца, а есть зов тела. По зову сердца ты любишь, а зов тела — это что-то гадкое, низменное. Сильный человек этим управляет, а слабые распускаются. Разве не так?
Алексей вдруг почувствовал себя робким и скованным при этой женщине. Ему хотелось на нее взглянуть, и боязно было.
- Это кто же слабый? Майор Убийвовк, что ли? — спросил Горелов, не поднимая взгляда.
— Не согласен с вами, — против своей воли возразил он. — Летчик первого класса, машину какую поднимает и в воздухе всякого нагляделся...
- Ну и что же? — вздохнула женщина, по-прежнему глядя в окно. — Летчик он, может, и хороший, а человек слабый. Был бы сильный, не потянулся бы за мимолетной лаской. — Женщина тихо усмехнулась и ладонями притронулась к вискам, поправляя высокую корону волос. — В прошлом году тоже был любопытный ночной разговор. Такой же, как вот он, военный летчик жил у нас. Фамилию не помню, а звали Костей. Был и он как будто бы майор. Хотя нет, капитан, как вы. Осенью после полуночи прилегла и слышу — кто-то

дверь в мою дежурную комнату распахнул. Глаза открыла, а этот Костя сидит на самом краешке дивана и одеяло на моих ногах гладит. Я хотела сказать ему что-нибудь резкое, но не решилась. Как-то сразу поняла, что он не похож на приставалу. «Вам что надо?» — спрашиваю. «Приласкаться захотелось, — говорит, — ты одинокая, и я одинокий. С женой месяц назад разошелся». — «Ну и что же?» — спрашиваю я. Он даже отодвинулся подальше от удивления. А был он, надо сказать, парень видный: глаза широкие, карие, рослый, русый, футболист, танцор. «Как что? Неужели тебе приласкаться не хочется? Разве ты не живой человек?» Я усмехнулась и говорю: «Послушайте-ка, живой человек. Если вам в зной напиться захочется, что вы сделаете — будете искать горный родник "или из первой попавшейся лужи да еще консервной банкой воду станете черпать?» Обиделся. Гордый был. Встал с дивана — и к порогу. «Значит, я для вас первопопавшаяся грязная лужа? Ну, спасибо за комплимент, не ожидал. Может, я и есть тот самый горный ключ, который вам нужен, а вы мимо пройти спешите».
—И что же вы ему на это ответили? — заинтересовался Горелов.
Женщина гордо подняла голову и повела плечом.
Сказала ему: «Знаете что, товарищ, может, вы и горный ключ, но вовсе не тот, в каком я решила напиться, если бы захотела, конечно».
- Странная вы, — промолвил Алексей, — честное слово, странная. Неужели вы полагаете, что в жизни всегда можно пользоваться геометрией и все решать в одной только прямой плоскости?
- Не думаю, — проговорила женщина. — Человеческие стежки часто бывают и кривыми: то вправо, то влево загибают. Только они всегда должны быть чистыми и приводить человека к хорошей цели.
- И вы больше ни разу по душам не говорили с этим Костей?
Женщина отрицательно покачала головой:
- Нет. Не пришлось.
- Отчего же?
- Он испытывал на нашем аэродроме новый истребитель. Готовился побить рекорд скорости... Не знаю, по каким причинам произошла катастрофа. Да и в этом ли дело? Его останки привезли в гробу и выставили в нашем Доме офицеров. Шопен, венки, речи... Жена не приехала. Мне тогда было очень больно. Какое-то чувство раскаяния грызло за те резкие слова. Только это мало что меняет. Если бы он воскрес, пожалуй, других слов для него все равно не нашла бы.
Женщина умолкла. Тикали стенные часы, равномерный шум реки, приятный и убаюкивающий, проникал в пустынный холл гостиницы.
- Странная вы, — повторил Алексей. — Если не испугались этого подвыпившего Убийвовка, чего же тогда расплакались?
- Вы лучше не расспрашивайте, вое равно ничего не поймете. А я буду снова глупо реветь... Я вам очень и очень признательна за сегодняшнее вмешательство. Вы и понять не сможете — как.
- Да нет, зачем же... — смутился Горелов, и кудряшки шевельнулись на его голове от резкого движения. — Обычное дело. Не мимо же мне было, в самом деле, проходить, если кто-то подает сигналы SOS.
- Я их не подавала. Справилась бы и сама. Но вы, конечно, молодец. — Женщина подошла к подоконнику, не оборачиваясь, спросила: — Вы, кажется, из группы полковника Нелидова? Завтра утром вас переселят в отдельный номер, Алексей Павлович.
- Вот как! — удивился Горелов. — Вы даже мое имя-отчество знаете.
- Только сейчас вспомнила. Сегодня утром полковник за вас хлопотал и несколько раз называл по имени и отчеству.
'Горелов постоял, переминаясь с ноги на ногу, и громко пожелал:
- Спокойной ночи!
- Спокойной ночи, — откликнулась женщина, и только сейчас Алексей поймал себя на том, что ему очень понравился ее чистый грудной, несколько певучий, как у многих южанок, голос, в котором так и пробивались все «о» и «а».
Горелов поднялся на третий этаж. В номере было темно, пахло кислым винным перегаром. Нащупав выключатель, включил свет и во всю ширь распахнул единственное окно. Густой

тучей ворвалась мошкара, обленила двухсотсвечовую лампочку под выгоревшим абажуром. Убийвовк оглушительно храпел и никак не реагировал на появление соседа. Он, видимо, повалился на койку замертво, едва успев снять один ботинок. Спал одетым. Седеющая лохматая голова, мягкие влажные губы, шрам на левом виске — все, как у любого летчика, разменявшего четвертый десяток лет. Алексей, вешая в фанерный шкафчик брюки, впервые увидел китель майора. В Степновске, опасаясь от сильной жары, офицеры ходили в рубашках с короткими рукавами и нашитыми на плечи матерчатыми погонами. На рубашках отсутствовали орденские планки, и китель соседа внезапно заинтересовал Горелова:
—О-ёй! — присвистнул он. — Это да!
На кителе соседа поблескивала Золотая Звезда Героя, а под нею — пять рядов орденских планок. «Да, не слишком-то хорошо получилось, — подумал Алексей. — Вот он какой, а я его на пол с помощью джиу-джитсу». Но, укладываясь в постель, вспомнил синие заплаканные глаза женщины, оставшейся в холле, и всем армейским уставам наперекор с параграфами об отношениях старших и младших самому себе сказал: «Нет, правильно, иначе было нельзя».
Утром, едва забрезжил рассвет, Убийвовк с измятым лицом поднялся с койки и долго гремел стаканом, наливал из графина питьевую воду, крякал и бормотал:
—Ух и до чего мощная водичка, как горилка з перцем на поминках у батьки Тараса Бульбы!
Когда Горелов стал одеваться, Убийвовк, стыдливо отворачиваясь, поинтересовался:
- Я тут вчера трошки бузил, га? Мей брей, не серчайте на седого олуха, ради бога.
- Да полно, что было, то прошло, — добродушно ответил Алексей, — только будьте в следующий раз поосторожнее после выпитого, так и до скандала недалеко.
- Да-а, — вздохнул Убийвовк, сосредоточенно разглядывая в зеркале свою опухшую физиономию. — Якая важкая ручка у этой королевы красоты. Ну куда мне с такой рожей сегодня деваться? Каждому объясняй, кто тебя ударил: Маня или Таня. Хорошо, что на аэродром не обязательно являться. Мабудь, я и есть тот летчик, которому в аттестацию записали: в выпивке не замечен, но по понедельникам трясет головой и с утра пьет очень много воды. Га?
Горелов рассмеялся. Спросил:
—Товарищ майор, когда же вы Героем Советского Союза стать успели? В годы войны, сдается, вам всего пятнадцать-шестнадцать было. В этом возрасте, как я знаю, за штурвал еще не держатся.
—Мей брей! — весело отозвался Убийвовк. — Какая поразительная наблюдательность. Действительно, в детском возрасте больше держатся не за штурвал, а за мамкину юбку.
Горелов съязвил:
—За первую встречную юбку вы и сейчас норовите ухватиться.
Убийвовк укоризненно покачал головой;
—Капитан, это вы лежачего-то?
Алексей поднял руки — будто на милость победителя сдавался:
- Не буду, не буду, только вы про Золотую Звезду расскажите.
- Да зачем про нее много говорить? — поморщился Убийвовк. — Войну я все-таки захватил. Это выгляжу моложаво. Орденами был награжден за боевые вылеты. А звездочка — так это другое дело. Разве вы моей фамилии не слыхали, капитан? Тоже мне авиатор двадцатого века. Как-то испытывали новый двухтурбинный экземпляр. На большой высоте он вошел в плоский штопор. Выхода никакого. Командир приказал экипажу катапультироваться, а сам остался в пилотском кресле и на высоте двести метров все же вывел машину. Об этом много писали газеты. Так вот я и есть тот самый командир. Ось як, мий гарный парубок!
Горелов, потянувшийся было за брюками, опустил руки:
- Да ну?!
- Вот тебе и ну. А ты вчера старику чуть ребра не поломал.
- Так ведь я же...
- Ладно, ладно, — остановил его без улыбки Убийвовк, — сам бы на твоем месте так сделал. Ненавижу себя хмельного. Так бы и дал по этой опухшей роже! — закончил он

грустно и опять посмотрел в зеркало. — Как ты полагаешь, мий гарный парубок, должен я извиниться перед королевой красоты?
- Да, оно бы лучше.
- Вот и я так думаю. И не извиниться не могу, и ноги к ней теперь не ведут... А все же придется.
Алексей одобрительно кивнул, схватил махровое полотенце и убежал в умывальную комнату: с шести до восьми утра изо всех кранов исправно лилась вода.

* * *

Когда серый штабной автобус привозил космонавтов на аэродром на очередные тренировочные парашютные прыжки, Георгий Каменев преображался. Как-никак был он главным и единственным наставником космонавтов. Каменев приезжал на аэродром раньше других, быстро облачался в летное обмундирование, покрикивал на техников и механиков, готовивших самолет, предназначенный для парашютистов, договаривался с летчиком о маршруте, времени и высоте сбрасывания, уточнял, когда давать предварительный и исполнительный сигнал. У тех, кто должен был прыгать, придирчиво спрашивал о самочувствии, проверял, твердо ли усвоено задание, требовал, чтобы о последовательности действий прыгающий рассказывал все, как перед первым прыжком. Только такая дотошность могла, на его взгляд, исключить ошибки. Субботин во время таких затянувшихся инструктажей презрительно фыркал.
- Капитан, я какой делаю прыжок — первый или пятисотый? — спрашивал он у Каменева.
- Вероятно, пятисотый, — невозмутимо соглашался Георгий.
- А кто меня напутствует? — не унимался Субботин. — Одряхлевший, собирающийся в запас рядовой инструктор или чемпион мира?
- Перестань, Андрей, — энергично вмешивался Костров. — Для такого вертопраха, как ты, хорошего старшины хватило бы. Слишком велика честь, чтобы тобою чемпион мира руководил.
Игорь Дремов, хмуря тонкую соболиную бровь, ворчал:
—Андрюха, лучше бы ты за бессловесного манекена прыгал.
Плечистый немногословный Олег Локтев при подобных пикировках помалкивал. А майор Ножиков, еще немного прихрамывавший после автомобильной катастрофы, только руками разводил:
—Мальчики, вас за такое легкомыслие на бюро прочесать стоило бы.
Дебаты на этом кончались, а капитан Каменев отмечал про себя, что космонавты начинали слушаться его беспрекословно. Самым дисциплинированным он считал Горелова и был несколько опечален, что в это утро тот подошел к нему позднее других, заставив Каменева несколько раз обеспокоенно посмотреть на часы. Георгий отвел Горелова в сторону, чтобы не слышали остальные, спросил:
Что это, Алексей Павлович? И глаза покрасневшие, и на лице какая-то рассеянность? Может, полбанки вчера хватили?
Если иртышской воды, то больше! — засмеялся Горелов, сразу рассеяв возникшие у инструктора подозрения. В самом деле, не рассказывать же о том, как, задержавшись в штабе за полночь, он вернулся в первом часу в гостиницу и вынужден был «регулировать» подвыпившего Убийвовка. Каменев хлопнул в ладоши совсем не по-командирски, а как заправский массовик дома отдыха:
—Минуту внимания, товарищи офицеры!

Космонавты окружили его. Пока мужчины озабоченно обсуждали последовательность прыжков, Женя Светлова и Марина Бережкова о многом успели посудачить. Каменев видел, что они слушают его рассеянно, про себя обиделся на Женю, но обратился к одной Марине:
- Старший лейтенант Бережкова, какая скорость ветра на высоте сбрасывания?
- Ветер? — стыдливо покраснев, переспросила Марина. — Ветер, он пускай себе дует. Даже на заданной высоте. Лишь бы не в голове.
Женя поперхнулась одобрительным смешком, а Субботин обрадованно подхватил:
- Ну и кадры у нас, товарищ капитан! Как, по-вашему, можно ли с такими брать высокие рубежи в боевой подготовке, к каким нас призывает парторганизация в лице товарища Ножикова? Да еще мечтать о Луне?
- О Луне можно, — улыбнулся Каменев. — Впрочем, это меня не касается. А вот как будете прыгать с заданной высоты — еще посмотрю. Вы для меня сейчас всего-навсего обыкновенные парашютисты, а не первооткрыватели Вселенной.
Майор Костров покачал головой:
.— Лично я ее «открываю» вот уже около десяти лет.
- Это почему же? — заинтересовался Каменев.
- Да потому, что десять лет только и делаю, что провожаю друзей в космос. Да вот, как видите, на парашютные прыжки хожу. Дети растут и, пожалуй, скорее меня космонавтами станут.

-
Ничего, — успокоил Каменев, — рано или поздно, а в космосе вы побываете. Товарищи офицеры, прошу поближе ко мне. Первый групповой прыжок будут выполнять все, за исключением капитана Горелова и старшего лейтенанта Светловой.

- А эти короли воздуха что будут делать? — осведомился Субботин.
- Получат другое задание, — сухо урезонил его Каменев, — а вас прошу к делу.
Спустя несколько минут первая группа с зелеными, туго пристегнутыми на спине и груди парашютными ранцами уже грузилась в видавший виды АН-2. Экипаж сразу запустил мотор, едва лишь красная подножка была убрана от входной двери. Светлое утро стелилось над степновским аэродромом.
Исчезая в открытом люке, Субботин беззаботно помахал Жене Светловой:
- Женька, маску надень!
- Да я ж с полутора тысяч прыгаю, Андрюша.
- Все равно надень.
- Зачем?
- Чтобы личико не обветрилось. С обветренным тебя никто замуж не возьмет.
- Какая самоуверенность! Кто полюбит — возьмет и с обветренным.
Потеплевшими черными глазами капитан Каменев искоса посмотрел на девушку. Взгляд его стал мягким и задумчивым, могло показаться — позабыл он и о парашютных прыжках, и о подготовленном к взлету АН-2, которому надо было \только махнуть рукой, чтобы бортмеханик закрыл дверь, а летчик начал выруливать на старт. Продолговатые глаза Каменева восторженно следили за тем, как Светлова, придерживая одной рукой взбитые ветром волосы, силилась пристегнуть запасной парашют. Женька или не Женька? Неужели это та самая длинноножка, с которой когда-то сидели они за школьной партой, ходили собирать утиль, играли в волейбол?
- Товарищ капитан, — донесся голос бортмеханика, — командир спрашивает: нам выруливать?
- Выруливайте, — очнулся Каменев.
АН-2 промчался по взлетной дорожке, высек из твердых бетонных плит облачко пыли и оторвался от земли.
—Алексей Павлович, Женя, — обратился капитан к оставшимся на земле, — мы будем прыгать на точность приземления. Так что никаких задержек, никакого свободного падения! Учтите, буду ставить оценку за технику управления куполом. Основное внимание — на разворот по ветру и момент приземления. Расположение площадки приземления вам

известно. Ветер сегодня небольшой, всего два метра в секунду, однако и его надо учитывать, дорогие мои ученики.
Горелов, глядя на Каменева, невольно улыбнулся. Еще несколько дней назад робко и скованно чувствовал себя Георгий в кругу космонавтов. Многие из группы полковника Нелидова были старше его по возрасту и воинским званиям. Это смущало. И потом, манера ребят всегда с иронией воспринимать самое строгое напутствие. Он принял сначала это за высокомерие, но, когда разобрался, увидел — все их шутки добрые. Просто многое повидавшие молодые люди любили острить даже в самых серьезных ситуациях. Каменев быстро освоился, стал построже на теоретических занятиях и тренажах, даже голос повышал, отдавая приказания перед выброской из самолета.
«Хороший из него командир получится», — радовался Алексей.
Тем временем зеленый АН-2 уже набрал заданные три тысячи метров высоты и, купаясь в солнечных лучах, с запада на восток проходил над аэродромом. Космонавтов, совершающих затяжной прыжок, нужно было выбросить почти над самым центром летного поля. Каменев, защищая глаза от солнца ладонью, посмотрел вверх. Горелов и Женя тоже подняли головы.
—Пошли, хлопчики! — весело заметил инструктор.
Сколько бы раз ни приходилось человеку выбрасываться с самолета на парашюте, какой бы виртуозности в своей профессии он ни достиг, никогда он не останется равнодушным, если на его глазах прыгают товарищи. Даже самый прославленный ас парашютного спорта с бьющимся сердцем наблюдает за тем, как покидают борт самолета зеленые новички, и его зоркий наметанный глаз фиксирует в. эти мгновения каждую деталь: как отделился от самолета парашютист, как он парит в свободном падении, когда дергает вытяжное кольцо, как подтягивает лямки перед встречей с землей, и уж, Конечно, за тем, как приземляется.
—Пошли! — повторила за Каменевым Светлова.
Один за другим прыгнули из открытой двери в сияющее пространство голубого знойного неба черные комочки. Ни один белый купол пока не вспыхнул над головами наблюдавших. Космонавты, прыгавшие затяжным, раскинув руки и ноги, парили в небе. Каждый старался как можно лучше управлять своим телом, подчинить себе огромный простор, распахнувшийся над землей. Была минута, когда они сблизились и, взявшись за руки, образовали треугольник. Потом группа распалась, парашютисты как бы отплыли друг от друга.
—Какая прелесть наши мальчики! Как красиво идут! — залюбовалась Светлова.
Последние секунды задержки с открытием парашюта. В это время каждый жадно всматривается в набегающую землю, охватывает ее на десятки километров окрест со всеми оврагами, перелесками, контурами населенных пунктов, блестящими руслами рек. То желтые, то зеленые, то черные или голубые краски родной земли переливаются перед взором парашютиста. Он и радуется приближающейся земле, и боится ее немножко, потому что,, чего греха таить, у каждого напряжены нервы и кровь стучит в висках гулкими толчками вплоть до того мгновения, когда, посмотрев на секундомер, вырывает он кольцо парашюта. И какой же разрядкой после этого долгого напряжения нервов и мускулов бывает хлопок послушно раскрывшегося купола! А когда запылает над головою тугим воздухом наполненный этот купол, петь и смеяться хочется! Сколько бы ни прыгал человек, всегда он переживает это святое чувство привязанности к земле, новой встречи с нею.
Оценивающим взглядом следил капитан Каменев за вырастающими вверху фигурами.
—Прилично идут.
Вспыхнули белыми тюльпанами купола, парашютисты были уж© так низко над землей, что опытным взглядом можно было опознать каждого.
- По-моему, Дремов чище всех управляет куполом, — заметил Горелов. — А вот нашего блондида Субботина отнесет.
- Возражаю, — заявил Каменев. — Смотрите, какая у него превосходная координация. Развороты точные, ажурные. Нет, Алексей Павлович, вы к Субботину просто придираетесь.

-

Виноват, беру свои слова обратно.

- Между прочим, ребята, — весело объявила Женя, — Андрюша Субботин сегодня вечером нас шампанским угощает. Этот прыжок у него пятисотый.
- Это кто же здесь ребята? Я, что ли? — с напускной строгостью уточнил Каменев и нежно на нее посмотрел.
- Извините, товарищ капитан, — кокетливо рассмеялась Женя. У нее был своеобразный смех. Так никто не смеялся. Женя словно бы глотала смех, и у нее выходило короткое прерывистое «аха-ха», «аха-ха». Ее ровные, словно отполированные, зубы весело поблескивали.
Каменев посмотрел на секундомер.
—Молодцы! Время выдерживают.
Три шелковых купола опустились на степь. Три человека, находившиеся под ними, ни на секунду не прекращали напряженной работы со стропами, направляя полет к границам большого, очерченного мелом круга. А зеленый АН-2, гудя мотором, сделал еще один заход и стал снижаться.
- Порядок! Все в пределах круга приземляются, — рассудил Горелов.
- Попробовали бы они еще в круг не попасть, я бы тогда им устроил легкую жизнь! — с напускной важностью откликнулся Георгий, но тотчас осекся, поймав на себе улыбчивый взгляд космонавта.

- Да уж хватит, хвальбишка,
—
протянула весело Женя и легонько шлепнула своего товарища черной крагой по плечу.
— Мы-то все знаем, что ты перед нашими ребятами как красная девица тушуешься.

- Женька, не компрометируй, — окончательно смешался Каменев. — Когда у тебя только кончится этот прилив фамильярности?
Самолет уже прирулил на старое место и развернулся для нового взлета. Бортмеханик открыл дверь, укрепил на борту скобу. Винт вращался на малых оборотах, освежающая струя воздуха тянулась от него. Под нежным, не тронутым загаром подбородком Женя застегнула ремешок каски и следом за Каменевым подошла к самолету. Георгий первым забрался в самолет, хотел было подать ей руку, но почему-то сдержался и отступил в глубину фюзеляжа. Светлова насмешливо сдвинула тонкие брови.
—Тоже рыцарь, руку не можешь в трудную минуту протянуть.
— Прости, Женечка, — отозвался Георгий, и она замолчала, пораженная внезапной ласковостью его голоса. Дверь захлопнулась, машина пошла на взлет, набирая высоту, закачалась над крышами Степновска. В фюзеляже пахло разогретым металлом. На железные скамейки у одного борта сели Горелов и Женя, у другого, напротив них, — Каменев.
Прыжок, который через несколько минут им предстояло совершить, был самым заурядным и никаких сомнений не вызывал. По заранее составленному расчету Каменев первым выпустит Горелова, потом Женю и с интервалом в несколько секунд прыгнет за нею сам. Находясь выше своих учеников, он будет внимательно наблюдать, как они управляют парашютом, собираясь опуститься в центр большого круга, известью начерченного на желтой, затвердевшей под солнцем земле. Тот, кто опустится в центре этого круга, получит отличную оценку. Сам Каменев не будет с ними соревноваться. Для него это давно пройденный этап. Он даже сознательно выберет точку приземления метрах в десяти от них, чтобы не помешать космонавтам после приземления управляться с парашютами. На этом программа сегодняшних тренировок закончится. Потом — разбор, а после обеда можно будет и в Иртыше искупаться. «Обязательно наберусь смелости и приглашу Женю, — подумал Георгий, искоса поглядывая на сосредоточенную, о чем-то задумавшуюся девушку. — Как бы ее пригласить? Эх, не умею я договориться! Вот у Рогова все как по нотам получается. Он и пошутить к месту умеет, и цитату из классика ввернуть. Журналист... А я с детства с Женькой знаком и — робею».
Неожиданно он поймал себя на мысли, что в последние дни в его отношениях с Женей появилась невидимая, но так хорошо осязаемая граница. Он, запросто хватавший ее в

школе за вихры в беззаботных ребячьих играх, вдруг стал стесняться. Даже на берегу Иртыша, где в жаркие дни мужчины и женщины спокойно раздевались на единственном пляже, он стыдливо отворачивался, едва лишь Женя начинала снимать с себя платье или форменную рубашку с матерчатыми погонами. Мысленно он негодовал на всех других: как они смеют на нее смотреть, когда она раздевается! Особенно раздражал Леня Рогов, всегда находившийся в такие минуты вместе с ними. Прикидываясь страшно безразличным, он бросал на Женю такие взгляды, что Каменев дрожал от негодования и мрачнел: «Вот так и одолеет ее своей услужливостью и настойчивостью».
Склонившись на левое крыло, самолет уже подбирался к заданной высоте. Бортмеханик повернулся на сиденье, рукой сделал знак приготовиться. Это означало — ровно через две минуты Горелов должен первым покинуть борт машины. Каменев распахнул дверь. В проеме показалось голубое небо, смыкавшееся вдали с желтой необъятной степью. Самолет не слишком далеко ушел от Степновска. Ровные кварталы новых трехэтажных зданий, красная водокачка, стадион и зеленые скамейки летней, открытой эстрады — все хорошо просматривалось с высоты. Самолет изменил курс, и внизу появился аэродром. Стоянки истребителей и тяжелых бомбардировщиков, скрещение серых бетонированных полос и сеть рулежных дорожек, здание командного пункта под развевающимся на ветру флагом Военно-Воздушных Сил — все это увидели парашютисты.
—Капитан Горелов, — негромко скомандовал Каменев, — приготовиться!
Алексей встал, расправляя плечи, попробовал, как застегнуты ножные обхваты, поправил ранец запасного парашюта и подмигнул Светловой:
- Сестренка Евгеньюшка, до встречи на земле-матушке.
- До встречи, братец Алешенька, — кивнула Женя.
- Пошел! — резко выкрикнул Каменев.
Горелов спокойно подошел к открытой двери и прыгнул в голубое пространство. Вскоре у него из-за спины вырвался оранжевый вытяжной парашютик, а затем и основной купол распустился над головой, став тугим от напора воздуха. Каменеву без слов было ясно: Алексей выбросился без опоздания и ненужной поспешности, в свое время. Георгий посмотрел на сосредоточенное худенькое лицо Светловой, успевшей уже пересесть поближе к люку, на место, которое только что освободил Горелов. Георгий хотел было скомандовать и ей так же строго и официально: «Старший лейтенант Светлова, приготовиться к прыжку!» — но встретился с ее обезоруживающими глазами, увидел в них неожиданные для себя удивление и радость и сразу опешил.
—Женя, твоя очередь, — выговорил он громко, стараясь преодолеть в голосе волнение, но прозвучало это опять предательски ласково.
Женя встала и, благодарно на него посмотрев, просто сказала:
—Иду, прощай, Жора, на земле встретимся.
В синем комбинезоне, опутанном лямками и тяжелым парашютным ранцем за спиной, она не потеряла привлекательности, казалась удивительно стройной. Спина ее была прямой, голова в твердой белой каске гордо поднята. Каменев бегло взглянул на секундомер и махнул рукой. И как только махнул, Светлова шагнула к двери. На мгновение задержалась, улыбнулась, обнажив сверкающие зубы. Остренький ее подбородок весело дрогнул:
—Пока, Жора!
И Женя оказалась за бортом. Фала, соединявшая ее с самолетом, туго натянулась и выдернула шпильку прибора автомата, находившегося у нее за спиной в маленьком кармашке. Этот прибор уже включился и отсчитывал секунды задержки, оставшиеся до раскрытия парашюта.
Черная Женина фигурка вписывалась в пейзаж земли. Секунды интервала стрелка отсчитала как бы одним дыханием. Каменев спокойно выпрыгнул в открытый люк. Ветер лизнул лицо, засвистел в ушах. Чтобы не завертело, он раскинул руки, машинально отметил: «Ну и ну, непослушная девчонка. Тянет. На разборе непременно отругаю. Ведь предупреждал же. чтобы никакого свободного падения. Почему до сих пор не открывает парашют? »
Черная фигурка девушки продолжала падать. Наконец темный от яркого солнца купол начал медленно разворачиваться над ее головой. Прекратив свободное падение, Светлова повисла на стропах. Каменев хотел уже дернуть за вытяжное кольцо, но какое-то недоброе

предчувствие удержало. Он еще не оценил случившегося, мысль еще не сложилась в тревожные слова, но зоркие глаза уже зафиксировали беду, и неприятная, сковывающая волна оцепенения овладела воем телом. Отчаянный крик застыл на его высушенных встречным ветром губах:
—Же-е-ень!..
Никто еще не мог понять происходящего над землей, на высоте в тысячу триста метров. Он, ее школьный товарищ в прошлом, инструктор в нынешнем, первый увидел непоправимое. На земле еще царило спокойствие, там считали, что обычный рядовой прыжок протекает своим чередом. Один лишь Георгий знал, какое несчастье обрушилось на Светлову. Купол над Жениной головой, не успев наполниться, начал вянуть. Белый шелк — запаски обволакивал стропы основного парашюта. Женя неумолимо падала на выгоревшую от солнца иртышскую степь, и уже ничто не могло ей помочь.
— Же-ень!.. — громко и тоскливо звал ее Каменев, будто она могла его услышать. Но отчаяние, сковавшее тело, он уже поборол. «Нет, она не должна погибнуть, я этого не допущу! Она должна жить! У нее сейчас скорость падения, наверное, метров пятнадцать в секунду, не больше. А если так, я должен ее обогнать... Только это!»
Шелковые купола, перехлестнувшиеся над головой Жени, все-таки немного замедляли скорость ее падения. Георгий, не прикасавшийся к своему вытяжному кольцу, сразу понял: есть только одна возможность — он должен обогнать Светлову в свободном падении, раскрыть свой парашют и попытаться поймать ее стропы.

«Только так! — ожесточенно твердил Каменев.
—
Хватило бы высоты!»

Продолжая парить в воздухе, точными движениями рук и ног он направлял свой полет прямо на гаснуший парашют Светловой. Черная фигурка Жени, беспомощно барахтавшаяся в воздухе, росла, приближалась.
«Еще усилие. Еще. Только бы раньше времени яе сработал прибор, — успел подумать Каменев. — Ну!»
Окунувшись в голубой воздух, Женя весело подумала, какими знакомо-приятными будут секунды свободного падения, когда и жутковато замирает сердце, и хочется как можно дольше пробыть над землей в свободном, рискованном и смелом парении. Ей показалось, что секунды проходят гораздо медленнее, чем во всех предыдущих прыжках. Но когда она бросила взгляд на высотомер на запасном парашюте, поняла — время раскрытия уже прошло. Рванув наотмашь вытяжное кольцо, зажмурив глаза, ожидала, что вот-вот последует аэродинамический хлопок— она повиснет на тугих стропах и скорость падения намного сократится. Но шли секунды, а она падала по-прежнему быстро. Открыв встревоженные глаза, Женя поняла, что основной купол, вышедший на этот раз с непонятным опозданием, перехлестнут.
«Ничего, есть еще запасной», — утешила себя Женя. Правой рукой дернула тонкую красную скобу запасного парашюта. Последовал хлопок, и Женя облегченно вздохнула, увидев разворачивающийся над головой шелк. Ее тело ощутило твердую силу привязных ремней. Стало приятно, что жуткое падение приостановлено. Она бросила взгляд на белевший далеко внизу круг, в самом центре которого приземлялся уже Горелов, и прикинула, как будет управлять стропами. Но что-то странное случилось в это мгновение. Почему-то желтая степь с черными кустиками саксаула, видневшимися в стороне крышами Степновска и светлой лентой Иртыша снова стала быстро вращаться, надвигаясь на Женю. Она запрокинула голову и вся похолодела. Запасной купол, обвив стропы основного, не наполнялся, а угасал. Ее снова несло к земле с бешеной скоростью. А на высотомере было уже меньше тысячи метров.
Насмешливая и четкая пришла мысль: «Восемьсот, деленное на пятнадцать, — это что-то около пятидесяти четырех. Пятьдесят четыре раза успею подумать о жизни и смерти и о том, что Земля, от которой собиралась уйти на время в далекий космос, берет к себе в полном соответствии с законом всемирного тяготения. Берет навечно. Белый саван сникших парашютов будет сопровождать до последней встречи с землей. Под ним положат

и в гроб. Я погибаю. Удар о землю — и сплошные потемки, как белый свет при закрытых дверях. Так, кажется, кто-то из классиков описывал смерть. Только кто? А может, это я сама выдумала? Какая разница! Но ведь я хочу жить! Не хочу, чтобы был почетный караул и все плакали! Не хочу, чтобы вызывали маму на похороны... Я даже Жорке не смогу сказать, что я полюбила. Боже мой, для чего смерть?!»
Желтая степь росла, ширилась. Ветер высекал из глаз злые, бессильные слезы. А скорость снижения не уменьшалась. «Как лучше разбиться — с открытыми или закрытыми глазами?» — спросила себя Светлова. Она уже не ощущала страха. Она только почувствовала вялость, сковывавшую мысли и нервы. Потом вздрогнула. Огромная, как ей показалось, черная тень промчалась рядом.
А еще через несколько секунд внизу раздался хлопок. Метрах в двухстах ниже Женя увидела парашютиста и не сразу поняла, что это Каменев. Где-то в глубине души смутно шевельнулась надежда.
Женю продолжало медленно вращать. Каменев развернул купол своего раскрывшегося парашюта в ее сторону. «Успею ли?» — тревожно пронеслось в мозгу у Георгия. Он увидел, как переднюю кромку его наполнившегося парашюта смяли ноги Светловой. Каменев рванулся вперед. Поздно! Женя скользнула мимо. И все же в какое-то мгновение он успел схватить стропы ее парашюта, ставшие огненно горячими. Они больно резанули руки. «Держать! Держать! Только держать!»—яростно выдохнул он и что есть силы подтянул стропы на себя. В глазах потемнело от рывка, болью отдалось в плечах. Купол Жениного парашюта зацепился за его запасной.
Руки горели от нестерпимой боли. Казалось, на них кто-то непрерывно льет кипяток. Но руки словно прикипели к шелковым струнам парашюта Светловой. Ниже себя он теперь видел бледное лицо Жени, ее расширившиеся, замершие от пережитого глаза, остренький подбородок, бескровную полоску рта.
А потом они упали на землю и барахтались в груде осевшего на них шелка. Георгий долго не разнимал своих окаменевших рук. Он не сразу понял, что держать стропы уже не надо, это ничем не грозит Жене. Разжав наконец руки, он схватил ими ее голову в белой твердой каске.и холодными потными губами поцеловал ее в такие же холодные, стиснутые от напряжения губы. Она несильно 'его оттолкнула и, сидя на выгоревшей траве, округлившимися глазами следила за каждым движением Георгия.
Каменев поднялся о земли, отстегнул лямки и только теперь почувствовал, как сильно у него дрожат руки и ноги, и, чтобы это скрыть, потянулся.
- Фу-у-у! — вымолвил он неповинующимся голосом. — Кажется, все!
- Жорка... — тихо отозвалась Женя. — Что мы с тобой натворили?
- Всего-навсего вернулись с того света на этот, — прошептал он.
Женя не спешила вставать с земли. Она чувствовала страшное облегчение, будто сбросила со своих плеч непосильную ношу. Солнце и небо, тонкий пронзительный запах полыни и гул садящихся самолетов, контуры светлых построек Степновска и, наконец, Жорка Каменев, Горелов, другие космонавты — все это опять ее!
- Ой, что мы с тобой натворили!—повторила она, а Каменев, уже оправившийся от пережитого, бурно прервал:
- Не знаю, Женька! Честное слово, не знаю. Важно, что ты на земле, со мной рядом, живая!
- Если бы по-другому получилось, я бы себе пулю в висок пустил. Это же, как дважды два, точно!
Гудя, приближалась к ним санитарная машина. Со всех концов аэродрома бежали люди...
В светлом вместительном кабинете начальника степновского авиагарнизона полковник Нелидов собрал весь отряд космонавтов. Павел Иванович сел за генеральский стол, уставленный пластмассовыми моделями реактивных бомбардировщиков, включил большой коричневый вентилятор, лопасти которого до этого мирно дремали под потолком, и внимательно оглядел собравшихся. На лицах космонавтов он прочел угрюмую сосредоточенность. Сергей Ножиков гневно сдвинул мохнатые брови. Володя Костров с досадой шумно вздохнул и осуждающе покачал головой. Локтев прямо перед собой сцепил здоровенные кулаки, стараясь унять волнение. Даже Андрей Субботин, всегда и во всем стремившийся уловить смягчающую юмористическую струнку, был мрачным и безмолвным. Алексей Горелов, не глядя ни на кого, бездумно чертил на листе бумаги,

забытом кем-то на длинном столе, приставленном к генеральскому. И только двое были удивительно спокойны: Каменев и Светлова. Женя даже покусывала губы от пытавшейся пробиться улыбки. Никому не было сейчас так легко, как ей. Они сидели рядом по другую сторону стола, напротив Горелова, и Алексей, оторвавшись от листка, подумал: «Какая хорошая была бы пара! Да еще, может, и будет». Из дальнего угла на Женю восторженно смотрела Марина Бережкова.
Нелидов откинул назад сверкающие сединой волосы, озабоченно выдохнул:
—Ну и ну! — Посмотрел на Каменева и Женю: —
Что же мы будем теперь делать, товарищи?
—А при чем здесь «ну и ну», Павел Иванович, если уже все позади? — беспечно откликнулась Женя.
Нелидов нахмурился:
- Подождите, старший лейтенант Светлова. Ваше слово сегодня последнее. — Он еще раз оглядел космонавтов и продолжал: — Вы меня извините, друзья. Я сейчас не как начальник группы к вам обращаюсь. Просто давайте будем считать, что мы проводим очередной «большой сбор». Мы все равны, и каждый должен говорить все, что думает, повинуясь голосу собственной совести. Вы отдаете себе отчет, на грани какой катастрофы мы находились?
- Понимаем, конечно. Не дети, — с места вставил Игорь Дремов. — Вот вам и новые парашюты! Если так и дальше пойдет, мы в этом Степновске половину отряда оставим.
- Парашюты, возможно, и ни при чем. С укладчиков надо спросить, о чем они думают! — гневно воскликнул Костров, всегда предельно вежливый, не употреблявший в разговоре с друзьями ни одного бранного слова. — Да за такое шкуру мало спустить!
Это прозвучало грубо, и Ножиков его остановил:
- Все-таки подожди, Володя. Сначала разобраться надо.
- Ну, пошел наш партийный вождь, — сверкнул зелеными глазами Субботин, — разбираться, анализировать, синтезировать... Не хватает логарифмической линейки да учебника по интегральному исчислению. Ты еще комиссию предложи создать из тринадцати апостолов. Тут же все ясно как божий день!
- Конечно ясно! — звонко выкрикнул Дремов. — Ведь если бы не наш инструктор Каменев, вы же знаете, что бы случилось... Язык не поворачивается даже вымолвить... — Он остановился, извиняющимися глазами посмотрел на Светлову. Девушка подняла голову, и плечи ее вздрогнули от нервного сдавленного смешка:
- Говори, Игорь. Не бойся, говори. Я теперь надолго от смерти застрахована. Кто однажды чуть не разбился долго просуществует.
- Присоединяюсь, Женя, — отбросив от себя карандаш, заметил Горелов. — Мне тоже так маршал сказал, когда я из горящего самолета выбрался. «Как фамилия?»— спрашивает. «Горелов» — «Горелов? Ну значит, все огни и воды пройдешь, раз с такой фамилией не сгорел». А ты, Светлова, наш свет.. Мы тебя всем отрядом любим за то, что ты наш огонек. И если какие-то головотяпы чуть тебя не погубили, им это так просто не пройдет.
Ни за что не пройдет! — крикнула из дальнего угла Марина.
Постойте, товарищи! — остановил их Нелидов, почувствовавший, что от всех этих выкриков, нелогичных, хоть и искренних, атмосфера напряженности постепенно ; растаяла. — Нельзя столь опрометчиво требовать: «Подай сюда преступника». Люди, укладывавшие ваши парашюты, хорошие и очень опытные. Едва ли среди них найдется злоумышленник. Есть одна несколько примитивная солдатская поговорка. На фронте бывалые солдаты любили говорить: раз в год каждая винтовка сама стреляет. У нас дело еще сложнее. Парашют новый. Скорее всего, это конструктивный дефект. Мы с майором Дробышевым уже разбирались. Начнем и доведем до конца серьезное расследование. Но факт налицо. Укладчики не виноваты.
- Значит, опять заводской дефект, — угрюмо сказал Дремов. — На заводской дефект легче всего любое ЧП списать. Ищи свищи, кто клепал, кто собирал, кто на пломбе штамп ОТК ставил.
Нелидов поднятой рукой остановил шумок:
—С заводом обязательно будем разбираться, товарищи. Будьте уверены, если это чья-то халатность, виновник ответит. А сейчас разрешите мне о самом главном сказать. Позвольте

от вас и от себя поблагодарить Георгия Васильевича Каменева. Не будем произносить пышных слов о мужестве, героизме и так далее. Само собой ясно. Но за то, что он спас Женю, спасибо ему от всей души.

Нелидов вышел из-за стола и троекратно расцеловал капитана.

- Женя, а ты чего теряешься? — подзадорил Субботин.

- Я? — вскочила Женя. — Я сейчас, ребята!

Она, густо покраснев поцеловала Георгия в лоб. Несколько секунд, н© видя ничего и никого, они восторженно смотрели в глаза друг другу и были похожи на слепых, которым вернули зрение, но так неожиданно, что они сразу видели больше того, чем хотели.

—Жорка... хороший мой, — беззвучно, одними губами, прошептала Светлова.

Нелидов вернулся к столу и, не сев, попросил тишины:— Всего час назад я доложил генералу Мочалову о случившемся. Получил приказание представить Каменева к правительственной награде.

—Здорово! — воскликнул широколицый Ножиков и бросился тискать капитана. — Ой, да какой же ты твердый! — восклицал он ликующе. — Будто из камня высечен! Горелов! Алешка! Какой же ты, к чертям, художник, если не заинтересуешься таким типажем. Я бы на твоем месте обязательно его написал. И не одного, а с Женей.

- Постараюсь, — неопределенно улыбнулся Алексей, — но если не получится, ради бога, не привлекай меня к партийной ответственности.

- Пусть только попробует не получиться! — угрожающе поднял палец Ножиков.

Алеша посмотрел на сияющую Светлову. Тонкий профиль ее лица, добрая мягкая улыбка, коротко подстриженные волосы с задорным хохолком над уже порозовевшим от солнца лбом — все это делало ее очень привлекательной. Но Горелов вернулся к прежней мысли: «Спору нет, красивая Женька. А вот полюбить ее сильно, по-настоящему я бы не смог». И ему вдруг вспомнилась другая женщина, синеглазая, с гордой короной пышных светлых волос, немножко старомодной, но так ей идущей. Он видел ее ночью в холле гостиницы, при беззастенчиво-ярком электрическом свете. «Как она любопытно рассуждала, — подумал он, — и была такая естественная, печальная от чего-то своего. Непонятная, странная женщина». Ему стало радостно, что есть три человека, участники одного маленького, их перезнакомившего ночного происшествия. Впрочем, третий, Убийвовк, не в счет... Алексей сейчас понял, как ему хочется снова увидеть ее!

* * *

Рогов расположился за тем самым генеральским столом, за которым полчаса назад Нелидов проводил «большой сбор». Генерала, начальника авиагарнизона, по-прежнему не было. Оставив пустовать большой кабинет, он сидел сейчас за штурвалом четырехтурбинного ракетоносца и вел огромную машину на Крайний Север нашей страны. Зарываясь в холодные облака, пели могучую песню двигатели. На небольшом, затерянном в бескрайних северных льдах островке должен был генерал поразить со своим экипажем первую учебную цель, потом пролететь до Хабаровска, оттуда взять курс на Москву и уже глубокой ночью посадить машину в Степновске. За многие часы бомбардировщику предстояло покрыть расстояние, на которое космонавту хватило бы всего какого-нибудь получасового орбитального полета. Но что поделаешь, двадцатый век принес и более разительные контрасты, если сравнить скорость того же самого четырехтурбинного ракетоносца со скоростью верблюжьего каравана, пересекающего вместе с изыскателями Кара-Кумы, или оленьих упряжек, до сих пор бороздящих снежные дали Севера. Уж кому-кому, а летчику-космонавту грешно улыбаться от таких сравнений, потому что была авиация его родной матерью, выпестовавшей и взрастившей его для дивных подвигов.

Генерал, покинувший на долгое время свой кабинет с коврами и мягкими креслами, находился на высоте восемь тысяч метров, а за его столом восседал теперь Леня Рогов. Был он в светлых брюках и модной полосатой рубашке, такой неуместной в военном штабе. Он плечом прижимал к полной щеке трубку телефона ВЧ и, листая блокнот, кричал:
— Москва!.. Москва!.. Это «Приоритет». Прошу редакцию... Редакция, да? Олег Вениаминович? Это я, Леонид Рогов. Да-да, здравствуйте. Сегодня утром у нас произошло потрясающее событие. Завтра авиапочтой вышлю большой очерк, а сейчас передам короткую информацию. О чем идет речь? Парашютист Каменев... капитан Георгий Каменев. Да-да, тот самый, совершивший рекордный высотный прыжок. Так вот, сегодня он совершил еще более героический поступок. Спас жизнь парашютистке, у которой погас купол. Они спустились на одном его парашюте... Живы, здоровы. Очерк я назвал «Семьдесят пять секунд из жизни капитана Каменева». А информацию давайте под таким броским заголовком пустим: «Двое под одним куполом». Диктую: «У парашютистов был очередной тренировочный день. В знойном голубом небе расцветали белые шелковые купола. В эти часы...» Записали?..
Рогов уже заканчивал передачу. На линии появились помехи, слышимость ухудшилась. Повышая голос, Леня в третий раз повторял заключительную фразу:
—«Так выдающийся советский рекордсмен-парашютист совершил в родном небе новый подвиг». Теперь поняли?.. Отлично. На этом поставим точку. До свидания.
Увлеченный телефонным разговором, Леня не услышал, как в кабинет вошел капитан Каменев. Он приблизился к генеральскому столу как раз в ту минуту, когда Рогов заканчивал передачу экстренной информации.
- Извините, — оказал Каменев необычно робко и поглядел вопросительно на журналиста, — полковника Нелидова здесь не было?
- Не было, — подтвердил Рогов.
- Жалко. Запропал... — Каменев было собрался уходить, но что-то его удерживало.
- Извините, — повторил он, — это сейчас вы обо мне заметку передавали?
- О вас, Георгий Васильевич, — кивнул Рогов и невольно залюбовался худощавым смуглым лицом офицера и смущенным блеском его черных глаз. «А он очень красив, когда такой, — грустно заключил про себя Леня, — немудрено, если Женя его полюбит».
- И эта заметка будет напечатана?
- Будет, Георгий Васильевич. Еще не было случая, чтобы Рогова бросали в редакционную корзину. А вам не хочется?
- Да нет, отчего же, — развел руками Каменев.— Я люблю, когда обо мне в центральных газетах заметки печатают. Это не так часто бывает. Я всегда вырезаю и храню. И признаться в этом, как видите, не стыжусь.
От его упругой мускулистой фигуры веяло таким мальчишеским простодушием, что Рогов не удержался от доброй улыбки:
Спасибо за откровенность. Мне очень приятно от вас это слышать. Иные рисуются, что не любят встречаться с журналистами, не любят, когда о них пишут, а на самом деле радешеньки, если упомянут хотя бы фамилию. Это же...
Только, знаете, Леонид Дмитриевич, — тихо прервал его Каменев, — не слишком ли много в вашей заметке таких вот слов: героизм, мужество, подвиг?
Леня спрятал блокнот, возражающе поднял загорелые пухлые руки:
— Но позвольте, Георгий. Во-первых, в информации эти слова употреблены по разу. А во-вторых, ухватиться за стропы угасающего купола чужого парашюта, зная, что можно запутаться в них и погибнуть вместе с тем, кого ты решил спасти, рисковать жизнью и, не колеблясь ни мгновения, пойти на этот риск... Каким же другим словом можно все это назвать? Не скромничайте, не скромничайте.
Каменев свел брови, но, скорее, не упрямо, а огорченно:
- Видите ли, я далек от того, чтобы, как вы тут выразились, скромничать. Но слова — мужество, подвиг, героизм — это же просто неправда.
- Почему? — остолбенел Рогов.
- Я хочу сделать анализ побудительной причины этого поступка. А он-то как раз и говорит об обратном, о том, что тут никакого героизма не было.
Рогов развел руками:
- Извините, Георгий, но я...

- Да тут и понимать нечего, — решительно выпалил капитан и опустил глаза, — ведь я же спасал Женю!
- Почему ваш поступок менее героичен, если вы спасали Женю?
- Потому что я спасал самого себя, свою судьбу, если на то пошло, — сжав кулаки и поднося их к груди, запальчиво продолжал Каменев. — Скажите, Леонид Дмитриевич, а вы бы не бросились спасать Женю, если бы она погибала на ваших глазах?
Улыбка сбежала с побледневшего лица журналиста.
Разумеется, бросился, если бы даже это было бесполезно, — грустно согласился он.
- Теперь вы понимаете, что побудительная основа моего поступка была несколько иной?
—- Понимаю, — глухо вымолвил Леня и так низко и бессильно опустил голову, что Каменеву стала видна его лысина, оберегаемая старательным зачесом. Это уже была дуэль, и Каменев сделал по всем правилам выстрел. Рогов еще раз глубоко вздохнул, подавляя неожиданно подступившее гнетущее чувство.
—Леонид Дмитриевич, что вы обо мне думаете? —задумчиво спросил Каменев.
Рогов растерялся от немного печальных, на него нацеленных глаз Георгия. Они сейчас стояли рядом, с интересом наблюдая друг за другом.
- О вас? — переспросил Рогов. — Думаю, что вы честный, справедливый и мужественный человек.
- И вы всегда так обо мне будете думать?
- Всегда, Георгий.
- Спасибо, Леонид Дмитриевич! — горячо поблагодарил он Рогова и стиснул до хруста ему руку.

* * *

Горелов медленно приближался к серому зданию гостиницы. После утреннего происшествия на душе остался тяжелый неприятный осадок. Милая Женька! Он-то больше всех находившихся на земле переживал ее смертельную беду, потому что, едва успел приземлиться в нескольких сантиметрах от центра белого круга и торжествующе поднять голову, понял, что происходит в небе. Он застыл от ужаса и от сознания собственной беспомощности.
Стоял, боясь пошевелиться, с трудом удерживая стон. А потом, увидев, что двое спускаются под белым тугим парусом парашюта, отчаянно завопил от радости.
Сейчас Горелов шел и думал о жизни и смерти, о значении случая в человеческой жизни. Вот вырвалась Женя из самых, что называется, когтей смерти и будет жить долгие годы. Совершит космический полет, окончит академию. Выйдет замуж и народит детей, а когда-нибудь станет, наверное, и бабушкой. И все-таки всегда будет вздрагивать, вспоминая гаснущий купол парашюта и суровую, неласковую, стремительно набегающую землю. Но если ее спросят, сожалеет ли она, что избрала в жизни полную опасностей тернистую дорогу космонавтки, честное слово, во все легкие Женя крикнет: нет!
Алексей вошел в прохладный холл гостиницы, украдкой бросил взгляд направо и огорчился: за столом дежурного администратора он не увидел синеглазой женщины. Ее место занимала пожилая киргизка, добрая, словоохотливая тетя Анара, как ее звали все обитатели гостиницы.
Несколько дней назад Алексей регистрировал у нее свое командировочное предписание. На его вопрос, как к ней обращаться, дежурная с доброй усмешкой ответила:
—Тетей Анарой зови. Так? Киргизский язык не знаешь, так? Если бы знал, не спрашивал. По-киргизски Анар — это самое тонкое вино, спелый гранат, душистый цветок.
Сейчас он хотел подняться сразу к себе в номер, но тетя Анара издали окликнула:
—Будешь капитан Горелов? Так? К себе в номер не ходи. Ты теперь другой номер живешь. Иди, дам ключ.

Алексей подошел к столику. Тетя Анара надела очки, открыла ящик с ключами и стала в нем копаться. Он терпеливо ждал, пока она гремела ключами, произнося громким шепотом какие-то ругательства. Наконец сняла очки и покачала головой:
- Ай беда! Это Лидия по ошибке домой твой ключ унесла. Такой хороший аккуратный человек Лидия, а сегодня сама не свой была. Вот и унесла. Ты знаешь Лидию?
- Нет, — соврал Алексей, понимая, о ком идет речь.
- Как! — вскричала с обидой в голосе тетя Анара. — Ты не знаешь Лидию?! Такой высокий синеглазый женщина с белый прическа. Настоящий русский красавица. Так? Ее тут даже с ребенком много раз сватать пытались. И в Москву, и в Ленинград увезти предлагали. Только не согласилась Лидия. Странный человек. Красивые летчики сватали, а она не согласилась. Гордый женщина...
- Тетя Анара, — тихо прервал Алеша, — не надо ее беспокоить. Я сегодня в старом номере переночую, а завтра она ключ принесет.
- Какой старый номер? — всполошилась дежурная. — Мы с ней оттуда все твои вещи в новый номер перенесли. Лидия даже цветы в банке на подоконник поставила.
- Ну и как же тогда поступить?
- Вот и я спрашиваю, как же? — согласилась тетя Анара. — Слушай, Лидия живет отсюда очень близко. Через два дома. Сходи туда за ключом. Самый простой дело.
- Да неудобно как-то, — протянул Алексей.
- Тогда оставайся здесь за столиком за меня, а я за твоим ключом схожу.
- О, это еще сложнее. Я тут так все перепутаю, что вы, тетя Анара, и за год потом не разберетесь.
Киргизка осуждающе покачала головой:
- Капитан, а гостиницей командовать боишься!
- Ладно, тетя Анара, давайте адрес. Схожу, — вздохнул Алексей.
- Так бы давно, — одобрила старушка.
Выйдя из гостиницы, Алексей остановился и оробело посмотрел по сторонам. Все-таки неловко непрошеным гостем стучаться в дверь ее квартиры. Что она о нем подумает? А вдруг решит, что ключ только предлог для такого визита. Хорошую же он память о себе оставит. Ему очень хотелось увидеть ночную собеседницу, и было в то же время отчего-то боязно и неловко. «Нахмурится, наверно», — решил он и представил, как стрельчатые брови невольно сомкнутся над ее синими, чуть выпуклыми глазами. «Зря иду», — окончательно упал он духом, когда до трехэтажного блочного дома, такого же стандартного, как и все остальные жилые здания Степновска, оставалось менее ста метров. И все же он шел. Разыскал третий подъезд, поднялся по узким свежеотесанным деревянным ступенькам на второй этаж. Перед дверью остановился, хотя надобности переводить дыхание не было: сердце у Алексея работало, как хронометр. «Ладно, была не была», — грубовато подбодрил он себя, но на кнопку звонка нажал весьма трусливо и сразу отпустил. Никто не вышел. Горелов тяжело вздохнул и позвонил вторично, более решительно. Показалось — гром электрического звонка разнесся по всему подъезду. Алексей испуганно огляделся по сторонам — не выходят ли жильцы других квартир? Щелкнул дважды замочный ключ. Дверь распахнулась, и на пороге появилась она.
В подъезде было прохладно и темновато. В коридоре, который оставался за спиной у женщины, — также. Она вышла в простеньком ситцевом халате и тапочках на босу ногу. Те же синие глаза, мягко очерченная линия рта и высокая пышная корона волос.
- Это вы? Ой! — приглушенно вскрикнула женщина и отступила в глубь коридора. Алексею подумалось — вскрикнула она от боли.
- Вы на что-то наступили? Не поранились? — встревожился он.
- Да нет, что вы, — успокоила женщина.
- А я, вот видите, вынужден был вас побеспокоить. Вы ключ от моего номера унесли по ошибке. Это меня тетя Анара направила. Вы уж извините, что обстоятельства поставили меня в роль незваного гостя.
- Да, я действительно виновата, — чистым, так ему понравившимся грудным голосом промолвила женщина.— Проходите, пожалуйста, я вам ключ сейчас отдам.
Горелов неловко потоптался у порога.
—Нет-нет, обязательно проходите, — решительно повторила женщина, — чего же вы будете здесь ожидать?

Алеша очутился в тесном коридоре.
- Мама, кто это? — донесся из комнаты детский голосок.
- Отдыхай, доченька, — ласково сказала женщина. — Это дядя ко мне по делу. — Покосившись на приоткрытую дверь, она извиняющимся шепотом пояснила: — Моя Наташка ангиной заболела. В полдень около сорока было.
- Бедненькая, — сказал Алексей, чтобы хоть что-нибудь сказать.
- Вы проходите в столовую, — кивнула женщина на другую, настежь раскрытую дверь.
Алеша очутился в небольшой, аккуратно обставленной комнате, увидел на маленьком столике груду чистого белья, гладильную доску и поставленный на попа электрический утюг.
—Я тут убиралась, — сконфуженно призналась женщина, — вы уж извините, такой хаос.
Горелов увидел на стене портрет молодого офицера с тремя звездочками на погонах и инженерным значком на тужурке. Короткий зачес густых волос, усталые глаза, большие и выразительные. Губы энергично стиснуты, у рта замерла жесткая складка.
- Мама... пить, — донесся детский голосок.
- Сейчас, моя светонька, — пропела женщина, и Горелов почувствовал, как много было ласки в ее голосе.
Цепкий взгляд Алексея успел отметить и простоту комнатной обстановки, и дешевенькие, уже давно выгоревшие от солнца штапельные занавески, и даже заштопанный рукав на светлом с красными кружочками ситцевом халатике, очень коротком, едва скрывающем ее колени,
«Откуда же быть у нее большому достатку? — подумал Горелов. — На зарплату дежурной по гарнизонной гостинице вдвоем с девочкой не особенно разживешься».
Напоив девочку, женщина возвратилась в комнату, и Алексей смутился, заметив, что она успела переодеться. На ее ногах появились белые босоножки, а домашний халат она сменила на черную юбку и ту самую розовую кофточку, в которой Алексей увидел ее впервые. Он нечаянно встретился с ее синими глазами и заметил, как вспыхнуло ее лицо.
—Мама, — снова позвала девочка, — а дядя ко мне зайдет? Мне скучно одной. Ты все работаешь да работаешь.
Алексея царапнул по сердцу жалобный голосок. Женщина смущенно отвела глаза:
- Что ты, Наташенька, дяде очень некогда. Я переглажу белье и буду читать тебе сказки.
- Ты долго будешь гладить, — недоверчиво отозвалась девочка.
Горелов поднялся:
—Если я к ней на минутку зайду, вы не будете против?
Женщина, уже державшая в руке ключ, благодарно посмотрела на Горелова.
—Ой, да что вы! У вас же и на самом деле каждая минута, наверное, на учете. Но если вам действительно не в тягость... — она не договорила и открыла перед ним дверь.
Горелов вошел в комнату и на маленькой никелированной кроватке с высокой спинкой увидел под стеганым одеялом девочку с беленькими косичками. Она лежала на спине. По багровому румянцу на худеньких впалых щечках и прерывистому дыханию можно было догадаться, как ей тяжко. На стуле, приставленном к изголовью, лежала половинка лимона, градусник, пачка каких-то таблеток. Алексей прикоснулся ладонью к ее пылающему лбу.
- Тебе больно, Наташа? — спросил он участливо.
- Нет, — качнула девочка головой, — только лобик горячий. Подержите на нем руку, дядя. Ка-ак хорошо! У вас рука холодная-холодная. Еще подержите немножко, ладно?
Горелов не видел, какими добрыми и грустными глазами смотрит на него с порога женщина. Он опустился перед кроваткой на колени и теперь почти целиком закрыл ладонью пылающий детский лобик.
- Ой как приятно! — прошептала девочка. — Мама, этот дядя хороший?
- Хороший, Наташа, очень хороший, — ответила певуче Лидия.
- Мама, он летчик?
- Летчик, Наташа.
- Но ты же не любишь летчиков.
- Кто это тебе сказал?
- Ты сама говорила.
Женщина смутилась. «Видно, насолили ей, бедняге, всякие перегонщики вроде Убийвовка, если даже ребенку на них пожаловалась», — подумал Горелов и, желая разрядить обстановку, весело сказал:

- А я не летчик, Наташенька. Это я раньше был летчиком. А теперь парашютист. Вот я кто.
- Это правда? — потребовала подтверждения Наташа.
- Правда, девочка.
- Мама, дай дяде мою дудочку, пусть он на ней поиграет и песенку какую-нибудь споет.
Алексею никогда не приходилось нянчить маленьких. Своих братьев и сестер у него не было. Так уж сложилась горькая вдовья жизнь у его матери Алены Дмитриевны, что одним-едиственным остался он у нее. Но когда учился в школе, иногда катал в коляске младшего брата одного из своих друзей и запомнил с тех пор не очень мудрящую песенку.
—Мама, — рассмеялся Горелов, — дайте, пожалуйста, дудочку.
Лидия пожала плечами, порылась среди валявшихся в углу игрушек и протянула Алексею маленькую флейту. Он подул в узкую щель, пальцами прошелся по клавишам. Положил флейту на кроватку и пропел:
- Шарик Жучку взял под ручку, Начал польку танцевать, А барбосик — красный носик Стал на дудочке играть.
— Ой как здорово! — засмеялась Наташа. — Мама, пусть дядя не уходит. Он мне еще раз песенку споет.
Горелов взглянул на хозяйку. Увидел добрый, признательный взгляд ее синих глаз, веселый румянец на щеках. И вдруг из глаз покатились слезы. Женщина, видать, вспомнила о чем-то своем, глубоко запрятанном и наболевшем. Алексей не знал, как поступить — постараться утешить или сделать вид, что не заметил. Пока он колебался, Лидия быстро вышла из комнаты. Возвратилась через минуту, уже овладев собой.
—Мама, ты здесь? — прошептала Наташа.
- Здесь, родная.
- Спроси у дяди — он еще к нам придет? Как вас зовут, дядя?
- Алексей Павлович, детка, — ответила мать.
- А мою маму тетя Лида. Только она любит, чтобы ее взрослые называли Лидия Степановна. Вы еще придете ко мне, дядя?
Горелов поднялся, ладонью стряхнул пыльное пятнышко с колена, на котором стоял перед кроваткой, увидел печальные, широко раскрытые глаза, стынущие под напряженно сведенными стрельчатыми ресницами. Оии ждали.
- Лидия Степановна, — серьезно обратился к Лидии Алексей, — сегодня концерт по заявкам окончен. Тем более единственный слушатель явно устал. А вот завтра...
- Вы и в самом деле сможете на несколько минут к нам забежать? — нерешительно спросила женщина.
А разве можно обманывать больного ребенка? — вопросом ответил Горелов.

* * *

В маленьком душном номере гостиницы Леня Рогов укладывал свои вещи в серый объемистый чемодан, разукрашенный наклейками иностранных отелей. Где только не побывал этот чемодан! С желтых, зеленых, оранжевых и карминных наклеек глядели клыкастые львы и носороги, полуобнаженные красавицы — кинозвезды, тяжелоатлеты и знаменитые автомобильные гонщики, колонны развалин древних Афин и сверкающие небоскребы, «бьюики» и разлапистые пальмы в дельте Нила, под которыми так и тянуло отдохнуть, — все было на этикетках, украшавших его чемодан.
Леня стоял над ним и сосредоточенно решал, как бы получше и поаккуратнее утрамбовать свое имущество. Долгая холостяцкая жизнь приучила его к экономности и практичности. Был он в одних трусах и сиреневой безрукавке. Темные оливковые глаза перебегали с предмета на

предмет. Каждая вещь подлежала недолгому, но внимательному разглядыванию, прежде чем укладывалась в чемодан.
Леня не был сейчас одинок в покидаемом им жилище. На его койке сидел подполковник Субботин. Остряк и пересмешник был явно не в духе. Зеленые его глаза казались выцветшими от грусти. Редкие, чуть рыжеватые волосы, за которыми он всегда старательно следил, не были расчесаны, и Андрей время от времени нервным однообразным движением теребил их, будто выполнял чью-то команду. С нескрываемой досадой и печалью следил он за каждым движением Рогова.
—Все-таки зря, старик, — вздыхал Субботин, прикасаясь к своей шершавой щеке, — зря ты бежишь. Остался бы еще на месячишку с нами, а там бы все вместе в Москву махнули. Недельки бы три мы у себя в городке пожили, а ты бы за это время все свои очерки сдал. А потом, глядишь, и один бы общий всем нам маршрут дали — на космодром. Нет, напрасно ты бежишь от нас, старик.
Рогов неопределенно пожал плечами, взял полотенце и вытер вспотевшую шею.
—Да откуда, Андрей, ты взял, что я бегу? Просто пора в редакции показаться. Да и задание я уже выполнил. А ты в бегстве каком-то меня упрекаешь. — Рогов слегка заикался, с трудом скрывая боль и раздражение.
Субботин мешковато пошевелился, у кровати взвизгнули пружины.
—Бежишь! — хмуро изрек он. — Мы-то понимаем.
Рогов держал все это время пластмассовую электрическую бритву и уже начинал сматывать шнур, чтобы уложить ее в футляр. Она вдруг с грохотом упала на стол.
- А р-р-раз все понимаешь, то и с-спрашивать нечего! — резко вырвалось у него.
- Не надо, старик, — произнес Субботин обезоруживающе просто, — мы ничем не можем сейчас тебе помочь. Сам знаешь. Два человека и те сплошь и рядом плохо понимают друг друга, а три — тем более.
- Ты на что намекаешь? — спросил Рогов, впившись острым взглядом в Субботина.
- Так. Ни на что. Просто к собственному жизненному опыту обратился.
- Ты плохой психолог, Андрей. Там, где трое не понимают друг друга, уход третьего обеспечивает сближение двум оставшимся.
Субботин прищелкнул тонкими пальцами. Зеленые глава наполнились задорными искорками.
—Плохо, — отметил он, — совсем как на семинаре. —Андрей встал, подошел к столу и взял упавшую бритву. — В коробок не укладывается, Леня? У меня в точности такой паршивый коробок, да еще молния на нем лопнула. Давай помогу.
Длинные пальцы Субботина быстро смотали белый шнур.
- Когда улетаешь? — спросил Субботин.
- Завтра в шесть.
- С какого аэродрома? С нашего или гражданского?
- С нашего. Генерал Саврасов летит в Москву, берет.
- Может, размонтируешь? — кивнул Субботин на чемодан. — Уложим все по прежним полочкам — и баста. — Он нежно посмотрел сбоку на Рогова.
- Но я же в полетном листе значусь, — взмолился Леня.
- Ерунда, я и не такие дела улаживал, — похвалился Субботин. — Тот, кто тебя в полетный лист включал, возьмет и выключит. Так как?..
- Нет, — упрямо ответил Рогов и отошел к окну, тоскливыми глазами вгляделся в покрытый ивняком близкий берег реки.
- Как знаешь, — вздохнул Субботин. — Только помни... всегда помни, что среди нас не было ни одного человека, который относился бы к тебе плохо. Мы тебя любим и ценим, Ленька... И то, что ты в газетах про нас написал, ценим. Если простить отдельные неточности, то лучше тебя о космонавтах еще никто из журналистов не написал.
- Благодарю за признательность, — не оборачиваясь ответил Леня. — Я вас тоже люблю, чертей. Ну а в том, что жизнь берет свое, никто в конце концов не повинен.
- Да. Казнить некого, — согласился Субботин. — У тебя на сегодня какие планы, старик?
- Проститься с Иртышом, — усмехнулся Рогов.
- Если бы не консультация по астрономии, я бы тебе тоже составил компанию, — пожалел Субботин и направился к двери.

- Андрюша, — кинулся за ним Рогов, — а посошок на дорожку? Последний в честь нашей дружбы. У меня «Мартель». Как привез из командировки бутылку, так и не распечатывал.
«Мартель»? — сосредоточенно уточнил Андрей. — Лучший французский коньяк с собой возишь? Богато живешь, журналист. А сколько в нем градусов?
Что-то около сорока,«неуверенно предположил Рогов.
Субботин засмеялся:
—Сорок градусов коньяка плюс сорок жары — итого восемьдесят! А потом — на консультацию по астрономии? Да я восемьдесят новых звезд в Галактике разыщу или всю Галактику по сокращению штатов закрою. Нет, Леня. Не пойдет. Спасибо.
После его ухода Рогов ускорил сборы. В чемодане уже лежали все предметы его домашнего обихода, кроме плавок. Оставалось сложить бумаги. Из большой стопки, вынутой из шкафа, упала на пол столичная газета с рецензией на его сборник путевых очерков. Рогов лениво ее раскрыл, вздрогнул, будто ему стало холодно. Наткнулся на заголовок «Лирические раздумья журналиста». Рецензию писал его редакционный друг Вася Кислов, и вся она изобиловала фразами, от которых Рогова бросило сейчас в дрожь. Леня прочел наугад выхваченный из середины абзац: «Чеховская экономность в средствах изображения и подкупающая лирическая непосредственность выгодно характеризуют стиль автора». Рогов с остервенением швырнул газету в корзину для мусора.
«Какой позор!» — застонал он.
Сел на койку, на то самое место, где несколько минут назад сидел Субботин, и горько задумался.
Почему так бывает в жизни? На каждую его репортерскую книжку легко и просто появляются хвалебные рецензии. А вот его друга, писателя Суворина, того самого мрачноватого ерника, что напрямую убил его, Рогова, двухсотстраничную повесть, нигде так и не похвалят? У того за плечами пять или шесть романов, он получает сотнями читательские письма, и на библиотечных полках (Леня во многих городах и селах страны убедился в этом лично) его книги — самые затрепанные. Но Суворина никогда и не похвалят, потому что лохматый Суворин, человек, обремененный огромной семьей, держит свою добрую душу под бронированным колпаком, любит выпить и не боится наступить на мозоль самому распрославленному писателю, занимающему сверхответственный пост. Суворин шутя говорил:
—Ты не обижайся, Леня. В тебе есть много светлого. Но знаешь, чего я боюсь, если говорить откровенно? Обо мне критики пишут: «риторичен, анемичен, схематичен».
А о тебе: «лиричен, динамичен, проблематичен». Вот этого-то и бойся.
В глубине души Рогов сознавал, что, как бы его ни хвалили, он и десяти страниц еще не написал в жизни таких, какими изобилует каждая книга ворчливого Суворина. «Так почему же меня замечают, а его нет? Видимо, дело в какой-то постыдной амнистии. Меня вечно считают начинающим. Вот и прохожу я по жизни под одобрительным девизом: «Наш добрый старик Ленька, наш очаровательный толстячок». И этот девиз открывает зеленую улицу моим репортажам, информациям, очеркам. Странное дело, я уже завершаю четвертый десяток и ни разу не попал в беду, ни с кем не вступил в конфликт. Я добрый, и меня везде встречают как доброго. А вот Же не Светловой этого оказалось мало. Для нее добрый звучит как пресный. Как же я до сих пор не догадался, что не могла меня полюбить девушка с ее характером, созданная для смелых поступков?»
Продолжая разбирать свои бумаги, он наткнулся на другую стопку машинописных листков и на первом увидел такое незабытое название: «Белое безмолвие!» Он нашел недопечатанную одиннадцатую страницу, где под последней машинописной строкой стояли потускневшие, робко, карандашом написанные слова: «А дальше что?» Леня приложил к щеке эту страничку и опасливо покосился на дверь, как бы не увидел кто такого проявления сентиментальности. И ему вспомнилось, как года четыре назад Женя приехала к нему в гости, как она, перебарывая смущение, хозяйничала в его однокомнатной квартире, а потом подошла к пишущей машинке и озорно спросила:
— Леонид Дмитриевич, а вы не находите, что «Белое безмолвие» — это уже повторение? Вспомните Джека Лондона.
И он, воодушевляясь, долго говорил ей, что этот очерк всего лишь полемика с рассказом знаменитого классика. Женя прочла весь текст и на последнем листике оставила свой автограф.

Очерк Леня впоследствии дописал и даже получил за него премию на одном из журналистских конкурсов, а страничку эту оставил на память.
Нет, не клеилось у него с Женей. Она — сплошное горение, порыв молодости, а он, носясь по белу свету, уже растратил свои силы. Да и годы. Она еще совсем юная, сильная и красивая. А у него и лысинка, и брюшко, и ртутный столбик, измеряющий сосудистое давление, подпрыгивает выше, чем хотелось бы.
Упаковав чемодан и свернув в полотенце плавки и резиновые тапочки, Рогов направился к Иртышу. За порогом каменного здания, сдерживавшего тепло, солнце мгновенно ослепило его, и он полез в карман за защитными очками. Надел — и набережная сразу окуталась приятным полумраком. От светового контраста он не сразу узнавал встречающихся.
- Леонид Дмитриевич!.. Леня!—услыхал он громкий, всегда заставляющий вздрагивать голос. Сорвал очки — и увидел стоявших на верхней ступеньке каменного спуска к пляжу Женю и Георгия. Женя одной рукой придерживала пытавшиеся разлететься на ветру волосы, другой призывно махала ему.
- Леонид Дмитриевич, идите к нам! — звала она настойчиво.
Леня ускорил шаги. У цементных ступенек остановился.
- Здравствуйте, Леонид Дмитриевич, — протянул было руку капитан, но Женя ее решительно отвела и строго заметила:
- С дамами здороваются в первую очередь.
- Конечно, конечно, Евгения Яковлевна, — поспешно и чопорно откликнулся Рогов, — даже в Сахаре нельзя нарушать законов цивилизации.
- Ой какие мы сегодня официальные! — чуть улыбнулась Женя и не выпустила из своей его руку. — С каких это пор я стала для вас Евгенией да еще и Яковлевной?
- Это как-то вырвалось, Женя, — ответил Рогов, не глядя на нее. — Виноват, исправлюсь, как говорят армейские товарищи.
Женя перестала улыбаться, серые ее глаза утратили обычно смелое, даже несколько дерзкое выражение, легкая печаль угадывалась в них.
- Леонид Дмитриевич, — сказала Женя, — нам надо поговорить,
- Пожалуйста, я всегда готов. — Рогов близоруко щурился от бьющего в глаза солнца.
Девушка взяла его под руку.
- А я как? — спросил с неудовольствием Георгий.
- Ты нас здесь подождешь, Каменев, — сказала, чуточку нахмурившись, Женя.
В этом с виду пренебрежительном обращении уловил Рогов ласковую доверительную фамильярность.
—Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, — невесело согласился Георгий и остался стоять, облокотившись на каменный заборчик.
Женя повела Рогова по широкой асфальтированной дорожке. Обогнув здание гостиницы и миновав проходную, они вышли на шоссе. В знойные послеобеденные часы Степновск казался вымершим. Ни одной машины не промчалось мимо них. Тощие телеграфные столбы убегали в бесконечную знойную даль. Беспокойными смерчиками взвихривалась пыль над степью. Над аэродромом лежала тяжелая тишина.
Очевидно, дневная смена отлеталась и наступил перерыв до ночных полетов. Женина рука лежала на обнаженной руке Лени, и ему было от этого грустно и приятно.
- Леонид Дмитриевич... — начала Женя, когда они были уже далеко от самых окраинных домиков Степновска.
- Ой какие мы сегодня официальные! — передразнил он ее.
- Леня, — негромко поправилась Женя, — это правда, что завтра утром вы улетаете?
- Правда, — глуховато подтвердил Рогов и попытался перейти на плохо удававшийся шутливый тон: — Дела и обстоятельства повелевают. Как в известной вам песенке: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер материал успел ты передать».
- Древняя песенка, — отмахнулась Светлова.
Они прошли еще несколько шагов. Асфальт оборвался, и под ногами уже хрустел твердый суглинок не везде профилированной дороги, по которой ходили машины из Степновска в близлежащий город за горючим, продуктами, учебными боеприпасами и многим другим.

—Леня, остановитесь, — не совсем решительно потребовала Светлова. Рогов придержал шаг. Не выпуская его руки, она заглянула ему в лицо печальными глазами. — Леня, скажите, вы уезжаете отсюда из-за меня?
Он поднял гладко выбритый подбородок, попробовал усмехнуться.
—Кто вам сказал, дорогая Женя? Какой злодей рукой неправой решил набросить на вас тень?.. — Усмешки не получилось.
—Леня, — Светлова сильнее сжала его руку, — не надо отшучиваться. Я хочу знать правду. Одна из причин, по которой вы покидаете Степновск, — это я?
Он горько пожал плечами:
—Да, Женя.
Мимо них с грохотом пронеслась грузовая машина. Молодой водитель, издали заприметивший под мышкой у Рогова свернутое полотенце, высунулся из кабины и сквозь смех кинул:
—Эй вы! Куда поперлись? Заблудились, что ли? Не в той стороне Иртыш ищете!
Их обдало облаком пыли, горьким от бензина, но они не зажмурились и не поднесли к лицу ладони, чтобы защититься. То, о чем они говорили, было гораздо горше.
- Вы на меня сердитесь, Леня?
- Нет, Женя, — голос у него заметно потвердел. А девушка, сияя от счастья и от обоюдной их искренности, взглянула на Рогова так, что он вздрогнул. Как был похож этот взгляд на те давние!
- Леня... вы должны каждому моему слову сейчас верить, — заговорила Женя тревожно, — в каждом моем слове правда, и только правда. Мы долго были с вами очень близкими друзьями, и я вас почти любила. Да-да, это совершенно серьезно. Но я не знаю, что мне мешало... Лучше не надо об этом. А теперь я тоже сама не знаю отчего, но видите, как получилось. Вероятно, не зря говорят в народе — сердцу не прикажешь. Леня, дорогой, хороший, во имя всего светлого, что связывало нас так долго, дайте я вас поцелую, и останемся на всю жизнь друзьями.
- А вам от Георгия не влетит? — горько усмехнулся он.
- Леня, не надо, — со слезами в голосе остановила она. Рогов подставил щеку, ожидая поцелуя, но Женя бросилась ему на шею, обняла сильными гибкими руками, прильнула к губам. Он стоял онемевший от счастья и боли. Как горько далось ему то, о чем он так долго мечтал! И все-таки это было счастье. Полынное, нерадостное, но — счастье. Светлова столь же резко отодвинулась от него, опустила глаза и сказала сухо, изменившимся голосом:
- А теперь пошли, Жорка нас ждет...
Всю обратную дорогу они не проронили ни слова. Тягостное попискивание сусликов да однообразный стрекот кузнечиков провожали их.
Каменев стоял на прежнем месте, чуть побледневший. Он молча смотрел то на Женю, то на Рогова, все понимая.
- Пойдем, Жора, — мягко предложила Женя и стала под его правое плечо.
- А Леонид Дмитриевич? — спросил Каменев.
- Он, может, тоже с нами пойдет? — предложила Женя.
Леня посмотрел на полотенце, которое прижимал под мышкой:
- Нет-нет, я на Иртыш. Вы ж купались...
- Очень жаль, — вздохнул Каменев, — я думал, мы вместе побродим.
Лене тоже не хотелось с ними расставаться. Он порывисто схватил их обоих за руки, не обращая внимания на выскользнувшее полотенце:
—Ребята, черт возьми! Да ведь я же завтра улетаю. Дома у меня нераспечатанная бутылка «Мартеля». Неужели же мы не сообразим на троих? А?
Каменев свободной рукой обнял Женю, слегка притянул к себе.
- Ты как полагаешь, беляночка? По-моему, это следует сделать.
- Опасаюсь, что я стану лишь свидетельницей опустошения той бутылки, добрый мой Леня.
Рогов покачал головой:
- Женя, не кокетничайте. Как известно, свидетели очень часто оказываются в роли соучастников. Короче говоря, ровно через час жду вас у себя в номере. Дайте только окунуться. Идет?
- Идет, — охотно откликнулся Каменев.

* * *

Иртыш обволакивал тело приятной прохладой. Рогову, плывшему к середине, думалось, что река пытается что-то рассказать ему и не может., «Какая изумительная песня про Иртыш сложена! — подумал Леня. — И слова в ней чудесные. «Тяжелый панцирь, дар царя, стал гибели его виною». А вот у меня и тяжелого панциря нет, а все равно...»
На середине реки течение было сильнее. Оно подхватило Леню и понесло вниз. Рогов считался неплохим пловцом, и заверти Иртыша его не страшили. Лег на спину и, закрыв глаза, покорно отдался на милость реки. «Пускай несет куда хочет». Им внезапно овладело странное безразличие. Было тихо и покойно, он лишь чуть поддерживал себя на поверхности Иртыша легкими движениями рук и ног. Подумал о романе Джека Лондона «Мартин Идеи», который они одинаково любили с Женей Светловой. Да, тогда она заехала за ним, чтобы вместе отправиться в Третьяковку, и задержалась. Он прочел ей вслух последнюю главу из «Мартина Идена». Грустную главу. У нее испортилось настроение. Интересно, так или не так плыл Мартин последний раз в своей жизни, когда с трудом выбрался через иллюминатор из комфортабельной каюты и, оставшись один в океане, проводил глазами яркие огни уплывающего вдаль лайнера?.. Может, так же поступить сейчас и ему. Плыть по течению, не открывая глаз, до той поры, пока бурливый Иртыш не швырнет на острую прибрежную скалу или под плицы встречного парохода. Удар по черепу — и потемки. Не надо будет относить подарок на Женину свадьбу или присылать поздравительную телеграмму, в которой каждое слово как рана... «Дурак! — беззлобно усмехнулся он над собой. — Совсем как провинциальный трагик». Да разве имеет он право забывать, что еще есть на свете стрекотание редакционных пишущих машинок, мокрые газетные полосы, милое сердцу журналистское бродяжничество, столбцы корпуса или петита, которые по утрам вся страна читает за его подписью? Есть рассветы и закаты, радость жизни...
Лене показалось, будто Иртыш забурлил сердитей, словно о чем-то сурово его предупреждал или за что-то бранил. «Ерунда! — отмахнулся Рогов. — Досчитаю до тринадцати и тогда открою глаза». Сквозь шум воды ему почудилось, что с берега кричат. Он досчитал лишь до одиннадцати и медленно поднял голову над водой.
—Дяденька, берегись, тебя несет к водопаду!
Рогов перевернулся со спины на живот. Грозный гул донесся со стороны крутого поворота, где широкий рукав реки уходил резко вправо от Степновска. По берегу бежали два человечка и отчаянно орали:
—Дяденька, подныривай! Здесь отмель близко, а то унесет!
Рогов напряженно вслушался в гул. Нет, еще есть время. Он просто так не сдастся! Он еще поборется!..
Леня понял, какой совет давали мальчишки. Под водой с открытыми глазами легче обнаружить мель. Он мгновенно погрузился в воду. Течение мяло его и кружило, но сквозь мутную заверть воды он увидел желтый, окаймленный водорослями, затопленный островок и с силой рванулся туда. Руки ухватили острый камень. Леню оторвало от этого подводного царства, но он снова ухватился. Выбравшись на отмель, встал над бурлящей водой и услышал восторженный оклик ребят:
- Молодец дяденька! Дальше тут мелко! Двигай на берег!
Он вылез на берег, устало и тяжело дыша, и с мрачной определенностью подумал: «Ну и пошутил же ты над собой, толстый и веселый журналист Рогов!»
—Мальчишки!—позвал он своих спасителей.— Сколько же отсюда до военного пляжа?
Один, побойчей, ответил:
—Да километра полтора, не больше. Тебя за поворот занесло. Хочешь, доведем?..
По колкому, усеянному острыми ребристыми камнями берегу Рогов доковылял до того места, где разделся. Достав из кармана мокрыми руками часы, не на шутку испугался:
—Батюшки светы! Через пятнадцать минут ко мне ребята придут, а я как голый король!..

И все же он успел. Когда Каменев и Женя постучались в номер, Леня открыл дверь и, фыркая губами, исполнил туш. Объемистый, рябой от наклеек чемодан стоял у дверей, словно первым готовился покинуть жилище. На столе, застланным простенькой скатертью, важно красовалась пузатая бутылка «Мартеля», блюдо с огурцами, яблоками и помидорами, горка аккуратно нарезанного черного хлеба и две бутылки боржоми.
- Вот это натюрморт! — потирая руки, воскликнул Каменев. — Просто королевская закуска.
- А что? — самодовольно подбоченился Рогов. — Есть еще банка крабов. Для себя, как говорится, берег. Но я ее тоже выложу на алтарь отечества.
Он и крабы открыл.
Трое сели за стол. Были сейчас эти трое очень разными по настроению людьми. Леня держался неестественно весело. Если надо было что-то подать или прикрыть скрипучую, то и дело распахивавшуюся от сквозняка дверь, он шумно вскакивал, задевал на своем пути стулья. Женя была откровенно печальной, и когда даже пыталась улыбаться, то натянутая эта улыбка не украшала ее озабоченного лица. Светлый хохолок выгоревших на солнце волос не вздрагивал на ее голове. Еще никогда она так не обнаруживала перед другими своего неумения прятать чувства. Георгий держался с каменным спокойствием, давая понять, что для него эта встреча хоть и тяжела и сложна, но вовсе не тягостна.
Ну что ж, друзья степновцы, замешанные на палящем солнце и бешеном ветре. Не пора ли - нам по маленькой? — декламировал с наигранным пафосом Леня. — Припомним всю народную мудрость. «Чару пити — здраву быти», «По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей». Или: «Нальем, нальем, товарищ, бог знает, что с нами случится впереди». Хотя это ни к чему. Типичнейший пессимизм и водколейство. Это из тех абзацев, что сокращаются даже тогда, когда на газетную полосу ставить нечего. Кто еще продолжит начатый мною перечень?
«Последний в дорогу, бездельник, кто с нами не пьет», — подсказал Георгий.
Верно, Жора! -^подхватил Рогов. — И как это я забыл! С этого начинать следовало бы.
Или вот, фольклор, так сказать: «Выпьем, выпьем, пока тут, на том свете не дадут. Если же и там дадут, выпьем там и выпьем тут».
- Это слишком грустно, — заметила тихо Женя. — А ну его к черту, тот свет!
- Согласен, — громогласно подхватил Рогов, — не надо трогать подобных тем. Самое лучшее: «Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил». Подлинный жизнеутверждающий оптимизм. Ну да ладно, ближе к делу.
Леня отвинтил на коньячной бутылке нарядную пробку, налил полстакана Каменеву, полстакана себе и занес горлышко над Жениным стаканом.
—А я коньяк ни разу в жизни не пила, — нерешительно заявила Светлова.

Рогов коварно прищурился. Все в нем было сейчас наигранным, даже мимика на лице. «Так, наверное, комик выходит на сцену, похоронивший перед этим родного сына»,
-
почему-то подумала Женя.

Все же я вам налью, товарищ старший лейтенант Светлова, — обратился он к ней шутливо. — Малюсенький глоточек налью. Наготове тост, за который вы не сможете не выпить. Я это вам со всей журналистской проницательностью говорю. — И несколько капель коньяку упали в ее стакан.
- Как он светится! — восхищенно заметил Каменев.
- Жорка, — подняла брови Светлова, — смотри какой в тебе алкоголик пробуждается!
- Я же не в космос готовлюсь, — ответил тот смиренно, — парашютист имеет право позволить себе чуть побольше, чем космонавт. С него не каждый день кардиограммы снимают. — Он пригладил растрепавшиеся волосы и напомнил:—Однако, дорогой Леонид Дмитриевич, не кажется ли вам, что первый тост должен быть мой?
- Нет, не кажется, — без вызова в голосе сказал журналист и дружески положил руку на его твердое костистое плечо. — Этот монастырь пока еще мой. — обвел он глазами неприхотливый номер гостиницы, — ив нем живут еще по моему уставу.
- Подчиняюсь, — смутился капитан и слегка вспыхнул.
Рогов поднялся над столом, держа в руке стакан. Рука подрагивала.

—Друзья! Не буду длинным. Что было, то было и пусть порастет быльем. Я хочу выпить за вас и вашу любовь. В общем, горько, ребята. Горько! — повторил он и, чокнувшись, выпил. Затем заставил их поцеловаться под еще один выкрик «горько». Пока Каменев медленно тянул крепкий напиток, голосом церковного дьячка Рогов приговаривал: — Пей до дна, пей до дна!
Женя, не раздумывая, проглотила налитое ей на донышке стакана и поперхнулась. Кашляя, отошла от стола. Рогов бросился с яблоком, но она сделала протестующее движение. Тогда он подал стакан с боржоми. После нескольких жадных глотков Светлова перевела дух. По ее лицу катились слезы.
—Мальчики, — прошептала она, — и как только вы можете пить такую гадость! Какие вы, право, мученики!
Потом они выпили еще, не принуждая Женю, и потекла длинная беседа. Перескакивая с одного на другое, они рассказывали друг другу интересные были: Рогов — о своих путешествиях, Каменев — о прыжках, о небе.
Время, казалось, оцепенело. И когда рассеянно их слушавшая Женя поглядела на часы, она изумленно вскрикнула:
- Мальчики, мы сели в четыре, а сейчас уже семь! Ну и ну!
- Да, — спохватился Каменев, — у меня же билеты на восьмичасовой сеанс. Идемте с нами, Леня.
- Нет, Жора. Очень тебе благодарен,— отказался Рогов. — Мне еще надо привести в порядок и мысли и вещи.
Они все одновременно встали из-за стола, как будто им кто-то скомандовал.
—А теперь вы отвернитесь, Жора, — потребовал Рогов и сразу перестал улыбаться, лицо его побледнело.
Каменев недоуменно пожал плечами, стараясь понять, длячего это нужно журналисту. — Да-да, отвернитесь, — настойчиво повторил Леня. — Я не хочу, чтобы вы видели,
как мы с Женей поцелуемся. И еще вас обоих очень и очень хотел бы я попросить: не приходите завтра меня провожать на аэродром. Сделайте такую милость, ребята.
Ну и вообще выше головы!..

* * *

Начальник степновского авиагарнизона генерал Саврасов улетал в Москву не на каком-нибудь роскошном лайнере Ил-18, а на боевом ракетоносце. Поэтому, пообещав захватить с собою Рогова, он приказал подготовить и для него парашют.
- Когда-нибудь прыгал? — спросил у Рогова Саврасов, кося на него глаза с цыганским прищуром.
- Да ведь я стрелком-радистом срочную отслужил, — с деланной скромностью сообщил Рогов, — и тоже на дальних. Даже медаль «За отвагу» за освоение новой техники ношу по праздничным дням.
- Ишь ты! — одобрительно отозвался Саврасов, и две золотые звездочки колыхнулись на его кителе. — А на каких же ты летал?
Леня ответил. Саврасов, прославившийся еще в сорок первом году тем, что, когда гитлеровцы готовились к параду на Красной площади, летал бомбить район рейхстага и Александер-плац в Берлине, одобрительно улыбнулся:
—Не лыком шит журналист. А статьи я твои и очерки читал. Занятно пишешь. И экзотики хватает. Люблю, брат, экзотику. Ты бы книгу мне свою подарил. Как там она у тебя называется?..
«Дождь и солнце», — подсказал Рогов.
- Вот-вот. «Дождь и солнце», — удовлетворенным баском повторил генерал.
Рогов приехал на аэродром за целый час до взлета, в сопровождении Сергея Ножикова, Володи Кострова и Андрея Субботина. Хотел еще провожать и Олег Локтев, но его вместе с Гореловым

и Дремовым к семи утра запланировали на короткую тренировку в барокамеру. Дремов и Локтев расцеловались на прощание с Роговым. Горелов, всегда очень хмуро и неодобрительно относившийся к ухаживаниям Леонида Дмитриевича за Женей, ограничился рукопожатием, но очень тепло сказал:
—Смотрите не потеряйтесь в человеческом муравейнике, Леонид Дмитриевич. Был у меня любимый комдив Кузьма Петрович Ефимков, автор чудесной поговорки:
«В авиации дорожки прямые и узкие — всегда пересекутся». Я тоже верю, что мы еще встретимся.
...Когда на открытом штабном газике провожающие и отъезжающий подъехали под широченное, могучее крыло ракетоносца, с боевой машины были уже сброшены чехлы и опробованы все четыре двигателя. Борттехник забрал у журналиста вещи. Когда пестрый от заграничных наклеек чемодан исчез в люке, космонавты переглянулись.
- Все-таки уезжаешь, Леня? — сочувственно вздохнул Ножиков. — А может, зря торопишься? Остался бы лучше.
- Я его вчера целый час агитировал, — подал голос Субботин, — никакого эффекта. Как неприступная крепость.
- Знаешь, старик, мы сентиментальностью вроде не отличаемся, — улыбнулся Костров, — но любви к ближнему у нас тоже никто не отнимал. А ты — наш ближний. Сколько лет уже с нами!..
Ножиков, подтверждая, кивнул, снял фуражку, подставил черноволосую голову уже набирающему силу солнцу.
—Верно говорит Костров. Думали, ты от нас не оторвешься. И если к Луне кто-нибудь полетит, первый репортажик будет твой.
—Да чего вы заладили как на панихиде! — взорвался Субботин. — Разве он навек от нас уходит? Да я ему покажу, если он космической теме изменит. Только попробуй, Ленька!
Через силу улыбаясь, Рогов посмотрел на Андрея. То, что он улетал не в одиночку, что на аэродром его пришли провожать космонавты, придавало прощанию особую трогательность.
- Поостерегись на виражах, Андрюша, — ласково остановил он Субботина. — Мне в Австралию на два года предлагают поехать в качестве собкора.
- Ты это только попробуй! — устрашающе сдвинул редкие рыжие брови Субботин. — А впрочем, пусть едет, если ему нашей земли мало.
- Постой, Андрей, — вмешался Ножиков. — Зачем подначиваешь? Мы же прекрасно знаем, что Леня нас не покинет — ив городок будет приезжать, и на космодроме его мы увидим. Верно я говорю, Леня? Мы и книгу еще о космосе прочтем. Не правда ли?
- Да, ребята. Так будет, ребята... — срывающимся голосом торопливо ответил Рогов. — Спасибо, что проводить пришли.
- Понимать его надо, — укоризненно сказал Субботину Костров. — У парня кошки скребут на сердце, а ты... Женька тоже хороша, прийти не могла. Да и Каменеву стоило бы. Нечего им Ромео и Джульетту разыгрывать. Это им не «Мосфильм»!
Леня услышал последние слова и быстро обернулся к Кострову.
- Нет, это не так, ребята, — возразил он. — Женечка ни в чем не виновата. Решительно ни в чем, И Жора тоже. Это я запретил им являться на аэродром. Не вздумайте их упрекнуть!
- Понимаем, — грустно протянул Ножиков. — Прекрасно тебя понимаем, Леня.
Они умолкли, потому что в эту минуту подъехала черная «Волга». У самолета она лихо затормозила. С плащом наперевес и портфелем в руке выскочил из нее подтянутый генерал, стрельнул вопрошающим взглядом в космонавтов:
- А вы здесь по какому поводу, друзья мои милые?
- Прессу провожаем, — сдержанно пояснил Ножиков.
- Смотрите-ка, — порывисто вскинул голову генерал Саврасов, и рот под седеющей скобкой усов открылся в усмешке, какой почет, а! Три будущих героя космоса — и вдруг провожают одного журналиста. Эка меняется время! А мы во время войны с журналистами скупо беседовали. В основном по приказанию комиссара.
- Так то, может, от недостатка светских манер, товарищ генерал? — всадил шпильку Субботин, и его глаза удовлетворенно засверкали.
- Смотри-ка, шустрый какой, — протянул генерал и на миг задумался. На пепельно-серой щеке забился мускул. Рогов решил — Саврасов обидится. Но генерал спокойно передал портфель в

плащ подбежавшему борттехнику и угрюмо скосил глаза на Андрея: — Вздор ты говоришь, парень. Каких там, к черту, светских манер! Элементарной воспитанности не хватало. Вот чего. Летали на деревянных самолетах. Приборная доска, сами знаете, один радиокомпас. А теоретическая база — семилетка, летная школа и фронт!
- Зато летали как! — примирительно вставил Субботин. — Если бы не такие, как вы, товарищ генерал, так не только космонавтов, но кое-чего и другого не было бы.
Саврасов одобрительно улыбнулся в подстриженные усы.
—Сказал бы мне кто в сорок первом, что закончу академию, буду изучать радиолокацию, электронику, я бы того чудаком назвал. А теперь видите, — и он гордо ткнул указательным пальцем на синий ромбик, приколотый к лацкану кителя.
Подошел летчик, худощавый блондин в кожаной курточке. Козырнув, спросил:

—
Товарищ генерал, взлетать вы будете или я поведу?

- Сам поведу. На правом сиденье посидишь — беспрекословно отрезал Саврасов и вновь обернулся к Субботину:— Ну так что, «блондин», как тебя именуют в отряде? Если верить моему другу Сережке Мочалову, а вашему «бате», будем считать, что проблема двух поколений в космонавтике и авиации решена?
- Решена, товарищ генерал, — дружно засмеялись космонавты.
Саврасов подошел к трапу, остановился у нижней ступеньки.
—Возможно, хотите в Москву что-либо передать?
- Нашему генералу Мочалову по сердечному привету.
- Обеспечу, — пробасил Саврасов. — Сережку обязательно увижу на совещании у главкома. Ну а теперь прощайтесь с прессой, будем запускать движки и выруливать.
Ножиков, Костров и Субботин тискали Рогова в объятиях, целовали кто в щеку, кто в лоб, кто в затылок, так что у растроганного Лени в конце концов навернулись на глаза непрошеные слезинки.

* * *

След человека в жизни и след инверсии, оставленные в небесной вышине пролетевшим самолетом, — какая меж ними разница! Длинный пушистый хвост не сразу гаснет на голубом фоне. Освещенный солнцем, впечатывается он в небо и, причудливо изгибаясь, широким концом своим повисает над землей. Нет, он не похож на змею, потому что ничего в нем нет хищного. И на гигантский шарф не похож, потому что нежнее и тоньше. Ласковый след инверсии, оставленный над нами гудящим самолетом, способен приковать к себе взор влюбленного мечтателя или художника, да и любого человека, остановившегося на минутку и залюбовавшегося небом. Многие мастера кисти пытались передать на холсте всю невыразимую словами поэтическую прелесть следа инверсии. Но есть один изъян в этом еще не до конца изученном явлении. След инверсии недолговечен. Пройдет десяток минут — и белая полоса начнет пухнуть, слабеть, постепенно исчезая. И кто через час или два посмотрит на небо, уже совершенно чистое от инверсии, едва ли вспомнит о ней.
А след человека, уверенным и упорным шагом идущего по жизни? Он же совсем иной. Он глубокий и вечный. Время очень наскоро стирает следы его жизни, потому что рассказы о человеке, его подвигах и труде живут долго. А бывает, что сделанное умом и руками его остается с нами навечно. И даже после того, когда сомкнул он навсегда глаза и, оплакиваемый родными и друзьями, был предан земле, построенные города, заводы, станки или дороги, сделанные им открытия или написанные книги —• долго служат людям.
И еще одно непременно — те, кто получают в наследство след человека, не всегда стремятся узнать о самом творце много. Был он счастливым на земле или нет, любимым или отвергнутым,

одиноким или обласканным многочисленными друзьями? Терпел ли бедствия или жил в достатке? Подвергался ли несправедливым обидам или провел свои годы в почете и славе? Все это чаще умирает с человеком. И в жизни только след от его труда остается, потому что он нетленен.
Тред-бан — это бегущая дорожка. Она похожа на обыкновенный эскалатор, лента которого тянется не сверху вниз, а горизонтально. Только скорость, с какой тянется лента, другая, непосильная для обыкновенного пешехода. В комнате, отданной под этот тренажер, в цементном полу прорублена не очень длинная, метра в два с половиной, дорожка, и сквозь нее бежит стремительно серая лента. Чтобы космонавт, выполняющий упражнение, и соскользнул с бегущей дорожки и не упал на цементный пол, его для страховки привязывают специальными ремнями, свисающими с потолка. В Степновске кроме барокамеры, качелей Хилова и крутящегося кресла тред-бан был одним из главных тренажеров, обязательных для всех, кто входил в группу полковника Нелидова.
—Парашютные прыжки плюс тред-бан — вот и вся ваша основная подготовка в этом месяце, — говорил замполит.
Занятиями на бегущей дорожке руководил худощавый остроскулый начфиз Баринов. Под солнцем Степновска он отменно загорел, стал похож на раджу. Он становился сбоку, когда космонавт был полностью подготовлен для тренировки, засекал время, включал рубильник. Гофрированная лента стремительно бросалась под ноги, и надо было затрачивать дьявольски много усилий, чтобы бежать ей навстречу и ни разу не споткнуться. А споткнешься — мгновенно повиснешь на ремнях.
Рано утром Олег Локтев, Игорь Дремов и Алексей Горелов пришли на бегущую дорожку. Загорелый Баринов и белокурая лаборантка Соня уже поджидали их.
—Как отдыхали, товарищи? Самочувствие, настроение? Не было ли головных болей? Не приходил ли к кому-нибудь кум повечерять с горилкой? — задавал Баринов стереотипные вопросы и получал на них односложное: «хорошо», «в порядке», «нет». Потом на дорожку встал тяжелый Локтев и огромными ручищами бывшего боксера потрогал страховочные ремни.
- Выдержат, — усмехнулся Дремов. — Даже такого мамонта, как ты.
- Верно, мамонт, — согласился Локтев. — Как бы мне, Игорь, килограммчиков пять-шесть сбросить? Не посоветуешь ли?
- Влюбись, — сощурился Дремов, и прямой с горбинкой нос его дрогнул от плохо сдерживаемого смеха.
- Так ведь жена дома, — пробасил Локтев, — а замполит, Павел Иванович, рядом. Того и гляди, дело на парткомиссию оформит за «аморалку». Да и Сережа Ножиков, наш партийный бог, крут по этой части. Так возьмутся...
- Что ты не на шесть, а на десять похудеешь!
- Оно бы неплохо и на десять. Но ведь чтобы влюбиться, надо найти объект. Я же кадра подходящего не вижу.
- Кадр я тебе выбрать помогу, — усмехнулся Дремов и подбоченился. — Лидию Степановну знаешь?
На полном красноватом лице Локтева голубые девичьи глаза наивно расширились.
- Какую еще Лидию Степановну?
- Дежурную администраторшу нашей гостиницы. Ту одинокую женщину, что в розовой кофточке ходит. Ох и аппетитная бабенка!
- Ах эту! — басом раскатился Локтев. — Уволь. Эта меня не полюбит. Рожей для нее я не вышел. И потом, все говорят — она недотрога.
- А ты ее вечерком в комнату отдыха пригласи, — продолжал подтрунивать Игорь, — там фортепьяно. Ты крышку открой и сыграй что-нибудь. А для большего эмоционального воздействия Андрюшу Субботина позови. Он споет.
Локтев почесал крепкую мускулистую шею.
—Не пойдет. Андрюха споет, она же в него и влюбится, а я так и останусь в роли аккомпаниатора.
Алексей, едва лишь понял, что они говорят о ней, о его Лидии, отошел в сторону, стиснув зубы. Волна неожиданной ярости охватила его. Он и сам не знал, что могло в нем родить такую ярость. «Да как они смеют так говорить о ней? Кто им дал право? Подойти да тряхнуть этого

Игоря за шиворот». Но голос рассудка тотчас же взял верх: «А какое ты имеешь право? Кто ты ей и кто тебе она? Взорвешься — и только породишь лишнюю болтовню о ней».
Пересилив себя, он подошел к Баринову, хмуро попросил:
- Андрей Антонович, может, вы этого тяжеловеса пропустите с удвоенной скоростью, чтобы он не жаловался на лишние килограммы?
- Шутки шутками, а нам и действительно пора начинать, Алексей Павлович, — согласился Баринов, делая в журнале наблюдения последние пометки. — Нуте-с, Олег, к барьеру! — цепкой жилистой рукой начфиз включил рубильник. Для тяжелого, малоповоротливого в сравнении со всеми другими космонавтами Локтева бегущая дорожка была самым каверзным испытанием. Он даже каламбур про нее сочинил:
- Ну зачем нам в жизни дан Этот пакостный тред-бан?
У Алексея окончательно иссякла злость на Игоря Дре-мова, когда он увидел, как бедный Локтев, не очень умело подпрыгивая, стремится удержаться на дорожке. Было ясно, каких усилий это ему стоило. Пот катился по раскрасневшемуся лицу, розовая шелковая безрукавка тоже набухла на спине от пота — хоть отжимай, а ноги под тяжестью веса уставали все больше и больше. Но Баринов незаметным движением подвинул рубильник, и дорожка злобным зверем бросилась под ноги изнемогающему Олегу, стараясь его столкнуть. Секунда, вторая — и Локтев, не выдержав встречной скорости, был отброшен вправо, повис на ремнях. Баринов выключил рубильник.
- Плохо? — упавшим голосом спросил Локтев.
- Еще не знаю, — уклонился Баринов. — Поступайте в распоряжение Сонечки. Давление, пульс, частота дыхания — вот чего мне пока не хватает. Однако полагаю, что выше тройки с плюсом не получилось, — завершил он безжалостно.
Локтев угрюмо отошел в сторону и стал одеваться. На Дремова было приятно глядеть, когда он бросился навстречу бегущей дорожке. В одних трусах и безрукавке, стройный, поджарый, он словно отливал каждое движение. Горбоносый профиль и жесткий подбородок рождали представление об упрямстве этого человека. Наблюдая за ним, Горелов вспомнил давнишний рассказ Ножикова, как Дремова, сына знаменитого комбрига, арестованного по навету, родная мать уговаривала перед школой назваться по фамилии отчима — Орлов. А мальчик на первый же вопрос учителя, чей он, жестко ответил: «Дремов!» — «Он путает, — сбивчиво стала пояснять мать, — не Дремов он, а Орлов». Но Игорь еще раз упрямо произнес: «Нет, Дремов». Мать пригрозила шепотом выстегать, когда он вернется из школы, но мальчик сквозь горькие слезы прокричал учителю: «Ну и пусть она меня бьет, все равно я Дремов! Дремов!» Так и понес он по жизни фамилию своего легендарного отца, реабилитированного после смерти.
Точеные прямые ноги Игоря побеждали скорость бегущей навстречу дорожки. Улыбался Баринов, улыбалась белокурая, в беспечных кудряшках Сонечка, а Горелов про себя с восхищением подумал: «До чего же стройный, чертяка. Еще стройнее нашего парашютного инструктора. А как управляет своим телом! Его бы для Большого театра воспитать. Первым балеруном стал бы. Он бы там всех этих Жизелей и Одетт запросто перетаскивал».
Баринов, сияя, выключил рубильник.
- Превосходно, Игорь. Если бы вы не были засекречены, какой был бы прекрасный материал для киношников. А теперь марш к Соне. Очередь за Алексеем Павловичем.
- За нашим «лунником», — прокомментировал Локтев.
Алексей хмуро взглянул на него, но промолчал. С тех пор как Горелов прошел испытание лунного скафандра у Станислава Леонидовича и слух об этом облетел космонавтов, его нет-нет да и называли «лунником», вкладывая в это слово смысл, понятный лишь тем, кто служил в отряде генерала Мочалова. То Субботин, то Дремов, то Локтев. Ножиков и Костров воздерживались. Марина и Женя в этих случаях бросали на Алексея полные гордости за него взгляды... Выйдя замуж, Марина пополнела и похорошела. Лицо ее утратило прежнюю грубоватость, а дымка в добрых глазах под густыми полукружиями бровей делала ее взгляд добрым и счастливым. Но Алешу и первое невеселое свое объяснение в любви она не могла забыть. Пережитое иногда вспыхивало в ее глазах тем преувеличенно ласковым вниманием, которое она часто ему оказывала. А Горелов относился к ней с покровительственной лаской, как к младшей сестренке.

Горелов поднял вверх руки, чтобы не мешать Баринову пристегивать привязные ремни. Ноги в мягких тапочках прочно стояли на замершей дорожке тренажера. Баринов отошел, посмотрел на секундомер:
—Внимание. Приготовились. Старт!
И дорожка метнулась навстречу...

* * *

На улице уже припекало. Желтый солнечный шар давно встал над степью.
Дремов поглядел вверх. Глаза его были прищурены, губы напряженно раздвинуты, обнажая точеные зубы. Алексей снова залюбовался его немножко хищным профилем.
Ты чего это? Затмения, что ли, ожидаешь? — пошутил он.
Да нет, Алеша, — отрывая глаза от голубого неба, ответил Игорь. — Очень забавно, понимаешь ли. Глядишь с земли, вроде небольшой яркий шар, а как вспомнишь, что на его поверхности постоянно бушуют шесть тысяч градусов, а в оболочку этого шара можно упрятать свыше миллиона таких планет, как наша Земля, мурашки пробегают.
Гляди какие познания, — хмуро ухмыльнулся Локтев, все еще переживавший свою неудачу на бегущей дорожке. — С такой астрономической эрудицией можно Пулковской обсерваторией заведовать.
Замри, неудачник! — цыкнул на него Дремов. — Лучше думай, как лишние килограммы согнать. Если бы не солнце, такие, как ты, никогда бы не рождались.
Все мы без солнца ничего не значили бы, — примирительно произнес Горелов, — были бы вечной окаменелостью. Что такое по сравнению с солнцем весь наш шарик с морями, океанами, континентами? С великими открытиями и запусками ракет, в том числе и наших космических скорлупок? Так, микромир какой-то. А вот выдумщики советуют в песнях нашему брату: долетайте до самого Солнца и к Земле возвращайтесь скорей. Мне
нравятся эти слова... Знаете, ребята, о чем иной раз думается, когда Вселенную стараешься представить? А вдруг всяческие гипотезы ученых о световых и радиосигналах, идущих к нам из далеких миров от мыслящих существ, лишены основания? Нет человеков на других планетах далеких и близких. Только на нашей маленькой звездочке кипит жизнь. Человеки радуются, скорбят, строят, любят, продолжают свой род и вот уже запускают в космос корабли. Какая же тогда огромная честь быть человеком, если ты мечтаешь долететь до самого Солнца! Они шли по ровной асфальтированной дорожке к стадиону, где теперь их ожидало двухчасовое занятие по вольной программе. Под присмотром Баринова они должны были бегать, прыгать, тренироваться на лопинге, играть в волейбол. Эти два часа не были обязательными. Любой космонавт имел право по своему желанию заменить занятия на стадионе купанием в Иртыше или самоподготовкой, если ему надо было подогнать теорию. Асфальт под ногами был еще твердым, сохраняющим ночную прохладу.
Не так-то просто долететь до самого Солнца, — усмехнулся Игорь. — Помните, ребята, чудесную легенду об Икаре, у которого оно растопило восковые крылья?
Слабый был человечек, — зевнул Локтев, — да и космодромов в ту пору не существовало. Сплошная самодеятельность, а не полет.
- У этой легенды есть одна глава, которая часто опускается рассказчиками, — напомнил Игорь. — У Икара был отец Дедал. И крылья, на которых Икар поднялся, были не им самим, а отцом изготовлены.
- Ага, вот и нашелся главный конструктор1 — засмеялся Локтев.
Но Дремов никак не реагировал на эту реплику, продолжая с увлечением пересказывать древнюю легенду:
—Когда Дедал изготовил крылья, он сказал Икару: «Сын мой, на них ты можешь лететь далеко, но не дай тебе бог приблизиться к Солнцу. За такую дерзость ты

будешь жестоко наказан». Икар обещал отцу не ослушаться. Но он был молод и отважен. И когда поднялся в звездный мир, ему показалось, что до Солнца рукой подать. Он продолжал подниматься все выше, а оно припекало и припекало, так что с крыльев начал капать воск.

Храбрость Икара не знала границ, и он решил, что крылья выдержат. А когда приблизился к Солнцу,
она
отвалились, и курчавый дерзкий Икар упал в море.

—Вот
к
чему приводит нарушение дисциплины полета плюс воздушное хулиганство, — вставил расходившийся

Олег Локтев, и они все трое весело рассмеялись.
У каменной ограды стадиона Горелов придержал своих товарищей.
- Ребята, у меня к вам нижайшая просьба, — начал он заискивающе. — Передайте, пожалуйста, Баринову, что я на физо не приду.
- Как! — воскликнул Игорь. — А кто же тебя в волейбол заменит?
- Ну не знаю, — развел Алексей руками. — Сонечку, что ли, возьмите. Она любого мужчину заменит: и на защите хороша, и гасит мячи отчаянно.
- Да, но при ней в трудную минуту нельзя будет крепко выразиться, — пожалел Локтев.
Горелов похлопал его по плечу:
—А ты воздержись, крошка. Пора бы уже эстетическим самообразованием подзаняться, чтобы к крепким выражениям не тянуло. Пусть Сонечка за классного руководителя тебе сойдет.
Покинув друзей, Горелов быстро зашагал к центру Степновска, на улицу Авиации. Издали виднелось здание кинотеатра и двухэтажный с красным цоколем универмаг. Первый этаж этого универмага был отдан под продовольственные товары, на втором размещались отделы готового платья, обуви, трикотажа. Большой степновский, поистине универсальный магазин торговал с семи утра и до семи вечера с четырехчасовым перерывом, выпадавшим на самые жаркие часы. В этом не было ничего удивительного, потому что среднеазиатский военный городок просыпался удивительно рано. Основное его население составляли летчики, штурманы, авиационные специалисты — люди, начинавшие с зарей свой рабочий день. И в семьях у них жены и дети не привыкли залеживаться в постелях. Проводив мужей на аэродром, жены шли в магазин, чтобы запастись съестным к обеду, а заодно заглянуть и в промтоварный отдел.
Был большой этот светлый магазин и постоянным местом сходок, на которых женщины обсуждали все степновские новости, самые, на их взгляд, важные события последних дней. На одинокого офицера, забежавшего сюда, никто из них не обратил внимания. Заезжих и залетных офицеров в Степновск прибывало немало. Алексей спокойно прохаживался у прилавков, неторопливо рассматривал товары. Огромные рулоны шерсти, ходкого здесь ситца и шелка его не интересовали. Так же равнодушно прошел он мимо отдела готового платья и полок, уставленных посудой, электрическими чайниками, утюгами и прочим хозяйственным ассортиментом. Зато, увидев пестрые ряды игрушек, он поспешил туда. За этим он сюда и пришел. Подойдя к прилавку, Горелов в растерянности остановился. Никогда в жизни он не покупал игрушки. В городе Верхневолжске, где он родился и провел горькое безотцовское детство, кроме розовой погремушки, жестяной трубы и сабли с облезлыми ножнами, у него ничего не водилось. До того ли было бедной вдове Алене Дмитриевне в те годы! Игрушечных солдатиков он уже сам научился лепить из глины, когда подрос. Что купить больной девочке, он не знал. Куклу? Но ведь в уголке у Наташи — он это очень хорошо запомнил — валялись две куклы: одна маленькая в красном платьице, а другая голышка с оторванной ногой. Дудочку? Но есть у нее и дудочка. Барабан с белыми палочками или бубен? Но это, скорее, для мальчика. Трамвайчики, заводные машинки, кажется, для первоклассницы поздновато. Алеша увидел на самой верхней полке в целлофановом пакете огромного плюшевого медведя и удовлетворенно вздохнул. Вот игрушка, которой ребенок обрадуется в любом возрасте. Только

тащить этого рыжего великана через весь городок среди белого дня!.. Ну да ладно. Что поделаешь? И он решительно посмотрел на продавщицу:
—А подайте-ка мне, пожалуйста, этого Топтыгина на смотрины?
Девушка в блестящем форменном халатике без особенного удовольствия потянулась за лесенкой, чтобы снять медведя с самой недоступной полки. Но когда на ее глазах Алексей освободил плюшевого зверя из упаковки и стал его тискать, головой опрокидывая вниз, и на басовитое урчание с улыбкой оглянулись несколько покупательниц, девушка, засмеявшись, посоветовала:
—Возьмите, товарищ капитан. Единственный экземпляр на весь наш отдел. Видите, какой симпатичненький? Импортный... из ГДР, кажется.
—Ладно, — повеселел Алексей. — Будем считать, уговорили. Заверните его, а я — на пять минут в продовольственный.
В продовольственном отделе он зашел к заведующему и назвал свою фамилию. В Степновске существовала традиция: для летчиков-испытателей, парашютистов, готовящихся к соревнованиям, или экипажей, выполняющих спецзадания, по совету генерала Саврасова завмаг всегда держал небольшой запас редких продуктов. Группа полковника Нелидова была включена в этот список. Разбитной завмаг Отари Мемлудович Нонешвили был до крайности любопытным человеком. Обо всех остальных из этого списка он хоть что-нибудь да знал. Одни в его присутствии жаловались друг другу на моторесурсы двигателей или амортизаторы шасси, другие говорили что-то о затяжных прыжках или управлении стропами, третьи делились своими впечатлениями от пуска ракет. И, улавливая эти не всегда ему предназначавшиеся фразы, Отари Мемлудович очень гордился тем, что он, в далеком прошлом старшина разведроты, потерявший в Великой Отечественной войне четыре пальца на руке, всегда в курсе событий, какими жил далекий от столицы, но такой важный Стеиновск. О необыкновенной осведомленности Отари Мемлудовича ходили легенды. Рассказывали, например, что, когда наша армия сокращалась на миллион двести человек и многие пожилые офицеры задумывались над тем, как сложится их дальнейшая судьба, пришел командир технического батальона домой, а жена ему и говорит:
- Ваня, а ты знаешь, что твоего заместителя Орлова увольняют?
- Перестань болтать! — прервал ее рассерженный муж. — Мы с ним сейчас с аэродрома возвращались. Кто тебе сказал такую чушь?
- Отари Мемлудович.
- Врет он как сивый мерин! — заключил комбат раздраженно. Но когда после обеда вернулся на службу, обнаружил у себя на столе телеграмму, предписывавшую направить в отдел кадров вышестоящего штаба майора Орлова на предмет переговоров об увольнении из рядов Вооруженных Сил по возрасту и состоянию здоровья. Комбат, придя вечером домой, попросил жену:
- Слушай, Леля, сходи к Отари Мемлудовичу, спроси — а меня там увольнять не собираются?..
О многом знал Отари Мемлудович, а вот о группе полковника Нелидова — ничего. Только раз к нему зашел плотный подполковник с лохматыми бровями и попросил пару лимонов. Отари Мемлудович предложил ему в дополнение самые лучшие сигареты, но тот лишь рассмеялся. Тогда Отари Мемлудович, желая задобрить подполковника, фамилия которого была Ножиков, подмигнув, склонился к его уху и прошептал:
—О шен генацвале, что я вам предложу! Как самому лучшему другу, сообщу по секрету. Есть две бутылки заветного армянского коньяка «три звездочки», перед которым уступает даже наш грузинский. Зто самый лучший коньяк в мире. Одну бутылку взял генерал Саврасов, другая вас дожидается, генацвале.
Любой бы летчик и парашютист расплылся в улыбке от такого заманчивого предложения, но этот подполковник с лохматыми бровями только оглушительно расхохотался да руками замахал:
- Нет-нет, это тем более не подходит.
- Разве ваши все не курят и не употребляют хотя бы изредка этот нектар? — несколько обиженно уточнил Отари Мемлудович.
- Все, — весело рассеял его сомнения Ножиков. — Не полагается нам, генацвале.
— Странный народ у вас, — заметил Отари Мемлудович.

—Странный, — еще веселее расхохотался Ножиков и ушел, так и не сказав больше ни единого слова.
Горелов был вторым человеком из группы полковника Нелидова, обратившимся к директору магазина. Отыскав его фамилию в списке, Отари Мемлудович широко заулыбался:
- Очень приятно познакомиться, товарищ Горелов. Давно, можно сказать, жду. В чем испытываете нужду? Есть «Северная Пальмира», «Казбек», сигареты с фильтром и без фильтра.
- Это не по моей части, — перебил Алексей.
- Генацвале! Да что это такое! Можно подумать, все люди полковника Нелидова из некурящих состоят?
- Угадали, — улыбнулся Алексей.
- Вай, — покачал черной головой Отари Мемлудович. — А может, из этого жанра чем интересуетесь? — выразительно провел он ладонью по горлу. — Есть водка с медалью, коньяк «ниструл», цинандали и даже хванчкара.
—Нет, — опечалил его Горелов снова. — Пью четыре раза в год: день рождения, май, Октябрьская и годовщина Советской Армии. Я другим интересуюсь, товарищ директор. Собираюсь проведать больного. Нет ли каких фруктов?
Отари Мемлудович сделал большие глаза и зашептал:
- Под самым большим секретом скажу. Есть килограмм бананов и килограмм апельсинов. Апельсины не импортные толстокожие, а наши, грузинские, пальчики оближет ваш больной товарищ. Я это для генерала Саврасова в городе раздобыл, но если такое дело, по полкило вам выделю.
- Очень буду вам благодарен, — обрадовался Алексей.
Воспользовавшись добрым настроением покупателя, Отари Мемлудович не удержался от вопроса:
- А вы долго еще у нас загоститесь?
- Не знаю, — сдержанно ответил Горелов, — прикажут — хоть завтра улечу. Я же человек военный.
- Да-да, — разочарованно вздохнул Отари Мемлудович и стал заворачивать фрукты.
Через несколько минут с огромным свертком в руках Горелов быстро шел по улицам Степновска, направляясь к знакомому дому. Время от времени он пугливо оглядывался по сторонам, опасаясь попасться на глаза знакомым. И все-таки он был самым бесцеремонным образом опознан, да еще кем — самим Андреем Субботиным. Тот критически оглядел сверток и даже присвистнул от изумления.
- Куда, торопишься, Леша? Уж не на свадьбу ли?
- Лучше ничего не сумел придумать? — смешался Горелов.
- Так ведь подарок какой огромный волочишь. Локтева, что ли, взял бы вместо носильщика.
—Это я обнову для мамы, — соврал Алексей.
Субботин еще раз недоверчиво покосился на сверток:
- Ну ладно. Вечером зайду посмотрю твою обнову. Ребята на стадионе?
- Там.
Субботин зашагал дальше. У знакомого подъезда Алексей на этот раз не задержался. Как можно скорее взбежал по деревянной лестнице и только у самого порога квартиры сробел, и рука не сразу потянулась к звонку. Его ждали. Лидия выбежала мгновенно. Была она в шелковом, очевидно, самом лучшем своем летнем платье, на запястье тонкие золотые часики-браслет. Лицо, застывшее от тревоги и ожидания. Увидев в руках гостя огромный сверток, она вопрошающими глазами скользнула по его лицу и вся зарделась. А из маленькой комнатки, хотя они не успели еще сказать друг другу ни единого слова, донесся тонкий голосок Наташи:
- Мама, это дядя Алеша пришел?
- Как ты угадала, девочка?
- А он мне вчера слово дал, что придет. А дал слово — держи. Это не только для октябрят и пионеров. Приведи ко мне его, мамочка.
Лидия уже не сдерживала торжествующей улыбки:
- Здравствуйте, Алексей Павлович. Видите, с каким почетом вас встречают?
- Да, — рассмеялся Горелов, — по протоколу номер один. Как посла.
Пожимая ее руку, он почувствовал шершавины мозолей. «Как и у моей матушки Алены Дмитриевны, натруженная рука», — подумал он.

Лидия показала на стул в коридоре:
- Кладите вашу ношу, Алексей Павлович.
- Э нет, — замотал он курчавой головой, — от ноши надо освобождаться иным образом. Можно к вашей больной?
- Можно, можно! — закричала из-за двери Наташка. Лидия кусала губы, и в синих ее глазах плескалась такая радость, что Алексей понял — она еле-еле сдерживает улыбку. В тесном коридоре они стояли так близко, что он ощутил на щеке ее дыхание.
Смущаясь, тихо уточнил:
—Так что, Лидия Степановна, можно выполнять приказание?
Она молча кивнула. Алексей вошел в спальню. Наташка, как и вчера, была укутана в одеяло до самой головы, но, вероятно, температура спала, глазенки ее поблескивали весело.
—Здравствуй, дядя Алексей, приходи ко мне скорей, — продекламировала она и засмеялась: — Ага? Что? Это я сама сочинила. Целое утро сочиняла. А что это у
вас в руках?
- Ах это? — переспросил Горелов и начал неумело и сбивчиво импровизировать: — Знаешь, какое странное приключение со мной произошло. Иду по дороге, а навстречу старичок. Сам маленький, голова большая, бородища до пят. «Ты куда, — говорит, — идешь? К больной девочке Наташе? К той, что на одни пятерки окончила первый класс? Я тоже к ней шел, да затомился. Возьми-ка этот подарок и отнеси ей». Вот я и выполнил его просьбу.
- Ну и выдумщик вы, дядя Алеша, — зажмурилась Наташа. — А мне можно посмотреть, что в этом свертке?
- Он же твой, Наташа. Бери. — Горелов положил сверток ей на кровать.
- Мамочка, дай ножницы, я сама хочу разрезать. — Девочка быстро развернула бумагу. — Ой, мишка! — замерла она. — И апельсины! И бананы! Спасибо, дядя Алеша. — Она прижала к себе плюшевого медвежонка и восторженно хихикнула: — А рычит как настоящий! Можно, я его арифметике научу? Какой вы добрый, дядя Алексей.
- Так это же не я, это старичок.
Если бы он обернулся назад и увидел в эту минуту глаза Лидии. У каждого бывает такое мгновение, когда взгляд с предельной ясностью выражает состояние души. Так и Лидия на него смотрела. Многое ее глаза хотели сказать: и признательность, самая искренняя, сияла в них, и радость горячая за участие к ее дочери, и спросить его о чем-то хотели эти глаза. Спросить, чтобы поверить. Но Алексей не обернулся и не увидел их вовремя. А Лидия, овладев собой, сказала те самые слова, без которых не могла его принять:
—Ой, да зачем же вы так на мою Наташку разорились, Алексей Павлович?
Горелов, по-прежнему не оборачиваясь, простовато ответил:
- Да что вы, Лидия Степановна. Я как вчера ее увидел, по сердцу жалость так и полоснула. Такая кроха и какую температуру терпит! Глазенки как у мученицы.
- А она вас с самого утра ожидает. Через каждые пять минут ко мне приставала: придет не придет дядя Алеша? Вот видишь, пришел. — Лидия помолчала и пальцами дотронулась до открытого выреза на груди, нервно потеребила светло-голубую тонкую материю. Потом эти пальцы замерли на полной белой шее, и она тугим от напряжения голосом задала вопрос, который, наверное, уже давно готовилась задать, ожидая подходящего момента: — И как это вы так быстро ее сердечко завоевали? — Она произнесла эту фразу, чтобы не сразу перейти к следующей, так трудно дававшейся в этом разговоре: — Вам, наверное, со своими ребятишками много приходится возиться?
- Как это со своими? — не сразу взял в толк Алексей и обернулся.
- Со своими детишками? — уточнила Лидия Степановна.
- Со своими? — рассмеялся он. — Да откуда же им взяться? У меня и невесты еще не было. Вырастет Наташка, тогда и подумаю.
- Вот как, — с плохо давшимся равнодущием откликнулась женщина и без улыбки сказала: — Что же это вы запоздали?
Радостно дрогнувший грудной голос выдал волнение. В длинном светло-голубом платье она казалась выше и стройнее. Алексей догадался, что все это — и лучшее платье, и белые туфли с яркими застежками, и золотая браслетка на руке — надето к его приходу. Волна смущения захлестнула его.

—Так ведь знаете... — протянул он робко, — век у нас атомно-реактивный. Кажется, только вчера родился, учился в школе, потом стал летчиком-истребителем, а теперь этот отряд. Одним словом, годы как в кино пролетели. И времени-то для личного не оставалось. И потом, любовь — это что-то такое, что не каждому и не сразу дается. А просто так... зачем это?
Лидия Степановна сбоку взглянула на своего гостя. В профиль лицо Алексея, загорелое и обветренное, казалось строже и старше, а морщинки в углах рта придавали ему даже выражение некоторой суровости. Но стоило ему лишь повернуться, и курносый нос, чуть припухлые губы, манера по-мальчишески щуриться мгновенно такое впечатление убивали. А озорные кудряшки на голове, те и совсем делали его юным. «Сколько же ему лет? — подумала Лидия. — Видать, совсем, совсем молод. На год-два меня старше, а быть может, и ровесники? Странный парень. Неужели так-таки никого и не любил? А впрочем, для чего бы ему было это скрывать?»
- Дядя Алеша, — окликнула его в эту минуту Наташа. — Ты мне сегодня еще раз про барбосика красного носика споешь? А то я маму попросила, а она не смогла. А дяди к нам не приходят...
- Ну что ты у меня разболталась? — прервала Лидия Степановна дочь и вся вспыхнула. Еще чудеснее стали ее синие глаза. Горелов, избегая их, посмотрел на алые мочки ее ушей и едва удержался от усмешки. «Ага, не все мне краснеть!» Значит, она в его отсутствие пела по просьбе Наташки эту дурашливую песенку. Чужие мужчины не ходят в дом. И какой же, должно быть, светлый человек она!
- Спою, Наташа, — весело согласился Горелов и потянулся за старенькой игрушечной флейтой.
- А ты, непоседа, температурку пока смерь, — обратилась к дочери Лидия Степановна. Ею вдруг овладела потребность двигаться. Она дала дочери термометр, очистила апельсин, потом вышла в гостиную, чем-то там весело загремела. Горелов отложил флейту.
- Сегодня что-то у меня не получается «барбосик», Наташа!
- Ты, наверное, устал?
Он испытывал странное, никогда ранее не пробуждавшееся, доброе чувство к этой девочке. Горелов понимал, что она к нему потянулась оттого, что давно уже не видела мужской ласки, и этой ласки так не хватало в ее маленькой жизни. Девочка внимательно посмотрела па примолкшего гостя.
—Дядя Алексей, а летать страшно?
«Значит, у Лидии муж не был летчиком», — машинально отметил Алексей.
- Летать? — переспросил он. — Ах, ты о реактивных самолетах! Да нет, девочка, если хорошо знаешь машину и здоров, так не страшно.
- А вы хорошо знаете машину?
- Да, наверное... — запнулся Горелов.
- И с вами никаких-никаких приключений не случалось?
- Со мною? — пожал он плечами. — Да нет, отчего же. Все-таки случались.
- Ну расскажи хотя бы одно, — вновь переходя доверительно на «ты», попросила Наташа. — Про самое маленькое-маленькое.
Он никогда не считал себя тщеславным человеком. Но сейчас ему очень захотелось рассказать о себе этой девочке. Ведь, черт побери, были же, в конце концов, и в его жизни переделки, при воспоминании о которых спина вздрагивала от мурашек. Почему же он не имеет права о них рассказывать? Чем он, на самом деле, хуже своих товарищей, умеющих в часы досуга импровизировать байки из аэродромной жизни? И он стал рассказывать Наташе, как несколько лет назад вылетел на перехват воздушной цели в сырую пасмурную погоду, и когда возвращался на свой аэродром, то на огромной высоте обнаружил первые признаки пожара. Он поймал себя на мысли, что говорит намеренно громко, явно рассчитывая, чтобы его услыхала хлопотавшая по хозяйству в другой комнате Лидия Степановна. И от этого самопризнания он не ощутил неловкости.
- Понимаешь, Наташа, — еле удерживаясь от жестикуляции, повествовал Алексей, — в кабине дым, жара. Уже приборы не вижу. Не то усталость парализовала, не то сознание вот-вот потеряю. А ты уже взрослая и прекрасно понимаешь, что для летчика потерять сознание — это каюк. Самолетом ты уже не управляешь, и он летит себе на землю, как ему заблагорассудится. Подрастешь, станешь изучать физику и узнаешь, что такое закон всемирного тяготения. Так вот, по этому самому закону я и мог бы тогда врезаться в землю. Удар — и от моего самолета один только факел пылающий!
- И ты бы не спел мне песенку про барбосика — красного носика?

- Не спел бы, Наташенька.
- Ну и дальше что ты сделал, дядя Алеша?
- Есть у наших военных летчиков такой специальный устав. И записано в нем, что в случае пожара летчик должен немедленно покидать боевую машину — катапультироваться. Знаешь, что такое катапульта? Она вроде пушки. Нажал на пиропатрон, происходит взрыв, и тебя вместе с креслом выбрасывает из кабины. И ты на парашюте спускаешься на нашу грешную землю.
—Ты спустился? — догадалась Наташа.
Алексей отрицательно покачал головой:
- В том-то и дело, что нет. Командир мне кричит по радио: «Немедленно катапультируйся!» А я молчу.
- Почему же ты молчал, дядя Алеша?
—Командир не знал, что в те секунды я пролетал над большим городом. А там люди на работу идут, детишки такие, как ты, с портфеликами в школу торопятся. И как только представил, что сам выпрыгну, а машина моя горящая на город упадет, кого-нибудь убьет, а то и целый дом разрушит, жутко стало. И я не выпрыгнул. Довел машину до аэродрома, посадил. Тут пожарники набежали, из брандспойтов стали ее поливать. И был в ту пору на аэродроме один самый главный маршал. Стал я ему докладывать, что такой-то выполнял такое-то учебное задание, а он меня спрашивает: «Как фамилия, говоришь? Горелов? Ну, тогда ты все огни и воды пройдешь, раз с такой фамилией не сгорел».
Алексей обернулся на еле уловимый шорох. Лидия Степановна стояла в дверях, держа в одной руке тарелку, а в другой кухонное полотенце. Большие глаза были испуганными.
- Алексей Павлович, так это на самом деле произошло с вами?
- Да, было, — махнул он небрежно рукой.
- И вы бы могли... — начала она стынущим голосом.
- Мог бы с вами сейчас не разговаривать, — прервал он беспечно.
- Ну и страшная же у вас профессия.
- Страшная? — переспросил Горелов. — А вы знаете, как однажды купец спросил у матроса, не страшно ли тому плавать. Матрос говорит: «Нет». Купец снова к нему: «Где утонул ваш дед?» — «В океане». — «А отец?» — «Тоже в океане». — «И вам не страшно после этого плавать?» Тогда моряк в свою очередь спрашивает: «Простите, а где опочил ваш дедушка?» — «На собственной кровати». — «А ваш папаша?» — «Тоже на собственной кровати». — «И вам не страшно после этого ложиться на собственную кровать?»
Круглые ямочки обозначились на щеках Лидии от смеха. Горелов впервые их обнаружил. Наташа тоже поняла присказку и засмеялась.
- Ты чего хохочешь, птаха? — ласково поглядела на нее мать. — Давай-ка лучше термометр.
- А разве смеяться нельзя? — прищурилась Наташа. — Разве эта сказка детям до шестнадцати запрещается?
- Видите, какая она у меня на язык острая. — Лидия приблизила к глазам термометр и облегченно воскликнула: — Алексей Павлович, вы просто добрый волшебник, да и только! У нее уже тридцать семь и одна. А вчера, сами видели, что делалось. Займись с мишкой, доченька, а мы с Алексеем Павловичем пообедаем, — певуче посоветовала Лидия Степановна.
- Я тоже хочу с вами, — упрямо заявила Наташа, но мать отрицательно покачала головой:
—Тебе еще рано вставать с постели.
Горелов для приличия запротестовал:
—Да что вы, Лидия Степановна? Хлопот вам сколько причиняю. Я лучше в нашей столовой.
Но она, как маленького, взяла его за руку, с надеждой посмотрела на дочь:
- Ты видишь, Наташа, какой он упрямый?
- Дядя Алеша, пожалуйста, оставайся, а то я с тобой дружить не буду.
Горелов встал, тряхнул головой:
—Раз такой ультиматум, придется повиноваться.
И он очутился в гостиной. Пока Лидия Степановна гремела ножами и вилками, накрывая на стол, успел осмотреть комнату. На портрете старшего лейтенанта больше не задерживался. Он прекрасно понимал, что за плечами у этой милой, немножко грустной женщины стоит своя собственная, ни на чью другую не похожая жизнь с радостями, огорчениями, удачами и невзгодами. Понял он и другое, что не будет она сегодня открывать ему дверь в этот мир своих воспоминаний о пережитом. Сейчас у нее было хорошее настроение, и она ничем не хотела его

омрачать. «Зачем я остался?» — спросил себя Алексей и не смог на этот вопрос ответить. Ему только не хотелось теперь, чтобы она надолго отлучалась из комнаты. Один раз, когда она по какой-то хозяйской надобности задержалась на кухне, он не выдержал и громко ее позвал, стоя у книжного шкафчика.
—Лидия Степановна, если не секрет, что это такое?
Она почти вбежала в комнату, на ходу развязывая клеенчатый фартук:
—Это же мой диплом, Алексей Павлович. Хотите взглянуть?
Она извлекла из книжного шкафа плотную книжку в синей коленкоровой обложке и протянула Горелову. Он узнал из диплома, что Лидия Степановна Жукова на «отлично» окончила двухгодичный учительский институт.
—Это моя гордость, Алексей Павлович, — призналась она грустно, — все-таки больше года проучительствовала.
И он не стал ее больше ни о чем расспрашивать, полагая, что был не в праве ломиться в тот мир, что стоял за ее плечами. Тем временем Лидия наполнила тарелки душистым рассольником и нерешительно, как-то стыдливо посмотрела на Алексея:
—У меня в холодильнике целый год хранится нераспечатанная бутылка портвейна. Вы как?
Лишь много времени спустя узнал Алексей, что, задавая этот вопрос, она загадывала: если откажется, значит, он не такой, совсем не такой, как многие другие, а согласится, тогда... и оставляла фразу неоконченной.
- Ах это, — насмешливо щелкнул Горелов себя по горлу, не замечая, как потускнели ее глаза.
- Да, это, — подтвердила Лидия Степановна.
- Нет. Это не буду, — мотнул головой Алексей и засмеялся.
- Возможно, вы более крепкие напитки предпочитаете? — улыбнулась женщина. — Как-то у нас в гостинице один жилец по поводу кагора выразился: «Замазка, пищеварение портит, и никакого эффекта».
- Я на пищеварение и без этих нектаров не жалуюсь, — сказал Алексей и внезапно слукавил: — Может быть, вы сами хотите рюмочку, Лидия Степановна?
- Нет, я не хочу, — засмеялась она так счастливо, что Горелову стало весело. — Если бы все были такими потребителями кагоров и портвейнов, как я, винная промышленность давно бы потерпела крах.
После рассольника они ели голубцы и холодный компот из чернослива. Наигравшаяся Наташа заснула, и они остались одни. Хотя и чувствовал Алексей не совсем его покинувшую скованность, но было в этой чужой квартире так уютно, что забыл он на время и про товарищей, и про теоретические занятия, ожидавшие его вечером. Если бы его впоследствии спросили, о чем он разговаривал за обедом с Лидией Степановной, едва ли вспомнил бы. Но важным было не то, о чем они говорили, а — как говорили.
Есть язык слов, но есть еще и язык взглядов. И когда однажды со стола, загремев, упала разливательная лож ка, они так поспешно нагнулись ее поднять, что их руки встретились, и он почувствовал, как резко она отдернула свою. Все же они вместе подняли ложку и рассмеялись. Потом Горелов встретился с ее взглядом, ее глазами и уже не мог от них оторваться, такими они были ласковыми и властными в одно и то же время. И он понял, что еще ни одна женщина не будила у него такого интереса и любопытства. «А может, я ошибаюсь? Может, это не так?» — спросил он себя и почувствовал, как в ответ радость растет и ширится у него в груди. Лидия Степановна тоже пыталась побороть смущение и слишком громко стучала ложечкой в стакане, словно это был не компот, а горячий чай.
Алексей огорченно посмотрел на часы:
- А мне уже пора... вот.
- Так скоро? И с Наташей не попрощаетесь?
- Поклон ей от меня персональный передавайте.
Лидия проводила его в коридор. Алексей, надевая фуражку, медлил, про себя взвешивал: «Руку ей поцеловать на прощание стоило бы».
- Алексей Павлович, — задумчивым голосом спросила Лидия, — а вы и теперь летаете на реактивных истребителях?
- Редко. Больше прыгаем.
Вот все, что он мог ей сказать. Но она явно хотела большего. Поправила высокую корону волос, тихо проговорила:

- Это тоже очень опасно... Прыгать. Вот и девушка ваша чуть не погибла недавно.
- Откуда вы знаете? — насторожился Алексей. — Мы же это хранили в секрете.
- Чудак вы, Алексей Павлович, — усмехнулась она. — Кто-то из полководцев, чуть ли не сам Наполеон, сказал, что если хотя бы один экземпляр новой пушки попал в войска, это оружие перестает быть секретным.
- Слыхал этот афоризм! — воскликнул Горелов. — Однако как вы его к месту употребили!
- А мне очень понравилась эта ваша девушка, — испытующе глядя на него, продолжала Лидия Степановна, — простая, скромная и миловидная.
- Женя Светлова? Они же с Маринкой для нас родные сестренки! «Нет, не буду я целовать ей руку», — решил он окончательно и, взявшись за дверной замок, признался:
—Если говорить откровенно, жаль от вас уходить. Хотелось бы Наташкиного пробуждения дождаться. Но что поделать — занятия!
Прощаясь, он двумя руками взял ее крепкую шершавую ладонь, словно хотел отогреть, и нерешительно спросил:
- Лидия Степановна, а как вы посмотрите, если я попрошу у вас разрешения называть вас просто Лидой?
- А я вас просто Алешей... — продолжила она.

* * *

В гостинице Алексей наугад постучался в номер к Субботину, потом к Нелидову, но ни там, ни тут ему не ответили. В пустом коридоре было тихо, и он услышал громкие голоса и смех. Сомнений не оставалось — шумели в комнате у Сергея Ножикова. Горелов не успел взяться за ручку, как из-за двери донеслось громкое: «Заходите, не стесняйтесь!» Ножиков занимал в последние дни самое просторное помещение. Поселяя его в большую комнату, полковник Нелидов пошутил: «Ты у нас партийный вожак, Сережа. Ребята будут часто заходить. Бюро, а то и «большой сбор» понадобится провести. Такая обитель — как раз».
Горелов распахнул дверь и увидел всех космонавтов, за исключением девушек. Ножиков сидел на койке в трусах и белой безрукавке. На его ногах виднелись шрамы, оставшиеся после автомобильной катастрофы. Андрей Субботин, оседлав стул посреди комнаты, рассматривал какие-то плотные листки с машинописным текстом. На новеньком зеленом диване удобно поместились Костров, Дремов и Локтев. А Виталий Карпов прислонился к подоконнику, словно раздумывая, садиться или нет.
- Де-ела, — произнес он неопределенно, пощипывая холеные усики.
- Что такое? — остановился в недоумении Горелов и сразу привлек к себе внимание.
- Откуда ты, прелестное дитя?! — вскричал Субботин. — То ты с какими-то свертками мчишься, когда твои соратники изнывают под палящим солнцем на стадионе, то загадочно исчезаешь, когда они в очередной раз покоряют бурные воды Иртыша. К твоему поведению надо присмотреться.
Горелов смутился:
- Ладно, Андрей, не бузи. Лучше объясни, в чем дело.
- Садись рядом и слушай Володю, — пригласил Горелова Ножиков и подвинулся.
Костров говорил тихо и медленно.
- Простая как будто бы вещь, ребята. Вот уже несколько лет готовимся мы к «лунному варианту». Если говорить о теоретической части этого плана, то очень многое каждому знакомо до мельчайших деталей. А вот если об исполнении плана говорить, о реальном полете, то...
- Что «то»? — с некоторым удивлением прервал его Дремов.
- Совсем другое дело, ребята, — вздохнул Костров и задумчиво посмотрел в окно. — Шутка ли, если подумать, — четыреста тысяч километров! Даже представить страшно такое расстояние. Холодная, далекая Луна. Сколько о ней песен и пословиц сложено! Про капризного ребенка

говорят: «Ему хоть Луну с неба подавай», неуча останавливают: «Ты что, с Луны свалился!» В песне лирической поется: «Плыла Луна, любви помощница...» А для нас это цель!
- К которой мы обязательно придем! — горячо подхватил Игорь Дремов. — Ведь это не фантазия, ребята, а завтрашний день нашего отряда. Володя! Костров! Ты же очень хорошо об этом знаешь. Расскажи.
- Нет, — поморщился Костров и поправил упавшую на лоб челку. — Вопрос задан не по адресу. Горелов смог бы ответить гораздо точнее. Он уже видел макет лунного корабля. Главный конструктор назвал его «Зарей».
- Неплохо звучит, — не меняя позы, заметил Субботин. — «Заря» летит на Селену.
- Почему на Селену? — недоумевая, уставился на него Локтев.
Субботин махнул рукой:
—А, надоело!.. Луна да Луна. Давайте ее хоть разок Селеной назовем, чтобы поэтическую свежесть, так сказать, ощутить.
Костров нетерпеливым движением отбросил свисающую на лоб прядку волос. Он ее постоянно холил и только делал вид, что она ему мешает. Друзья это знали. Да к, чего греха таить, почти каждый из них старался лелеять какие-нибудь отличающие его от других внешние приметы. Виталий Карпов отрастил усики. Игорь Дремов с шиком носил густую черную шевелюру и подстригал ее только у одного парикмахера, доверявшего ему секрет стрижки. Субботин трогательно ухаживал за своей редкой прической и учился красиво расписываться, тайком мечтая о том времени, когда толпы людей будут обступать его, чтобы получить автограф. Стали замечать, что даже Сергей Ножиков поддался этой «звездной» болезни и начал усиленно ухаживать за дремучими своими бровями. Пожалуй, один Горелов ничем не старался выделиться, впрочем, его, курчавого и курносого, трудно было с кем-либо спутать.
—«Заря», — задумчиво продолжал Костров, — она существует уже реально, но, чтобы лететь к Луне, нужно и о другом побеспокоиться — о жизнеобеспечении космонавта.
—Опять? — подал голос Карпов.
Костров кивнул:
—Совершенно верно. Она и уход корабля с селеноцентрической орбиты. Короче говоря, снова — расчеты и расчеты. А без этого лететь... бр... Вы только представьте. — Володя сделал неопределенный жест: — У вас произошла разгерметизация отсека где-нибудь над ночной стороной Луны. Не желая погибать, вы садитесь на какое-нибудь Море Спокойствия или в воронку кратера в районе Океана Бурь. Ночь, черные звезды и температура минус сто пятьдесят градусов.
Субботин заерзал на стуле и вслед за Костровым продолжил:
—И вы дрожите, маэстро, в своем скафандрике, как в какой-нибудь нейлоновой рубашечке. Здравствуйте, госпожа Селена! Это я прибыл, ваш покоритель подполковник Костров.
Все грохнули. Но Костров, глазом не моргнув, проговорил:
—Тогда будет не до острот. Остаться один на один с лунным холодом, встретить мрак и жуткую тишину, видеть далекий голубой шарик, имя которому Земля, и знать, что туда уже никогда не возвратишься... Нет, эта перспектива не из заманчивых.
Ножиков пошевелился на койке, и пружины под ним зазвенели.
- Смотри, как ты боишься смерти, а я и не знал.
- Смерти? — резко переспросил Костров и встал с дивана. — Бояться смерти — это совсем не то. Я не боюсь смерти, когда она приходит в активном состоянии: в воздушном бою с противником, в борьбе со стихией или бурей на море, что ли. Это одно. Но очутиться в лунном безмолвии...
- Так, а зачем же тебя в сурдокамере тренировали? — язвительно спросил Субботин при всеобщем одобрительном молчании. — Разве не для того, чтобы выяснить, способен ли ты переносить длительное одиночество?
- Длительное одиночество, но не смерть в бесконечном одиночестве, — возразил Костров. — И если говорить откровенно, считаю, что нас посылать на Луну будут лишь с полной страховкой безопасности.
Ножиков усмехнулся и потер переносицу.
- Да. Конечно. Сотни людей работают над тем, чтобы каждый космический полет совершался без риска. Но мы знаем: всякое может случиться. И случалось. Профессия космонавта, —

продолжал он строго, — это профессия риска. Космонавт ко всему должен быть готов. В том числе и остаться, как ты говоришь, в лунном холоде.
- Человек совершает в космосе революцию, — тихо заметил Дремов, — а еще ни одна революция не обходилась без потерь.
- Призыв к жертвенности, — передернул плечами Костров и наугад кивнул на Локтева. — Ты вот спроси его: он бы с легким сердцем в полет отправился, если бы знал, что на обратное возвращение пятьдесят процентов гарантии? Или Субботина спроси... Карпова. Или вот его, Горелова, — не оборачиваясь, небрежно указал он на Алексея. Эта небрежность покоробила Горелова. Он всегда душевно относился к Кострову, не однажды от него получал теоретическую помощь и как-то совсем по-детски преклонялся перед его математическими познаниями. Но сейчас он обиженно моргнул глазами и грубовато сказал:
- А ты не принимай за меня решений, Володя. Откуда ты знаешь? Я, например, уже пережил в своей жизни такую минуту, когда принял твердое решение погибнуть, но выполнить что задумал.
Это верно. Это с ним было, — с необычной тепло» той отозвался Субботин. — Не покинул он над городом горящего перехватчика... Да и я бы не дрогнул, если бы в лунный экипаж попал.
- Я бы тоже не стал процентами этих самых шансов интересоваться, — мрачно вздохнул Локтев. — Как в нашей песнё-то поется:
Не всегда все свершается гладко,
Не всегда возвращаются в срок,
Но орбита будет в порядке,
Если мужества есть огонек.
Костров стоял посреди комнаты. Он сердито оглядел присутствующих и упрямо тряхнул головой.
—Подведем итог. Ни одного союзника? Ну что ж, пусть я останусь на сегодняшний день в меньшинстве. Все равно от своих слов не отрекаюсь. Да, я считаю, что посылать корабль на любое другое небесное тело или в окружающее его малоизвестное пространство можно лишь тогда, когда будет проверена безопасность всех этапов полета. А пока... чем рисковать на малоизученных вариантах, лучше развивать космонавтику в ином направлении: повторять орбитальные полеты, изучать длительное воздействие невесомости на человека, сделать наши корабли транспортными. Видите, какие перед нами перспективы открываются! Любой многоместный космический корабль за час с чем-то, включая старт, запросто до Америки долетит.
Игорь Дремов тоже вскочил и, сверкая белками глаз, выпалил:
—Может, кислое молоко будем на космических кораблях возить? Ты скоро и до такого договоришься, Володя. Нет, не для этого лично я шел в отряд. Я космонавтом быть собираюсь, Костров. Не тепличным, а настоящим. И не ради славы или поисков приключений. Хочу узнавать неизвестное и делать свои познания достоянием человечества. Моего народа прежде всего, конечно. Вот в чем я вижу смысл своей жизни. А открывать неизведанное без риска... В уме ли ты, Володя? Строитель, который кладет бетон на двенадцатом этаже нового здания, пока мы спокойно спим, учимся, дискутируем, даже он риску подвержен. А что же ты хочешь от космонавтов?!
Ножиков, усмехаясь, приблизился к Володе, дружески положил ему на плечо сильную, в жестких волосках руку:
—Да, старик, подзагнул ты сегодня. Важно, чтобы твои слова не стали твоим убеждением.
Костров обиженно промолчал.

* * *

Над Степновском и аэродромом с утра до вечера сияло солнце. Дни были один жарче другого, но зори, закаты и ночи приносили с собой облегчающую прохладу. Она лучше всякого душа

смывала усталость, и по утрам на парашютные прыжки космонавты уходили бодрыми, хорошо отдохнувшими. Павел Иванович Нелидов и капитан Каменев так уплотнили программу, что их подопечные возвращались в гостиницу предельно усталыми, и даже не всегда оставалось у них сил помериться с быстрым течением Иртыша.
Возобновила тренировочные прыжки и Женя Светлова. После памятного происшествия она сама обратилась к полковнику Нелидову с просьбой включить в расчет прыгающих.
—А к парашюту отвращение не появилось? — напрямик спросил Нелидов.
Девушка рассмеялась:
—Что вы, товарищ полковник! По статистике на миллион прыжков однажды может произойти такое, что случилось со мной. Так что я застрахована.
Нелидов .тотчас согласился, но Каменев, смущенно отводя глаза, заявил:
- Женю первые дни надо подержать исключительно на групповых, и прыгать будет только со мной. Вы сами знаете, что такая психическая травма проходит не сразу. Ну а со мной она будет себя чувствовать, сами понимаете... — и он конфузливо умолк.
- Понимаю, понимаю, — улыбнулся Нелидов. — Когда Женя с вами прыгает, она как у Христа за пазухой, пусть этот Христос и без крыльев.
И снова на аэродроме зазвучал Женин смешок. В белом твердом шлеме и снаряжении парашютиста она, как и прежде, казалась хрупким нежным подростком. Возобновив парашютную подготовку, Светлова хладнокровно н технично выполнила первые прыжки. А на пятом произошел всех насмешивший случай. С зеленого АН-2 они выбросились втроем: сначала Женя, за нею Каменев и последним Горелов. Когда у него раскрылся парашют, Алексей увидел под собой две белые шелковые шапки: на близком друг от друга расстоянии спускались Каменев и Светлова. По условиям задания они все должны были приземлиться одновременно, и Горелов стал догонять их скольжением. Внизу увидел озерцо с песчаными заливами берега и грязновато-желтыми массивами шлака. Или ветер рванул над самой землей порывисто, или зазевалась и не рассчитала Женя, только приземляться ей пришлось в самоё болотце. Больше всего на свете она боялась мышей, тараканов и лягушек. Еще не приземлившись, увидела Женя, как зеленоватые жабы, решившие, что на них рушится само небо, стали прыгать во все стороны. У девушки остановилось дыхание, и ее отчаянный визг разнесся над зеленоватым зеркалом застоявшегося озерца:
—Жор-ка, спасай! Разгони поскорее лягушек, а то я боюсь!
Алексей рассмеялся и подумал: «Ладно, ладно, я тебе на помощь не приду. Рядом более надежный телохранитель». Он отклонился вправо и сел на песочке. Слышал, как бултыхалась Женя по колено в воде и сердито выговаривала Каменеву:
—А еще в вечной любви поклялся. Как не стыдно зубы скалить! Помоги хоть с парашютом управиться, вредный!
Вечером Горелов пустил по рукам карикатуру: они втроем снижаются на парашютах. Женя, оказавшаяся над зеленоватой водой, отчаянно вопит: «Разгони лягушек!» Получилось забавно, и за ужином все смеялись. Георгий и Женя ходили по городку, не скрывая своей близости. На Иртыше, в кино и на стадионе всегда появлялись вместе, в столовой пересели за один столик. Горелов посматривал на них с доброй улыбкой.
Дни были очень суматошливые, и Алексей часто не мог понять, почему в свободные от тренировочных прыжков и теоретических занятий часы ему становится так одиноко. Лидию он не видел уже несколько дней. Вспоминал, с каким смущением разрешила ему она называть ее только по имени, и вздыхал. Она словно стояла перед ним, даже глаза не надо было закрывать, чтобы ее представить. На дежурстве в гостинице Лидия еще не появлялась. Оказывается, они договорились с тетей Анарой дежурить подряд по трое суток. В сумерках после ужина Горелов решил к ней пойти. Надел туфли и белую нейлоновую рубашку. Оставалось покинуть гостиницу и двинуться по хорошо знакомому маршруту. Но, как назло, в Холле встретился с полковником Нелидовым.
—Ага, Алексей Павлович! — кинулся к нему замполит. — Мне как раз поговорить с вами хотелось. Зайдемте ко мне на несколько минуток, пожалуйста.
С космонавтами Павел Иванович был всегда вежлив, но сейчас его «пожалуйста» было для Горелова хуже всякой пытки. Горько вздохнув, он поплелся за ним по лестнице на второй этаж. В номере у полковника было жарко — единственное окно и то выходило на юг. Павел

Иванович повесил фуражку, глазами указал Алексею на мягкое кресло, сам сел напротив на стул и расстегнул воротник взмокшей рубашки.
Нелидов несколько минут говорил об учебном плане, уже выполненном, и о том, что предстояло выполнить. Поинтересовался, нет ли у него каких-либо персональных просьб, на что Горелов, нетерпеливо пожимая плечами, ответил:
—Живу, как все. Вниманием вашим не обойден.
Нелидов достал сигаретку, помял ее, закурил.
- Опять потянуло, Павел Иванович? — спросил Горелов, знавший, что полковник несколько раз в год бросает и начинает курить.
- С устатка, — затягиваясь дымком, усмехнулся Нелидов. — Одну в сутки стал себе разрешать... Алексей Павлович, я очень доволен вашими результатами. Контрольное упражнение на бегущей дорожке отлично выполнили. Физо тоже хорошо идет. Да и с парашютными прыжками все ладится.
- Как у всех.
- Не сказал бы. По мнению капитана Каменева, вы и Субботин — лидеры.
- Начальству видней, Павел Иванович.
- Совершенно верно. — Папироска мерцала огненной точкой в густеющих сумерках. — Днем сегодня разговаривал с Сергеем Степановичем. От него вам привет. А самое главное вот в чем состоит. Поскольку вы попали в парашютные лидеры, завтра я снимаю вас с прыжков.
- Меня и Субботина?
- Нет, вас одного.
- Почему?
- Так надо, Алексей Павлович. И это тот случай, когда на ваше «почему» я лишен возможности ответить.
- Странно, — промолвил Алексей. — Значит, мне завтра на аэродром не ехать?
- Нет.
—И чем же порекомендуете мне заняться?
Нелидов притушил недокуренную сигарету, дотронулся до его колена.
—Полезный совет дам, Алексей Павлович. Вам надо отдохнуть, развеяться. Завтра никаких консультаций и теоретических занятий нет. Почему бы не съездить в город. Всего три часа от Степновска, а сколько интересного! Музей с экспонатами чингисхановской и тамерлановской эпох, фрески одни древние чего стоят. Вы же художник.
- Ну а надоест старина, к вашим услугам — панорамное кино, огромнейшая библиотека. Можете и заночевать, если появится такое желание. Одним словом, завтра с десяти ноль-ноль ровно сутки вы совершенно свободны.
Алексей привык к тем неожиданным вводным, которыми изобиловала жизнь космонавтов. Ответил:
- Хорошо, Павел Иванович. Поеду в город. Тамерла-новская старина меня не особенно интересует, а в библиотеку зайти и кое-что по астрономии посмотреть на самом деле не мешает.
- Вот мы и договорились, — одобрил Нелидов. — Я вас больше не задерживаю. Вы, кажется, хотели куда-то идти? Счастливого пути, Алексей Павлович.
Горелов вышел из гостиницы. Правый берег Иртыша уже не просматривался. Последние вечерние купальщики тянулись с пляжа. Он расстроенно посмотрел на светящийся циферблат часов. Нет, к ней он сегодня уже не пойдет. Это попросту неприлично заявляться, в десять вечера. В раковине летней эстрады играл духовой оркестр. Звуки медленного танца плыли над улицами городка, в тихом вечернем воздухе далеко разносился смех. «А вдруг она там? — подумал Горелов. — Уложила Наташку и пошла. Неужели ей, молодой и красивой, нельзя пойти? Да если она там появится, одни только космонавты станут в очередь приглашать на танец. Гордая, милая, человечная...» Алеша впервые в жизни и только для нее, для Лиды, подбирал сейчас эти ласковые слова. И в тот же миг от мысли, что Лидия может оказаться на танцплощадке, ему стало не по себе. Какое-то новое чувство сковывало его, мешало быть спокойным. Алеша еще не знал, что это называется ревностью. Но ему страшно хотелось, чтобы она обязательно была дома. Он подумал о том, что Наташка уже спит, а два окна другой комнаты выходят на строящийся квартал. Нет, к ней он звонить, разумеется, не будет, но он подойдет с той стороны к дому и посмотрит, есть ли свет в ее окнах. Если она дома, едва ли так рано ляжет спать. Сухой гравий шоссе скрипел под ногами. Медленно и неуверенно Горелов

приближался к знакомому дому. Навстречу попалась лишь одна незнакомая пара. Горелов уже стоял под ее окнами, не смея поднять головы, боясь, что Лидия его обнаружит. «Совсем как испанский гидальго, — ругнул он себя рассерженно, — кастаньет и гитары только не хватает. Нет, к черту!»
На противоположной стороне улицы у недостроенного трехэтажного с пустыми глазницами окон дома чернел силуэт строительного крана. Тонкая стрела упиралась в звездное небо. Алексей с невинным видом направился к нему, перепрыгнув на пути узкую канаву. Испеченная солнцем земля, шурша, поползла с откосов. Он встал под защиту крана и глянул на окна Лидии. Света в них не было. «Ушла», — подумал Алексей грустно. Носком ботинка он поддал земляную насыпь. Послушал, как сбегают струйки земли и с характерным звуком бьются о металл уложенных водопроводных труб. «А чего ты, собственно говоря, хочешь? Чтобы она никуда не ходила по вечерам? Какой абсурд! Она свободный человек, и почему ей нельзя развлечься, выйти из четырех стен квартиры? А может, она решила, что и я на танцах, и пошла туда с расчетом меня встретить? Ведь уже несколько дней он не подавал о себе никаких вестей. Теория вероятности... она бесконечна, — усмехнулся про себя Алексей. — Сходить и мне поглядеть на танцующих? Это же гораздо пристойнее, чем скрываться тут, под краном, как мелкому воришке».
Он уже хотел снова перепрыгнуть канаву и уйти, когда желтый косяк света пронзил темень и осветил узкую улочку города до самой середины. И забилось у обрадованного Алексея сердце: это же ее окна зажглись! Прильнув к холодному корпусу крана, он увидел знакомый книжный шкаф и подаренного им Наташке плюшевого медведя, сидевшего почему-то наверху этого шкафа, и даже единственную фотографию, темневшую квадратиком на стене.
«Возможно, она укладывала Наташку или рассказывала ей на ночь сказку. А я-то, дурак...»
Вдруг он увидел, как обнаженные руки потянулись к шкафу и сняли оттуда плюшевого медведя. «Понесла в спальню, к Наташе!» — обрадовался Алексей, но ошибся. Секунду спустя в распахнутом окне возник ее силуэт. Лидия была в том самом простеньком ситцевом платье, в каком он ее увидел, когда пришел за ключом. Она держала на руках медведя, прижимая его к груди, как ребенка. Затем отодвинула от себя, легонько щелкнула по носу и опять взяла на руки. Горелов увидел ее удаляющуюся от окна голову, а затем обнаженные руки вытянулись вверх и усадили медведя на прежнее место. Прямоугольник окна остался пустым. Яркий свет сменился притушенным зеленым. Вероятно, она зажгла ночник. Горелов подождал еще несколько минут, но Лидия не появлялась. «И не надо, — подумал он,— пусть отдыхает. Небось намаялась за день».
Он вышел из своего укрытия и неторопливо зашагал домой, наполненный ликованием.
Не желая сразу уединяться в своем номере, Алексей все же дошел до танцплощадки, издали увидел Субботина, вальсировавшего с какой-то девушкой, и Каменева, оказавшегося столь неважным танцором, что гибкая, стройная Женя таскала его «за кавалера». Дружный их смех приятно встряхнул Горелова, и он без зависти отметил: «Смеются? Ну и хорошо, что смеются. И мне тоже не грустно». И еще он подумал, что если бы перед ним промелькнули сейчас тысячи самых красивых женщин —-учительниц, ткачих, балерин, кинозвезд, — он бы ни на одной не посмел долго задержать взгляда. У него есть своя, одна-единственная женщина, добрее и красивее которой нет в мире. И зовут ее Лидией...

* * *

Рано утром Алексей Горелов сел в штабной газик, чтобы добраться до полустанка к отходу пригородного поезда. Друзья его еще спали, и это избавило от излишних расспросов. На аэродроме Нелидов объяснит им, что Горелов исключен из дальнейшей программы парашютной подготовки, а сегодня получил суточный отпуск в город.
Молоденький солдат с косыми височками сидел за баранкой.
- Можно ехать, товарищ капитан? — почтительно осведомился он. — Вещей с вами никаких?

- Никаких, — подтвердил Горелов.
Газик подпрыгнул на жестких рессорах и помчался по шоссе. У проходной шофер затормозил, стал рыться в карманах, доставая путевку.
Пока сержант с рыжими выгоревшими бровями проверял путевой лист, Горелов, с любопытством разглядывавший людей, собиравшихся к поезду, вдруг замер от неожиданности. В очереди на маленький голубой автобус стояла Лидия. Была она в светло-голубом платье и в накинутом поверх него желтом пыльнике. На голове — белая прозрачная косынка, в руках — сумка. Рядом, в красном платьице, старательно причесанная, с алым бантом в волосах, топталась Наташа.
—Лидия Степановна!—не раздумывая, окликнул Горелов. — Идите сюда!
Она удивленно обернулась, но, сразу его узнав, бросилась к газику. Остановившись у дверцы, улыбнулась. Полыхнуло румянцем ее лицо. Не успела она еще и поздороваться, как Наташка колобком выкатилась из-за нее, звонко закричала:
- Дядя Алеша, и ты едешь на станцию? Нас с мамой посадишь?
- Конечно посажу, маленькая, — обрадовался он. — Иди, я тебя подниму. А теперь давайте руку и вы, Лидия Степановна.
Они втроем поместились на заднем сиденье: Наташа в середке, они по бокам.
- Дядя Алеша, а ты почему так долго не приходил? — затараторила Наташа. — А я без тебя медведю чуть ухо не оторвала. А как меня мама ру-га-ла!
- Перестань ты ябедничать! — смутилась Лидия. — Слова не дашь вымолвить. В самом деле, почему вы нас позабыли, Алексей Павлович?
Синие глаза были наполнены ожиданием, в певучем голосе прозвучала еще не погашенная тревога. Горелов погладил девочку по головке.
—Совсем зашился, Лидия Степановна. С утра и до вечера занятия. Дойдешь до койки и валишься как сноп. Да и очень поздно возвращались с аэродрома. Неудобно было вас тревожить...
- А сегодня? — прервала она настороженно.
- Сегодня дали суточный отпуск. Свободен до десяти ноль-ноль завтрашнего утра. Хочу в городской библиотеке кое-какую техническую литературу посмотреть. А вы?
- А меня мама везет в детскую поликлинику показывать, — опередила девочка. — И еще в зоопарк мы пойдем.
- У нас действительно программа максимум, Алексей Павлович, — подтвердила Лидия. — Наташку я веду к врачу посоветоваться удалять или не удалять ей гланды. Потом забежим к одной нашей старой знакомой. Ну и зоопарка миновать, разумеется, не удастся.
- А обратно?
- Вечером. Последний поезд в семь с минутами отходит.
Машину встряхнуло на ухабе, и их руки невольно соединились за Наташиной спиной. Алексею стало радостно оттого, что Лидия не сразу высвободила свою.
- Я тоже хотел бы с вами, — признался он простодушно.
- А ты сделай свои дела, дядя Алеша, и в зоопарк приходи, — предложила Наташа.
- Как ты мне нравишься, Наташка, своей способностью разрубать гордиевы узлы, — засмеялся Горелов и вопросительно поглядел на Лидию. Увидел, как веселыми лучиками побежала от углов ее рта улыбка.
- Я согласна с Наташкой. Верно, было бы хорошо, если бы вы часов в шесть смогли нас забрать из зоопарка. Оттуда до вокзала рукой подать.
Он кивнул.
Свежий ветер рвался под колеса машины, бился в смотровое стекло. С хрустом отлетали в. стороны мелкие камешки. Уже замаячили впереди навес тупичкового полустанка и зеленые допотопные вагончики с одутловатым локомотивом под парами.
Водитель выключил скорость.
- С каким будете возвращаться, товарищ капитан?
- С самым последним.
—Хорошо. Машину подам минута в минуту.
И газик умчал.
По перрону деловито ходили куры. Где-то неподалеку ревел ишак. Беленькую мазанку, вероятно служившую жильем начальнику полустанка, окружали плотным кольцом яблони. На

ветвях тяжелели, наливаясь, плоды. Лаяла лениво собака, потревоженная голосами собравшихся к поезду.
Лидия Степановна показала на локомотив:
—Его у нас почему-то «космонавтом именуют.
«Если бы она знала, кому это говорит!»—усмехнулся про себя Горелов. Вслух сказал:
—Такое чучело на орбиту не выведешь.
—Чу-че-ло! — подхватила Наташка. — Ой, дядя Алеша! Это же паровоз.
В рабочий день с утренним поездом пассажиров уезжало мало, а в детском вагоне, куда они сели вместе с Наташкой, и вовсе никого не оказалось. Горелов повесил на крючок пыльник Лидии, сел напротив нее. Наташа, как мячик, перепрыгивала со скамейки на скамейку — от матери к нему, от него к ней. На перроне гулко ударил колокол. Алексей не удержался от восторженной улыбки. Паровозик выбросил в небо струю дымка, перемешанного с искрами, и опустевший перрон поплыл за окном. Набирая скорость, поезд катился по голой необъятной степи. Очень редко проносились в окне постройки — летние, пастбищные. Отары лохматых черных овец приводили Наташу в радостный восторг. Кусты саксаула чернели, как памятники, и только густой настой полыни, врываясь в вагон сквозь открытое окно, приятной терпкостью обдавал лицо.
На первой же станции состав простоял больше пятнадцати минут. Разговор в пути был вялым, плохо вязался. А когда поезд остановился, Лидия и вовсе умолкла. Подперев ладонями голову, она неотрывно смотрела в степь, позабыв о своем соседе. Горелов не стал прерывать ее раздумья. Все-таки она еще во многом была для него непонятной. Он видел теперь ее плотно сжатые губы и остановившийся взгляд, какой-то непередаваемо-тоскливый, и удивился, как сильно она вздрогнула, когда тонко просвистел паровоз, возвещая об отходе. Ствол обожженного молнией карагача с голыми прутьями промелькнул в окне. Пронесся длинный ряд унылых выбеленных глинобиток, а Лидия все продолжала смотреть в раскрытое окно, в степную глубь, убегавшую к горизонту. Алексей понял, что ее надо отвлечь от этого напряженного созерцания, видать, горестного и непонятного для него.
- Что вас там привлекло, Лидия Степановна? — поинтересовался он тихо и увидел, как опустились ее плечи.
- Меня? — она резко оттолкнулась от оконной рамы и ладонями с силой стиснула виски, будто старалась унять острую боль. Наташка неожиданно побледнела, перестала шалить, и ротик ее жалко покосился:
- Мама, не надо... Ты сейчас опять будешь плакать.
- Я? — грустно переспросила мать и решительно отняла от висков ладони. — Нет, моя девочка, — сказала она глухо и твердо. — Я не буду сегодня плакать.
Алексей мельком, так, чтобы не видела Лидия, глянул в окно. Он был летчиком, и одного натренированного взгляда ему хватило, чтобы занести, как на пленку, увиденное и надолго сохранить в памяти.
«Что могло ее так разволновать?»—гадал он.
Громко стучали колеса поезда. Вагоны отбрасывали косую тень под железнодорожную насыпь. Стонали рельсы и мелькали шпалы. Маленькие домики, окружавшие станцию, исчезли. Горелов увидел небольшое озерцо с тенистыми берегами, вероятно страшно обмелевшее в эту знойную пору, горбатый деревянный мостик над ним, голую рощицу и длинную линию жесткого черного кустарника, сквозь который виднелись могильные холмики и черные надгробия над ними. Потом блеснула змейкой извивавшаяся в камышовой ложбине речонка — и все кончилось. Железнодорожная ветка резко брала здесь вправо, так что из своего среднего вагона Горелов увидел успевший завернуть паровозик. Нет, ни о чем ему не сказал этот пейзаж, ни на какую догадку не натолкнул.
—Наташенька, — мягко попросила Лидия, — пойди поиграй у соседнего окошка.
Девочка ничего не ответила. Она только как-то очень серьезно, совсем уж по-взрослому посмотрела сначала на мать, потом на Алексея и отошла от них. Горелов поглядел на Лидию. На ее лице еще не улеглись следы недавнего волнения. Синие глаза сухо блестели. Она снова поднесла к вискам ладони, но тотчас же их отняла, даже не дотронувшись до волос.
—Алеша, — сказала она непослушными губами, и он удивился, что именно в эту, видимо, очень тяжелую для нее минуту она назвала его по имени, — Алеша, — повторила она, — я

должна рассказать вам о себе. Один только раз. И дайте мне слово, что вы ни о чем больше не будете меня расспрашивать?
Он расширил серые глаза, с готовностью тряхнул курчавой головой.
—Лида, если вам трудно об этом рассказывать, то не говорите совсем. Слышите, Лида, не надо! Для меня вы... — прибавил он горячо и запнулся.
Лидия отрицательно покачала головой:
- Нет, я должна рассказать. Даже обязана это сделать. Вы видели в окно вагона кладбище, Алеша?
- Видел, — не сразу отозвался он.
- Там хоронят не только жителей этого селения... Там и степновцев хоронят. Среди могил есть черный мраморный обелиск. Из вагона ни я, ни вы не могли его заметить. Четыре года назад на том месте похоронили На-ташиного отца, моего мужа, старшего лейтенанта Николая Бакланова. А теперь слушайте...
Лидия Степановна часто со всеми деталями вспоминала события тех лет, но ни разу не могла решить, была ли у нее большая любовь к Николаю. Пожалуй, все же не было. Ни сильной тоски в разлуках, ни горячих страстных объятий, о которых она читала так много у классиков, ни ревности, ни обид. Просто появился этот упрямый, настойчивый парень с открытым взглядом удивительно располагающих черных глаз — и все пришло сразу: привязанность, верность, желание быть всегда вместе. Лидия вела тогда четвертый класс в городской средней школе, а лейтенант Бакланов приехал к ним как шеф на День Советской Армии. Он очаровал ребят своим рассказом о нашей армии и флоте — о ракетных установках, о подводных лодках, способных на атомных двигателях спокойно обойти морями и океанами весь мир, находясь под водой несколько месяцев. Она из вежливости попросила его остаться на вечер старшеклассников, и Николай, улыбаясь, охотно согласился. Все танцы они протанцевали вместе. Бакланов стал приезжать к ней по воскресеньям. А месяца через три они поженились.
Лидия оставила работу в школе и уехала с ним в далекие степи, в маленький, хорошо благоустроенный городок. На первых порах она радовалась и кафельной ванне, и просторной кухне с удобными нишами, и новой мебели, предоставленной в рассрочку, — низким фигурным креслам, шкафчикам, секретерам, дорогому приемнику на красивой подставке. В магазинах, продовольственном и промтоварном, было все, что требуется.
И люди, окружавшие их, с которыми ежедневно она встречалась, были добрыми и вежливыми. Только о работе своей, о том самом главном, ради чего жили они в этой далекой степи, они никогда не говорили.
Бакланов рано уходил из дому, а возвращался со службы поздними вечерами. В их доме эти вечера были такими светлыми и счастливыми, что пролетали совсем незаметно. Похорошевшая Лидия радостно носилась по квартире. Голос ее, грудной, певучий, всегда высекал улыбку на усталом лице мужа. «Коленька, это же не квартира, а Эдем! — восклицала она. — А магазины, а библиотека, а скверик у Дома культуры! Если еще, как ты обещал, я со временем устроюсь на работу в школу, будет жизнь, о которой ни в сказке сказать ни пером описать». — «Будет и работа в школе», — сдержанно улыбался он.
Потом Бакланова перевели в Степновск.
В большом авиационном городке нашлась для него интересная работа. Вскоре родилась Наташка и наполнила их квартиру веселым лепетом.
У Николая появились добрые друзья, охотники и рыболовы. С ними он не однажды уходил в заиртышскую пойму. Как-то в сырую осень Николай отбился на охоте от товарищей, провалился по пояс в холодную воду незнакомого болотца и поспешно стал их разыскивать, чтобы возвратиться домой. Неожиданно на косогоре увидел дикого козленка и наугад, не успев прицелиться, выстрелил. Как ему показалось, дробовой заряд просвистел в стороне. Перезаряжая на ходу ружье, Бакланов поспешил к козленку. Но тот, навострив уши, отпрянул. Николай ускорил шаги, потом бросился за ним. Козленок как-то очень тяжело и медленно уходил от своего преследователя. Видя, что расстояние быстро сокращается, Николай не стал тратить последний заряд. На его глазах козленок споткнулся о корягу, упал и больше не стал подниматься. Он только смотрел на подбегающего охотника желтым, полным ужаса глазом. «Все-таки я его задел, — азартно подумал Бакланов, — кажется, зверек что надо. На добрый шашлык хватит». Он остановился над своей жертвой, опустился на одно колено. Козленок лежал на боку, и глаз его медленно тускнел. В желтом зрачке не было теперь ни ужаса, ни

отчаяния, он смотрел на Бакланова с какой-то почти человечьей апатией, словно козленок хотел сказать: я так устал, что не сделаю больше ни шага. Бакланов нагнулся и поднял агонизирующего зверька за мягкий шиворот. Несмотря на большие размеры, был козленок удивительно легким. «Кожа да кости, — подумал охотник,— вот тебе и шашлык!» И удивленно застыл. Весь правый бок его был голым, кровоточил ранами. Можно было подумать, козленка заживо свежевали. Лишь в трех-четырех местах торчали жалкие островки шерсти. От козленка шел неприятный запах гниющего мяса. Бакланов в раздумье провел рукой по голому боку козленка, покрытому незаживающими язвами. «И что за зверь этак его разделал? Брать или не брать такой трофей? — Остановился Николай и тотчас представил, как будут измываться однополчане, завидев в его руках облезлого козленка. — Да ну его к черту!»
Однажды под утро Бакланов проснулся от смутного тонкого звона в ушах и адской головной боли. Во рту было сухо. Рассвет уже вползал в комнату, но знакомые предметы двоились в глазах. Страшная слабость разливалась по телу, сковывала руки и ноги. «Козленок... — подумал старших! лейтенант. — Как же я не вспомнил об этом сразу? Он же очень похож на тех кроликов, свинок, овец и телят, которых я видел на плакатах, где они были представлены как разносчики страшной смертельной болезни, которую редко, но приносили из-за кордона. Значит, и этот козленок за сотни километров пришел в за-иртышскую пойму, чтобы встретиться со мной». В комнате все светлело и светлело, а боль, раскалывающая виски, становилась невыносимой. «Еще можно уберечься от смерти, — холодея, размышлял Бакланов, — надо только немедленно, сейчас же заявить о своем предположении». Стараясь преодолеть разрастающуюся слабость, он позвал плохо повинующимся голосом:
— Лидочка! Лида!
Она спала с Наташкой в соседней комнате, но спала чутким сном матери и тотчас же встала, подошла к его двери, ласково спросила:
—Чего тебе, Коленька?
Николай привстал в постели, стараясь упереться локтями в подушку, но они подогнулись, и он тяжело упал.
—Лидочка, — прошептал он сипло, — пожалуйста, не впускай ко мне Наташку. И сама тоже не подходи. И скорее вызови из санчасти врача Карлина.
Через час в машине «скорой помощи» Бакланова отправили в одну из городских больниц. Лидии не сказали, что с ним, и она, едва только рассвело, покормила Наташку, оставила ее на попечение соседки и умчалась в город. В больничном гардеробе ей сразу выдали халат и назвали номер палаты. Не обращая внимания на свободную кабину лифта, она стремительно взбежала на третий этаж. У палаты под номером девять два рослых санитара попытались преградить ей путь, но она бросилась к дверям, отчаянно закричала:
—Пустите!
И отступила. Дверь палаты распахнулась, навстречу ей вышел усталый человек с худым, из одних нервных мускулов лицом. На ходу снимая ненужную теперь хирургическую повязку, вялыми, все понимающими глазами оглядел поникшую Лидию. С болью отрывая от себя каждое слово, произнес:
—Я из тех, кто имеет неприятную особенность говорить правду сразу. Уже поздно, Лидия Степановна. Случившегося не поправить...
Николая Бакланова похоронили на ближайшем от Степновска кладбище.
В сухой сентябрьский день, когда никла уже к земле паутина бабьего лета, грустно играл гарнизонный духовой оркестр. А маленькая девочка в голубеньком пальтишке с капором цеплялась за черный подол плачущей женщины, ничего не понимая, спрашивала:
- Мама, а почему листья желтые-желтые? Они же были зеленые...
- Это оттого, что осень, — печально ответила женщина...
- Вот и все, Алексей Павлович, — горестно вздохнула Лидия Степановна.
Лицо ее было скорее задумчивым, чем грустным. Горелов молчал. Ему трудно было найти нужные слова.
И как же он был рад, когда расторопная Наташа закричала на весь пустой вагон:
— Мамочка, дядя Алеша, мы уже подъезжаем!

* * *

Четыре года назад Лидия Степановна твердо сказала себе, что больше никогда никого не полюбит и скоротает жизнь вдвоем с Наташкой. Но отчего же даже наедине с собственной совестью не может она повторить этого сейчас? Что случилось с тобою, Лида? Отчего ты краснеешь от каждого брошенного на тебя Алексеем неосторожного взгляда и стыдливо опускаешь глаза? Отчего проснулась в тебе снова застенчивая пылкая девушка и тянется к счастью оттаявшее сердечко, давно не знающее ласки? За что ты полюбила его? Неужели за то, что этот парень с твердыми плечами и часто робеющим взглядом серых глаз в две минуты избавил тебя от пьяных ухаживаний Убийвовка? Или за то, что с такой распахнувшейся сердечностью играл он на сломанной детской флейте и пел глупую песенку про барбосика — красного носика у постели больной Наташки? А может, за то, что когда-то на горящей машине он решил во что бы то ни стало дотянуть до аэродрома и не прибегать к надежным услугам катапульты, потому что был под ним густонаселенный город?
Все это важно и значительно, конечно, но человека далеко не всегда любят за одни его положительные или даже героические поступки. А быстрый поворот головы и огоньки в глазах, заставляющие сильнее стучать сердце, а улыбка на доверчивых, по-детски припухлых губах, адресованная только тебе, и полные немого восхищения взгляды, и сильная рука, от прикосновения которой почему-то становится трудно дышать и хочется, чтобы себя не выдать, поскорее распрощаться, а через несколько секунд тосковать и желать новой встречи? Разве не из этого слагается любовь?
Привокзальная площадь после тихого Степновска оглушает их голосами пешеходов, шумом проезжающих автомашин, ревом громкоговорителей, оповещающих о приходе и отходе поездов. Как огромные маяки, возвышаются над типичными для этих мест одноэтажными и двухэтажными домиками шестиэтажные здания новой постройки. Чистое ясное небо стоит над привокзальной площадью и улицами.
- Как же мы встретимся? — озабоченно спрашивает Горелов. — На этой площади мы рискуем потеряться.
- Я, право, не знаю, — поднимает на него синие глаза Лидия. — Может, послушаемся Наташку и встретимся в городском саду у клеток с хищниками. А? — и она вопросительно и покорно смотрит на Алексея. Светлые ее волосы рассыпаются на ветру.
- А сейчас я вас подвезу к больнице, а сам поеду в библиотеку. Идет?
- Конечно, идет! — вмешивается в разговор Наташка, ;и на щеках у нее, еще бледных после болезни, появляются точно такие же, как и у матери, ямочки.— Такси — это как ковер-самолет!
Переделав все свои дела и не без пользы просидев три часа в городской библиотеке, Горелов к назначенному сроку поспешил в городской парк. По пути он купил Наташке маленькую коробку шоколадных конфет, и у витрины парфюмерного магазина долго раздумывал, не взять ли что-нибудь Лидии. Волнуясь, вглядывался в свое отражение на витрине, узнавал себя и не узнавал. Показалось, что с этого стекла на него смотрел не капитан Горелов, уже несколько лет прослуживший в отряде космонавтов, а тот прежний десятиклассник Алешка, что слыл самым добрейшим и простодушным среди мальчишек и девчонок. Недавней сдержанности как не бывало. И он впервые подумал о великой силе любви и о том, что до сих пор не хватало в его жизни, целиком отданной полетам, учебе и космическим тренировкам, вот этих синих глаз Лидии и звонкого голоска так крепко к нему привязавшейся Наташки. «Зайду», — решил Алексей и открыл дверь магазина.
За всю свою жизнь он только дважды дарил духи: один раз матери после окончания авиационного училища — тогда он принес ей коробку «Красной Москвы» и второй раз Марине Бережковой в день свадьбы, и тоже «Красную Москву». «Нет, сегодня я куплю что-нибудь другое», — решил он. И даже вспотел, приглядываясь к разноцветным пузырькам. Хотел было приобрести «Вечер», но испуганно попятился от прилавка: а что, если Лидия скажет, что такие духи дарят только отцветающим женщинам? Махнул рукой и заплатил в кассу за ленинградскую «Славу». Молоденькая продавщица розовой лентой перехватила коробку, многозначительно улыбнулась:

- Попомните мое слово, ваша жена одобрит. Эти духи никогда не выйдут из моды.
- Жена? — до ушей покраснел Горелов. — Может быть, может быть...
Без пяти шесть он уже был в городском саду и еще издали увидел желтый пыльник Лидии и яркое платьице Наташки. Заметив его, Лидия помахала рукой, а девочка бросилась навстречу и повисла у него на шее.
—Дядя Алеша, ты уже пришел. А я весь зверинец осмотрела, и ничего в нем особенного. Даже слона и бегемота не привезли в этот зверинец. А крокодил з корыте
купается. Мама сказала про него: замухрышка. Он весь тощий... Это мне конфеты? Ой, какое спасибо! «Белочки»! Мама, «Белочки»!
Горелов шагнул к Лидии и протянул коробку, перевязанную розовой лентой.
- А это вам. Не обессудьте.
- Ну зачем? — вспыхнула она, принимая подарок. — Я тоже, как Наташка, буду любопытной. Раз она подсмотрела, что в коробке, разрешите и мне. — Острыми, сверкающими от лака ногтями она ловко развернула коробку и счастливо воскликнула: — Ну как вы угадали, транжир вы этакий! Это же самые мои любимые.
Пора было отправляться на вокзал. Неугомонная Наташка уговорила его и мать еще раз пройти мимо клеток. Алексею вдруг стало очень весело, и он поддержал просьбу девочки:
- Мама, ну что вам стоит? Ну право же, не обижайте Наташу.
- Заступник! — засмеялась Лидия.
Волки, медведи и тигры метались за решетками, высунув от жары языки. Один только снежный барс надменно лежал на полу, вытянув перед собой мягкие лапы и положив на них голову. Зато лев, худой и чахлый, со впалыми, как у клячи, боками, проявляя явные признаки беспокойства, мотал головой и зевал.
- А еще царь зверей! — презрительно сказала Наташка.
- Знаешь, на кого он похож? — засмеялся Горелов. — На коллежского асессора, ожидавшего очередной чин и вместо этого уволенного в отставку. Вот он и зевает, как будто хочет сказать: «Подумаешь, не больно-то и хотелось!»
—Алеша, — улыбнулась Лидия Степановна, — а вы сатирических стихов случайно не пишете?
—Нет, — сознался Горелов. — Шаржи для стенгазеты рисую. В нашей группе я в единственном числе исполняю обязанности всех Кукрыниксов. Да и вообще балуюсь кистью немного. Акварельки, пейзажи, портреты.
- Да что вы говорите! — изумилась Лидия. — И вы нам покажете?
- Не только покажу, но еще и позировать вас с Наташей заставлю.
- Наташа, ты слышишь?!—воскликнула Лидия певучим голосом. — Дядя Алеша обещает нас рисовать.
Они вовремя успели на поезд и сели в тот же детский вагон. Горелов сразу отметил, что Лидия выбрала место так, чтобы на обратном пути в окне не возникал выжженный солнцем кустарник, прячущий черные могильные памятники. «И правильно сделала, — одобрил он, — сколько же можно терзать себя прошлым?»
Поглядел на часы:
- Лида, а нам пора запеть: «Давай, космонавт, потихонечку трогай». Что-то запаздывает со стартом.
- Ах, это вы про паровоз! — засмеялась Лидия. — Повесьте мой плащ, пожалуйста.
Алексей с удовольствием выполнил ее просьбу. Паровозик загрохотал, обдал себя белесым паром, и в окнах, облитый вечерним солнцем, поплыл перрон.
- Мама, знаешь, что говорят колеса? — поперхнулась смешком Наташа. — До-мой! До-мой!
- Выходит, дома все-таки лучше? — потрепал ее за бантик Горелов.
- Еще бы, дядя Алеша, — согласилась Наташа. — Дома и стены помогают. Так моя мама говорит.
Многоэтажные каменные здания привокзального района остались позади, замелькали кособокие саманные домишки, а потом потянулась ровная строчка телеграфных Столбов, высоких и стройных на фоне однообразной степи. Мелькнуло озерцо, к которому, гордо вскинув головы, торопились на водопой верблюды. Проплыли две черные юрты, очевидно служившие пристанищем чабанам, — и за окном вагона снова стало так пустынно и голо, что даже Наташка заскучала.

Лидия на обратном пути была молчаливой. Она односложно отвечала на вопросы Алексея, сама не сделала ни одной попытки завязать разговор. Горелову подумалось, что она снова ушла в горькие воспоминания, и он тоже умолк.
Встречный ветер становился к ночи прохладнее, заносил в окно обрывки паровозного дыма. Так и казалось, что тяжелый знойный степной воздух осел на землю, обессилев от усталости. Где-то далеко догорел багровый окоемок солнца, и в окне возник квадрат звездного неба. Наташка зябко передернула плечиками. Легкое платье с короткими рукавами плохо защищало от прохлады. Алексей вопросительно покосился на Лидию.
—Я, пожалуй, закрою окно. Она ведь только поправилась.
Лидия согласилась, как-то робко и виновато на него взглянула. Нет, она едва ли думала о чем-либо печальном. Синие глаза не таили откровенной радости. Когда неподатливая рама со скрипом поползла вверх, Лидия нерешительно попросила:
- Алеша, снимите, если не трудно, мой пыльник и набросьте на Наташку.
- Не надо, мама, — запротестовала полусонная девочка. — Я лучше к дяде Алеше прижмусь. Он те-еплый.
- Тогда мне дайте.
Алеша снял с крючка шуршащий плащ, отдающий еле уловимым запахом духов, и накинул на ее плечи. Нечаянно притронулся к холодному локтю.
- Я вас, как маленькую, — засмеялся он напряженно.
- Дядя Алеша, — потребовала Наташа, — садись ко мне ближе, а то холодно.
- Вот и попробуй не подчиниться, — развел он руками.
Наташка прислонилась к нему теплым тельцем, раза два зевнула и как-то сразу обмякла. А за окном была уже ночь, густая, как деготь. На весь вагон горела всего одна тусклая лампочка у выходной двери. Середина вагона, где они сидели, тонула во мраке. Алексей уже не видел лица Лидии, одна лишь прическа, высокая и пышная, выделялась над головой. Опасаясь потревожить засыпающую дочь, Лидия чуть наклонилась вперед, тихо-тихо сказала:
—Видите, какая она у меня... слабенькая еще совсем. Не стоило бы ее сегодня брать, да врачу показать надо было.
Оттого, что она была так близко и перешла на шепот, у Алексея знобко забилось сердце. Он видел, как с ее плеча сползает плащ, и не вставая — только руку протянул — поправил его. И опять, хотел того или не хотел, коснулся пальцами ее обнаженной руки. «Что это? — спросил он себя. — Почему мне так приятно сейчас и нет ничего вокруг: ни скорости этого допотопного паровозика, ни сонной степи за окном, ни звездного неба? Только я и она. Да Наташка, теплым комочком уткнувшаяся в бок. Я и Лидия. Неужели это и есть любовь? Словно невидимые импульсы идут от меня к ней и от нее ко мне. Телепатия, наука двадцатого века, да зачем ты мне нужна, если и так все ясно? Когда-то влюбленные пели под окнами девушек серенады, выходили за них на рыцарские турниры или, объясняясь в любви, становились перед ними на колени. Смешно! Наш жестокий космический и атомный век сбросил в архив эти старомодные понятия. Обычаев нет, а любовь осталась. И если она настоящая, то нисколько не меньше и не мельче. Наверное, поэтому и кровь бьет в виски. Кто-то должен из нас сказать сегодня первое слово. Обязательно сегодня. Лидия — женщина. Ну и что же? Разве это тебя должно останавливать? Чем же она виновата, если пережила такую драму? Постой, постой. А что, если она по-прежнему любит своего погибшего мужа и ты не сумеешь заглушить в ней этого чувства? Она будет говорить тебе о любви и думать о нем, подставлять губы для поцелуя и вспоминать поцелуи прошлых лет? Нет! — яростно остановил себя Алексей. — Разве по одним ее глазам не видно, что в ее жизни наши отношения — новое. Слышишь, Лида. Я никогда, никогда не потребую, чтобы ты снимала со стены портрет своего погибшего мужа, как это сделал когда-то мой отчим Никита Петрович, велевший матери убрать портрет моего отца, сгоревшего в танке. Наташка должна знать правду. Но я сделаю все, все, чтобы горе, поселившееся в тебе, не было вечным. Муж... Ну и что же? А если бы он был жив, а я бы встретил Лиду, и мы бы вот так смотрели в глаза друг другу, смотрели и все понимали? Если бы так же нетерпеливо стучала в виски кровь и было боязно от мысли, что я могу ее потерять? Разве бы я отступился от нее, зная, что пришло настоящее и большое чувство? Да нет же! Лида опять молчит. Что она думает обо мне?»
Мрак все плотнее обволакивал их обоих. Лидии казалось — она не видела таких ярких и крупных звезд. Сколько же времени она вообще не смотрела на звезды!

«Однако при чем тут звезды? — морщит Лидия лоб, будто она школьница и решает необыкновенно трудную задачу с иксами и игреками. — Рядом сидит Алеша. Как он нежно поддерживает левой рукой плечо Наташки. Интересно, если бы он стал моим мужем, полюбил бы он ее, как родную, или нет? Мужем?.. Да откуда ты взяла, наивная, растерявшаяся в жизни женщина? Неужели в мире так мало свежих, молоденьких девчонок, достойных этого добродушного парня? Но почему же он тогда так охотно встречается в эти дни со мной, дарит Наташке игрушки? Вот и сейчас ласково прижимает ее, сонную, к себе».
Ой как трудно было Лидии проводить грань в своих размышлениях между мечтами и реальностью! И как не хотелось ей, даже мысленно, отдавать Алексея во власть тех девчонок, которые были, но ее убеждению, его достойны. «А чем они меня лучше? — парировала она. — Тем, что не испытали и десятой доли моего? А может, я, так много пережившая, в десять раз ему дороже. Да и сумеют ли они любить его, как я? Первый раз после смерти Николая встречаю человека, которому можно довериться».
Звезды напористо лезли в квадрат окна, молчаливые и холодные. Лидия неотрывно смотрела в ночное небо, такое чарующее и далекое. И Алексей, будто они сговорились, тоже любовался ночным небом. Сказал:
—Странное дело, Лида... Вы видите группу вот этих бледноватых звезд, что вытянуты спиралью? Совсем как браслет от часов. Это Млечный Путь, или, иными словами, та самая Галактика, в которую входит и наше Солнце. И если смотреть на нас откуда-нибудь с Юпитера или Сатурна, то что мы такое? Всего-навсего мерцающая звезда. А наше солнце, которому мы ежедневно умиляемся... Оно тратит около двух миллионов лет, чтобы замкнуть орбиту вокруг Галактики. Страшно даже подумать, что галактический год — это двести миллионов наших обыкновенных годиков. С точки зрения этого календаря человечество не просуществовало и двух суток.
Лидия недоверчиво усмехнулась:
—Алеша, да откуда вы знаете это?
Он тряхнул головой, будто обрадовался, что вспомнил:
- Так. Приходилось. Мы же, летчики и парашютисты, к звездам поближе, чем такие земные пешеходы, как вы с Наташей.
- Что же тогда, по-вашему, человеческая жизнь с точки зрения этих масштабов?
- С точки зрения Солнца, что ходит вокруг Галактики двести миллионов лет?
- Да.
- Пылинка, — весело ответил он. — Но мы от этого не унываем. Раньше мы считали, что человек — царь природы только на земле, а теперь подбираемся и к космосу.
- Может, наши потомки и к солнцу подберутся?
- Опасаюсь, что нет. На его поверхности шесть тысяч градусов. Зачем нам лезть в такое пекло?
- Конечно, — засмеялась Лидия, — нам и на земле дела хватит.
Они помолчали. Поезд промчался мимо какого-то полустанка, и желтые огни косо перечеркнули окно. Наташа забормотала во сне. Алексей поправил завернувшееся на ее холодных коленках платье. Поймал себя на мысли, что снова ему хочется протянуть руку вперед, столкнуться как бы нечаянно с рукой Лидии. Словно прочтя эту его мысль, невидимая во мраке Лидия промолвила:
- Я уже отогрелась, Алеша, Возьмите плащ. Вы тоже замерзли в одной рубашке. Да и Наташка...
- Я-то ничего, — тронутый ее заботой, возразил Алексей, — а вот Наташа, та действительно. — И сжал в потемках ее ладонь неповинующимися твердыми пальцами. Лидия ответила слабым пожатием. Он ощутил на ее руке шершавые утолщения.
- Это мозоли, — неестественным от напряжения голосом сказала Лидия. — Я же все сама делаю, да и по косметическим кабинетам ходить некогда. Видите, какая я совсем не светская женщина.
Он сильнее пожал ее руку, сказал:
—Вы — хорошая.
Лидия сделала вид, что не расслышала.
—Сейчас будет Гирей, — вспомнила она, — потом Новая и Степновск. — Отдернула руку и, словно извиняясь за это резкое движение, ласковым грудным голосом повторила: — Плащ-то возьмите.

Горелов покрыл Наташку шуршащим Лидиным плащом и опять уловил исходивший от матери запах ее духов.
Поезд опоздал с прибытием в Степновск на час. Когда в окне замелькали перронные огни и, лязгнув буферами, старенькие вагоны замерли под усталый вскрик паровоза, Лидия обеспокоенно кивнула на спящую дочь:
- Давайте ее будить.
- И не думайте, — запротестовал Горелов, — девочка только-только разоспалась, а вы... - На руках понесу.
- Так она уже школьница, — не сдержала женщина счастливого смеха, и Алексей понял, как она сейчас хочет, чтобы он на самом деле вынес Наташку из вагона на руках. «А вдруг кто из наших забрел в это время на полустанок?»— поморщился он и тотчас ощутил, как какой-то неведомый голос с вызовом спросил: «Ну и что же? Вот ты уже и испугался, что кто-то что-то о тебе подумает». «Да нет же, вовсе нет! — возразил он этому голосу. — Пусть хоть сам Андрюшка Субботин увидит, первый наш пересмешник. Чихал я и на его остроты!»
- Давай, моя маленькая, — Алексей поднял на сильных руках показавшееся таким легким тельце девочки. — Вы идите вперед, Лида, — попросил он.
Газик стоял на шоссе. Водитель с некоторым удивлением покосился на заснувшую девочку и весело поприветствовал Горелова:
- Управились, товарищ капитан? А я минутка в минутку по расписанию прибыл. Но ведь экспресс у нас знаете какой? На целый час опоздать соизволил... Вы с девочкой впереди сядете?
- Позади, пожалуй, удобнее, — решил Горелов. — А вы, Лида, как хотите. Можете и на переднем сиденье устроиться.
- Я тоже с вами, — отозвалась она. — Держать Наташку помогу.
- Устраивайтесь как вам удобнее, — подал голос солдат, — а я свою «коломбину» так поведу, что кроха и не услышит.
Он не соврал: и на самом деле за всю дорогу Наташа лишь раз сонно всхлипнула. Когда Горелов вынес девочку из машины и разрешил ехать водителю в гараж, Наташа открыла на секунду глаза, увидела звездное небо и лицо Алексея, освещенное подъездным фонарем.

—Ты, дядя Алеша? — улыбнулась она. — Ой, как удобно держишь меня! Ты смотри -не уходи. Побудь
у
нас немножечко, пока я,засну.

Она ухватилась за его шею и снова закрыла глаза. Деревянные ступеньки заскрипели под его ногами. Лидия шла впереди, стараясь ступать как можно бесшумнее, и Алексей понял: она не хочет, чтобы кто-нибудь из соседей их увидел. У самой двери сказала извиняющимся шепотом:
—Алеша, вам придется немножко пострадать, пока я ключ в сумке разыщу.
Она. молча рылась в сумке, ища затерявшийся среди кульков и пакетов ключ, а найдя, быстро открыла дверной замок и тем же тревожным шепотом пригласила Алексея войти. Дверь быстро захлопнулась за его спиной, и он остался стоять в коридоре с Наташей на руках, по-прежнему обнимавшей его во сне за шею. Лидия прошла мимо, сбрасывая с себя плащ, распахнула дверь в комнату дочери. Вспыхнул оранжевый лучик ночника. Алексей слышал, как она взбивала подушку на детской постели. Потом вышла, расшнуровала на ее ножках ботиночки и деловито спросила:
- В платье положим? Не хочется ее тревожить.
- В платье, — согласился Алексей, обрадовавшийся, что она с ним советуется. Девочка настолько устала, что даже не шевельнулась, когда ее укладывали в кровать. Горелов, пятясь, вышел в коридор. Сам того не замечая, он спиной закрыл выключатель, а Лидия, покидая детскую, загасила ночник, и они остались в кромешных потемках.
- Я сейчас зажгу, — поспешно сказала она, стоя совсем близко от него. Алексей услышал горячие толчки своего сердца, и ему опять стало знобко. «Что говорят в таких случаях? — пришла глупая мысль, но он тотчас ее отбросил. — А я ничего не скажу. У меня нет подходящих слов для такой, как она. Просто я ее очень люблю».
В поисках выключателя Лидина рука шарила по стене, где-то правее или левее его головы, и вдруг упала на его плечо, горячая и покорная. И Алексею почудилось, будто узкий коридор

осветился непонятным ярким светом. Это, наверное, почудилось, потому что на какое-то мгновение даже в потемках он ясно представил себе ее всю: и тонкое светло-голубое платье, и обнаженную шею, и глаза под удивленно поднятыми бровями, и высокую гордую корону светлых волос. А ее рука... она лежала на его плече, и Лидия, растерявшаяся от неожиданности, не могла ее почему-то снять. Непонятная сила, как цепями, удерживала эту руку. Он ощутил горячее дыхание Лидии и, уже ни о чем не думая, властно прижал ее к себе. Она не отбивалась, не делала попытки остановить.

- Я же за выключателем, — протянула она как-то жалобно и беззащитно и другой, свободной рукой все-таки зажгла свет. Он увидел большие-большие, странно застывшие синие глаза, сведенные болью и радостью, и свое отражение в них.

- Ой, Алеша, — почти простонала она, — как же мне сейчас страшно!

- Отчего, родная? — спросил он шепотом и опять выключил свет.

- Оттого, что я тебя так люблю... и ты любишь, — прибавила она уверенно и потянулась навстречу, прижалась пылающим лицом к его лицу, захлестнула его лоб и щеки душистыми прядями волос. Губы у нее были холодные, и она их долго не отрывала. Он почувствовал солоноватые капли на ее щеках.

- Плачешь? Зачем?

- Не спрашивай. Дай помолчать!..

- Молчать? Оттого что мы так счастливы? Что ты, Лида!

- А ты остерегись, Алеша, остерегись пышных слов. Они часто бывают фальшивыми.

—Девочка моя, да ты что! Неужели не веришь?

Уже привыкли глаза его к темноте коридора и ясно видели прямоугольник двери, ведущей в большую комнату. Полоски голубого звездного света ложились на порог. Он схватил Лидию на руки, сдавленно засмеялся:

- Я тебя, как Наташку... Ты сейчас легкая-легкая. Хочешь я всю жизнь буду тебя так носить? Хочешь? Только скажи. Если тебе по душе вот такое состояние невесомости...

- Пусти! — потребовала она неожиданно.

- Ты меня гонишь? — спросил он огорченно, но Лидия не дала договорить, бросилась ему на шею.

- Я не в праве этого делать, слышишь! И ты не должен... Ты еще молод... совсем юный. И у тебя должна быть прекрасная девчонка. Настоящая, такая, что приходит один раз в жизни. Зачем тебе побитая жизнью вдовушка, да еще с ребенком?..

Он опять схватил ее на руки, громко перебил:

—Ты совершенно права! Мне действительно очень была нужна девчонка. Именно из тех, что встречаются только раз в жизни. И эту девчонку я сегодня нашел.

* * *

Горелов появился в гостинице в десять утра, сделав вид, что только вернулся из города. В холле были почти все космонавты, готовившиеся к отъезду на аэродром. Субботин зелеными прищуренными глазами критически осмотрел Алексея.

—С благополучным возвращением, турист. Как там поживает город? В историческом музее экспонаты руками не трогал? А коньячишко армянский в ресторанах там подают? С девчонками не познакомился? Привез бы какую-нибудь среднеазиаточку. Вот бы Павел Иваныч Нелидов возрадовался. Мы бы тут и свадебку организовали. Сначала по русскому варианту, затем по-здешнему.

Подошел Ножиков и, улыбаясь, проинформировал:

—А мы вчера по три прыжка на нос сделали. В темпе. Сегодня по два предстоит выполнить. Ты как?

Полковник Нелидов, разговаривавший в эту минуту с Дремовым и Мариной Бережковой, прислушался и остановил парторга:

—Что-что? Прыгать? Нет, он уже свою программуотпрыгал. Мы его даже на аэродром не возьмем.
В отряде космонавтов не полагалось много расспрашивать друг друга о полученных заданиях. Поэтому вмешательство Нелидова сразу оградило Алексея от любопытства друзей. Карпов и Локтев поглядели на него подозрительно, и оба вздохнули: что ж, мол, наш «лунник» получил новое задание.
Подошел серый пропыленный автобус, и космонавты веселой гурьбой двинулись к нему. Горелов поднес парашютный ранец Марины Бережковой, и она с грустинкой посмотрела на него дымчатыми глазами. Видно, и до сих пор вспоминала Марина свою первую привязанность и их неудачное объяснение в любви.
Продолжая думать о случившемся, Алексей поднялся к себе в номер. Все теперь воспринималось по-новому. Хотелось и радоваться, и улыбаться.
«Вот я и споткнулся, — думал он весело. — Шел, шел по жизни ровненько и спокойно, усмехался, узнавая о чужих страстях и размолвках, а теперь жду не дождусь вечера, да что там вечера, уже сейчас хочется ее увидеть. Что она сейчас делает, моя Лидия Степановна! Кормит Наташку? Убирает комнату? Читает?»
На столе среди разбросанных красок, карандашей и кисточек лежало письмо.
«Дорогой Алексей Павлович! — писал ему конструктор Станислав Леонидович. — Как идут ваши дела? Весьма обеспокоен вашей научной работой. Есть ли сдвиги? Опасаюсь, что аэродромная суета настолько втянула вас в свой водоворот, что рукопись лежит нетронутой. Тогда скорблю.
У нас установилась ясная погода. Полагаю, что вот-вот прогремит «пора» и не позднее чем через недельку-две мы встретимся». Горелов оторвал заблестевшие глаза от письма. Так вот почему его отстранили от парашютных прыжков, дали время на отдых! Добрейший Станислав Леонидович, пользуясь заранее оговоренным кодом, прислал долгожданное известие. «Установилась ясная погода» означало, что корабль, готовящийся к полету вокруг Луны, прошел последние испытания и принят государственной комиссией! А слово «пора» подразумевало сроки последних испытаний космонавта в корабле.
— Наконец-то!—взволнованно прошептал Горелов.
Стоя у стола с письмом в руке, он сосредоточенно смотрел в распахнутое окно на пойму Иртыша и далеко за ней уходящую к горизонту степь, будто там, за зыбкой линией горизонта, мог прочитать ответ на какие-то свои мысли.
Пора улетать в Москву!
Пора, отложив в сторону все остальное, проходить последние испытания в термобарокамере, а потом несколько дней обживать и осваивать кабину космического корабля, с которой его уже знакомили, пора ехать на космодром и готовиться к старту. К тому самому старту, которого он ожидал всю свою жизнь! Неужели через несколько недель в клубах дыма и пламени унесется ракета в неведомую черную даль. Горелов замер, не в силах пошевелиться. Было и радостно и тревожно. Вот и сбудутся столько раз отрепетированные на земле расчеты конструкторов и ученых, и он, никому не известный сегодня, сразу заставит говорить о себе весь мир, как заставляли говорить все предшественники-космонавты. Им тоже нелегко было идти по звездной целине, опоясывая Землю первыми витками.
Ну а первые выходы в открытый космос из корабля и стыковки, они тоже кое-чего требовали помимо точных расчетов. Им нелегко доставалось, первым! И в то же время они только щупали космос, прислушиваясь к нему чутко и настороженно, чтобы извлечь как можно больше ценного из этих первых встреч. Он же пойдет гораздо дальше их. Металлический корпус «Зари» унесется от Земли почти на четыреста тысяч километров и там, в голой пустой вышине, сделает несколько витков вокруг Луны, неся на борту человека. И будет этим человеком он, Алешка Горелов! Это о нем зашумят сразу тысячи радиостанций и газет.
«Ты этого хочешь? — остановил он себя сурово и усмехнулся.— Нет! Честное слово, нет!» — возразил он себе, понимая, что нисколько не фальшивит. Слава... Ее бы лучше и не было! Но чертовски хочется заглянуть в то такое далекое пространство и убедиться, насколько тело Луны — в кратерах и впадинах — соответствует снимкам, добытым искусственными спутниками и кораблями, на нее садившимися. Он расскажет о том, что почувствовал и увидел, совершая облет Луны. Если, конечно, вернется.

Слава?! Нет, он меньше всего сейчас о ней думал. Да и как о ней можно было думать, если земля стала вдвое дороже, оттого что прочно и властно вошла в его жизнь первая любовь. Он уже ясно представлял, что полет, который он так долго ожидает, сулит на деле сомнения, тревогу, опасности. В сущности, каждый час, — да что там каждый час! — каждая секунда будет наполнена предельным напряжением нервов и мышц, риском, рождающим опасения.
За окном у подъезда гостиницы зашуршали шины автомобиля, потом быстрые твердые шаги раздались в коридоре, и, наконец, уверенный стук в дверь. Горелов рассеянно сказал «войдите» и удивился, когда увидел на пороге полковника Нелидова.
Павел Иванович снял с седеющей головы фуражку.
Чего же не предлагаете гостю садиться? Горелов усмехнулся:
Не прибедняйтесь, Павел Иванович! Вы не гость. Нелидов сел напротив Алеши.
—У-ух, и жарища! Не знаю, какая бывает в Термезе, но здесь сущий ад.
Алексей смотрел на замполита с деланным равнодушием.
- Наши там как? Отпрыгались?
- Костров и Субботин — уже. Когда уезжал, «анто-ша» повез Дремова и девушек.
- Еще бы, — повел плечом Горелов, — Жора Каменев будет их опекать. Там ведь Женя Светлова, его любовь.
Нелидов небрежно сунул в карман мокрый платок.
- А разве это плохо, если Каменев опекает любимую девушку?
- Я не сказал, что плохо, — покачал головой Горелов и подумал: «Если бы Лида прыгала, я бы ни на миллиметр не отошел». — Нет, я не сказал: плохо. Мир издавна так устроен, что в трудную минуту мужчине хочется прийти на помощь любимой. Аксиома.
Замполит, не вслушиваясь, заметил:
- Вы бы тоже, Алексей Павлович, опекали любимую девушку, попади она в сложную обстановку.
- Девушку? — уставился Горелов.
- Ну, женщину, — поправился Нелидов и спокойно перенес его подозрительный взгляд. — Любимую женщину.
В глазах Нелидова светились плохо спрятанные коварные огоньки, и у Горелова не оставалось никаких сомнений: знает. Он чуть покраснел и недовольно спросил:
- А откуда вам известно?
- Политработник — инженер человеческих душ. Еще Горький об этом говорил.
Горький так про писателей говорил.
- Пускай про писателей, — охотно согласился Нелидов, — за точность цитаты, как говорится, не ручаюсь. Мне действительно кажется, Алексей Павлович, что вы увлечены женщиной.
Горелов сердито свел брови:
—Особенности маленького гарнизона. Стоило только однажды проехать в пригородном поезде с хорошим добрым человеком — и уже...
Нелидов убрал со стола загорелые руки.
- Алексей Павлович, вы меня огорчаете. Я к вам с открытым сердцем, а вы...
- Да нет, отчего же? — шумно вздохнул Горелов. — Я из своей жизни секрета не делаю, Павел Иванович. Тем более для вас. Да, мне понравилась женщина, которую вы, вероятно, подразумеваете. Так что же в этом противоестественного?
- Ровным счетом ничего, — поспешно согласился полковник, — но знаете... Как бы это получше сформулировать, чтобы вы не обиделись?..
Горелов не дал ему и минуты на раздумье:
- Говорите прямо.
- Хорошо. Скажу, — согласился Нелидов и положил ладони на свои колени, туго обтянутые выцветающими от солнца брюками. — Вы вот сказали: понравилась. А как это надо понимать? Что такое понравилась? Познакомились, съездили вместе в город, назначили свидание. Может быть, воспользовались минутной слабостью, а потом сели в самолет и укатили из Степновска?
- Да за кого вы меня принимаете? — вспыхнул Горелов и даже встал со стула. — Вот уж не ожидал, Павел Иванович. Да разве к такой, как она, с подобным пошлым репертуаром можно!
- Вот и я считаю, что нельзя, — подтвердил Нелидов сухо. — Не такая женщина Лидия Степановна. Она человек большой душевной чистоты. Перенесла огромное потрясение. Об этом все степновские старожилы знают. Она уже несколько лет живет вдовой — и ни одного

флирта, ни одной интрижки. Есть люди, которые душевную чистоту и память о прошлом делают своими идеалами. Подозреваю, она из таких. А вы — «понравилась».
- С языка нечаянно сорвалось, — сдался Горелов, тронутый тем, что Нелидов восторженно отозвался о Лидии. — Я ее люблю по-настоящему, Павел Иванович.
- По-иастоящему, говорите? — задумчиво повторил полковник. — А вы не боитесь этой настоящей любви?
- Почему? — опуская глаза, спросил Горелов.
- Вам не кажется, что эта любовь в какой-то мере не равная?
- Не понимаю вас.
- Это же очень просто, Алексей Павлович. Вы еще неопытный в житейских делах человек. Была ли у вас за плечами настоящая любовь? Думаю, нет. А Лидия Степановна уже многое пережила. Она отнюдь не розовая тургеневская барышня.
- Вы все стращаете. — Горелов задумался. Курчавые волосы посыпались на лоб, сразу постаревший от прорезавшихся морщинок. Твердой неделимой линией стали губы. — Вы все же как-то странно рассуждаете, Павел Иванович. Неравные отношения... Я, не знавший любви, и она, ее испытавшая, обремененная житейским опытом... Ну и что же! —выкрикнул он и сразу весь просветлел. — А если я ее люблю по самому-самому большому счету? Разве меня что-либо остановит?
- Полагаю, нет, — отступил замполит. — Только я советую все продумать.
- Продумать?.. А может, еще к Сереже Ножикову пойти, на колени перед ним встать: «Дорогой товарищ Ножиков, наш партийный секретарь. Член КПСС с шестьдесят второго года, летчик-космонавт капитан Горелов влюбился в женщину, ранее выходившую замуж. Благослови, владыко, и разреши с нею бракосочетаться». Так, что ли?
—Так, Алеша, — повеселел Нелидов, — именно так.
Горелов вдруг застыл посреди комнаты:
—Смех — дело хорошее, Павел Иванович, — но лишь тогда, когда под стать настроению. А вы меня озаботили. Да, мы приходим друг к другу с разным жизненным опытом. Лидия и я. Это верно. Вас нельзя опровергнуть. Тезис соответствует истине. Я должен воспитывать ее дочь, и воспитывать так, чтобы она меня считала настоящим отцом. Это нелегко. Павел Иванович, скажите мне... Вы опытнее и разумнее. А бывает же, что неравные на первый взгляд браки оказываются очень счастливыми?
Глаза Нелидова потеплели.
- Бывают, Алексей Павлович... Вы мою жену, наверное, видели?
- Видел, — неуверенно и несколько удивленно протянул Алексей. Он представил беленькую, очень стройную, высокую женщину, иногда встречавшуюся на асфальтовых дорожках их городка, ее светлые бровки над живыми глазами. Вспомнил, как легко она бегала на лыжах в белых легких бурках. Однажды он видел зимой их вместе. Она держала Нелидова под руку, шла быстрыми танцующими шажками и казалась совершенно юной рядом с широколицым седеющим замполитом. И Горелову сначала даже подумалось, что не жена она ему вовсе, а сестренка младшая или племянница. Он даже сказал об этом Субботину. Тот грубо отрезал:
—Чудак, это же у него вторая. А разве второй раз на старухах женятся!
Потом он видел их летом на подмосковном пляже. Под знойным августовским солнцем лежал полковник на песке, и его тело с синевою мускулов у предплечий хотя и не потеряло еще упругости, но уже никак не могло быть названо молодым. А беленькая женщина резвилась, плескалась в воде. И снова появилась у Алексея мысль, что не жена она ему, доброму и немолодому Павлу Ивановичу, а младшая сестренка, о чем дотошный Субботин не знает.
- Видел, — повторил Горелов тверже.
- И что же вам бросилось в глаза?
- Как будто бы она вас моложе.
—Не как будто бы, а на целых шестнадцать лет.
Горелову на мгновение стало неловко от мысли, что он некстати задел больную струну в душе своего собеседника. Поднял глаза на замполита, но ни тоски, ни огорчения, ни боли не прочел на его лице. Наоборот, лицо этого много повидавшего человека было согрето мягким ясным светом. Будто вспомнил Нелидов о чем-то самом дорогом и не хочет с этим воспоминанием расставаться.

—Смешно, если разобраться, Алексей Павлович, — заговорил полковник после некоторого колебания, — как иной раз меняются наши убеждения. Когда мне было двадцать пять, человек, женившийся на женщине лет на десять его моложе, казался мне чуть ли не преступником. А вот поди ж ты, сам попал в такое положение, да еще и похлеще иных. Хотите знать, как это вышло? — спросил он быстро и, не дав Горелову ответить, продолжал: — В сорок восьмом году был я уже майором. За плечами война, на груди ордена, под командованием — авиационный полк. Служил я в то время на Крайнем Севере, был женат на артистке. Фамилии ее называть вам не стану, возможно, она вам и известна. Скажу лишь, что выступала моя жена примерно с тем же репертуаром, что и Клавдия Шульженко, только уступала ей, конечно, во многом. Но успехом пользовалась немалым, и не на одной только сцене, — усмехнулся он криво. — Что я могу сказать о своей жене? Она не давала мне явного повода для обвинений в неверности. Но когда начинает рушиться семья, есть сотни незримых примет, по которым мужчина узнает об изменах жены. Несколько раз я встречал Ларису в обществе других мужчин в самое непредвиденное время. «Это наш режиссер», — говорила она. «Это наш новый тенор», «Это наш новый ударник». И кончалось тем, что в их обществе я шел в ресторан или вечернее кафе, чокался, пил. Словом, имел дело с целым духовым оркестром, если процитировать пошленький анекдот. Вы, может, захотите меня спросить, почему я ни разу не взорвался, не стукнул ее или кого-нибудь из ее любовников кулаком? Всему причиной — внешне неуязвимая ее ложь. Ничто так не повергает в тупую равнодушную тоску, как эта женская ложь. Моя Лариса возвращалась домой нередко далеко за полночь и невозмутимо говорила: «Обсуждали неудачи сегодняшнего концерта. Знаешь, как горячо спорили! Ты не веришь? Позвони Лидке Соломоновой». И я не мог что-либо возразить, хотя знал прекрасно, что все от начала и до конца — ложь... Потом нас перевели еще дальше на север, и новый суровый гарнизон оказался моей Ларисе не по душе. Хныкала, хныкала, а потом собрала чемоданы и уехала. Не мог я ее удерживать, Горелов. Разумом и сердцем не мог. А прикрикнуть — голоса не хватало. Может, если бы прикрикнул, все осталось по-прежнему. Только к чему? Через полгода прислала Лариса длинное слезное письмо, в котором просила не осуждать сурово за то, что вышла она замуж за какого-то режиссера, поддержавшего ее дарование... Скучнейшая, банальнейшая история. Теперь даже вспоминать не хочется. А тогда я отнесся к своей беде далеко не бесстрастно. Самое трудное время выбрала Лариса для своего предательства. В полку осваивалась новая реактивная техника. Неудачи одна за другой. Того и гляди, снимут с должности и в запас отправят. Сразу семь бед обрушилось на меня. Тоскливо, муторно было — тебе не понять. Все же пересилил я себя. Товарищи поддержали. Взял себя в руки, волю напряг, и дела стали выправляться. Весною летчики наши перехватили иностранный самолет-нарушитель, сесть его принудили. Им — орден, а мне — снятые выговора и звание подполковника. А к концу года полк по всем статьям в передовые вышел. Вызывает меня командующий и награждает путевкой на Черноморское побережье.
«Съезди, развейся на море, Нелидов».
Я плечами пожал и усмехнулся:
«Зачем мне море? У нас тут тоже море. Даже целый океан Северный Ледовитый».
Генерал не любил возражений, бровями повел:
«Ладно, ладно, океан наш, к сожалению, не для отпускников, а там пальмы, кипарисы, субтропики».
Поехал я. И встретился в санатории с бывшим своим начальником штаба полка Колычевым. Он лет на десять меня был постарше. Спускаюсь по лесенке на пляж, в пижаме, с полотенцем через плечо, вид самый что ни на есть курортный, и он — навстречу. А рядом девчушка. Остроносая, как галчонок, веснушки на носу и щеках, в пестром клетчатом сарафанчике. Шея загорелая, ручонки тоненькие, коленки острые и сбитые. Ключицы так и выпирают. Только высокая, с папой вровень. Мы с Колычевым обнялись и даже прослезились немного. Вспомнили, как я горел, когда над аэродромом двух «мессеров» пришил, пытавшихся атаковать транспортный самолет с командующим фронтом.
«Здравствуй, Игорь Петрович, — говорю, — сколько лет-зим не виделись! Вот здорово, что двадцать четыре денечка отдыхать теперь вместе будем! А где же твоя половина?»
Он глаза отвел и — глухо:
«Рак. Летальный исход. Познакомься с дочерью. Это моя Иришка. Поздоровайся, девочка, с дядей Пашей».

Скоротали мы месяц. Иришке в ту пору шел восемнадцатый год. Лазила она по горам отчаянно, никто угнаться не мог. Ну а на море я ее побивал и по скорости и по дальности, все-таки бывший краснофлотец. Сдружились мы с нею накрепко. Был я в ту вору еще молодцом: лишнего веса ни-ни, седых волос тоже. Иришка чуть не замирала от восторга, когда я прыгал с самой верхней площадки вышки в море. Много у нас с ней было разговоров и полудетских и взрослых. Она привыкла к моему снисходительному полушутливому тону. А когда расставались, щекой к плечу прижалась, совсем как козочка. «Не хочу вас отпускать, дядя Паша, в ваши свирепые ледяные просторы». Я только грустно вздохнул. Пока мы втроем проводили отпуск, от Иришкиного смеха и добрых шуток оттаяло сердце. Уехал. Опять полеты, аэродромная одинокая жизнь. Прошло два года, и я снова получил путевку в тот самый санаторий. Захожу в вестибюль и первый, кого встречаю. — Колычев. Обнялись. И только когда намяли друг другу бока, увидел я рядом с ним стройную зеленоглазую девушку. Даже не сразу угадал в ней Иришку. Думал, бросится, прижмется, как тогда, при расставании. Но она пугливо отодвинулась, протянула руку и уже не «здравствуйте, дядя Паша», а «здравствуйте, Павел Иванович» произнесла.
«Здравствуй, Ириша! — воскликнул я. — Какая же ты, право, взрослая!»
«А как же! — вмешался Игорь Петрович. — Уже студентка пединститута».
Я пристальней на нее поглядел. Куда девались выпирающие ключицы и острые в ссадинах коленки! Глаза удлиненные, пышная волна светлых волос на голове. Иришка преодолела робость, призналась: «А мы сюда третий год ездим и ни разу вас не встретили, Павел Иванович».
«Да-да, — подтвердил и Колычев, — что-то ты, брат, того — пренебрегаешь Черноморским побережьем».
Ириша в глаза мне смотрит и с доброй насмешкой прибавляет:
«Да разве, папа, северного медведя легко в край магнолий и кипарисов вытащить!»
Снова побежали дни, какие-то особенные, легкие. Мы лазили по горам, катались на глиссере, заплывали вдвоем с Иришей далеко от берега. По вечерам она играла нам Грига и Шопена. Едва ли она была безукоризненной исполнительницей, но нам нравилось. По воскресеньям мы ходили обедать в маленький портовый ресторанчик: Колычев, Ириша и я. Мы спускались в подвал по узкой деревянной лесенке, распивали бутылочку рислинга. Оглядывая низкие своды, Ириша пускалась в отчаянные импровизации о пиратах и купцах, которые в древности могли, по ее мнению, посещать подобные кабачки. Игорь Петрович в эти минуты спешил ее прервать и начинал вспоминать фронтовое прошлое, путь нашего полка. Почему-то он много рассказывал о моих воздушных боях. Ириша слушала с остановившимися глазами, ее захватывала наша авиационная романтика. А мне становилось неловко от того, что мои воздушные бои в изображении Колычева становились очень преувеличенными. Однажды я его даже перебил: «Игорь Петрович, Ирише уже наскучило. Ты бы лучше о себе рассказал».
Ириша улыбнулась:
«Не слушай его, папка, ты очень интересно говоришь».
А он засмеялся:
«О себе? Не шути, Павлуша. Я же был начштаба и в основном реляции на подвиги сочинял, а не совершал их!»
Очевидно, и о моей беде рассказал он Ирише. Выдался как-то ветреный вечер. Купаться было опасно, на бетонный мол набегали волны в шесть баллов. Мы были на веранде санатория вдвоем с Иришей. Клавиши пели под ее пальцами. Неожиданно она захлопнула крышку рояля и тихо спросила:
«Павел Иванович, а это правда, что вы разошлись с женой?»
Я поднял голову. Никогда не забуду этих тревожных, полных ожидания глаз. Ответил коротко: «Да, правда».
Ириша или не заметила сухости моего тона, или сделала вид, что не обратила на него внимания.
«Я ее на одном концерте слушала, — сказала она, — красивая женщина, и поет ничего. А вам не жалко, что вы больше не с ней?»
Я пожал удивленно плечами: мол, не знаю. Вдруг Иришкины глаза потемнели, расширились, и она гневным шепотом заговорила:
«Она злая, гадкая, низкая! Как она посмела принести такую боль вам, хорошему, доброму и честному!»

Я никогда не видел Иришку такой ожесточенной. Сделал попытку улыбнуться:
«Да ты постой, не шуми, успокойся».
Но она с заблестевшими от слез глазами топнула босоножкой и упрямо повторила:
«Нет-нет, не смейте мне возражать! Она злая, гадкая, низкая».
Иришка убежала с веранды, а я пошел к себе. В ту ночь долго не спал, тянул папиросу за папиросой. У меня не оставалось никаких сомнений: Иришка в меня влюбилась. Первое робкое чувство! Мы обязаны его замечать и щадить. Надо беречь первую любовь человека и не всегда давать ей разгореться. Что я мог, бывалый тридцатишестилетний человек, противопоставить этому наивному, горячему чувству? Уйти в себя, как улитка в раковину, и сделать вид, будто ничего не понимаю? Вероятно, так было бы педагогичнее, но я уже не мог. Да и какой из меня, фронтового летчика, педагог! Видно, все-таки проснулся во мне эгоист. Слишком дорогой показалась внезапно эта девушка.
На другой день как ни в чем не бывало мы встретились на пляже. Ни одного слова о вчерашней вспышке. Мы любили с Иришей заплывать от берега далеко, километра аа полтора, а то и за два, так что наши головы на ровном темно-голубом фоне воды почти терялись из виду. В санатории все к этому привыкли и нашими исчезновениями не интересовались. Игорь Петрович, пока мы плавали, примыкал к какому-нибудь кружку отдыхающих, слушал чужие разговоры, вставлял в них несколько своих одобрительных или порицательных фраз, в зависимости от того, о чем говорили, или в «книга» играл. На этот раз он, придя на пляж, увлекся шахматами и с соседом по палате пожилым инженер-полковником разыгрывал какой-то сложный дебют. Ириша подошла ко мне. В желтеньком скромном купальнике с вышитой розой на груди выглядела она словно отлитой из бронзы, до того была стройной и загорелой. Поправляя розовую шапочку, спросила:
«Поплывем?»
Я молча закрыл и открыл глаза.
«Вот видите, — засмеялась Ириша, — мы даже без слов понимаем друг друга».
Вода была мягкая, бархатная, какая бывает только на Черном море. Мы быстро отплыли от берега, оставив позади себя толпу ныряющих и барахтающихся курортников. С каждым взмахом руки вода казалась все плотнее и теплее. Так и думается, что твои скованные солнечной дремой движения излишни, вода и так уже держит твое тело на своей соленой поверхности. Оглянешься назад — силуэты купающихся у берега уже растворились в голубом воздухе, да и сам берег с панорамой белых, сверкающих на солнце санаторных построек отодвинулся далеко-далеко. Одно лишь солнце, бьющее в глаза, линия горизонта и бескрайняя, убегающая вперед ширь моря да розовая шапочка Иришки, подпрыгивающая на волне рядом, — и ничего больше.
Мы заплыли так далеко, что очертания берега стали таять в знойной послеполуденной дымке. Нас никто не видел и не слышал. Ириша плыла на боку, спокойно отфыркиваясь. Я видел ее повернутое ко мне загорелое лицо, яркие, как морские брызги, глаза, зубы, чуть обнаженные в подбадривающей улыбке. Она попробовала было запеть всем полюбившуюся в те годы песню о соловьях, которых просят не будить уставших солдат, но сорвалась и, весело расхохотавшись, крикнула:
«Голоса не хватает, Павел Иванович! Глубина-то какая под нами!»
Я попробовал отшутиться и подпел: «Высота, высота поднебесная, глубина, глубина океанская!» Она еще веселее расхохоталась:
«Врете, Павел Иванович. И у вас нет голоса!»
«Ириша, это же неделикатно. Старшему — ив таком тоне!»
Ириша фыркнула и закашлялась:
«Ой, я полморя выпила от смеха, Павел Иванович! Да какой же вы старший? Вы лучше всех моих ровесников. Лучше и моложе! И не спорьте! Если бы я считала вас старшим, я бы и на пятьдесят метров от берега с вами не поплыла. Вдруг инфаркт миокарда, недомогание печени или еще что-нибудь...»
«Например, замедленность речи».
«О! Этим вы давно страдаете, — уколола Ириша, — поэтому и произносите сегодня слова в час по чайной ложке».
Она окунула голову в темную массу воды и ладонью вытерла лицо. Ириша никогда не говорила первой: «Поплывем назад», а ожидала, когда это предложу я, и, кокетливо покачивая головкой,

просила: «Назад, так рано? Ну, Павел Иванович, ну, хороший, ну, миленький! Давайте еще метров сто вперед?» И я уступал. Проплыв немного, она поворачивала к берегу. Ей не нужны были эти лишние метры. Ей надо было настоять на своем. Так и на этот раз было. Когда мы повернули назад, оставив за собой необъятный простор открытого моря, берег показался еле видным. Даже жутковато стало оттого, что мы так от него уплыли. Вероятно, эта мысль промелькнула у обоих сразу. Несмелый ветерок пронесся над морем, покрыл его легкой рябью. Волна пошла нам навстречу от берега, и мне показалось, что плыть стало труднее. Где-то справа над поверхностью моря образовался фонтан брызг, и мы увидели поднявшееся над головой туловище дельфина. Хозяин черноморских глубин важно осмотрел свои владения и скрылся под водой. В те годы не было в ходу теории о высокой организованности дельфиньего мозга и легенд о том, как дельфины спасают незадачливых купальщиков, попавших в беду. Наоборот, многие думали, что дельфины нападают вдали от берега на людей, стараются их «заиграть», не выпустить из моря. У Иришки вздрогнули голые- мокрые плечики, поднимающиеся над водой. Она сделала несколько энергичных движений и метров на пять обогнала меня.

«Павел Иванович, — окликнула она издали, — а это правда, что дельфины нападают на пловцов?»

«Бабушкины сказки!» — отозвался я грубовато, чтобы ее успокоить, и решил сократить между нами дистанцию. Я думал, что она оробела, но глаза у Иришки весело и возбужденно блестели.

«Бр... А если сейчас выплывет дельфин и ринется на меня?»

«Ударю его кулаком по свиной морде!» — воскликнул я бодро.

Ириша подплыла поближе, так что почти коснулась меня плечом, и, заглядывая в глаза, спросила:

«Павел Иванович, а если мне станет плохо и я начну тонуть, вы будете меня спасать или нет?»

«Как тебе не стыдно задавать такие вопросы, выдумщица! — ответил я ласково. — Неужели можешь сомневаться?»

Она легла на спину и закрыла глаза. Ее сильные гибкие руки были вытянуты вдоль бедер, и только движением ног поддерживала она себя на поверхности.

«Павел Иванович, а мне уже сейчас плохо».

На ее лице играли солнечные блики, губы вздрагивали, и она явно подсматривала за мной из-под ресниц. Я понял, что это она смеется, подыгрывает, но на всякий случай поддержал ее правой рукой под спину.

«Павел Иванович! — не открывая глаз, спросила Ириша. — А утопающая может иметь последнее желание или нет?»

«Разумеется, может», — рассмеялся я.

«Тогда поцелуйте меня, Павел Иванович».

У нее были удивительно яркие губы. Она их никогда не красила, но они всегда пламенели. Я приподнялся, поцеловал их. Соленые, тугие, холодные. А мне стало жарко и легко, словно не было за плечами ни моих тридцати шести, ни длинного нелегкого пути по жизни. Будто все ясно и солнечно впереди и эта двадцатилетняя девочка указывает мне дорогу.

«А еще раз можно, Ириша?»

«Можно, — шепчет она, — можно, хороший мой, добрый Павел Иванович».

И я опять ее поцеловал. Только мы не удержались и оба на мгновение ушли под воду. Вынырнули веселые, смеющиеся.

«Эх вы, спаситель! — укорила Ириша. — Так недолго и к царю морскому попасть. — И, наморщив лоб, принялась фантазировать: — А знаете, Павел Иванович, это же не так плохо вдвоем к царю морскому попасть. Мы бы там по-другому себя повели, чем богатый купчик Садко. Завопил бы старикашка на нас: «Кто вы такие? Отвечайте, откуда пожаловали?» А вы бы царя морского своей сильной ручищей за бороденку хвать. «Я подполковник Нелидов, прибыл к тебе не в ножки кланяться. Отвечай, самодержец дряхлый, до коих пор рыбий народ будешь притеснять?» Устроили бы мы там рыбью революцию, свергли бы морского царя, образовали временное революционное правительство. Какого-нибудь ерша — в председатели. Словом, навели бы там порядок — и домой».

Берег постепенно приближался, но был все же далек, и люди не могли нас оттуда видеть.

«Павел Иванович, родной, добрый, еще один раз поцелуй. Последний», —попросила Ириша.

На берегу она вдруг стала какой-то сосредоточенной, грустной. Быстро оделась и убежала, даже не кивнув на прощание.
Я подошел к все еще сидевшим за шахматной доской Колычеву и военному инженеру и с наигранной бодростью спросил:
«Ну, как дела?»
«Не мешай, Павлуша, — ответил Игорь Петрович, — девятую партию доигрываем», — и переставил с клетки на клетку королеву.
С ними я просидел до ужина. А ночью сон не шел. При раздражающем свете красного ночника я думал о случившемся и не мог разобраться в своих мыслях. Голова горела от радости, стыда и смятения. Что же произошло? Я поцеловал дочь своего фронтового друга, девочку, которая была моложе меня почти на половину прожитых мною лет. Да, она любит, в этом нет никакого сомнения. Иначе бы не горели таким ясным блеском ее зеленые глаза и не вздрагивала бы она так пугливо и радостно от одного моего появления, от голоса, если даже он доносился из другой комнаты.
Скажете, древняя история, тургеневская Ася, Клара Милич, Нина из чеховской «Чайки». Такое, мол, не бывает в наш век. Так нет же, было, Алексей Павлович. И когда я все взвесил, горько и обидно стало на душе: «Какое право ты имеешь становиться поперек ее судьбы? Поношенный, неудачный в семейной жизни, обдутый полярными ветрами, как ты можешь пользоваться первым чувством девушки, принявшей свое временное увлечение -за большую любовь?»
Одним словом, нахлынули полные упреков и досады мысли, и не совладал я с ними. В полночь, когда замер санаторий, принял горькое, но бесповоротное решение: утром незаметно уехать. Погорюет моя Иришка, может, и поплачет немножко, зато вся ее жизнь пойдет своим чередом и будут сняты многие и многие вопросы, порожденные нашим общением. Собрал я чемодан и до рассвета успел написать два письма: одно, коротенькое, ей, другое, длинное, откровенное и все объясняющее, бывшему своему начальнику штаба Игорю Петровичу Колычеву. Вручил оба конверта дежурной, попросив сразу же передать моим друзьям, как они встанут.
Поезд на Москву отходил очень рано, но я примчался на вокзал еще за сорок минут до начала посадки. Первым пассажиром зашел в вагон. Больно было, будто с живой раны повязку сдирал. И — одна только мысль: «Поскорее бы загудел паровоз да застучали колеса!» А время как будто остановилось. До отправления оставалось минут семь, когда почувствовал я, что не могу уехать просто так, не поглядев напоследок на голубенькое здание вокзала, на кусочек моря, что вдали виднелся, на белый корпус санатория на пригорке. Прошел по узкому коридору вагона, уже наполнившемуся пассажирами, взялся за железные поручни и — застыл. Да нет, застыл не то слово! Окаменел! В людском потоке, разлившемся по перрону, мелькнуло белое платье Иришки. Она бежала, заглядывая в окна вагонов. И тотчас метнула в мою сторону взгляд, увидела, подняла над головой руку. А сзади, отстав от нее шагов на пятнадцать, семенил Игорь Петрович. У ступенек Иришка остановилась, положила на горло ладонь с таким видом, будто ей душно. Глаза блестели сухо, в них не было ни одной слезинки. Только решимость. Губы стянулись в одну линию.
«Павел Иванович, — почти шепотом потребовала она, — письмо ваше лежит у меня в кармане. Разговоры потом. А сейчас немедленно слезайте с поезда и возвращайтесь в санаторий».
«Постой, Ириша, ну зачем так? У меня же билет... До отхода всего пять минут», — пробормотал я не очень уверенно.
«Ах так! Тогда я сама ваш чемодан вынесу!» — Она меня оттолкнула своим жестким худеньким плечом и забралась в вагон.
И что же вы думаете. Ни я, ни проводница ахнуть не успели, как Ириша вытащила из купе мой видавший виды чемодан.
«Идемте!» — тряхнула она головой, и так решительно, что я не посмел ослушаться.
Проводница, опомнившись, крикнула вслед:
«Гражданин, поезд отходит через две минуты!»
Но Иришка поставила тяжелый чемодан на перрон и дерзко распорядилась:
«Передайте по линии, что в девятом купе есть одно свободное место!»
Поезд ушел. Мы остались на перроне, разделенные стоящим на асфальте чемоданом.
Отдуваясь от быстрой ходьбы, подошел Колычев.
«Папка, ты видишь?! — строго окликнула его Иришка. — Ой, Павел Иванович, да как же вы могли принять такое решение без меня? А еще летчик, волевой человек, командир полка!»

Колычев снял с головы шляпу, стал ею обмахиваться. По его лицу блуждала неуверенная улыбка.
«Да, братец ты мой, как же ты это в самом деле? — покосился на повеселевшую дочь и прибавил: — Однако, как мне кажется, здесь сейчас мне делать нечего. Вы прекрасно обойдетесь и сами!»
После его ухода Иришка шагнула ко мне, встала на цыпочки и, как тогда в море, попросила: «Павел Иванович, добрый, хороший, поцелуйте меня».
«Да здесь же люди, Иришка!»
«А разве людей бояться надо?»
Вот и вся история, Алексей Павлович. Через две недели увез я Иришку на Север, сыграли мы свадьбу и зажили. Я ей сразу условие поставил: «Если надоем, наскучу, старый черт, — говори прямо. Ни за что на тебя не обижусь». Только она что-то до сих пор не говорит. — Нелидов закашлялся глуховатым смешком курильщика и мечтательно посмотрел на широкую пойму Иртыша в распахнутое окно. — Вот вам длинный ответ на ваш короткий вопрос о неравных браках.
—Целая новелла! — восторженно произнес Горелов.
Нелидов вздохнул:
—Редко я рассказываю об этом. По заказу такие вещи не рассказываются. А вот сегодня понадобилось, и, ничего не поделаешь, поведал.
Алексей загорелыми руками подпер курчавую голову.
—В воспитательных целях, Павел Иванович? — мягко улыбнулся он.
—Может быть, — неопределенно выговорил полковник.
Горелов отнял ладони от подбородка.
- У меня тоже сложно... Лидия. Не хочу говорить о ней пустые слова — чудесная, добрая и прочее. G ней все ясно. А вот стать отцом для Наташки, не скрою... часто думаю — получится ли.
- Получится, — уверенно сказал замполит. — Вы добрый...
Алексей пристально посмотрел на полковника. Чудно! Так неожиданно и так широко распахнул Павел Иванович перед ним свою душу. Никогда бы он не узнал, что у несколько чопорного, всегда такого собранного, не привыкшего бросаться лишними словами Нелидова за плечами такая романтическая история. И подумал Горелов, что каждый человек, великий он или нет, несет по жизни свою собственную, единственную и неповторимую, ни на чьи другие не похожую судьбу. Правит этой судьбой, как гребец, преодолевающий на верткой лодчонке бурную реку. И от того, как уверенно и точно гребец правит веслом, зависит его путь. У смелого будет он прямым и гордым, у человека неровного — извилистым, а у боязливого — и совсем может оборваться.
Нелидов встал и потянулся за фуражкой.
- Однако мы и разговорились же, Алексей Павлович. А ведь я к вам пришел не только за тем, чтобы вы мою лирическую исповедь выслушали. Есть и дело.
- Какое? — спокойно осведомился космонавт.
- Касающееся и вас, и Лидии. Если не секрет, она сегодня дежурит или выходная?
- Выходная, — сообщил Алеша и чуть зарделся от мысли, что так свободно дает о ней справки.
- Это хорошо. Сегодня вечером, — медленно произнес полковник, — вы должны с нею попрощаться.
- Разве я уезжаю?
- Да, уезжаете. Завтра в шесть пятнадцать самолет уходит в Москву. Следом за вами дня через четыре улетит Костров, а через неделю — все остальные. Ну а самое главное узнаете от генерала Мочалова. Настало время действовать, Алексей Павлович.
- Так, — проговорил Горелов бесстрастно, и лицо у него не дрогнуло, не изменилось. Замполит удивился. За годы работы в отряде он привык к тому, что любое известие о приблизившихся сроках запуска космонавты встречали бурным восторгом. Он впервые натолкнулся на ледяное спокойствие. — Так, — повторил Горелов с оттенком грусти. — Приказ... Его надо выполнять. Что ж, уложу чемодан и попрощаюсь.
- Позвольте, — протянул замполит, — вы даже не обрадовались.
Горелов широко развел руки, словно на физзарядке:

- Дорогой мой Павел Иванович! Знаменитый и проницательный инженер человеческих душ. Да откуда вы взяли, что я не обрадовался? Обрадовался и даже очень. Только обо всем этом я уже уведомлен. Получил самую наиточнейшую, притом надежно закодированную информацию.
- Ах да! — воскликнул Нелидов. — Знаю, кто меня опередил. И как это я мог позабыть о вашем опекуне, о Станиславе Леонидовиче!
Оба расхохотались.

* * *

За недолгие дни своей первой запоздалой любви Алексей заметил, что Лидия всегда стеснялась и краснела, если он заставал ее за какой-либо домашней работой. Она немедленно убегала в другую комнату, чтобы поскорее привести себя в порядок. Через минуты две-три выходила к нему, уже поправив прическу, иногда даже успевала переодеться. Сегодня Лидия его никак не ожидала и выбежала на звонок в стареньком выцветшем халатике и клеенчатом фартуке. На ее покрасневших, натруженных руках пузырилась мыльная пена. Дверь на кухню была открыта, и Алексей увидел цинковое корыто, а на табуретке — стопку мокрых Наташкиных трусиков и маек. Лидия смущенно отступила в глубь коридора.
- Алеша?! — произнесла она удивленно. — Но ведь ты же сегодня не собирался приходить?
- Где Наташка? — спросил он с преувеличенной веселостью.
- Уже спит. Десять вечера же...
- А я вот ей конфеты принес, — вздохнул Алексей и посмотрел на красную коробку, которую держал в руках.
- Только ей? — улыбнулась Лидия.
- Нет. И тебе, конечно. Я же знаю, какая ты сладкоежка.
Она спиной плотно прижалась к давно не беленной стене, словно вросла в нее. Сохли капельки влаги на ее руках. Она протянула их Алексею и посмотрела на него пугливо. Синие ее глаза были тревожны.
- Ты уезжаешь? Алексей удивленно отступил.
- Откуда ты взяла? Кто тебе сказал?
- Никто, — призналась Лидия тихо, — но как только ты переступил порог, я сразу поняла: пришел проститься.
- Ничего особенного, Лидочка, — пробормотал Алексей, — я совсем ненадолго.
Он мучительно подыскивал слова, которыми можно было все ей объяснить, и не находил. Он уже понял, что она, привыкшая в жизни к потерям, тонко и точно угадывает его состояние.
- Я вернусь, — сказал он, — и вот увидишь, что скоро. Только я точно не могу назвать дня.
Не надо. Я знаю, что ты вернешься, — она шагнула ближе, прижалась к нему. — Кто ты, Алеша? — спросила она. — Ну почему я о тебе ничего не знаю? Чем ты будешь заниматься, когда отсюда уедешь? Скажи хоть немного, чтобы в разлуке мы с Наташкой меньше за тебя волновались. Ты опять будешь прыгать с парашютом там, куда едешь?
- Нет, — ответил Горелов и поцеловал ее в щеку.
- Может, учиться в академии? — спросила она с надеждой, и глаза ее обрадованно заблестели. Кто же из женщин не обрадуется утвердительному ответу на такой вопрос. Ведь для близкого человека, если он носит голубые погоны, учеба в академии — самый безопасный период жизни. Лидия напряженно ждала ответа.
- Нет, и не учиться, — прозвучал резкий голос Алексея.
- Так что же?
- Буду готовиться к полету.
- К полету? — протянула она недоверчиво. — Но ведь сейчас, даже в тех случаях, если надо лететь на Дальний Восток, летчики готовятся к этому всего несколько часов.
Они стояли у порога Наташкиной комнаты. Сквозь открытую дверь виднелся синий от лунного сияния квадрат окна и табунок звезд вокруг луны в ночном далеком пебе.

- Я должен готовиться к очень далекому полету, — добрым, дрогнувшим от ласки голосом произнес Алексей, как будто он, как маленькой детсадовской девочке, втолковывал Лидии несложную истину и не мог втолковать. — К такому полету готовятся годы.
Ничего не понимаю, Алеша, — сконфуженно призналась она. — Что за далекий полет? Куда и зачем?
- Я полечу туда, — сказал он, указывая на синий квадрат окна, заполненный звездами и желтой луной. Она лицом прижалась к его шершавой щеке, почти шепотом спросила:
- Ты почему не побрился?
- К тебе спешил.
- До утра останешься?
- Да.
- Поцелуй меня. Потом она снова спросила:
- Куда ты собираешься лететь?
- Туда, — повторил Алексей упрямо и кивком снова указал на квадрат окна.
- Ничего не понимаю: лупа и звезды...
- Первое, — скупо проговорил Горелов.
Она оттолкнулась от него ладонями, пораженная внезапной догадкой.
—Луна? — переспросила она шепотом. — Ты полетишь к Луне?
—Да, — сухо отозвался Алексей.
На ее лице отразилась целая буря чувств: тревога, вопрос, горечь. Она еще не верила до конца, еще надеялась, что он шутит, но сознание ей подсказывало: он говорит всерьез. Глаза ее в упор смотрели на крепкую загорелую шею Алексея и спокойно пульсировавшую на ней жилку. Потом она подняла их и увидела его лицо, суровое, застывшее от напряжения. И она еще раз подумала, что, когда у человека такое лицо, он не шутит. И все-таки всему наперекор промолвила:
- Алешенька, это ты нарочно? Ну, признайся, скажи.
- Нет, — ответил он с грустной улыбкой, — это так и есть.
- Значит, ты космонавт?
- Можешь даже считать меня лунатиком, — засмеялся он.
Лидия вдруг опустила руки, с горечью воскликнула:
- Ой, что же я наделала!
- Успокойся, — остановил он.
- Если бы я знала, что ты космонавт, я бы ни за что так не поступила.
- Вот как! — горько усмехнулся Горелов. — А я думал, ты меня по-настоящему любишь!
- Глупый! Неужели ты сомневаешься?
- Кажется, нет.
- Но то, что ты космонавт, все меняет.
—Почему же, Лида?
Она нервно засмеялась:
—А ты подумай. Когда ты станешь известным, тебя начнут преследовать тысячи женщин и девушек: русских, американских, африканских, беленьких, голубеньких, черненьких. А что я рядом с тобой? Не совсем состарившаяся вдовушка, да?
Алексей прижал ее к себе сильными твердыми руками.
—О да! О да! — передразнил он. — До чего же вы проницательны, моя милая. После полета я тотчас же уеду в одно из очередных заграничных турне и женюсь на беленькой американской миллионерше. Ты возражаешь? Согласен, согласен — не надо потакать империализму. Советский летчик-космонавт Алексей Горелов не имеет права жениться на беленькой американской миллионерше. Нет, я лучше женюсь на черной мулатке из Алабамы. Опять не так? Ну на чилийской танцовщице. Тоже не согласна? Так чего же вы хотите, моя дорогая? Чтобы я предпочел вас? Хорошо. Уж так и быть. Алексей Горелов становится одним коленом на только что вымытый вами пол и просит вашей руки.
—Перестань, — засмеялась Лидия и повисла у него нашее, — глупый, перестань!
Ее ухо, мягкое и теплое, щекотало ему губы, и он, поцеловав розовую мочку, зашептал:
- Чудачка! Для чего мне миллионерша, голубенькие и черненькие иностранки? Ты у меня была и будешь одна. Понимаешь? Хочешь, я завтра всем объявлю, что ты моя жена?

- Ни в коем случае, — возразила Лидия, — я не хочу тебя сейчас связывать... Вот когда вернешься из полета и обрушится на тебя слава, сам решишь, стоит на мне жениться или нет.
- А если я... — начал было Алексей, но она не дала договорить, ладонью закрыла ему рот.
- Нет! Никогда не произноси этого слова...
В подмосковном городке космонавтов прилетевшего из Степновска Алексея Горелова поразила необычная тишина. Зыбкий знойный воздух пропитан едва уловимым запахом сосен и елей. На асфальтированных дорожках у магазина, штаба и профилактория — ни человека. Время летних отпусков опустошило многие квартиры.
Давно не видавшее хозяина жилье встретило Алексея душным пыльным застоем. Он разделся и в одних трусах долго и старательно наводил порядок: протирал подоконники, стекла книжного шкафа, вытряхивал пыль из занавесей. Затем, приняв душ и выбрившись, направился в штаб.
Коридор с цементным полом хранил прохладную тишину. Почти все лаборатории были опечатаны. Начштаба полковник Иванников и комендант городка майор Кольский уехали с утра по каким-то хозяйственным надобностям, а генерал Мочалов уже третьи сутки находился на космодроме и возвратится лишь к исходу следующего дня. Об этом Горелову сообщил дежуривший по штабу капитан Фролов, тот самый долговязый Федя, без которого не обходилась ни одна тренировка в термокамере. Видимо, он уже кое-что знал о ближайшем будущем Горелова и был с ним предупредителен и разговорчив.
- Вы подзагорели, Алексей Павлович, — щебетал Фролов. — Да и возмужали как!
- Хотите сказать — постарел? — усмехнулся Горелов.
- Что вы, что вы! Мне бы вашу старость. Именно возмужали. Ни дать ни взять — настоящий космонавт. Генерала Мочалова нет, но вам он оставил распоряжение. Вот здесь в дежурном журнале у меня записано... — Под крепкими Федиными пальцами зашелестели переворачиваемые страницы, и он прочел: — «Капитану Горелову А. П. передать, чтобы по прибытии немедленно позвонил по телефону...» Знаете кому?
- Знаю, знаю, — перебил Горелов, увидавший номер телефона. — Станиславу Леонидовичу из генеральского кабинета позвоню.
Он зашел в пустой вместительный кабинет Мочалова, с жадным любопытством огляделся по сторонам. Все как было. Два стола под зеленым сукном, составленные буквой Т. На стенах портреты первых космонавтов, массивный чернильный прибор из белого мрамора на письменном столе, а рядом бронзовая моделька космического корабля. Все и не все. Большой глобус Луны теперь тоже был водворен на письменный стол. Горелов, волнуясь, прочел над пестрым лунным рельефом знакомые названия: Океан Бурь, Море Спокойствия. Над большими кратерами появились мелкие цифры. Очевидно, часто за последние дни обращался генерал к этому глобусу.
Алексей снял трубку белого телефона, набрал номер и тотчас услышал знакомый бас:
—О! Алексей Павлович! Здравствуйте, дорогой скиталец. Ну и легки же вы на помине. Теперь ни одного дня не обходится без того, чтобы мы вашей фамилии не про
износили. Сейчас в моем кабинете целый консилиум идет. Ваш персональный скафандр усовершенствуем. Вы из городка звоните? Берите немедленно машину и отправляйтесь, милейший, ко мне. Нет, не сюда, а прямехонько на московскую квартиру.
Горелов повесил трубку и вышел к дежурному.
- Вот какое дело, Федя. Без полковника Иванникова машину до Москвы мы добыть сможем?
- О-ля-ля! — присвистнул Фролов. — Да разве вы ничего не знаете? Есть приказ по гарнизону за вами и за майором Костровым закрепить персональные машины. Номер вашей «Волги» 16—13.
- Смотри ты, какая электронная память!
- Так ведь тринадцать на конце. Чертова дюжина. Не боитесь?
- Ерунда, — засмеялся Алексей. — Для меня тринадцать — самое любимое число. Я, мой милый, обитаю в квартире под номером тринадцать, на самолете реактивном первый раз в жизни тринадцатого вылетал.
- Вот будет работы журналистам, когда об этом узнают, — предположил Федя, — особенно Рогову.
- Рогов такими мелочами не интересуется, — не согласился Горелов.
По первому же звонку к подъезду примчалась черная «Волга». Выскочил из машины черноглазый солдат с узким смуглым лицом и лихо стукнул каблуками кирзовых сапог:

- Товарищ капитан, рядовой Берикашвили прибыл в ваше распоряжение.
- Зови меня просто Алексеем Павловичем.
- Есть, звать Алексеем Павловичем, — вращая большими белками, ответил он лихо.
- А тебя как?
- Вано зовите, товарищ капитан... виноват, Алексей Павлович. Я из Зестафони...
«Волга» помчалась по широкой асфальтированной дороге, оставляя позади подмосковные леса и затерявшийся в них городок космонавтов. Вано включил радиоприемник, и вальс Штрауса наполнил кабину. Откинувшись на мягкую спинку сиденья, Алексей думал, что, раз окружают таким вниманием, значит, сроки полета приблизились и не за горами старт. А может, она уже и началась, предстартовая горячка, та, которая звено за звеном охватывает весь огромный аппарат, связанный с запуском небольшого экипажа, а то и одного человека.
Серая лента шоссе разворачивалась впереди, приближая панораму столичного пригорода. Горелов вспомнил вдруг о Лидии Степановне. Еще и суток не прошло после расставания, а уже тоскует он по ее голосу, по ее синим глазам.
«Волга» въехала на московскую улицу. Того, кто хоть ненадолго покидал столицу, всегда волнует радость возвращения. У Алексея ее удваивало сознание близкого полета.
Минут недели — и он оставит все свои привязанности на земле. А любовь к Москве — одна из этих привязанностей. Ему, парню из тихого Верхневолжска, выросшему на берегах раздольной Волги, Москва давно стала родной и необходимой. Он грустил, если неделю-другую не удавалось побродить по ее улицам и площадям, прокатиться в метро, побывать в театре или на одной из художественных выставок. Взгляд отыскивал сейчас перемены. Месяц назад, когда он уезжал в Степновск, вот здесь, на окраинной улице, еще были строительные краны. А теперь вырос целый городок светло-голубых, цвета морской волны зданий. В квартирах окна уже занавешены — появились новоселы. А вот новенькое кафе с декоративными орнаментами, все из стекла и железобетона. Его тоже не было.
«Волга» пересекла центр и выехала на Ленинский проспект. Горелов легко отыскал в новом районе восьмиэтажный дом, остановил машину у подъезда с аркой. Сказал водителю:
—Жди меня до победного конца, друг Вано.
На четвертом этаже ему открыла дверь миловидная темноглазая женщина. Была она в легком темно-коричневом платье, в руке держала портфель.
- Здравствуйте, Алексей Павлович, — обратилась она к нему приветливо, как к давнему знакомому. — По всем описаниям вы и есть тот самый Горелов, ради которого я должна задержаться на полчаса?
- Станислав Леонидович точен в своих портретных характеристиках, — улыбнулся Алексей.
- Зато он не слишком точен в своих поступках. Назначил вам встречу на час дня, а две минуты назад позвонил и торжественно известил, что задержится еще на двадцать минут.
- О, не судите его так строго,— заступился Горелов,— он у вас такой занятой...
Темные глаза женщины сузились:
—Смотрите! А я и не предполагала, что у моего мужа может оказаться такой надежный адвокат в лице космонавта Горелова... Однако вы меня должны простить, Алексей Павлович. Спешу на заседание ученого совета. Муж попросил вас ожидать его в кабинете и, если будет скучно, просмотреть папку, оставленную на письменном столе.
Она проводила Горелова в кабинет и ушла.
Алексей с интересом огляделся. Считается, что о характере, наклонностях и увлечениях человека в какой-то мере говорит и его жилище. У человека веселого, но незадачливого вы обнаружите на стенах портреты кинозвезд и балерин в пикантных позах, а недостаток книг на полках будет возмещаться стопками патефонных пластинок. Попробуйте навестить седого рабочего, отдавшего своему заводу лучшие свои годы, и дома у него, какой бы ни была квартира — большой или тесноватой, — где-то в темноватом уголке вы обязательно увидите слесарные тиски. У альпиниста вам бросится в глаза повешенный на стену ледоруб и фотографии покоренной вершины, покрытой синеватой снежной папахой. У отставного летчика уже в прихожей под вешалкой вы споткнетесь о старые унты, а у землемера в углу, возможно, будет стоять подставка от теодолита с острыми ножками.
Кабинет Станислава Леонидовича говорил о высокой организованности и самых разнообразных увлечениях хозяина. Большой широкий письменный стол на высоких старомодных резных ножках был чист: ни пылинки на поверхности, ни окурка в пепельнице. Запечатанная пачка

гаванских сигар и открытая «Северной Пальмиры» живописно лежали рядом с бронзовым чернильным прибором. Ровные стопки книг и папок с чертежами, раздвинутая логарифмическая линейка и коробка цветных карандашей. Два пластмассовых человечка, белый и оранжевый, один в легком, другой в массивном скафандрах. Алексей поднял глаза на стены и улыбнулся. Если стол был средоточием технических замыслов и работ конструктора, то стены, вернее, простенки между книжными навесными полками отражали увлечения и привязанности хозяина дома. Шкура медведя и подвешенное над нею ружье. Несколько пейзажей. Два из них, это Горелов определил сразу, принадлежали кисти великого Айвазовского, авторами остальных были Дубовской и Лагорио. И на всех пейзажах — вода: то черно-голубая, пенящаяся, всесокрушающая, то нежная и светлая, озаренная розовым солнцем. Скалы, паруса, лодки. Значит, очень любит Станислав Леонидович водную ширь, если в минуты усталости, отрываясь от чертежей и расчетов, отдыхает, созерцая ее. Портреты Байрона, Пушкина и Гейне говорили о том, что стихи ему тоже не чужды. Очень маленькое пианино с круглым стульчиком уютно поместилось в дальней части кабинета.

Горелов приблизился к столу, остановился перед раскрытой папкой чертежей и технических описаний. Взяться за нее не успел, как, бесшумно отворив дверь, в кабинет вошел сам Станислав Леонидович. Был он в приподнятом настроении то ли от встречи с Гореловым, то ли по другой причине. Вольно расстегнутая нейлоновая рубашка и светлые брюки молодили его. Черные волосы аккуратно разделены пробором, в глубоко посаженных глазах — откровенная усмешка. Бас, так не вязавшийся с его высокой тонкой узкоплечей фигурой, сразу заполнил комнату.

—Батенька вы мой! — зарокотал Станислав Леонидович, бросаясь к Горелову и тиская его в объятиях. — Дайте-ка я вас получше разгляжу. А поворотись-ка, сын, как говаривал, бывалоча, Тарас Бульба, повинуясь волшебнику Гоголю, коего сейчас, возможно, и в Союз писателей бы не приняли за старомодность.

Станислав Леонидович шутливо оттолкнул от себя Горелова, покачал головой. Несмотря на веселость, лицо конструктора было осунувшимся, под глазами лежали тени.

- Экий вы бронзовый! — похвалил Станислав Леонидович. — Совсем как эмир бухарский. Значит, на пользу пошло пребывание в Стеиновске? А ну-ка, согните руку. Эка твердость в бицепсах! Рад за вас, дорогой мой Алексей Павлович, весьма рад. Вы в ожидании не заскучали?

- Вроде бы нет, Станислав Леонидович.

- Окончательный вариант скафандра, представленный на утверждение, видели?

- Не успел.

- Как так? А чем же вы тогда, позволю себе спросить, занимались?

- Кабинет ваш осматривал, Станислав Леонидович, — признался космонавт.

Конструктор слегка попятился, привстал на цыпочки и наклонил набок голову, словно к чему-то прислушиваясь.

- Ну и как же вы его нашли?

- Занятным. Сколько же у вас увлечений: и живопись, и музыка, и охота, и поэзия!

Станислав Леонидович отмахнулся:

—Бросьте, бросьте, батенька мой. Разве это можно принимать за разносторонность увлечений хозяина? Если копнуться поглубже, сразу станет ясно, что, кроме точных наук, хозяин этого кабинета ни во что не проник.

—Не прибедняйтесь, Станислав Леонидович.

Конструктор сел в глубокое черное кресло, глазами пригласил космонавта садиться в другое, напротив.

- И не собираюсь, — возразил он, — то, что я вам сказал, — сушая правда. О какой разносторонности можно вести речь применительно к нашему поколению? Мы очень односторонни. Суровая эпоха часто лишала нас этой возможности. Согласитесь, Алексей Павлович, что в первые годы Советской власти юноше, да еще где-нибудь в глухомани, трудно было дотянуться до этой же, скажем, музыки, до эстетики. Я хоть немного преуспел. Рос в семье врача, старого интеллигента. Помню, как отец брался за голову и ужасался, когда наш учитель в начальной школе Захар Юхимович Криворучко объявил нам, что Пушкин и Лермонтов тоже классовые враги, потому что они были-де царскими офицерами и писали, как он выразился, «свою поэзию про одних помещиков, их дочерей и офицеров». Отец ужасался, а мы целым табуном бегали за нашим Захаром Юхимовичем, потому что в нашем маленьком

заштатном Белоцерковске один только он носил боевой орден Красного Знамени и такие истории про рубку с врангелевцами и петлюровцами рассказывал, что в ту пору для нас они были куда интереснее «Евгения Онегина» или «Демона». Да и жилось нелегко. Я, например, на рабфак и зимой и летом в одних парусиновых туфлях хаживал. Знаете, были такие, самые дешевые, студенческие? Впрочем, откуда вам знать, — рассмеялся Станислав Леонидович. — Летом были они у нас белыми, как им и полагалось, а на зиму мы их тушью обрабатывали, отчего туфли приобретали соответствующий времени года цвет. Жили впроголодь, но дружно и весело. И гранит науки, надо сказать, нашим зубам поддавался. Все же росли-то мы без хороших манер, без лоска. А выросли, да еще какими, раз фашистскую Германию разбили, а теперь космические корабли запускаем! — Станислав Леонидович потянулся к пачке сигарет, вытащил одну, размял в тонких пальцах. — Вы, конечно, ни-ни? — покосился он на гостя.

- Ни-ни, — подтвердил Алексей.

- А я вот за последнее время норму потребления, что называется, удвоил. Тяжелые денечки были пережиты. Так вот по поводу разносторонности человеческих увлечений. Знаете что, дорогой мой друг. Чем больше я над этим задумываюсь, тем тверже прихожу к одной истине. Человек несет в жизнь огромный интеллектуальный заряд. Однако в девятнадцатом веке его интеллектуальная устремленность была гораздо шире, чем в двадцатом. Чего мотаете головой? Не согласны?

- Не согласен! — запротестовал Горелов решительно. — Вы, Станислав Леонидович, погрешили против правды жизни и себя в том числе.

- Ах я какой ретроград! — басовито захохотал конструктор.

- Конечно, — загорячился Горелов. — Как же можно брать за образец девятнадцатый век! Ведь самый прогрессивный человек прошлого столетия понятия не имел ни о радиолокаторе, ни о телевизоре, ни тем более об электронной машине. Мы так шагнули вперед, что, если бы на минуту встал из своего склепа житель прошлого века, он бы глазам своим не поверил. А потом, не надо забывать — теперь наука и искусство доступны миллионам...

Конструктор сквозь облако табачного дыма хитровато смотрел на Алексея:

- Насчет миллионов верно. И все же я положу вас на обе лопатки, милейший, в другом. Назовите мне хотя бы одного ученого, который был бы одновременно выдающимся художником и поэтом, как Михайло Ломоносов, или композитором, который наряду с созданием оперной музыки и ораторий открывал бы химические новшества, как это делал почтенный Бородин. Ройтесь, ройтесь в своей памяти, не стесняйтесь.

- Великих не назову, а увлекающиеся есть, — замялся Алексей.

Конструктор с улыбкой победителя вынул изо рта сигарету, сбил с нее пепел.

—То-то и оно. В наши дни техника и точные науки развиваются настолько бурно, что они могут подмять под себя все гуманитарное. А человек, работающий в своей области, настолько унифицирован, что за рамками своей узкой профессии нередко оказывается дилетантом. За доводами далеко ходить не надо. Я, например, кроме своих скафандров и систем корабля, все остальное знаю весьма приблизительно. Нельзя объять необъятное, и человек, совершающий великие открытия, иной раз попросту не имеет времени, чтобы ознакомиться с мифологией, Вольтером, сесть за пианино. По-моему, я не сделаю крамольного открытия, если скажу, что оперу и театр решительно вытесняют радио, телевидение, кино. И вы все реже и реже встречаете людей, которые восклицают: «Ах какой был вчера Хозе!» или «Ах какая вчера в «Грозе» была Катерина!».

- Да, Шаляпиных и Собиновых что-то нет, — прищурился Алексей, но конструктор перед самым его лицом назидательно поднял палец.

- Нет, дорогой мой, не хитрите. Дело не в голосах, а в дыхании века, врывающемся к нам с антенн, с широкоэкранных кинотеатров, телевизионных установок. Вот и начинаем мы порой забывать древних философов, классиков прошлых веков, перестаем прислушиваться к музыке слова. Однако, дорогой мой, — спохватился Станислав Леонидович, — мы забрались в такие дебри! Вы меня все же поняли?

Алексей пошевелился в удобном кресле.

- Разумеется. Вы хотите, чтобы человек будущего при всей его технической эрудиции не терял бы и эмоциональности. Одним словом, чтобы голова у него была классического образца, как у всех предков, а не кубышкой, напичканной формулами, как у сказочных марсиан.

- Представьте, именно так, — весело подтвердил конструктор. — Не надо нам превращаться в роботов. Человеческий мозг — это же чудо Вселенной, и его не заменит ни одна электронная машина. И мы обязаны воспитывать человека эмоционально, эстетически, что ли...
- Только не так, как это иногда делают в нашем отряде. Андрей Субботин здорово однажды начштаба Иванникова подстерег, — вспомнил Горелов. — Заходит к нему в кабинет и застает нашего добрейшего полковника за составлением расписания. Склонился над листом ватмана и шепчет вполголоса: «Чем же я космонавтов в субботу на двух последних часах займу? А, ладно, запишем — эстетическое воспитание. Отправлю их в Москву, пускай Иосифа Кобзона или Майю Кристалинскую слушают».
- Весьма, я вам скажу, оригинальное решение, — захохотал конструктор и кулаком смахнул с правого глаза слезу. Потом пересел за письменный стол, достал из ящика пенсне, которое надевал лишь в редких случаях, когда надо было чертить или читать мелкие надписи. Глаза из-под стекол блеснули на Горелова требовательно:—
Подойдите поближе, Алексей Павлович.
Горелов остановился за его согнутой спиной, наклонился над схемой нового скафандра.
- Тот, в котором вы меня мучили в термобарокамере?
- Тот, в котором будете совершать облет Луны, — сухо заметил Станислав Леонидович.
Рассматривая схему, Горелов сразу понял, что новый вариант лунного скафандра значительно отличается от предыдущих. Тонким сухим чертежным пером водил конструктор по линиям чертежа и, как уставший от зноя шмель, басовито гудел:
—Это совсем не копия, дорогой Алексей Павлович. Здесь многое модернизировано. Вот видите стенки. Они стали гораздо тоньше и прочнее, потому что отлиты из нового, самого прочного сплава. Он и легче и надежнее. Это позволило нам увеличить запас кислорода и уменьшить общий вес скафандра на пять килограммов. По
легче теперь вся одежонка весит. Выходить в открытый космос вам не придется. Такое не планируется. Но лишний запас кислорода, он и в кабине не помеха... на
всякий случай.
Горелов прищурился. Серые глаза его стали маленькими треугольниками. Сдержанным, деланно-равнодушным голосом спросил:
- Это на какой же такой всякий случай?
На тот, к которому космонавт всегда должен быть готов. На аварийный.

* * *

Длинная черная машина Станислава Леонидовича скользила по прямому шоссе, прорубленному в глухих сосновых лесах, вдали от железных дорог и магистральных автомобильных путей. Здесь, среди темной зелени елей и сосен, кое-где забеленной стволами березовых рощиц, виднелись корпуса завода.
Узнав в подъехавшей машине за рулем конструктора, часовой у проходной нажал на кнопку, и бесшумно раздвинулись половинки тяжелых железных ворот с влитыми в них пятиконечными звездами. Станислав Леонидович переключил скорость, машина плавно въехала на территорию завода. У большого, остекленного сверху корпуса, чем-то похожего на гигантский самолетный ангар, конструктор затормозил, и они оба вышли из машины. К ним подошел человек средних лет с непокрытой светловолосой головой, облаченный в легкий черный комбинезон.
—Все готово, Станислав Леонидович, — сказал он вместо приветствия.
Конструктор обернулся к Горелову:
—Прошу любить и жаловать, Алексей Павлович. Это и есть инженер Михаил Гурьевич Зотов, о котором вам говорил. А теперь к делу, дорогие друзья, к делу без дальних слов. С конструкцией «Зари» Алексей Павлович уже знаком. Но сегодня мы рушим в прах все каноны методики и без всякой профилактики сажаем Горелова на очередной ознакомительный тренаж. Я только вас попрошу, Михаил Гурьевич, затратить часочка три-четыре на комментарии. В особенности

остановитесь на тех усовершенствованиях пилотской кабины, которые Горелову неизвестны. А потом — сразу тренаж с полной нагрузкой. Это ничего, что он у нас с дороги. Космонавт, готовящийся стартовать к Луне, должен стыдиться усталости, если она даже и появилась.
- Да откуда вы это взяли? — обиделся Алексей. Станислав Леонидович прищурился:
- А что? Нет? Тогда вперед!
С бьющимся сердцем перешагнул Алексей порог небольшой калиточки, через которую в заводской ангар проникали немногие. Последний, ему еще незнакомый вариант «Зари» был принят Главной экспертной комиссией всего несколько дней назад. Издали корабль ничем не поразил Алексея: белый, чуть сплюснутый вверху шар, с открытой настежь тяжелой боковой дверью, к которой была приставлена стремянка.
Горелов проходил тренажи и на кораблях системы «Восток», видел и первый «Восход». И чем глубже изучал он их конструкции, тем все отчетливей становилась мысль, что все-таки первые космические аппараты не открывали перед летчиками широких возможностей для пилотажа. Тщательно их изучив, он мечтал об иных кораблях, таких, что позволили бы самостоятельно менять высоты орбит, маневрировать в космосе с той свободой, какая позволительна для реактивного истребителя. Потом появился первый вариант «Зари» и он убедился, что это близко. А сейчас перед ним тот самый корабль, на котором ему предстоит в скором времени совершить облет Луны. И Алексей с напряженным вниманием рассматривал сейчас этот белый, сплюснутый вверху шар. Звенящий твердый металл, из которого была отлита кабина «Зари», слепил глаза, невольно будил представления о больших скоростях и высотах.
- Любуетесь, Алексей Павлович? — доброжелательно спросил Зотов, перехвативший взгляд космонавта.
- Любуюсь? — пылко переспросил Горелов. — Да нет, слово «любуюсь» едва ли способно вместить все чувства, вызванные одним видом «Зари».
- Да-а, — протянул, соглашаясь, Зотов, — а когда эта кабина будет соединена с ракетой-носителем, она во много крат внушительнее будет выглядеть.
- То есть на пусковой вышке?
- Считайте, что так. — Зотов весело посмотрел на него. — Ну это еще впереди, Алексей Павлович. А пока что мы с вами проведем наземное, так сказать, ознакомление с последним вариантом космического корабля, допущенного к такому весьма ответственному путешествию, как облет нашей ночной богини. Фантастично выглядит корабль, не правда ли?
- Да, если бы воскрес старик Жюль Берн, он бы немало подивился.
- Оставим старика в покое, — улыбнулся Зотов, — вернемся в двадцатый век. Я хочу предварительно рассказать вам о некоторых усовершенствованиях данного экземпляра...
- Я вижу, что вы уже нашли общий язык, — улыбнулся Станислав Леонидович. — Это дает мне право откланяться и оставить Алексея Павловича на ваше попечение, Михаил Гурьевич. Желаю успеха. Через три дня вас примет Тимофей Тимофеевич. А потом будем продолжать детальное изучение всех систем.
Конструктор ушел. Зашумел мотор, и длинная черная машина скользнула в сторону административного корпуса.
Зотов молчаливым жестом пригласил Горелова следовать за ним. Алексей приблизился к люку кабины пилота. От цементного пола шел жар. В узком овальном проеме входного люка Горелов увидел горизонтально поставленное кресло и спадавшие на пол лямки привязных ремней.
—Вы сейчас без скафандра войдете, — предложил инженер. — Проведем первое обзорное знакомство, а после обеда вас по всем правилам облачим в космическую робу и начнем тренаж.
Горелов положил ладони на поручни низкого кресла, чуть-чуть подтянулся, ощущая на мускулистых руках вес собственного тела, и очутился на месте пилота. В кабине было еще жарче, чем в ангаре. Зотов вошел за ним следом и захлопнул герметический люк.
Мягко выражаясь, здесь дьявольская жара? — осведомился он.
- Я бы предпочел выразиться пожестче, — буркнул Горелов. — Эта парилка куда хуже термокамеры. Со всех сторон разогревшийся металл, и никакой тебе пощады.
- Можно вашему горю помочь, — протяжно сказал инженер. — Станислав Леонидович позаботился. Нажмите на левой панели кнопку вентилятора.
Холодный ветерок потоком хлынул в кабину, взъерошил Горелову курчавые волосы, проник за шиворот. Минуты через две стало даже холодно. Пришлось вентилятор выключить, потому что термометр показывал всего двенадцать градусов тепла. Горелов с жадным любопытством

осматривал кабину «Зари». Многое было знакомым, напоминавшим уже изученную им схему, но многое поражало своей новизной. Система пилотажного управления была на «Заре» куда проще и удобнее. Желтые пластмассовые ручки казались воздушными. Он перевел взгляд на переднюю приборную доску, увидел на ней три прорезанных круга. В одном — прибор, именовавшийся на всех предыдущих космических кораблях коротким и ясным словом: взор. Летит корабль, и на этом приборе летчик-космонавт со всеми подробностями видит, как проектируется внизу Земля с горными хребтами, морями и реками, белыми ледяными скалами Арктики, огнями больших городов. Определением своего истинного нахождения по этому прибору Алексей много занимался на предыдущих тренировках. Знал он прекрасно и второй прибор — глобус, вмонтированный в другое отверстие. Где бы ни находился корабль во время орбитального полета, тонкое перекрестие всегда указывало точку истинного местонахождения, и от нее можно было заранее рассчитать, где очутится корабль через двадцать, тридцать, сорок минут. А вот третий прибор не был ему знаком совершенно. В таком же углублении виднелась на панели выпуклость еще одного глобуса. В отличие от первого, разрисованного светло-голубыми, зелеными и коричневыми тонами, был он черно-синим. Лишь кое-где выделялись более светлые овалы, спирали и кружочки. И Алексей почувствовал всю волнующую торжественность первого знакомства. Это был глобус, по которому ему предстояло пройти в космосе огромное пространство, контрольный глобус Луны.
Далеко от родной Земли, па расстоянии почти четыреста тысяч километров, «Заря» встанет на окололунную, или, как ее именовали в ученом мире, селеноцентрическую, орбиту и заговорит оттуда с Землей его, Алешки Горелова, голосом. Это будет! А пока макет пилотской кабины спокойно стоит в цехе и глядит молчаливо ему в глаза рядами белых, черных и красных кнопок, стрелками приборов, перекрестиями, под которыми замерли изображения Земли и Луны.
- Эта наша кабина — тренажер, — прогудел за его спиной голос инженера Зотова. — Другая точно такая же кабина на днях ушла с космодрома к Луне. В пилотском ее кресле манекен, по весу и габаритам такой же, как вы. Ему даже нос ухитрились придумать вздернутый, Алексей Павлович.
- Остряки, — одобрил Горелов, никогда не сердившийся на шутки по своему адресу. — - А это что за прибор? — указал он на матовый небольшой экран в переднем углу кабины. На экране виднелась едва заметная, пунктиром нанесенная сетка, внизу — с десяток мелких-мелких кнопок.
- Это экран вашего локатора, — пояснил инженер. — Любая летящая вам навстречу цель отразится на нем, когда она будет от вас за несколько тысяч километров.
- Какими же вы целями меня стращаете, Михаил Гурьевич? — повел плечом Горелов. — Метеоритами, что ли?
- Не только. Вы же прекрасно знаете, сколько железа набросало в космос человечество за последний десяток лет.
- Знаю, как же не знать.
- Так вот. Одни из них давно уже прекратили существование, сгорев в плотных слоях атмосферы, а другие все еще крутятся, постоянно меняя орбиты. Вероятность столкновения с ними практически невелика, но все-таки... Вы знаете, такие прецеденты уже бывали с автоматическими спутниками, так что лучше уж заранее нам застраховаться от неприятного сюрприза.
- Одним словом, товарищ инженер, береженого бог бережет, — вставил Горелов.
- И главный конструктор этого корабля Тимофей Тимофеевич, — подхватил Зотов, — а он повыше бога.
- Красивый прибор, — одобрил Алексей и пощипал пальцами гладко выбритый подбородок. — Ничего не скажешь.
Чуть прищуренные его глаза скользили по знакомым и малознакомым тумблерам, пультам и рычагам. Кабина «Зари», пока он не облачался в скафандр, казалась очень просторной. Но он-то хорошо знал, что габариты ее немедленно сократятся, едва только он привинтит гермошлем к новой «одежонке» Станислава Леонидовича и займет место в этом же самом, пока что таком удобном кресле. Алексей нажал кнопку рядом с иллюминатором. Раздвинулись розовые шторки, и в круглом окошке, затянутом жароустойчивым стеклом, способном выдержать самые баснословные температуры, он увидел мирную картину: цементный пол, косо уходивший влево к пульту, с которого он скоро будет получать тренировочные команды, чьи-то ноги в

запыленных сапогах, пучки желтых и синих проводов, протянувшиеся к кабине «Зари». Было тихо и мирно в огромном светлом ангаре. Летнее солнце заглядывало сюда сквозь остекленную крышу, словно и оно интересовалось тем, как готовится человек приблизиться к опекаемому им ночному светилу.

Алексей подумал, что пройдут недели, может, месяц с небольшим, и точно в такой же кабине умчится он на тысячи километров от Земли в гудящую неисчерпаемую глубину космоса. А пока что — мирные кнопки и поблескивающие чашечки приборов, серый пол, видный в иллюминаторе, даже ромашка, пробившаяся среди двух цементных плит, и голос Михаила Гурьевича за спиной:

—Продолжаем обзорное знакомство, Алексей Павлович...

Поздно вечером, облаченный в светло-голубой звеняще-твердый и очень легкий скафандр, так хорошо подогнанный по его фигуре, Горелов снова залез в кабину «Зари», и овальный люк надолго захлопнулся за ним. В кресле сразу стало теснее, и движения его уже не были такими свободными, когда он пристегивался, приводил в действие приборы, готовясь к тренировке. Потом возник быстро нарастающий шум, и в пультовой его окликнул инженер Зотов:

- Доложите готовность.

- Летчик-космонавт Горелов к полету готов. Нарастающий шум усыплял Алексея, тяжелил тело и сознание. Сквозь паузы инженер передавал исходные. Стучал неприятно хронометр, сливаясь с голосом Михаила Гурьевича.

—Шесть... пять... четыре... три... два... один... пуск!

И Алексей Горелов отправился в свое первое наземное путешествие на новом тренажере «Заря» сроком на трое суток. Без подготовки, без предварительного отдыха. «Видимо, потребовалось еще раз испытать мою человеческую упругость, — подумал он. — Что ж, посмотрим!»

* * *

В последние годы не происходило ни одного значительного космического запуска, в котором бы не принимал участие Тимофей Тимофеевич. Обитатели пусковых площадок, конструкторы, инженеры, журналисты не могли бы представить космодром без его внушительной фигуры в широкой светло-серой блузе, легких, такого же цвета брюках и каких-нибудь сверхмодных мокасинах, позволявших легко совершать многочисленные переходы по пыльным стежкам-дорожкам. Впрочем, глухой осенью или зимой, в лютые ветреные морозы, какими любила природа награждать этот край, Тимофея Тимофеевича можно было увидеть и в ином наряде: в меховом комбинезоне и старомодных уже для авиации унтах, в какой-нибудь кожаной куртке и забродских сапогах, если была грязь или сек землю косой неприветливый дождь. Был он широк в кости, высок ростом и несколько грузноват. Редеющие волосы зачесывал назад и гордился, что они еще высоки, хотя и обнажают уже предательские забеги большого лба. Широкое, смуглое, всегда выбритое лицо было грубовато, а полные губы несколько сурово сжаты, отчего в углах его рта постоянно лежали складки. У него были крепкие зубы, только два с золотыми коронками — на посадке выбил, когда в юности пытался стать летчиком. Жесткий, тяжелый подбородок усиливал впечатление суровости. А вот большие, чуть навыкате глаза вовсе не производили впечатления суровости. Где-то в их глубине пылали незатухающий огонек любознательности и добрая усмешка. Словно смотрел Тимофей Тимофеевич на человека и снисходительно про себя думал: «Ладно, друг, я же тебя очень и очень хорошо понимаю». Был он в прошлом одним из помощников академика Королева, а в последние годы так далеко шагнул вперед, что во всем мире гремела о нем слава. Западные журналисты в хвалебных статьях иногда только путали его фамилию. Да и не нужна им была точная его фамилия, если разобраться. Однажды на большом ответственном собрании кто-то с пафосом брякнул в адрес Тимофея Тимофеевича: «Наш главный конструктор». Но тот встал, хотя и вежливо, но довольно веско поправил:

— Что вы, товарищи! Даже Королев решительно возражал, когда его главным конструктором величали. А ведь с ним целая эра нашей космонавтики связана. Так что я прошу...

И надолго перестали называть его главным. Только в последнее время, после того как была создана под его руководством «Заря», поразившая всех, кто сведущ был из научно-технического мира, своей кажущейся простотой, надежностью и прочностью всех систем и убедительной готовностью к дальнему старту, стали твердо звать Тимофея Тимофеевича главным конструктором «Зари», и это прижилось.

По космодрому о Тимофее Тимофеевиче ходили десятки самых разных легенд. Того, кто привык представлять выдающегося ученого и изобретателя тихим, замкнутым, вечно углубленным в себя человеком, Тимофей Тимофеевич определенно бы разочаровал. Не было ни в его внешности, ни в грубоватой манере держаться с людьми ничего такого, что бы обнаруживало в нем большого ученого. Это был прежде всего человек, наделенный огромной подвижностью и энергией, успевающий за день на автомобиле и пешком исколесить большие расстояния, принять у себя в рабочем кабинете десятки людей и в эти же самые часы, среди хаотического на первый взгляд нагромождения поездок, встреч и разговоров, обдумать вдруг такую конструктивную новинку, что ближайшие его помощники только руками разводили. И мысль, им поданная, сияла, обрастала деталями, будто подвергаясь ювелирной шлифовке, а потом обращалась в новое открытие, удивлявшее всех своей простотой и дерзостью.

Однажды, когда был еще в живых Королев, перед запуском очередной космической станции приехали на космодром два видных профессора. Были они авторами ряда интересных работ по небесной механике, вели кафедры в высших учебных заведениях. На космодром их привело огромнейшее желание побывать на одном из запусков. Вот и были они приглашены в числе консультантов. Королева в кабинете они не обнаружили и пошли разыскивать на территории космодрома. Идут и видят — на дне большого котлована среди прорабов и бетонщиков шумит высокий плотный человек в черной кожанке и забрызганных грязью сапогах.

- Эй, товарищи! — кричат они. — Не скажете ли, где сейчас можно найти Сергея Павловича?

- Не знаю! — не совсем дружелюбно отвечает им человек в кожанке.

Ученые остановились у обреза котлована, продолжая начатый ранее разговор о предстоящем запуске очередной станции. Они шумно гадали, под каким углом будет находиться траектория полета станции к Земле, когда, повинуясь последней ступени ракеты, возьмет курс к другой планете. Дело дошло даже до спора. Тимофей Тимофеевич в эту минуту отчитывал строителей, которые, по его мнению, очень медленно закладывали фундамент для новой лаборатории. Он говорил им какие-то жесткие и не совсем деликатные слова, но одним ухом следил и за разговором ученых, кривя в усмешке губы. А наверху котлована дебаты разгорались:

Позвольте вам заметить, почтеннейший, что не может в ати минуты склонение равняться семидесяти пяти градусам, — шумел один.

- А я утверждаю, может! — упорствовал второй. — Семьдесят пять плюс-минус два градуса.

И когда спор достиг своего апогея, со дна котлована раздался густой басовитый голос:

—Вздор, почтеннейшие. При таком наклонении космическая станция не на планете окажется, а этак тысяч на тридцать километров от нее. Одним словом, черт те куда пройдет!

- Смотрите, какой у нас оппонент появился, — усмехнулся один из спорящих.

- Да-с, оригинал, — подтвердил второй и дребезжащим тенорком крикнул в котлован: — Так, быть может, вы нас осчастливите и скажете, каким должен быть точный угол наклонения?

- Скажу, — прогудел бас, — шестьдесят девять целых и тридцать пять сотых градуса.

- Смотрите! — менее насмешливо воскликнул ученый. — А ведь в этой цифре есть какой-то резон.

- Да, да. Давайте возвратимся в гостиницу и проверим расчеты, — продолжил его коллега.

Ученые удалились, а примерно через час вновь появились у котлована. Рослый человек в кожанке стоял уже на поверхности, по-хозяйски крепко расставив ноги. Казалось, каблуки его забрызганных грязью сапог вросли в землю.

- Товарищ! — закричал издали один из ученых мужей. — А ведь вы совершенно правы, как говорится, и по форме, и по содержанию. Поразительный экспромт. Именно шестьдесят девять целых и тридцать пять сотых. Ни больше, ни меньше!

- Я и сам знаю, что прав, — без улыбки согласился незнакомец.

Ученые удивленно попятились.

- Да, но как вы могли с такой точностью предположить?
- А я и не собирался предполагать, — перебил тот, любуясь их замешательством. — Зачем же предполагать? На предположениях в наш век даже от Земли не оторвешься, а не только не попадешь на выбранную планету. Я точно подсчитал.
—В уме?
—Да. В уме.
Ученые всплеснули руками:
- Удивительно! Простите, вы инженер?
- Да вроде бы, некоторым образом.
- А не будете ли вы столь любезны назвать свою фамилию?
- Отчего же, почтеннейшие, это можно. — И Тимофей Тимофеевич назвался...
Тимофей Тимофеевич всегда был тем интересен, что мыслил зримыми, конкретными образами. Но это не мешало ему заниматься одновременно сложнейшими аналитическими вычислениями. Был он человеком далеко не всегда учтивым, а если сказать точнее, часто крутым и властолюбивым. И когда принимал твердое решение, то никакие авторитеты не могли его уже остановить своим противодействием. Оно только разжигало самолюбие, наполняло одержимым желанием идти наперекор, отстаивая и утверждая собственную точку зрения.
Два последних корабля уходили в космос под руководством Тимофея Тимофеевича. За месяц до первого запуска шло заседание комиссии под председательством конструктора, за которым оставалось решающее слово. На повестке дня всего один вопрос: утверждение состава экипажа. Корабль трехместный, рассчитанный на пилота, ученого и врача. За длинным столом, приставленным к рабочему столу конструктора, как традиционная часть буквы Т, — академики, врачи, инженеры, генералы. Выступает седой генерал с багровым обветренным лицом. Говорит долго и доказательно. По его мнению, в качестве пилота надо послать офицера, ему известного, волевого, образованного технически, физически прекрасно подготовленного. Тимофей Тимофеевич, дремотно полузакрыв глаза, возвышается над своим столом, постукивает о его поверхность тупым концом неочиненного красно-синего карандаша:
—Так, так, весомо аргументируете... весомо.
Потом член-корреспондент Академии наук рекомендует на место ученого своего кандидата в экипаж космического корабля, а заслуженный деятель медицины — своего врача. И снова сонным приглушенным голосом произнес Тимофей Тимофеевич слово «весомо». Долго шло обсуждение, а когда призатихло, Тимофей Тимофеевич громче обычного постучал карандашом о стол, требуя тишины. Сонная дрема немедленно слетела с него, будто ее и не было. Глаза дерзко, вызывающе скользнули по лицам.
—Все, что ли, товарищи? Я вас очень внимательно выслушал. Многими интересными наблюдениями поделились вы о кандидатах, которых рекомендовали. Меткие характеристики, психологическая глубина — все было в ваших речах. А теперь послушайте мое мнение, — и он назвал совершенно иные фамилии. А в подтверждение привел такие аргументы, что все только ахнули да руками развели. А Тимофей Тимофеевич встал и, не скрывая довольной улыбки, предложил:
—Ну а теперь, пользуясь своим правом председательствующего, ставлю вопрос на голосование.
И все, без исключения, проголосовали за эти кандидатуры.
В тот же вечер космонавт, полагавший, что будет утвержден обязательно командиром экипажа на очередной полет, узнал, что полетит его дублер, а он останется на земле. Красивый самолюбивый парень был сражен этим известием и вечером, с горя, что называется, хватил лишнего. Не так уж много и выпил, но нервы расшатались, и он не выдержал дозы, опьянел. Вечером, когда южные сумерки уже окутали землю, неровной ковыляющей походкой возвращался из столовой в гостиницу и, на свою беду, повстречался с авиационным генералом.
- Это вы! — свирепо воскликнул тот. — В таком виде? А еще космонавт! Да разве можно офицера с таким моральным обликом даже близко подпускать к кабине космического корабля!
- То... товарищ генерал. Да я немного... я совершенно случайно... — взмолился было космонавт, но генерал оборвал его резким жестом:
- Что? Да я и слушать вас не хочу. Вон с космодрома! Чтобы завтра ноги вашей здесь не было, капитан!
И ушел. А капитан остался. Звездное небо над космодромом с овчинку ему показалось после такой встречи. Хмель как рукою сняло. Медленной разбитой походкой побрел домой. Путь в

гостиницу лежал мимо главного административного корпуса. В окнах кабинета конструктора горел неяркий голубоватый свет. Все знали, что, если Тимофей Тимофеевич оставался поработать в ночные часы, он гасил яркое верхнее освещение и оставлял на своем столе лишь одну лампу под светло-голубым абажуром. Это были часы, когда Тимофей Тимофеевич никого не принимал. Он уходил в совершенно иной мир, напрочь оторванный от деловой сутолоки и организационных забот рабочего дня, в мир творчества. Он и сам становился иным: мягким, задумчивым, лишенным напускной суровости. Ни один глазок не зажигался в такое время на коммутаторе, что стоял за его спиной. Только настольный телефон ВЧ, именуемый «белой головкой», мог нарушить кабинетную тишину. После очередного разговора с Москвой Тимофей Тимофеевич долго не мог сосредоточиться, ворчал и морщился.
Капитан остановился у главного корпуса и махнул рукой, как человек, принявший твердое бесповоротное решение. Он быстро взбежал по ступеням широкой лестницы, промчался через приемную конструктора на глазах у остолбеневшей секретарям, не ожидавшей столь дерзкой выходки, и скрылся за двойной дверью кабинета. На скрип двери Тимофей Тимофеевич поднял седеющую голову, изумленными глазами встретил неожиданного пришельца.
- Это ты? — произнес он почти нараспев, голосом, не предвещавшим ничего доброго. Тимофей Тимофеевич переходил на «ты» только с теми подчиненными, которых он уважал и наперед знал, что они не обидятся на такую его фамильярность. Этого он даже любил. Любил за то, что, сын солдатской вдовы, он в четырнадцать лет пошел на завод, чтобы помочь матери вытянуть еще четверых своих сестер и братьев, за редкое упорство, с каким этот юноша готовился к космическому полету.
- Кто тебя пустил? — строго поинтересовался конструктор. — Что-нибудь случилось?
- Случилось, Тимофей Тимофеевич. Ночью я должен собрать чемодан и с утренним самолетом покинуть космодром.
- Подожди, подожди, Миша... Что такое? До сих пор мне казалось, что на своей территории судьбы людей вершу я. Кто тебе это приказал?
- Генерал Галимов.
- Почему?
- Да я... — смешался космонавт.
- Только начистоту, Миша. Говори, как было, потому что у меня нет времени подвергать тебя психологическим опытам. Работа стоит, — кивнул он на стол.
Капитан поднял на конструктора воспаленные, сухие глаза, клятвенно прижал к груди руки:
- Я перед вами как на духу, Тимофей Тимофеевич.
- Ну, валяй, — недоверчиво протянул конструктор, — только прими во внимание, что я очень мало похож на духовника, а ты еще меньше на кающегося грешника.
- Пожалуй, я похож, — сказал космонавт. — Часа три назад я узнал, что исключен из состава экипажа. За ужином выпил, попался на глаза генералу Галимову и услышал приказ: «Чтобы и ноги вашей не было на космодроме».
- Да, — неопределенно развел руками конструктор, — от вас и на самом деле не розами пахнет. Это очень плохо, что вы нарушили бытовой режим космонавта. Я, например, полагаю, что спиртные напитки надо пить в минуты радости, а не отчаяния. Да и не имеете вы права предаваться отчаянию. А ну-ка, присядем на диван, Миша. Только, бога ради, не дышите мне в лицо, ибо у меня в кабинете нет закуски.
Упругим размашистым шагом Тимофей Тимофеевич подошел к дивану, сел на уголок и указал капитану место подальше от себя.
- Ишь ты какой, Миша. Шел, шел по жизни правильно и — споткнулся.
- Так я же редко к этой влаге прикасаюсь. Сами знаете, Тимофей Тимофеевич.
- Да я не об этом, — отмахнулся конструктор. — Что ты стакан водки выпил — это еще ладно. Но вот что ты руки опустил — уже никуда не годится. Какой же из тебя космонавт после этого? Если надвигается испытание, нервы у тебя должны быть каменными. А ты! Кто тебе сказал, что тебя навсегда исключили из рядов космонавтов?
- Никто.
- Вот то-то и оно, — проворчал Тимофей Тимофеевич. — Думать надо, эпикуреец. Я тебе лучше хотел сделать, поэтому и не включил на очередной полет. Следующий полет будет серьезнее, тяжелее и побольше спленки от пилота потребует.
- Но я-то не знал! — горько вздохнул капитан.

- А если не знал, так надо было к бутылке прибегать? — без особой суровости в голосе отчитывал Тимофей Тимофеевич. — «Пить буду я, пить буду я!» Так, что ли? Плохой из тебя гусар, Миша. Уж если напился, так уж натворил бы хоть что-нибудь, дерзость какую-нибудь, что ли, Генералу Галимову сказал бы, чтобы было тебя за что...
- Так ведь меня же он и так не помиловал.
- Помолчи! — оборвал конструктор. — Ты можешь мне ответить на вопрос, что такое минута в жизни человека?
- Без цитат, конечно, из классиков древней и современной философии. Нет? Значит, еще помолчи.
Капитан еще дальше отодвинулся от грозного в своей непонятности Тимофея Тимофеевича, почти врос в спинку дивана. Он давно знал — любил Тимофей Тимофеевич говорить намеками, не расшифровывая своих мыслей. Забежит иногда к инженерам, готовящим расчеты на самый сложный запуск, и скажет одно какое-нибудь слово. «Луч», например. И убежит. А вечером повстречает одного из них, своего самого любимого и доверенного. «Решили поставленную задачу?» Тот ему иной раз в ответ: «Да нет, Тимофей Тимофеевич. Вы как-то непонятно выразились утром».— «Ах непонятно! А вы мне, простите, кем доводитесь? Инженером по солнечной ориентации спутников и кораблей или приготовишкой? Ах вы, эпикуреец ленивый!» Но зато, если улавливали подчиненные мысль конструктора с полуслова и к его новому визиту успевали решить задачу, ликовал Тимофей Тимофеевич беспредельно: «Гераклы мои дорогие! Прометеи! Да как же вы так быстро смогли? Ведь я же еще и сам, если по секрету сказать, к окончательному убеждению не пришел. Спасибо вам. Вот будет кому продолжать космонавтику после моей смерти».
Очень хорошо знал провинившийся космонавт эту особенность конструктора, поэтому и не решался пуститься в какие-либо рассуждения по поводу того, что такое минута в жизни человека, опасаясь попасть впросак.
А Тимофей Тимофеевич о нем уже забыл. Широкими грубыми ладонями он сверху вниз провел по своим полным щекам, сгоняя сонную одурь. Шли минуты. Невидящими глазами смотрел конструктор в огромный квадрат окна, осененный Луной и звездным сиянием. Звезды всегда напоминали ему, что он еще большой должник перед человечеством, и воспринимал он их только профессионально.
— Минута в жизни, — сказал Тимофей Тимофеевич, — крутая мера.
И опять задумался о великом значении минуты. Минута на поле боя, в полете бомбардировщика к цели или при запуске космического объекта, она огромна и порою поистине драматична. Но минута в человеческих отношениях иногда бывает куда жестче и губительнее. Вот упал духом на короткое время этот парнишка, что, в сущности, в сыновья ему годится, выпил раз за долгое и долгое время и попался на глаза службисту, для которого превыше всего параграф. И не подумал этот начальник о том, что люди, писавшие параграф, прежде всего исходили из человечности. Стакан водки, выпитый капитаном на космодроме в условиях строгого бытового режима, уже возведен в кошмарное преступление. Только наказать! Строго и беспощадно! Но если бы не было этой встречи и этой минуты? Дошел бы спокойно капитан до гостиницы, перенес бы не только кратковременный хмель, но и огорчение, порожденное отстранением от полета. И все бы дальше пошло, как и полагается. «Но ведь минута-то была, — упрямо остановил самого себя Тимофей Тимофеевич. — Была минута, кардинально изменившая отношения двух неодинаковых величин А и Б. Величина А — это наделенный властью начальник, а величина Б — бесправный после совершенного проступка рядовой космонавт. Величина А всегда в состоянии, грубо говоря, сломать хребет величине Б, привлекая при этом на помощь закон о причине и следствии».
Тимофей Тимофеевич горько про себя усмехнулся, подумав о том, как легко будет генералу Галимову доказать виновность капитана. И тогда пойдет писать губерния. Вон с космодрома! На партийное бюро. На партийную комиссию. В отдел кадров. А там и приказ об отчислении из отряда космонавтов. И новый приказ: в самый дальний авиационный гарнизон на прежнюю должность старшего летчика, с которой семь лет назад этот честный молодой парень был взят в космонавты. «Впрочем, мне могут возразить, — опять перебил себя Тимофей Тимофеевич, — мне могут сказать, что должность старшего летчика — это тоже нелегкая и почетная должность и ее исполняют сотни таких же молодых людей, ибо не всем же быть космонавтами. Да, но это когда не ломают человеку хребет. Хотел бы я видеть хотя бы одного профессора, бывшего

грузчика, которого бы лишили кафедры и снова заставили бы грузить мешки, презрев все им достигнутое. Возвращение к прошлому часто бывает трагедией. Кто же нам дает право решать судьбу человека в одну минуту, не взвешивая всего хорошего и плохого, что им было совершено доселе?»
Одна минута в человеческой жизни, как много она значит. За одну минуту проигрывались и выигрывались великие сражения в зависимости от принятого полководцем решения, рушились города и вспыхивали революции, спасались и уничтожались люди. «Но для чего я об этом сейчас вспоминаю? — спросил себя Тимофей Тимофеевич и сразу жестко осек: — Ах ты, старый склеротик! Это же ради него, этого парнишки в капитанской форме, что сидит и ждет своей участи. Что я ему скажу? Конечно, он нарушитель, и генерал Галимов должен был призвать его к порядку. Но молниеносно принимать суровое решение, зачеркивая все хорошее, что есть уже за плечами у этого парня, гнать его с моего космодрома... Нет, это уже слишком! Такого капитан не заслужил». На мгновение конструктор представил высокого багроволицего генерала Галимова, его подчеркнуто прямую походку, идеально выбритый, углом срезанный подбородок, брезгливо кривившиеся тонкие губы и жесткий металлический голос, каким тот отчитывал не угодивших ему в чем-либо подчиненных. Что же дало ему право в одну минуту решать судьбу человека? Устав? Нарушенные законы армейской службы? Нет. Избыток власти — и только.
Тимофей Тимофеевич подавил в себе вспышку гнева и хмуро посмотрел на капитана из-под лохматых бровей.
—Иди в гостиницу, Миша. Отдыхай иди. Слышишь!
Капитан поднял растерянные глаза:
—В гостиницу? Но что я доложу генералу Галимову, Тимофей Тимофеевич?
Конструктор встал с дивана, резко выпрямился.
—Скажи ему, что здесь, на космодроме, ты выполняешь мою программу и, кроме меня, никто твоей судьбы решать не может. — Шагнул к письменному столу и, властно сжав большие загорелые руки в кулаки, договорил: — А сейчас иди! Ты и так отнял у меня слишком много времени. Убирайся с моих глаз, эпикуреец, пока я добрый. У меня работы до утра.

* * *

Встреча Горелова с Тимофеем Тимофеевичем произошла до крайности просто.
После трехсуточного пребывания в корабле «Заря» Алексей покидал ангар. В ушах его звучали имитационные шумы, которыми сопровождалась тренировка, команды, подаваемые с пульта управления, и собственные доклады с «окололунной» орбиты, из радиационного пояса и района приземления. Тело оцепенело от скафандра, утомленный взгляд противился нормальному дневному свету. Все еще виднелись панель кабины и приборы, залитые ровным успокаивающим светом. На цементном полу было приятно выпрямить затекшие ноги, ощутить облегчение после того, как все было позади.
Был ненастный день. В остекленную крышу ангара лезло грозовое небо, разрываемое молниями. Потоки ливневого дождя хлестали в стекла. Михаил Гурьевич Зотов, руководивший тренажем, и два незнакомых медика коротали время за каким-то веселым разговором, дожидались той минуты, когда Горелов, окончательно освободившийся от космической одежды, поступит в их распоряжение.
Несмотря на усталость, Алексея не покидало хорошее настроение. Он понимал, что эта тренировка окончательно закрепляла его место в программе предстоящего запуска.
Скрипнула калитка, и под остекленную крышу, спасаясь от дождя, вошли двое штатских. Один держал большую бутыль с жидкостью. Не успели они отойти в сторонку, чтобы отряхнуться от дождя, как в ту же калитку вошел еще один человек, широколицый, грузный, уже немолодой на вид. На кустистых бровях блестели дождевые капли. Был он в старомодном кожаном реглане, какие в тридцатых годах носили летчики. Большие, чуть навыкате глаза скользнули по цементному полу, остановились на возвышавшейся над ним кабине «Зари», потом быстро, ни на ком не задерживаясь, промелькнули по лицам присутствующих и внезапно оживились.
—Орешников! — окликнул он одного из только что вошедших. — Это что? Технический сырец или спиритус вини? — и кивнул на бутыль.
Тот, что внес бутыль, весело улыбнулся:

- Медицинский. Самый что ни на есть чистейший спиритус вини.
- Браво! — прогудел человек в реглане. — А я как раз пять верст по дождю отмахал. Того и гляди, инфлюэнцу подцепишь. Как думаешь, Орешников, могу я инфлюэнцей заболеть, если под этаким ливнем пробыл?
- Запросто можете, — тотчас же согласился собеседник.
- Вот и я так думаю, — засмеялся человек в реглане. — А если граммов семьдесят пять чистенького выпью, а? Тогда и всякой инфлюэнце конец. Так ведь, эпикурейцы?
- Разумеется, — вразброд ответили присутствующие.
- Мензурка найдется?
- Найдется.
- Тогда налейте мне мои семьдесят пять. Но ни одним граммом больше.
Он взял маленькую конусообразную стеклянную посудину, посмотрел на свет и, крякнув, лихо выпил.
Алексей, наблюдавший эту сценку, сказал инженеру Зотову:
—Как у вас все просто. Промок, выпил. У нас бы генерал Мочалов не помиловал за такую вольность.
Человек в реглане обернулся и охватил всю его фигуру выпуклыми острыми глазами. Потом стащил с седеющей головы берет из водонепроницаемой ткани, так не шедший к старомодной кожанке. Тяжелый подбородок насмешливо дрогнул:
—Между прочим, Сергей Степанович Мочалов правильно поступает. Сам военный человек и военных людей воспитывает. Если бы он получше еще им хорошие манеры прививал, совсем бы было превосходно. Да в чужой монастырь со своим уставом соваться еще бы не советовал...
Последнюю фразу человек в реглане произнес не зло, а, скорее, насмешливо, но от этого его слова еще больнее хлестнули Алексея, уже понявшего, что он допустил бестактность.
—Извините, — произнес он, краснея, — я не хотел так громко. Это после долгого пребывания в скафандре голос осел.
Человек в реглане, продолжавший его бесцеремонно разглядывать, заметил добрее:
—Даже шепотом не надо аппетит портить старшим, космонавт Горелов. Ну, давайте знакомиться, что ли.—
Он протянул широкую сильную ладонь с узловатыми венами. — Главный конструктор аппарата, который вы сейчас изволите, мой друг, штудировать, Тимофей Тимофеевич.
Алексей, ища поддержки, посмотрел на окружающих, смущенно пожал протянутую руку:
—Капитан Горелов.
Он уже давно привык к неожиданным знакомствам и встречам, к тому, что люди, работавшие в космонавтике, нередко даже заочно знали его по фотографиям, личному делу, медицинским отчетам и после первого же рукопожатия начинали с ним держаться, как со старым знакомым. Но он никогда бы и подумать не мог, что знакомство с главным конструктором «Зари» начнется с такой неловкости. «И дернуло же меня сказать ему под руку! — корил себя Алексей. — Пил бы уж старик спокойно свои целебные семьдесят пять граммов спиритуса вини. Так нет же, о порядке в чужом доме заговорил». Конструктор, усмехаясь, любовался замешательством космонавта. Потом отряхнул берет и снова водрузил на голову.
- Ну ладно, ладно, — изрек он миролюбиво. — Сейчас вы поступите в распоряжение служителей Гиппократа. Когда он у вас освободится? — обратился он к одному из врачей уже совсем другим, сухим и требовательным тоном.
- К двадцати ноль-ноль, Тимофей Тимофеевич.
- Значит, ровно в двадцать один час, как выражаются люди военные, или в девять вечера, как предпочитаем говорить мы, штатские, жду вас в своем кабинете.
- Слушаюсь, Тимофей Тимофеевич.
- Вот и хорошо. — Он поглядел на Алексея, еще раз усмехнулся и, ни слова больше не говоря, повернулся к нему спиной. Уже с порога проворчал: — А насчет семидесяти пяти граммов от инфлюэнцы, тут уж вы меня, батенька, простите. Я ведь тоже в какой-то мере эпикуреец.
Ровно в девять Горелов переступил порог кабинета главного конструктора. Впрочем, огромный зал, отведенный на заводе космических кораблей Тимофею Тимофеевичу, меньше всего походил на кабинет. Это было нечто среднее между лабораторией и музеем. Большой книжный шкаф вмещал в себя сотни томов справочной литературы. В глаза посетителю бросались прежде всего маленький, теряющийся в конце зала письменный столик и другой стол,

заваленный рулонами чертежей, сохраняющий свежие следы упорной работы. В одном углу стояла распахнутая пилотская кабина космического корабля, в другом — отдельные детали: макет приборной доски, схема терморегуляторной установки. На зеленом сукне письменного стола гордо возвышался темно-синий глобус Луны, такой громадный, что плечистый Тимофей Тимофеевич казался на его фоне чуть ли не карликом. При появлении Горелова он не встал, а только поднял вверх тяжелый подбородок. Сурово поджатые губы не дрогнули. Выпуклые глаза глядели несколько строго, и от этого Алексею стало не по себе. Конструктор нажал на столе кнопку, вошедшей в кабинет немолодой секретарше сухо сказал:
- По телефону ни с кем не соединять, в кабинет никого не впускать.
- Хорошо, Тимофей Тимофеевич, — тихо ответила секретарша.
Главный конструктор выключил мягкий зеленый свет настольной лампы. На мгновение стало темно, а потом бра запылали на стенах, заливая паркетный пол и шторы на окнах багровым закатным сиянием. Алексей невольно зажмурился.
- Неприятно, Горелов? — осведомился Тимофей Тимофеевич. — Согласен. Редко кто выдерживает. Резок. Раздражающе резок. А я терплю. Даже успокаивающим его считаю после долгой работы при зеленом или голубом. Знаете, это как чашка черного кофе, позволяющая бороться с сонливостью. Свет — великая вещь, капитан. Я в этом смысле эстет или, скорее, гурман. Считайте, как хотите. Твердо верю, что правильно выбранный свет либо погашает, либо увеличивает работоспособность человека ночью. Читаю при зеленом, расчеты делаю при голубом — он повышает аналитическую возможность ума. Черчу при белом. Если является посетитель, обязательно зажигаю эти багряные бра, чтобы внутренне переключиться на беседу с ним. его хорошенько рассмотреть, да и втупик поставить немножечко, как это сейчас сделал с вами. Человеку с непривычки от подобного навязчивого света хочется отмахнуться. Все его мысли на какие-то мгновения заняты этим. А я его рассматриваю, пока он отвлекся, и первое впечатление стараюсь составить.
- Вы... хитрый, — улыбнулся Горелов.
- Хитрый? — живо переспросил конструктор. — Конечно, хитрый. Без хитрости не проживешь на нашей планете, да и штук вот этих в космос не запустишь, — указал он на детали космического корабля. — Ну, а когда в вечерние часы приходится собирать какое-нибудь большое совещание, кабинет мой всеми огнями пылает:
и верхние люстры, вмонтированные в потолок, светятся, и бра горят, и настольная лампа сияет. И свет от всего этого, представьте себе, — дневной, веселый, солнечный. И опять-таки я каждого из сидящих вижу. Логично? Но так бывает, если совещание оптимистическое, чем-то радующее, если речь на нем идет о победах, а не о поражениях. Что же касается поражений, от которых мы тоже, к сожалению, не застрахованы, то на этот случай я выбираю свет, придающий кабинету мрачность. Пусть сидят люди и в ожидании разноса думают о своих ошибках, анализируют и синтезируют случившееся.
Конструктор переключил освещение. Бра погасли, и кабинет затопил яркий дневной верхний свет. Горелов невольно улыбнулся.
- Очевидно, разнос мне сегодня не угрожает?
- Смотрите какой вы самоуверенный! — сохраняя серьезность, отметил Тимофей Тимофеевич. — Однако мне недолго сменить декорацию. Вы в моих руках.
Алексей, не отвечая, продолжал разглядывать кабину «Зари». Главный одобрительно наклонил седеющую голову:
- Нравится?
- Еще бы! Трое суток просидел в пилотском кресле и налюбоваться не мог. До чего легка, удобна и продуманна! По сравнению с ней вот эта штука допотопной кажется, — кивнул он на скромно поблескивающие в другом углу детали кабины «Востока».
Лохматые брови сердито зашевелились над коричневыми глазами конструктора.
—Бросьте, бросьте, — осадил он сурово своего собеседника. — Никому не позволю хаять «Восток». Перед «Востоком» каждый космонавт на колени должен становиться. Я далек от суеверия, но это так. Если бы не было «Востока», не было бы и «Зари», и тех кораблей, которые сейчас в муках вынашиваются конструкторами, частично уже проектируются, а в недалеком будущем уйдут на огромные расстояния от Земли. Все мы создаем новое и подчас совершенное, но мы не создаем эпохи, а только ее продолжаем. А вот Сергей Павлович Королев был создателем эпохи, ее первооткрывателем. Так что прошу

по адресу «Востока» выражаться понежнее.
Конструктор на минуту умолк. Яркий верхний свет убаюкивал, уносил в прошлое. И вспомнил Тимофей Тимофеевич, как много лет назад в плохо оборудованной, почти кустарной лаборатории, где монтировались первые ракетные двигатели, подошел к нему средних лет подвижный, с умными светящимися глазами человек, властно спросил:
- Значит, хотите, чтобы я вас рекомендовал в нашу группу?
- Мечтаю об этом, Сергей Павлович.
- Имейте в виду, легкой жизни у вас не будет.
- Я не ищу ее, Сергей Павлович. По-моему, в принципе человеку не стоило рождаться, если он воспринимает свое существование, как погоню за легкой жизнью.
- Да, да, — задумчиво согласился тогда Королев. — Характеристики у вас одна другой лучше...
- Идемте познакомлю с нашим хозяйством.
И он показал лабораторию до каждого станка и стендового устройства включительно. Сам увлекся, рассказывая о недалеком, на его взгляд, будущем ракет. Он был полон веры в свою идею, этот инженер группы реактивного движения. Вытирая ветошью испачканные машинным маслом руки, виновато заметил:
- Между прочим, заработки у нас не очень.
- Я согласен и на «не очень», лишь бы с вами, — рассмеялся в ответ молодой, полный энергии Тимофей Тимофеевич. И пошел по жизни рука об руку со своим учителем и наставником. То, о чем говорил Королев в тридцать шестом, осуществилось в шестьдесят первом, когда взлетел Гагарин. «Наш ГИРД называли раньше группой инженеров, работающих даром, — вспомнил Тимофей Тимофеевич. — Надо было бы теперь вернуться к истории ее возникновения и внести поправку. Все-таки это была группа инженеров, работавших для истории не даром. Так точнее. А в космонавтике невозможно без точности».
Конструктор поднял глаза на Горелова, возвращаясь к действительности, повторил свою мысль:
- Нельзя так говорить о своих родителях. М'ы не какие-нибудь родства не помнящие, молодой человек. Да-с!
- Я не буду больше, — покорно согласился Алексей, но тут же упрямо прибавил: — А «Заря»— это все-таки чудо.
Тимофей Тимофеевич, тронутый похвалой, гордо отбросил назад голову, ладонями уперся в зеленое сукно стола.
—Значит, хотите лететь на «Заре», Горелов?
Спросил строго, испытующе, глаза ' под лохматыми
бровями остались непроницаемыми.
- Хочу, — тихо, почти торжественно подтвердил космонавт.
- А если я возьму и не посажу вас? — прищурился Тимофей Тимофеевич.
- То есть как? — растерялся Алексей.
- Да очень просто, — чуть не расхохотался конструктор. — Вас в дублеры, а на ваше место кого-нибудь еще. Субботина, Локтева, Карпова. Разве у меня выбор маленький? Тогда что будешь делать, эпикуреец?
- Еще год буду ждать.
- Ну, а если и на новый год не посажу.
- Второй год буду ждать.
- А если и на втором году не получится?
- Третьего буду дожидаться, Тимофей Тимофеевич! — пылко воскликнул Горелов. — Потому что космонавтика давно стала целью моей жизни.
- Не пышно ли сказано?
- Нет, Тимофей Тимофеевич. Я собрался в космос не за славой и почестями. Я иду в космос, как в бой за новое!
- Гм... Может, и несколько патетически, но верно.
Конструктор вышел из-за стола и, подойдя к Алексею, положил ему на плечи тяжелые руки. Тому было неловко сидеть, после того как главный поднялся, и он стал подниматься, не снимая этих тяжелых рук. Конструктор не удерживал его в кресле. Они стояли друг против друга, смотрели глаза в глаза.

—Согласен... Это уже речь не мальчика, а мужа,— одобрительно отозвался конструктор, — подобное и хотелось услышать. Я же с вами пока что только по дубликату личного дела да чужим отзывам знаком. Садитесь, Алеша, и позвольте мне отныне именовать вас так?
У Горелова словно гора свалилась с плеч. Он понял, что минута первого знакомства, минута иногда обманчивая и неверная, уже осталась позади, и этот с виду хмурый, углубленный в свои дела и мысли человек почему-то остался им доволен, его понял, и ледяная стенка, возникавшая было меж ними, уже лопнула, превратилась в теплый ручеек. Тимофей Тимофеевич снова обошел стол. Погас яркий верхний свет, ему на смену блеснул луч из-под зеленого абажура, уютной полоской лег на сукно. Конструктор глядел на Алексея и думал. Уже многих посылал он в космос. Одни из них оставались такими же, какими он их знал до полета: сдержанными, волевыми, скромными. У других пробуждалась склонность к рисовке, стремление, рассказывая о своем пребывании в космосе, осложнять трудности полета. Третьи, к счастью совсем немногие, начинали важничать и тучнеть.
Таких было мало, и, думая о них, Тимофей Тимофеевич никогда не раскаивался, что предоставлял им место в кабине летчика-космонавта. Не раскаивался потому, что они тоже были героями и только потом, после совершенного полета, не выдерживали более трудного испытания славой.
Ощупывая внимательным взглядом этого молодого курчавого парня, конструктор думал, каким он станет, когда вернется на Землю из такого очень сложного и опасного полета вокруг Луны, к какой категории примкнет: первой, второй, третьей. «Лишь бы не к третьей», — подумал конструктор и отбросил назад редеющие волосы.
- Так что же, волжский житель, — ободряюще прищурился он, — выходит, старику и попугать вас не удалось?
- Удалось, Тимофей Тимофеевич, — весело ответил Горелов, — даже ноги стали холодеть. Ни на одной из тренировок такого страха не испытал.
- Значит, все-таки были страхи на тренировках? — быстро спросил конструктор, совсем как следователь, поймавший на чем-то подозреваемого. У Алексея ни один мускул не дрогнул на лице.
- Конечно были. Самой разной величины. Но такого сильного страха, как пять минут назад, не испытывал. Шутка ли, потерять место в корабле.
- Вот и правильно, — кивнул головой Тимофей Тимофеевич. — Никогда не верю в человека, хвастающегося, что совсем не испытывал страха. Это или деревяшка, или неисправимый позер, потому что страх — такое же естественное чувство, как и все другие. Победить его человек может, освободиться — никогда. Это противоестественно. Между прочим, дорогой Алеша, вы знаете, сколько раз придется вам побеждать страх в том полете, для которого вы отобраны?
Горелов заерзал в кресле, натянуто улыбнулся.
—По-моему, от первой и до последней минуты.
Конструктор включил маленький вентилятор, хотя в этом не было никакой необходимости — в огромном его кабинете и без того было прохладно.
Разумный ответ, Алеша. Простой и разумный. Действительно, от первой и до последней минуты вы будете бороться с нервным возбуждением, напряжением, а иногда и со страхом. Выходя на орбиту, «Заря» будет пробивать всего лишь плотные слои атмосферы, чтобы устремиться в далекий полет, а вы уже лишитесь того, что именуется идеальным спокойствием, Алеша. Вы оповестите нас, что успешно переносите перегрузки и располагаете отличным самочувствием, а сердечко не однажды успеет за это время ёкнуть. Потом барьер невесомости, переход от обычного состояния к иному, еще не изведанному вашим организмом, потом старт с промежуточной околоземной орбиты к селеноцентрической, проход радиационных поясов, сам процесс приближения к Луне, возможная встреча с метеоритами. Перед вашими глазами все время будет маячить счетчик Гейгера, показывающий, сколько рентген вы приняли. Иногда показатели этого счетчика будут вселять тревогу. А потом приземление... Вас уже ознакомили с последним вариантом «Зари»?
- Ознакомили, Тимофей Тимофеевич, — кивнул курчавой головой Горелов.
- Стало быть, знаете, что для посадки оборудованы две системы: одна для мягкой, вторая для катапультирования и приземления самостоятельного, раздельного с кораблем. Корабль сам по себе, вы — сами по себе. — Голос конструктора стал звучать глуше: вероятно, усталость подтачивала этого намаявшегося за день пожилого человека. Да и потемнели мешки, набрякшие

под глазами. Неожиданно ровный голос Тимофея Тимофеевича прервался, и он с минуту молчал. Встревоженный Горелов и подумать не мог, что подкатилась в эти мгновения к конструктору сердечная спазма, жесткой безжалостной рукой схватила за сердце, сдавила предательски и желудочек, и предсердие, будто спрашивая: живота или смерти? «Ладно, живота», — отмахнулся Тимофей Тимофеевич. Никому, кроме личного врача, не говорил он о надвигающейся опасности, а с того взял слово, что будет молчать о его болезни. Таблетки валидола глотал лишь в самых крайних случаях, когда никого не было рядом, и считал это делом абсолютно зряшным.
Спазма прошла. На бледном лице проступили мелкие бисеринки пота, но глаза сразу оттаяли, повеселели. Кто его знает, может, и еще одна схватка со смертью была выиграна. А сколько их впереди! «Ерунда! — успокоил себя конструктор. — Лишь бы выходить победителем после каждой и лишь бы корабли, его разумом одухотворенные, уходили ввысь по своим космическим маршрутам». Снова посмотрел на спокойное лицо капитана, одобрительно подумал: «Внушительно держится парень. Скромно, без рисовки».
- Так о чем это, бишь, я? — продолжал конструктор вслух. — О системах посадки? Да. Мягкая посадка гораздо проще и комфортабельнее. Все мы немного эпикурейцы и привыкли к приятным ощущениям. Признаюсь, Алеша, что, когда дебатировался этот вопрос, у меня появилось много решительных оппонентов. В чем только они меня не обвиняли: и в консерватизме, и в рутинерстве. Ссылались на то, что катапультное устройство увеличивает вес «Зари», что летчику-космонавту, уставшему от длительного полета, придется в этом случае ощущать дополнительные перегрузки. Я терпеливо выслущал все эти весьма резонные доводы и согласился с ними. Но, — Тимофей Тимофеевич весело улыбнулся и, глуховатый смешок слетел с его губ, — оставил все по-своему. Скажете, Алеша, упрямый старик? Нет и тысячу раз нет. Было одно обстоятельство, которое в моих глазах оправдывало подобное рутинерство. Знаете, как оно именуется? Жизнеобеспечение космонавта, желание перестраховаться за его жизнь. Вы идете в трудный и опасный полет, Алеша...
- Но ведь манекен, мой безмолвный двойник, уже успел в такой полет сходить и вернуться на Землю, — вставил Горелов.
- Откуда узнали? — покосился на него Тимофей Тимофеевич.
- Инженер Зотов успел шепнуть полчаса назад, когда я к вам собирался.
- Неисправим Михал Гурьевич, — с напускной сердитостью проворчал конструктор. — Всегда поперед батьки в пекло лезет. Хотел вам первым приятную новость сообщить, а он... Да, это полностью соответствует действительности. Манекен сходил. Ему даже курносый нос удосужились мои шутники приспособить, чтобы довести сходство до максимума. Кстати, по рекомендации того же Зотова. Но ведь это же — манекен, лишенный слуха, зрения, дара речи, нервной системы и серого мозгового вещества. А вы всем этим, мой дорогой друг, обладаете, потому что вы — че-ло-век! Манекен, к сожалению, лишен возможности рассказать нам, как ему было на окололунной орбите и что он перечувствовал и пережил на маршруте Земля — Луна. Самые точные приборы не дадут истории того, что даст ей живой космонавт, облетевший Луну. Гордитесь, Алеша.
Конструктор снова поднялся из-за стола. За его креслом черными шторами была закрыта довольно большая часть стены.
—Подойдите поближе и станьте со мною рядом, — торжественно пригласил он. Горелов послушно приблизился. Тимофей Тимофеевич нажал на стене кнопку, шторы раздвинулись, и Алексей увидел большой чертеж.
У него перехватило дыхание. Крупными буквами над строгими линиями чертежа было написано: «Схема облета Луны на космическом корабле «Заря».
Мягко лился уютный зеленый свет из-под стеклянного абажура настольной лампы. За окном темная звездная ночь. В огромном кабинете идеальная тишина. Он стоит у схемы предстоящего полета рядом с создателем нового космического корабля, способного доставить человека в малоизвестное окололунное пространство. Советского человека. И этим человеком будет он, простой волжский парень Алеша Горелов, сын солдатской вдовы Алены Дмитриевны. В комнате ему вдруг стало спокойно и уютно. И Тимофей Тимофеевич, глуховато покашливающий в кулак, большой, широкоплечий, заметно уставший, кажется таким обыденно простым, что не верится, будто он причастен к запуску сложного металлического сооружения, именуемого «Зарей». «Спокойно и мирно, — подумал Алексей. — А через несколько недель...»

И он представил себя в кабине «Зари», в кресле пилота и хвост пламени, сопровождающий старт космического корабля от пусковой вышки.
—Подойдите поближе, — раздался усталый голос.
Конструктор взял с чертежного стола указку, иовел ею по тонким линиям чертежа, словно приглашая этим за собой и космонавта. Речь Тимофея Тимофеевича текла легко и свободно. Он называл цифры, параметры, давал характеристики поведения корабля на разных высотах, рассказывал, какой будет космическая ночь, когда «Заря» удалится от Земли почти на четыреста тысяч километров. Он увлекся и, казалось, забыл о слушателе. Мысль Алексея с трудом поспевала за его речью. И все же уяснял Горелов смысл сказанного. И чем глубже уяснял, тем более величественным казалось задуманное.' Черная многоступенчатая ракета вынесет его на земную орбиту. Где-то в расчетной точке, ее и назвать-то можно будет лишь накануне пуска, он должен освободиться от сгоревшей ступени и засечь по приборам запуск новой. Именно тогда «Заря» рванется к Луне. Она будет удаляться от Земли, пока не сблизится с ночным светилом на самое близкое расстояние. Потом «Заря» впишется в окололунную орбиту и по заданной программе сделает несколько витков вокруг Луны, неся на борту человека. А после... после будут запущены дополнительные двигатели, и по такой же траектории она вновь вернется к Земле и посадит его, Алешу Горелова, где-нибудь в казахстанских степях. Очень стройной была разработанная учеными и конструкторами схема. И все же она будила неясную тревогу, когда попытался представить себе Горелов вместо черной тонкой линии чертежа необъятные, путающие дали космоса.
Конструктор положил указку на зеленое сукно письменного стола.
- Что скажешь, Алеша? Грандиозно, не правда ли?
- Дух захватывает, Тимофей Тимофеевич.
- Однако, дорогой Алексей, каким бы будущий полет заманчивым и дерзким ни рисовался, вглядываясь в этот чертеж, вы должны постоянно помнить о реальных трудностях, с какими, встретитесь. Они огромны.
- Так ведь я же космонавт, — улыбнулся спокойно Горелов, и его глаза из-под выгоревших бровей, не дрогнув, взглянули на конструктора. «Совсем как равный со мною держится», — подумал Тимофей Тимофеевич, не любивший, чтобы люди, готовящиеся к полету, перед ним заискивали.
- До старта уже остается мало времени, и с завтрашнего дня вас ожидает тяжелая работа. Будете углублять свое знакомство с конструкцией «Зари». — Тимофей Тимофеевич кивком пригласил Горелова садиться и, вытянув перед собой длинные руки, долго рассматривал на них вздувшиеся вены. — Точного дня старта назвать пока не могу. Предстоят еще детальные исследования космоса в этом районе. Солнечную активность надо будет поточнее определить, о метеоритной деятельности подумать. Все это наши завтрашние заботы, Алеша. А сейчас вам и о другом небесполезно узнать. Эту информацию сообщаем только вам. Вы будете стартовать, мой дорогой, не первым. На космодроме, не считая «Зари», два готовых к запуску корабля — «Молния» и «Аврора». Один из них, трехместная «Аврора», уйдет в космос до вашего старта. Командиром его рекомендуется Костров, вторым пилотом — Сергей Иванович Ножиков. Вопрос о третьем члене экипажа решит в ближайшие три дня генерал Мочалов. Полетит девушка: Светлова или Бережкова — сказать пока трудно, она выполнит задание, к которому уже давно готовилась, вместе с Ножиковым на большой высоте выйдет в открытый космос. Это очень важно осуществить перед вашим стартом — выход в открытый космос на такой высоте. Это будет, скорее, не полет, а выстрел в бездонный космос, вызов неизвестности. Экипаж пройдет сквозь все радиационные пояса. Для вас Костров выполнит роль лоцмана... А после этого совергпенно неожиданно для любителей сенсаций мы запустим вас. Дублером я предлагаю Андрея Субботина. Это вас устраивает?
—Еще бы! — одобрил Горелов.
Тимофей Тимофеевич пытливо на него посмотрел:
- А почему «еще бы»? Разве Андрей Субботин самый близкий ваш друг?
- Нет, — запнулся Горелов. — Но и не далекий. Один из самых близких.
- А кто же у вас самый близкий?
Алексей растерялся. В отряде генерала Мочалова он любил всех и все любили его. Но он обязан был выделить лучшего друга, отвечая на вопрос главного конструктора. Вскинул голову и произнес:

—- Володька Добрынин.
Тимофей Тимофеевич недоуменно пожал плечами:
- Добрынин? Что-то не припоминаю...
- Он не космонавт, — весело уточнил Горелов.
- А кто же?
- Сосед по парте. В верхневолжской средней школе вместе учились.
Конструктор прощающе улыбнулся:
—Вот видите, как сложно назвать близкого друга. Я бы мог произнести тысячу банальных слов о том, что самый близкий друг — это коллектив, и если коллектив уважает человека, то человек этот всяких похвал достоин. Ерунда, Алеша. Все не так. В молодости близкого друга легче искать. Жестокий закон диалектики. С годами мы обременяемся жизненным опытом. Желание любить всякого, кто с первого взгляда пришелся тебе по сердцу, сменяется скептицизмом. Мы становимся суше и строже.
А сухость и строгость — дар мозга, но не сердца. Ни одна философская концепция не в состоянии это объяснить. А жаль. К старости надо быть добрее, щедрее душой и все отдавать людям. Да-с. — Он глубоко вздохнул. — Однако мы слишком отклонились. Значит, вы довольны, что дублером я беру Андрея Субботина? Мне тоже он нравится. Шумливый и задиристый с виду, а присмотришься — и убедишься, как он настойчив и серьезен. Вот я и объяснил в общих чертах предстоящее задание. А теперь за работу. Желаю тебе успеха, Алеша.
Он снова назвал его на «ты», и Горелов еще раз воспринял это как добрый знак.

* * *

Алексей вышел из раздевалки в одних голубых плавках, туго обтягивающих бедра, и распахнул дверь плавательного бассейна. На четырех дорожках, разделенных легкими пенопластовыми поясами, вода была ровной и прозрачной. Солнце, пробивающееся сквозь стеклянную крышу, делало ее чуть зеленоватой. Космонавты в ожидании начальника физподготовки Баринова сидели на трибуне и слушали Андрея Субботина, только что возвратившегося из отпуска. Андрей побывал в родной Сибири и сейчас, обхватив колени загорелыми сильными руками, рассказывал что-то до того интересное, что Горелов не увидел ни одного равнодушного лица. Даже непроницаемый Игорь Дремов оглушительно хохотал.
— Здравствуй, Андрей, — подходя к скамейке, поприветствовал товарища Горелов. Субботин поднял голову, критически его осмотрел. Веснушки вздрогнули у него на лице.
- Здравствуй, «лунник», если не шутишь.
- Как погостил у своих? — воспользовавшись паузой, спросил Горелов.
- Спасибо, не жалуюсь.
- Батька жив, здоров?
- Живой, Алешка, — мягко улыбнулся Субботин. — Чего ему сделается! Кость крепкая. До восьмидесяти грозится, как минимум, дотянуть. И еще, знаете, ребята, что сказал? Пока тебя в космос не запустят, обязательно буду на белом свете дожидаться. Только ты, говорит, не летай, как все другие. Хватит над своей планетой кружить да горючее жечь. Повыше надо. Видите, как он на космонавтику смотрит.
Ножиков потрогал шрамы, оставшиеся на левом боку после автомобильной катастрофы, одобрительно качнул головой:
- Довольно прогрессивный взгляд.
- У него на все такой взгляд. Говорит, в гору движемся. Старикам пенсия, на трудодень рубль пошел, зерна и овощей побольше стало. И тут же спросил: «А знаешь, Андрюха, бисов ты сын, почему улучшения наступили? Потому, что кукурузу сеять перестали». И целую историю в подтверждение привел. Сибирь-то наша, она суровая и студеная. Не все на ее земле вызревает. Ну, а раньше, что ни год, то обширный план по кукурузе спускали. Из области в район, из

района в колхоз. Как наши седобородые старики ни доказывали, что сибирский климат не по кукурузе, планы лишь увеличивались. А она у нас всего сантиметров на двадцать поднимется, а тут бац — заморозок, и все пропало. Приехал к нам как-то один руководящий товарищ совещание по внедрению кукурузы проводить. А у нас секретарь райкома был молодой, смелый, горячий. Взял да и выступил с критикой кукурузной проблемы применительно к сибирским условиям, доказательно, с цифрами и фактами, с анализом затраченных впустую труда и средств. Говорят, даже этот руководящий товарищ ему поаплодировал. Скупо, но поаплодировал. По залу веселый шумок прокатился. Только поехал мой батька через две недели в район на совещание передовиков, в зал вошел и видит: графин и скатерть на столе президиума те же, а секретарь райкома новый. Батька дотошливый. Тотчас же к соседу: а где, мол, наш старый? А тот только руками развел: понимать, дескать, надо. — Субботин усмехнулся и закончил: — Теперь-то в нашем районе кукурузу не сеют.

Костров поправил на лбу челочку и потрепал по плечу рассказчика:

- Постой, Андрюша. Прошлое прошлым. Ты лучше расскажи, как отдыхалось.

- Отдыхалось... Да разве мой батька, этот скаженный старик, даст отдохнуть! Ножиков, ты зажми уши, как партийный секретарь, потому что я в нарушении бытового режима каяться буду. В первый вечер, крути не крути, выпить пришлось. Песни пели.

—Какие песни? «Шумел камыш», что ли?

Субботин скосил на него зеленоватые глаза:

- Ой, как культуры тебе не хватает, малютка! Слова сказать товарищу не даешь. Песни всякие были, кроме арии доктора Фауста, конечно. Она на нашей сибирской земле еще не привилась. Так вот попели мы и разошлись. Я в скирду ночевать забрался. Наконец-то, думаю, на свежем воздухе отосплюсь и никто утром не будет на физзарядку выгонять. Да не тут-то было. Не успело развиднеться, батька меня за шиворот поднял: «Вставай, бисов сын. Ты в родной дом, а не на курорт приехал!» Гляжу, у него две косы. «Умывайся, — командует, — пойдем пшеницу на Лысом бугре косить. Там круто, комбайн не проходит». Оказывается, собрал он человек пятнадцать пенсионеров, таких же, как и сам, и меня к ним прихватил. А уж попреков от него наслушался, пока работал. И косу я держу не так, как надо, и нагнуться лишний раз не соизволю. Никто еще меня в жизни так не критиковал, как батька в тот день. «Какой же ты космонавт? К далеким мирам лететь собираешься, а Лысого бугра выкосить не можешь». Только бугор этот самый Лысый я все же одолел, ребята. И вечером батька другое уже говорил обо мне. Но это все прелюдия. Сейчас я перейду к основному рассказу, и вы убедитесь, что самое главное не то, как меня встречали, а как провожали.

Салютом наций из берданки, что ли? — подал голос Дремов, но Субботин строго поднял руку: Подожди, подожди. События развертывались следующим образом. Кроме батьки и братьев, в нашем селе меня все воспринимают как военного летчика. Члены моей семьи государственную тайну блюсти умеют, о том, что я космонавт, ни гугу. Так вот. Перед самым отъездом меня заставили рассказать допризывникам о боевой авиации. А потом председатель колхоза в честь моего отъезда охоту на уток организовал. Решили к вечерней зорьке на озеро поспеть да там же после охоты и заночевать. Мужиков на охоту с десяток собралось. Батька годами стар, дома остался. В ту пору в нашем районе лилипуты гастролировали. Двое за нами увязались. Оба этакие важные, розовощекие. А веселья в них! Анекдотами даже нашего мрачноватого Игоря сумели бы заморить, — покосился он на Дремова. — Звать одного из них Петр Семеныч, а другого — Семен Петрович. У того и у другого — по ружьишку. Им на заказ персональные короткоствольные сделали. Перед выходом мы вспомнили, что озерцо это топкое, к нему через камыши пробираться надо. А лилипутики маленькие, неровен час оскользнется какой. Долго ли до беды. Вот и решили, что Петр Семеныч пойдет под наблюдением самого председателя колхоза, а над Семеном Петровичем Тарасик шефство возьмет.

- А это что еще за личность в твоем рассказе? — удивился Ножиков.

- Тарасика нашего не знаешь! — возмутился Субботин. — Да его знает вся Сибирь. Это же такая колоритная личность! Тарасику сейчас за пятьдесят, рост два метра, в плечах косая сажень. Подковы запросто гнет. На войне был в артиллерийском расчете, так, говорят, будто «сорокапятку» один из болота вытаскивал. А когда с фронта вернулся, батька мой ему на сходке прозвище дал. «До Тараса Бульбы, — говорит, — ты немного не дотянул, но мы тебя всем селом любим. Поэтому не Тарасом, а Тарасиком будем звать». Вот идут с этим самым лилипутом, утка из камышей — фрр. Семен Петрович из своего ружьеца — бах, она и

заштопорила вниз. Лилипут на радостях за ней, да с кочки сорвался и — в воду. Там, где Тарасику по колено, ему — с головкой. Оборотился Тарасик — нет лилипута. Он на воду глядь — по ней пузыри. Еле успел своего подопечного за шиворот вытащить. В грязи весь Семен Петрович, ругается, плюется. Но и это не самое главное. Уток мы настреляли, рыбы наловили. Ужин получился на славу. Что уха, что дичь. Ну, хлебнули по маленькой для профилактики, чтобы простуду какую не подцепить. Взрослые ничего, а вот лилипутиков наших подразморило. Тарасиков подопечный сразу задремал. А Петр Семеныч по малой нужде отлучился да и не пришел. Ужинали мы на лесной опушке, озеро и камыши остались позади. Поэтому за лилипута не беспокоились. Решили: облюбовал себе где-то поблизости удобное местечко и прикорнул. Мы тоже заснули. Сибирское лето иной раз коварным бывает. Проснулся под утро председатель от холода. Надрал коры, костер по воем правилам распалил. И вдруг увидел, что чуть подальше стог сена чернеет. «Эх, сенца бы в костер, — подумал председатель. — Сразу бы все отогрелись. Надо Тарасика разбудить, он добрую охапку принесет». Тарасик спросонья не сразу взял в толк, чего от него требуют, а потом одобрил замысел, потому что и сам основательно продрог. Сапоги натянул — и бегом к стогу. Несет, отдувается. Охапка огромная в его руках. К костру подошел, шаг замедлил и говорит председателю: «Эх, Его-рыч, видно, года мои на излете. Всего с полверсты охапку протащил, а весь от пота взмок». Тарасик охапку сена в огонь — бух, да так и обмер. Из сена-то лилипут Петр Семеныч вывалился.

Космонавты так и прыснули со смеху.

- Ну и блондин! — воскликнул Дремов. — С тобой не заскучаешь. Куда ни повернешься, везде происшествие сотворишь.

- Да разве ж это я! — отнекивался Субботин. — Это же Тарасик учудил. Земляк.

- Расскажи еще что-нибудь! — попросил Костров.

Субботин быстро поднялся.

—Нет, ребята, хватит. Продолжение, как говорится, следует. — Зеленые его глаза потянулись к поверхности воды. Предвкушая плавание, он забарабанил твердыми пальцами по груди.

Горелов подошел к Субботину вплотную.

—Андрей, нам надо поговорить.

Тот удивленно расширил глаза, взъерошил свои белесые волосы, которые, как их ни причесывай, все равно не в состоянии закрыть лысеющую макушку.

Они отошли в сторону.

—Я тебя слушаю. — Голос Субботина прозвучал не сухо и не насмешливо. Какое-то скрытое волнение, смущенность и тревогу уловил в нем Алексей. И, решив идти напрямик, спросил:

- Андрей, ты уже знаешь?

- О чем?

- О будущем старте.

- О том, что могу оказаться твоим дублером?

- Да.

- Знаю.

Их взгляды встретились, Горелов удивился — лицо товарища стало совсем иным, незнакомым, будто с другим Субботиным разговаривает он. Всегда вздрагивающие в усмешке губы Андрея замерли. Не было задиристых огоньков в глазах под редкими светлыми бровями. Нет, это было совсем иное лицо. Не пересмешника-острослова, а серьезного, даже чуть строгого человека. Никогда раньше не мог подумать Алексей, что у его товарища могут быть такими задумчивыми глаза. «Каким же я все время был слепым, — упрекнул он себя с огорчением. — Ты считал, что Андрей Субботин — веселый бесшабашный парень. И ни разу тебе в голову не пришло, что своей насмешливостью он, как щитом, прикрывает настоящего Субботина, пытливого и скромного. А вот Тимофей Тимофеевич, общавшийся с ним так мало, сразу угадал в нем именно этого Субботина».

- От кого ты знаешь об этом, Андрей? — тихо спросил Горелов.

- От нашего генерала Сергея Степановича... Только это строго между нами.

Да, Андрей, — улыбнулся Горелов. — С грифом «сов. секретно». — Помедлил и уточнил:— Характер задания тоже знаешь?

- Да.

— И кто будет запущен в космос до «Зари»?

- Тоже.
- Скажи по-честному, ты обижен, что попал в дублеры, тогда как я...
- Алешка! —- прервал Субботин, и губы его дрогнули. — Как ты смеешь, дружище? Я очень за тебя и за себя рад. Я верю, что ты все-все сделаешь хорошо. Это принимай как оценку дублера. — Он схватил сильными руками Алексея за плечи, резко встряхнул. Горелов не остался в долгу. Тоже потряс Субботина. Издали могло показаться, что они меряются силою. Нежности в этом никто не заподозрил бы.
Женя Светлова лежала на зеленом диване, зябко поджав ноги. Любимый клетчатый плед она набросила на себя. Могло показаться — она температурит. Да так и подумал Георгий Каменев, когда неслышно отворил английский замок и вошел в квартиру. Повесив китель, оп удивился:
- Женя, ты дома?! В час дня!
- Как видишь, — равнодушно ответила она из-под пледа. — Если хочешь кушать, на кухне жареная картошка и отбивная. Разогревай на маленьком огне, иначе подгорит.
- Спасибо за руководящий хозяйственный совет, — улыбнулся Георгий, — но я успел в столовой с ребятами порубать.
- Порубать... — хмыкнула Женя. — Когда я отучу тебя от этого вульгарного словца? Ты же инструктор парашютной подготовки, у тебя подчиненные...
Георгий отшутился:
- Женька, прости. Но с нами, с инструкторами, занятий по эстетике поведения не проводят, как с космонавтами. — Он присел на краешек дивана, погладил жену по острой коленке, высовывавшейся из-под пледа. От щекотного прикосновения Женя вздрогнула. — Ты чего такая кислая? — осведомился он нежно. — Уж не заболела ли?
- Считай, что да.
- Я градусник поищу, — встрепенулся Каменев и встал. — Он, кажется, в серванте.
Серые Женины глаза остановили его холодным взглядом:
—Не трудись, Жора. Он ничего не покажет. Моя болезнь не в градусах выражается.
Георгий удивленно приподнял плечи:
- Ничего не понимаю. Может быть, вызвать врача?
- Врач был, но оказался не слишком проницательным, иначе бы предупредил заболевание. Я от своей собственной совести заболела.
- Впервые слышу, — засмеялся Георгий, — бьюсь об заклад: если перелистать все тома медицинской энциклопедии, ссылок на такую болезнь там не сыщешь.
- В том-то и дело, — вздохнула Женя. — Я только сегодня поняла, до чего же я слабая, если не могу в нужную минуту поднять на ноги собственную совесть. Я ей кричала, кричала: вставай! А она, как регистратор случившегося, поднялась, когда уже поздно было. Совершенно поздно, понимаешь?
- Ничего не понимаю, — поднял руки Каменев. — Ты, Женька, что-то туманно изъясняешься. Так только на конгрессе метафизиков можно.
Она резко сбросила с себя плед, опустила ноги на пол. Серые глаза смотрели с иронией.
- Смотри какой ты эрудит, — произнесла она безо всякой интонации. — Да при чем тут метафизики и диалектики? Вое гораздо сложнее и проще. Сегодня всех нас вызвал генерал Мочалов. Весь наш отряд, понимаешь?
- Ну и что? Разве он так редко вас вызывает? На то он и командир ваш.
- Да. Но сегодня он зачитал нам приказ об утверждении экипажей на два предстоящих космических старта. Речь шла о «Заре» и «Авроре».
Легкая беззаботная улыбка померкла на лице Георгия, подумавшего, что Женя попросту хандрит.
—Об «Авроре»? Да ну!
Как он ждал того дня и той минуты, когда жена торжественно известит его, что утверждена в составе экипажа космического корабля.
По-разному относятся мужья к возможной славе своих жен. У мужчин гордых и самолюбивых одна мысль — что жена вот-вот станет героем и что почести, обрушившиеся на пео, отодвинут его, мужа, на второй план, — вызывает подавленное состояние. Для мужей тщеславных и до некоторой степени легкомысленных героический подвиг жены становится предметом восхищения и любования. Иной раз, рассказывая близким об успехах своей супруги, такой и приосанится, и головой поведет гордо: дескать, если бы не я, то моя Клава или Вера...

Георгий Каменев ни к первой, ни ко второй категории не принадлежал. Он сам был героем, известным стране, и возможная слава Жени не могла его ни принизить, ни возвысить. Но он по-настоящему любил Женю. Каждый ее успех становился его успехом, каждое огорчение — его огорчением. Сомнения они решали вместе. И теперь он нетерпеливо воскликнул:
- Женя, не томи!
- Чего не томи? — переспросила она вяло.
- Давай со всеми подробностями, как у вас там было?
Георгий уже понял, что речь пойдет о каком-то большом огорчении, но чтобы ее подбодрить, он старался, сохранить беззаботную улыбку, совсем не думая о том, что Женя прекрасно понимает, как эта улыбка ему дается.
Ровно в одиннадцать генерал Мочалов собрал нас всех у себя в кабинете. Весь отряд. Огромный глобус Луны на письменном столе, и-мы сразу поняли, что речь пойдет об этом... о лунном варианте. Сначала он зачитал приказ о старте номер один. Главном старте. По времени исполнения он будет вторым, но по значению... Облет Луны, сам понимаешь.
Понимаю, — кивнул Георгий. Женя рассеянно провела ладонью по острой коленке, словно проверить хотела, не порвался ли чулок.
- Для тебя, Жора, не секрет, что исполнителем этого старта намечался Алеша Горелов. Он и утвержден. Потом очередь дошла до утверждения экипажа, исполняющего старт номер два. Командир экипажа Костров был назван в приказе первым, второй пилот Ножиков — вторым, а вот свою фамилию я не услышала. — Остекленевшими глазами смотрела Женя в распахнутое окно. Напоенные коротким летним дождем, шелестели за ним листья тополя. И бесстрастным голосом, будто речь шла вовсе не о ней, а о каком-то чужом и мало приятном ей человеке, она продолжила: — Понимаешь, меня не назвали. Вместо моей генерал подчеркнуто твердым голосом произнес фамилию Бережковой. Она сидела впереди и, как мне показалось, даже чуточку вздрогнула. «Поздравляю, Маринка!» — выкрикнул в эту минуту Субботин. Она обернулась и посмотрела на него. Но как посмотрела! Какими восторженными и благодарными глазами! И улыбка... улыбка ослепленного счастьем человека. Потом заметила меня — и покраснела от смущения. На ее шее сквозь завиток волос проглядывала крупная родинка. Мне даже показалось, что и эта родинка стала красной. И понимаешь, какой я себя гадкой почувствовала?
Георгий, смуглой ладонью дотронулся до смятой Жениной прически и грустно сказал:
—Да. Это досадно, Женька. Это очень обидно, что тебя нет в составе экипажа. Что поделаешь, не все на этом свете от нас самих зависит. Только я не пойму, зачем такое самобичевание? Почему вдруг ты себя почувствовала гадкой?
Светлова вскочила с дивана и, натыкаясь на мебель, заходила по комнате.
—Да как ты не поймешь! В ту минуту мне внезапно показалось, что Маринка притворяется, разыгрывает эту смущенность, что от гордости и счастья она чихать на
меня хотела. И все в ней показалось притворным и противным — от улыбки до родинки. «Ну и радуйся, что победила! — сказала я про себя. — Ну и лети в космос. А я останусь на Земле, и, видимо, навсегда. У меня есть мой любимый, но не всегда тонко мыслящий Жорка. Мы с ним нарожаем кучу детей и будем чудесно жить. — Но потом я остановилась, прервала, себя: — Да как же ты смеешь! Кто дал тебе право в одну минуту разлюбить и возненавидеть Маринку, с которой столько лет ты дружила, только за то, что ее назначили в космический экипаж, а тебя нет? Какая же ты ничтожная, Женька, а еще живешь в переходный период от социализма к коммунизму и на теоретических собеседованиях твердишь о моральном облике человека двадцатого столетия». Это я сейчас добавила.
- Моральный облик человека двадцатого столетия, — вдруг рассмеялся Каменев. — Слова-то какие казенные. Гремят, как пустое алюминиевое ведро, покатившееся с пригорка. Милая Женька, тем-то ты и хороша, что ты — человек, а не тезис из директивы. Человек со своими доблестями и слабостями, живой, неуемный. — Он схватил ее за тонкие плечи, притянул к себе и заглянул в глаза. Увидел в повеселевших зрачках себя. Он хотел ее поцеловать, но Женя оттолкнула его сильными маленькими кулачками.
- Слышишь, Жорка, не подходи к тезису. Я знаю, что надо мне теперь делать.
- Ты должна поговорить... — начал было Георгий, но она его перебила, громко произнесла недосказанные им слова:
- Поговорить с ней, с Маринкой... и как можно скорее!

* * *

Аллея упиралась в зеленый забор, отгораживающий городок космонавтов от леса. Бережкова сидела на самой дальней скамейке. Ей очень хотелось побыть в одиночестве, помолчать, подумать. Совсем недавно закончилось совещание у генерала Мочалова, и она, оглушенная и обрадованная зачитанным приказом, пришла сюда. Лицо ее не было беззаботно счастливым. В дымчатых глазах, спокойно и доверчиво смотревших на мир, можно было уловить скорее рассеянную грусть, чем радость. Над городком прошумел дождь. Деревья сбрасывали на покрытую гравием аллейку сверкающие капли. Две березки стояли по обеим сторонам скамейки. Белые стволы что-то напомнили Марине, и она печально улыбнулась. Да, да, конечно же, те. Только тогда они были совсем еще хрупкими, а сейчас звенящие под ветром стволы уже окрепли, стали стройными, взрослыми. И скамейка та же. Только тогда она была голубой, а в эту весну кто-то выкрасил в неприятный оранжевый цвет. Зачем?

Марина вспомнила: на этой скамейке сидели они с Алешей Гореловым. Проходя испытание в камере молчания, он нарисовал ее портрет, и Марина по наивности решила, что на это его толкнула любовь. А потом они сидели здесь, на голубой скамейке, и не находили слов. Смутно угадывая ее состояние, Горелов сбивчиво говорил, как будто откупался: «Хорошая ты. Маринка. С такой, как ты, я бы в одном экипаже куда угодно полетел. И если бы какая беда, я бы тебе весь свой кислород отдал». Да, он так и сказал: «Хорошая ты, Маринка». Только слов не прибавил: «А вот полюбить я тебя не смогу». Она об этом узнала позже, когда первая заговорила о любви. После этого разговора ей очень долго было грустно. А сейчас? Счастлива ли ты, Маринка, сейчас? Каждый человек совершает путь по земле от рождения и до смерти. Но не каждому выпадает счастье разделенной любви, большое, светлое и долгое. А иному и вообще не выпадает никакого счастья. Так скользнет по жизни короткий лучик и угаснет, не оставив никакого отражения.

Что ты скажешь о себе, Маринка?

Она всматривалась в зыбкую линию горизонта, казав шуюся синеватой над зубчаткой далекого леса, и думала:

«Любовь — это ведь талант. Редкий, не каждому достается, и поэтому не каждый способен на большую, сильную и гордую, бесстрашную любовь». Она думала о муже. Высокий, лобастый Евгений Русанов, чем-то он занят сейчас? Наверное, носится по заводским цехам в перепачканном синем халате. А может, в конструкторском бюро спорит с кем-либо из своих коллег о сварке узлов или монтаже каких-нибудь очень ответственных лючков, потому что на космическом корабле, в доводке которого он принимает участие, все детали очень ответственные. По том он вернется в городок, в их квартиру, и будет ходить по комнате, близоруко щурясь оттого, что расстался со своими роговыми очками; размахивая руками, будет говорить Маринке о прошедшем дне, вспоминать его удачи и.неудачи. Год назад познакомилась с ним Марина, когда начала ездить на завод, где рождался новый космический корабль. Инженер привлек ее своим простодушием, своей какой-то неустроенностью и беспомощностью перед обыденной действительностью — извечное свойство людей, увлеченных наукой. Он, рассчитывавший тончайшие до тали конструкций, становился в тупик, когда надо было повесить на стене картину или разобрать отказавший электрический утюг.

—Ты знаешь, Маринка, — смеялся Евгений, — я бог своей узкой специальности. А вот для утюга моей эрудиции, как видишь, маловато. Возьмись сама. Ты же будущая космонавтка. У тебя скорее получится.

Марина сама приступала к починке и через несколько минут с торжествующим видом включала утюг.

—Не боги горшки обжигают, — говорила она язвительно.

Как-то, когда не было дома Субботина, его жена попросила Евгения укрепить в деревянной крестовине новогоднюю елку. Возвращаясь с занятий, Марина услышала на лестничной площадке отчаянные удары и увидела, как ее муж одной рукой держит елку за колючий ствол, а другой бьет молотком по подставке.

—Постой, Евгений, — захохотала Марина, — ты же бьешь там, где не надо. Всю крестовину поломаешь.

Русанов снял очки и близорукими глазами с ненавистью посмотрел на елку.

—Ты права, девочка. Этот агрегат уже и на самом деле дал трещину.

- Бог ты мой! — всплеснула руками Марина, пока муж платком вытирал со лба обильный пот, — Да зачем же ты взялся не за свое дело?
- Так ведь женщина попросила... — горько вздохнул Русанов.
- Ах ты, рыцарь мой бестолковый! — Марина приподнялась на цыпочки и поцеловала выпуклый лоб мужа...
Так и прожили они свой первый брачный год. Ни одной размолвки, ни одной бурной сцены. Марину покоряла и эта его простодушная беспомощность перед житейскими заботами, и его огромная влюбленность в дело, которому он служил. На заводе Русанов считался одним из многообещающих инженеров-практиков. Он не был многоплановым специалистом, работал в одной только области, но знал ее так, что все ведушие конструкторы часто прибегали к его консультациям.
Марина любила наблюдать за ним в поздние часы. Часто Евгений поднимался с постели среди ночи, нашарив босыми ногами домашние туфли, бесшумно уходил из спальни в другую комнату, которую они превратили в рабочий кабинет. Полоска света просачивалась сквозь дверь в спальню, будила Марину. Она подходила к неплотно прикрытым створкам двери, слегка их распахивала и видела склонившегося над тетрадью мужа, складки, бороздившие его лоб, мелкие цифры, которые он безжалостно зачеркивал, едва лишь они появлялись на чистом листе. В такие минуты несколько полное и рыхловатое лицо Евгения становилось красивым, одухотворенным. И Марина неслышно отступала в темную глубину спальни, ощущая радостные толчки сердца. В такие минуты она его любила удивительной любовью. «Интересно, что он скажет ей теперь, когда узнает об этом? — подумала Марина. — Что перевесит: радость или огорчение?»
Гравий на обочине асфальтовой дорожки едва захрустел, до того легкими были чьи-то шаги. А минуту спустя Марина ощутила на шее теплое дыхание и почувствовала прижавшееся к ней плечо. Только один человек мог таким образом выдать свое присутствие.
- Женька, это ты,— даже не спросила, а утвердительно сказала Марина.
- Как узнала? — настороженно поинтересовалась Светлова. — Ты даже и глаза не скосила в мою сторону. У тебя на затылке локатор, что ли?
- Локатор, — не оборачиваясь, засмеялась Бережкова. — Эх, Женька, Женька, кто же, кроме тебя, может так ласково прижиматься! Самая любимая и самая добрая Женька. Да я должна чувствовать, что ты ко мне опешишь, когда ты взялась за дверную ручку в своей квартире.
- Вот ты какая, Маринка! — грустно вымолвила Светлова, и ее плечо мгновенно отстранилось от подруги.
- А разве ты не такая?
- Не такая, — тихо промолвила Светлова, и в голосе ее зазвенели упрямые нотки: — Совсем не такая... не ласковая и не добрая!
- Выдумываешь, — недоверчиво протянула Марина.
- Выдумываю? — вскричала Женя. — Как бы я хотела, чтобы все это было выдумкой. Но ведь это правда. Неумолимая правда.
- Что это? — с ударением спросила Марина.
- Ты хочешь знать? — Светлова теперь говорила быстро и твердо, как человек, на что-то решившийся. — Правда часто бывает не сладкою, но я все равно тебе скажу, потому что не могу. Только ты не оборачивайся, Маринка. Сиди как сидела, иначе я не выдержу... твоих глаз не выдержу.
- Говори, — напряженно улыбнулась Бережкова.
- Маринка,— торжественно и горько начала Женя.— Я не имею права молчать. Я обязана тебе признаться, чтобы ты знала, какой я маленький и ничтожный чело вечишко. В тот момент, когда сегодня зачитали в приказе твою фамилию, я не могла с собою совладать. Понимаешь, Маринка, я тебе позавидовала. Зло позавидовала. Мне стало жалко и обидно, что полечу не я, что рушится надежда всех этих лет. Понимаешь?
- А теперь? — строже спросила Бережкова.
- Что теперь? Теперь я взяла себя в руки, потому что вое правильно. Ты крепче меня и лучше выполнишь задание. Вот я и рассказываю тебе обо всем.
Бережкова порывисто прижала к себе светловолосую Женькину голову, вгляделась в такие знакомые серые глаза, как маленькую, погладила ее по короткой стрижке волос.

- Женька, Женька! — вздохнула она счастливо. — Глупая, сумасбродная Женька! Если бы ты не пришла сейчас ко мне, это была бы не ты.
- Значит, ты меня прощаешь?
- За что? — засмеялась Марина. — За минутную человеческую слабость? Это же прекрасно, что мы говорим до конца друг другу всю правду. Если бы тебя утвердили в экипаж, а меня дублером, я бы тоже тебе завидовала. Только не главное это сейчас. Слушай, Женька, я доверяю тебе тайну, о какой еще не знает никто. Ни мой муж, ни генерал Моча лов, ни сам начальник медслужбы. Ты будешь молчать об этом, Женька? Поклянись.
Могила! — сказала Светлова и кулаком, по-мальчишески, стукнула себя в грудь.
Так слушай. Я никуда не полечу... ни в космос, ни на космодром в качестве дублера.
Женя вырвалась из ее рук, ухватила Марину за твердые плечи, отодвинула от себя. Увидела глаза, грустные и возбужденно-радостные одновременно, подернутые легкой дымкой. Что-то новое, затаенное сияло в них.
- Что с тобою, милая Маринка! Ты, завоевавшая на это право таким упорным трудом на Земле, ты, которая как стеклышко, собираешься... отказаться от полета?!
- Я беременна, Женька. — тихо призналась Марина.

* * *

В семь утра Горелову позвонили.
Он отложил в сторону гантели, снял телефонную трубку:
- Вставайте, мой друг, вас ждут великие дела, — пошутил генерал Мочалов.
- Почему так торжественно, Сергей Степанович?
- На ваше имя получена телеграмма. Встречайте мамашу в двенадцать дня на Ленинградском вокзале. Вагон шесть.
- Как же так? — растерялся Горелов. — У меня в десять тридцать тренаж на корабле «Заря». Времени только позавтракать осталось. Возможно, кого из друзей попрошу ее встретить? — неуверенно предположил Горелов. В трубке послышалось шумное дыхание генерала. Алексей давно уже знал: Мочалов так дышит, когда сердится.

- Да-а,
--
сказал наконец генерал, — у каждого из нас мать лишь одна бывает. А вы свой долг на кого-то переложить рады. Был бы на моем месте ваш старый комдив Кузьма Петрович Ефимков, давно бы уже сделал заключение, что вы «не на уровне».

- Так ведь тренаж на корабле, товарищ генерал.
- Отменяю тренаж,— веско заключил Мочалов. — Проведете сегодня весь день с матерью. Больше до старта такой возможности не предвидится...
После завтрака Горелов выехал из городка в Москву. День обещал быть жарким, над лесом уже дрожало струйное марево.
Пока ехали, Алексей все думал и думал о матери. Почти год они не виделись. Да и вообще с той поры, как был он зачислен в отряд генерала Мочалова, раза три приезжал он в Верхневолжск и однажды, в прошлом году, погостила у него Алена Дмитриевна. Алексей не сдержал легкого доброго смешка, вспомнив этот визит. Даже шофер на него покосился, недоумевая, что бы так могло развеселить капитана? А визит и на самом деле сложился любопытно. Ни разу не сказал Алексей матери во время своих коротких наездов в Верхневолжск о том, что он служит теперь в отряде космонавтов. Однажды, растапливая печь, Алена Дмитриевна с доброй проницательной улыбкой поинтересовалась:
- Как у тебя служба идет, сынок, в твоей секретной части? Лучше или хуже, чем в летчиках?
- Лучше, мама, — подтвердил он.

- И летать приходится меньше?
- Гораздо меньше, мама.
- Вот и хорошо это, — согласилась Алена Дмитриевна и прекратила расспросы.
Потом она собралась к нему и приехала в городок посмотреть на все своими глазами. В фанерном чемодане привезла гостинцы: пол-окорока и раннюю анисовку. С некоторым удивлением обошла его просторные комнаты, скосила взгляд на полированный стол с белым телефоном и на пластмассовый широкоэкранный телевизор, на позолоченные и посеребренные тиснением корешки книг в шкафу.
- Ты один или с товарищем каким здесь живешь?
- Один, мама.
- Не больно ли шикарно, Алешка?
- Не знаю, — засмеялся он. — Начальство так приказывает.
- Начальству виднее, — степенно согласилась Алена Дмитриевна.
Не успели они накрыть на стол, зазвонил телефон. Алексея срочно вызывали в штаб. Он поцеловал мать в щеку:
- Извини, мама, скоро вернусь.
- Ну, иди, иди, сынок. Служба, ничего не поделаешь, — напутствовала Алена Дмитриевна.
Он возвратился довольно скоро и был удивлен переменой, происшедшей в матери. Глаза были тревожными и озабоченными, она долго не сводила с него взгляда.
—В чем дело, мама? Что тут произошло?
Алена Дмитриевна села за стол, стала задумчиво протирать тарелку за тарелкой, хотя они й без того были чистыми.
- Я тут без тебя два раза выходила на звонок, Алешенька.
- Ну и что же?
- Первый раз дверь открыла — Титов на пороге стоит. Он хоть и без орденов, но я его сразу признала. Все-таки и золотая звездочка на кителе, и значок космонавта. Не успела ему сказать, что тебя нет, следом — Николаев. Улыбается и вежливо-вежливо спрашивает, где, мол, Алексей Павлович. Отвечаю — нет. Он сощурился и сказал: «А вы его мама? Очень приятно познакомиться». И руку мне пожал. Скажи, сынок, они просто твои знакомые или...
- «Или», мама! Честное слово, «или», — хохоча перебил ее Алексей.
Алена Дмитриевна растерянно развела руками:
- Стало быть, и ты космонавт?
- И я, мама.
Она грустно и озадаченно покачала поседевшей головой:
—Ой, Алешка, сынок ненаглядный, хоть бы ты ни когда не летал в этот самый космос.
— Да отчего же? — удивился Горелов, но мать сухо его остановила:
- Нет, ты мне скажи, может так случиться, что ты готовишься, готовишься к полету и не полетишь?
- Конечно, может.
- Вот и хорошо, если бы так случилось, — строго подытожила она. — Не хочу, чтобы ты землю под ногами терял даже на считанные дни. К ней потом прирастать трудно.
- Мама, да почему? — весело поинтересовался Алексей.
Она подняла сухую узловатую ладонь:
—Потом тебе объясню. Когда взаправду лететь соберешься.
«Чудная мама, — подумал сейчас, мчась в машине на вокзал, Горелов. — Эти внезапные переходы от нежности к строгости — пойди разберись в них».
Вдруг он вспомнил о Лидии и с тревогой подумал: «Мама вынесет мне приговор». Письма Лидии, то короткие, то длинные, завершавшиеся Наташкиными каракулями, приходили из Степновска чуть ли не каждый день. От них Горелов свежел душой, словно обдуваемый весенним ветром, легко носился по гарнизону, выполняя свои сложные обязанности космонавта, готовящегося к старту. Когда оставался один, перечитывал их, переживая вое, что переживали до него целые поколения влюбленных молодых людей. Но было в его любви одно не совсем обычное обстоятельство. Далеко не каждый из любивших впервые собирался связать свою жизнь с женщиной и сразу сделаться отчимом. Его первая любовь была значительно сложнее. Чего же боялся Алексей? Неужели того, что он не сможет принять Наташку, как свою родную дочь? Нет, совсем нет! К этой светловолосой девчонке с синими льдинками глаз он

сразу привязался, как к родной, и она потянулась к нему всем сердечком. Может, тень прошлого и мысли о том, что не ему, а другому подарила Лидия первые свои ласки? И тоже нет. Разве она виновата и тем более тот, другой, давно уже ставший жертвой радиации? Больше всего боялся сейчас Алексей матери, ее последнего материнского слова. Он ей написал, что полюбил женщину и собирается связать с нею жизнь, удочерив ее ребенка, ее Наташку. Сообщил об этом матери очень кратко. В ответ не получил ни слова. Ни одобрительного, ни порицательного. Приходили одно за другим из родного Верхневолжска письма с обычными ласковыми концовками, в которых просила Алена Дмитриевна сына беречь себя, не спать при сквозняках и одеваться потеплее в морозы, вовремя ложиться и встречать на ногах солнце, но о Лидии не было в них и намека. Будто не существовало ни Лидии, ни их любви.
За окном машины уже проносились окраины столицы. «Волга», вздрагивая, замирала у перекрестков под светофорами. На перрон Ленинградского вокзала Горелов вбежал в ту минуту, когда зеленый электровоз уже подтягивал к тупику длинный состав. Он быстро вскочил в шестой вагон и обнял в купе заплакавшую от радости мать. Несмотря на жаркий день, был на Алене Дмитриевне утепленный синий плащ и белые вязаные носки.
- Задохнешься, мама, — ласково усмехнулся сын, — сегодня по сводке тридцать два предполагается.
- Пар костей не ломит, — ответила она.
Алексей скользнул глазами по новенькому коричневому чемодану.
- Ого, мама! Да ты на этот раз без деревянного сундучка. Чемоданчик-то модерновый.
- Чего ж хотел, Алешенька? Век ведь ноне такой. Нейлон, перлон, стеклянные дома. У меня сейчас девчата, студентки из техникума, живут. Пустила, чтоб не так скучно было. У них только и разговоров, что про этот перлон да нейлон. Вот и я отставать не хочу от века.
— Молодчина, мама!
Пока они шли по перрону к выходу на привокзальную площадь, он искоса рассматривал мать. Она стала сутулее, чем в прошлый свой приезд, а острые похудевшие плечи опустились, не были гордо выпрямленными, как раньше, на обветренных щеках появилось много новых морщинок. А глаза были прежние: черные, добрые, с затаенной грустинкой. Мягкая, будто прощающая что-то такое, что не следовало бы сразу прощать, улыбка теплилась на сухих губах.
Они приехали в городок в обеденные часы. Алексей позвонил в столовую, попросил принести два обеда. Сейчас его в городке баловали, любая официантка считала чуть ли не за честь выполнить такое поручение. Мать, распаковывая чемодан, неодобрительно усмехнулась:
—Глядите-ка, люди добрые, уже и обеды на дом требует. Ни дать ни взять генерал какой! Да я бы лучше сама сходила за тем обедом... А судочки, в каких еду принесут, они, часом, не серебряные? Это же стыдно, чтобы мне, колхознице, в судочках обед приносили.
- Не ворчи, мама, — остановил ее Алексей. — Ты же такой редкий гость. Хочешь, и генерал у нас будет сейчас за столом? Наш командир, Сергей Степанович. За-ме-ча-тельный мужик!
- Вот еще, — отмахнулась Алена Дмитриевна. — А Министра обороны случайно позвать не сможешь?
Она выкладывала на стол свои крестьянские дары, без которых не мыслила поездку к сыну. Алексей хватал их в руки и не скрывал восторга:
- Ну и прелесть ты. у меня, мама! Мед-то какой свеженький да на цвет яркий. А сальце-то, сальце в четыре пальца толщиной. Огурчики, наверное, прямо с грядки? И конечно же анисовки. Небось с той яблоньки, что под моим окном?
- С нее, сынок, — вздохнула мать. — Еще не забыл, в каком году она посажена?
- Нет, мама.
- В том самом, когда ты родился. Это я своими руками ее посадила по просьбе Павлика, отца твоего. Он так и отписал с фронта: посади, Аленушка, яблоньку в честь моего Алешки, и пусть она растет с ним наравне.
Мать подошла к стене, на которой висела дорогая ее сердцу картина. Высокий обрыв над бурным течением Днепра, одинокая солдатская могилка и две скорбные фигурки у нее: женщина, согбенная от горя, и мальчик в стоптанных башмаках. Это были они — вся семья Гореловых: он, мать и отец. Только отец ничего уже не мог сказать из-под могильного камня. «Обелиск над Крутояром» называлась эта картина. С гордостью считал космонавт Горелов, когда-то мечтавший стать художником, что это единственная работа, за которую ему ни перед кем не стыдно.

- Чудесно как, сыночек, — прошептала Алена Дмитриевна, — даже плакать хочется. — Затем мать подошла к мольберту, стоявшему в самом светлом углу, долго я внимательно рассматривала неоконченный портрет женщины с высокой прическойи задумчивыми синими глазами, смотревшими на нее с добрым участием. Опустила взгляд на валявшиеся в беспорядке краски и кисти.
- Красивая... Она, что ли?
Алексей лизнул языком пересохшие губы. Вот и начался разговор, которого он ждал и побаивался.
—Она, мама.
Алена Дмитриевна ладонями поправила на висках волосы и устремила взгляд в раскрытое окно на звеневшую под ленивым горячим ветром листву. Спросила:
—Она как же, Алешенька, сама мужу отставку дала или он ее вместе с дочкой кинул?
Горелов не совсем приветливо спросил:
- А разве я тебе об этом не писал?
- Нет, Алешенька. Не соизволил, — строго отрезала мать.
—Странно, — пожал он плечами, — а мне казалось...
Она перебила его:
- Что же произошло у ней с мужем и где он теперь проживает, там или где?
- Его нет, мама.
- Знаю, что нет, — спокойно, но по-прежнему сурово выговорила она. — Был бы с нею, такого, думаю, у тебя не получилось бы. Не стал бы мой сын ломать чужую семью.
—Его совсем нет, мама, — негромко пояснил Алексей. — Он погиб.
Алена Дмитриевна бросила недоверчивый взгляд на сына, перевела глаза на портрет женщины, потом снова на него.
— Бедная, — произнесла она. — И ты ее сильно любишь, Алеша?
- Другой не надо, — подтвердил он спокойно, не отводя глаз.
- А дочка, сиротинушка, как же? Ты уверен, что сможешь ей стать заместо родного отца? Это не легко. Ой, как нелегко, сынок. Сам ведь помнишь, как тебе плохо было, когда вышла я замуж за агронома... за Никиту Петровича этого. Так вы с ним и не подружились.
- Я в то время помешал тебе, мама. Прости, — грустно признался Горелов и опустил курчавую голову. — Был глупым, горячим и очень любил своего отца. Мне тогда казалось невероятным, как это ты можешь выйти замуж за такого потертого жизнью скрягу. Где он сейчас?
Алена Дмитриевна горько вздохнула:
—Бог ему судья, сыночек. Скончался в прошлом году от... от инфаркта. Не надо о покойном. Ты вот сейчас верно сказал, что ребенку трудно представить, как это так
вдруг да появится у него новый отец. А что, если и Наташка так?
Горелов резко встряхнул головой, освобождаясь от неприятных воспоминаний. Глаза его повеселели, лицо прояснело от улыбки.
—Наташка? — переспросил он бодро. — Да что ты, мама, что ты, милая! Да если бы ты знала, как мы с нею друг к другу привязались. Когда она болела и капризничала, так в кровать с моей летной фуражкой ложилась. Это — чтобы я не уходил от них. Понимаешь? Она же совсем малюсенькая была, когда отца не стало.
Мать приподнялась на цыпочки и запустила сухую натруженную руку в его вьющиеся волосы, перебирала их, пока не устала стоять. Потом села и с теплинкой в голосе произнесла:
—Перерос ты меня, Алешка. Давно перерос. А как был с душой нараспашку, так и остался. Значит, здорово сердечко защемило?
Он зажмурился, головой ткнулся в ее плечо. Мать целовала пахнушие ветром и солнцем щеки и волосы сына.
—Хочешь знать мое слово? — вдруг спросила она.
Горелов выпрямился, сильными руками схватил ее, отрывая от пола, и закружил по комнате. Предчувствуя победу, он весело и громко повторял:
—Хочу, мама, обязательно хочу!
- Да отпусти ты меня! — взмолилась Алена Дмитриевна и, как только сын выполнил просьбу, села на диван, тяжело отдышалась.
- Видишь, старая стала. Дышу тяжко, будто не ты меня, а я тебя по комнате кружила. А ведь давно ли колыбельные тебе пела. Вымахал.

- Мама, слово скажи, как можно скорей скажи! — просил он.
- Разбойник, — сдавленно засмеялась Алена Дмитриевна, — ведь все по моим глазам уже угадал. Люби ее, если веришь в свое счастье. Вот тебе мое слово!
- Спасибо, мама, — Алексей торжественно опустился перед ней на колени и поцеловал изрезанный складками лоб.
Потом из книжного шкафа Алексей достал бутылку с яркой этикеткой, замаскированную томиками Куприна, они молча и торжественно сели за стол.
—Это французский коньяк, мама. В самом Париже куплен. Алеша Леонов подарил эту бутылочку. Может, выпьешь?
Он вопросительно взглянул на мать, ожидая, что она сделает отрицательный жест. Но глаза ее заблестели, и с какой-то отчаянной решимостью она махнула рукой:
- Была не была, Алешенька. Давай сегодня по две маленьких рюмочки выпьем1 Одной твоего отца помянем, другую за твою невесту. Не хотела я, сынок, ой как не хотела, чтобы ты на вдовушке женился. Но сердцу разве прикажешь? Если ей веришь, если любовь настоящая, большая пришла, ни на кого не смотри!
- Я тоже так думаю, мама. Тогда и третью маленькую рюмочку придется сегодня нам выпить. Как видишь, настоящее пиршество получается.
- А третью за что же?
- За... — он не успел договорить, белый телефон захлебнулся длинным звонком. Горелов отошел от накрытого стола, снял трубку. Мать следила за ним недовольным взглядом, легко укладывающимся в слова: вот приехала, а с сыном и поговорить спокойно не дают!
- Это я, — сказал Горелов в белую трубку. — Слушаю тебя, Костров. У меня гость. Самый дорогой гость... мама.
Легкая рубашка с матерчатыми погонами была вольно расстегнута на Алексее, обнажала сильную, покрытую золотыми волосками грудь. Слышимость была настолько прекрасной, что многое из сказанного на другом конце провода разобрала и Алена Дмитриевна. Но она не сразу поняла, отчего так изменилось, сделалось торжественным и взволнованным посмуглевшее за лето лицо сына.
- Я тебя поздравляю, старик, — доносился из трубки голос невидимого Кострова. — Просто великолепно, что мать навестила тебя именно в эти дни. А я позвонил, чтобы попрощаться.
- Как? Ты уже?
- Уже, Алеша. И я, и Сережа Ножиков, и Женя Светлова.
- Почему не предупредил?
- Не имел на то полномочий. А сейчас со мной попрощаться ты уже не успеешь. У подъезда стоит машина. Да и не надо, Алеша. Дальние проводы — лишние слезы. Так во все века и эпохи говорено. — Сквозь приподнятый голос Кострова пробивалось волнение, и Горелов подумал, что сейчас, когда Костров произносит эти слова, на него безмолвно глядит черноглазая встревоженная жена Вера и восхищенные дети и что слова о дальних проводах и лишних слезах он говорит, чтобы их успокоить и подбодрить.
- Счастливого пути тебе, Володя, — заволновался неожиданно и Горелов. — Женьке и Сереже Ножикову по большому привету. По самому большому, дружище.
- Ладно, на космодроме свидимся, — коротко заключил Костров. — Маме своей от всей нашей семьи поклонись. До встречи!

Запели долгие гудки. Алексей медленно положил на рычаг странно отяжелевшую трубку. На мгновение он забыл и о матери, не сводившей с него вопросительных глаз, и о комнате, в которой они находились. Знойный
потер
далекого космодрома, казалось, ворвался в его квартиру, пьяняще ударил в лицо. Восторженными остановившимися глазами глядел он на синеющую линию соснового леса, подпиравшую голубой горизонт.

- Отчего ты так загрустил, Алеша? — не сразу дошел до него тихий голос матери. Горелов сбросил с себя оцепенение.
- Грусть — не то слово, мама. Я сейчас счастливый. Я очень счастливый.
- За кого? За своих товарищей?

- И за них, и за себя. Понимаешь, мама. Самое большое у человека счастье — это когда он стоит на пороге своей собственной мечты.
- А за что мы выпьем третью рюмку? — напомнила мать.
- За мой полет, мама, — широко улыбнулся сын и смахнул с большого лба мелкие капельки пота. Алена Дмитриевна порывисто встала. В черных глазах промчались одновременно и гордая радость за сына, и озабоченность, и даже испуг. И тотчас же она медленно осела на стул, тяжело дыша, приказала:
- Налей по первой, сынок.
- Слушаюсь, товарищ мама, — оживился Горелов, и темно-коричневая жидкость полилась в маленькие рюмки.
- Это за Павла. За нашего отца. Будь его достоин, Алеша. Он хоть в космос и не летал, но сделал для родной земли не меньше, чем кто другой. Он жизнь за нашу Советскую власть отдал. Не чокайся со мною, Алеша. За память о мертвых не чокаются.
Горелов смущенно отдернул руку с протянутой рюмкой:
—Прости, забыл. Мне только раз пришлось хоронить разбившегося друга. Да и то заболел и не попал на поминки.
Мать выпила и с хрустом разгрызла свежий огурец, пахнущий волжской землей и солнцем.
- Налей по второй, — потребовала она и негромко продолжила:
- Этой второй давай мы чокнемся. Я ее за твою Лидию хочу выпить. Чтобы жилось тебе с нею так ясно и счастливо, как мы с покойным твоим отцом жили. Только не год, как у нас, а до глубокой старости. Любовь в жизни — это очень дорогое. Берегите ее с Лидой.
Потом они ели борщ. Алеша знал, что мать не признает иного первого блюда, и поэтому заказал его на обед. Перед вторым он в третий раз наполнил рюмки.
—А теперь мне что-нибудь пожелай, мама. Одному мне.
Она достала облезлый футляр с очками и долго рассматривала сына сквозь стекла. Она и без очков видела хорошо. Алексей понял, зачем она надела их, когда увидел скупую слезу, замерцавшую на морщинистой щеке.
—Счастья, сыночек... одного только счастья, — начала она как-то жалостливо, но голос сразу выпрямился: — И уж если тебе неизбежно в космос лететь приказывают, так чтобы на Землю в срок намеченный ты прибыл. Здоровый и невредимый. Если сможешь, скажи, далеко ли полетишь. На тыщу километров иль дальше?
Тугими непослушными пальцами Алексей скатал хлебный шарик, как это делал когда-то в детстве, с наигранной беззаботностью сунул его в рот.
- Тебе под большим секретом скажу: к Луне, мама.
- К Луне? — Она прижала к груди сухонькие ладони и даже потемнела в лице. — Так... далеко?
- Да, мама.
- Сыночек! Ты же станешь одной маленькой песчинкой среди звезд!
- Очевидно, стану.
- Сколько до нее, до Луны-то, будет?
- Около четырехсот тысяч километров, — засмеялся Алексей.
- Господи, как страшно! — приглушенно воскликнула Алена Дмитриевна и даже перекрестилась, хотя никогда не ходила в церковь. — Это правда?
—Я же сказал, мама. Под самым большим секретом сказал.
Алена Дмитриевна встала из-за стола, потому что кусок уже не шел ей в рот, и беспокойными шагами заходила по комнате.
- Алеша, сынок... почему же тебя так далеко? Ну, летал бы, как все другие космонавты, на пятьсот, ну на тысячу верст, в крайнем случае, чтобы всегда под боком она была, Земля-матушка.
- Не могу, — улыбнулся Алексей. — Какое задание доверят, такое и выполню. А о таком я давно мечтал.
Мать еще говорила, ужасалась, но Алексей уже видел, как испуг и растерянность гаснут в ее взгляде, уступая место откровенному восхищению. Да и какая бы русская мать не совладала с волнением и тревогой и не стала бы восхищенно смотреть на родного сына, узнав, что ему первому из всего отряда космонавтов доверяют лететь к Луне.
—Что еще ты мне пожелаешь? — спросил Алексей.
Лицо матери стало строгим. Она остановилась посередине комнаты.

- Пожелаю, сынок. Обязательно пожелаю. Я знаю, что корабль, на котором ты полетишь, умные головы придумали. И назад ты на нем возвратишься, раз тебя запускают. Так вот, когда вернешься, не отрывайся от Земли, всегда помни, что это она тебя сделала человеком.
- А разве есть космонавты, забывшие об этом?
- Всякое случается, сынок, — ответила она уклончиво и повторила свою любимую фразу: — Доброе сердце у тебя, сынок. Смотри не попорть его, сбереги для людей. — Подумала и прибавила: — А особенно остерегайся похвал я почестей. Другому они так голову кружат, что он замечать простых людей перестает.
- Что ты, мама! — испуганно огляделся Алексей по сторонам, словно кто-то чужой и нежелательный мог их в эту минуту подслушать. — Да разве со мной такое может случиться! Стыд и позор был бы!

* * *

В конце месяца Горелова вызвал генерал Мочалов и приказал собираться на космодром. Это была минута, на первый взгляд лишенная неожиданности, и все же он вздрогнул от волнения. Вглядываясь в посеревшее лицо генерала, Горелов заметил:
- Устали вы, Сергей Степанович. Достается в эти дни. Вот и синие дужки под глазами залегли.
- Ладно, ладно, — мягко остановил командир отряда и положил ладонь на прохладный глобус Луны. — Не мне же, а вам выходить на окололунную орбиту. Проживу и с дужками. К тому же не люблю, когда меня начинают жалеть. Вы-то как?
- Вам лучше знать, — слукавил Горелов. — Космические наши эскулапы вам чаще о моем здоровье рапортуют.
Мочалов подумал, припоминая, и облегченно улыбнулся:
- Как будто злых доносов за последнее время не поступало. Да и ваш дублер Субботин в отличной форме. Одна беда, ваше настроение пока что никакие самописцы не фиксируют. - Вы не находите?
- Нет, — решительно возразил космонавт. — По-моему, станет попросту скучно жить на свете, если появятся самописцы, способные фиксировать настроение и чувства человека. Даже начальника своего мысленно обругать воздержишься, если он тебе насолил. Придешь домой, а жена тебе раз под бок. Датчики на теле укрепит, штепсель — в розетку. А потом все это — на экран какой-нибудь. Поползут строчки, а она по ним станет выводы делать, любишь ее или не любишь, о ней думал или о другой. Чего же хорошего?
Мочалов оживился и крутанул глобус. Под его указательным пальцем проплыло Море Дождей и кромка Моря Ясности. На каком-то тупоголовом кратере палец неподвижно застыл. Глаза генерала молодо и задорно посмотрели на собеседника из-под густых с проседью бровей:
- Да вам ведь, Алексей Павлович, это еще не грозит. Вы же человек от супружеского контроля свободный.
- Уже грозит, Сергей Степанович, — весело подтвердил Горелов и поднял на командира посветлевшие счастливые глаза. После того как их отношения с Лидией для многих в отряде перестали быть тайной, он радовался каждому вопросу и каждой шутке, хотя бы косвенно их затрагивавшей. Мочалов это прекрасно улавливал.
- Как, разве уже состоялась свадьба? — с притворной строгостью воскликнул он. — Космонавт Горелов женится, а командир отряда ничего не знает? Хо-ро-шо!
- Свадьба еще не состоялась, но это не имеет значения, — признался Горелов. — Все равно мы уже муж и жена. А что касается свадьбы, так она — после моего возвращения с орбиты. И вам не миновать, Сергей Степанович, роли посаженного отца. Какая же свадьба может обойтись без генерала в наш двадцатый атомно-космический век!
- Что же, Алексей Павлович, не откажусь от такой должности. А сейчас какие-нибудь личные просьбы есть?
- Есть, товарищ генерал.
- Я вас слушаю.
Алексей пошевелился в мягком кресле.
—Город Степновск... — медленно заговорил он и, сцепив руки, положил их себе на колени.
Мочалов весело подхватил:

—...Находится в каких-то трехстах километрах от маршрута Москва — космодром. Вы это хотели сказать?
;— С вами страшно, — пошутил Алексей, — вы не начальник, а счетно-решающее устройство.
—Спасибо за комплимент, — покосился на него Мочалов, — но как бы там ни было, а эту возможность я предусмотрел. Вы полетите на космодром спецрейсом. Кроме экипажа, вас и технического оборудования, на борту машины не будет ни одного человека. В полетном листе промежуточный аэродром Степновск уже обозначен. Об одном попрошу вас, Алексей Павлович, — генерал строго поднял вверх указательный палец. — Посадка в Степновске запланирована. Но я очень вас прошу, будьте предельно точным. На пребывание в Степновске вам отводится два часа. Только два. Больше не могу.
Горелов вскочил и сделал порывистое движение к креслу с высокой старомодной спинкой, в котором сидел генерал. Поднялся и Мочалов. Крепкими упругими руками прижал он к себе сильное тело своего любимого ученика.
—Помни всегда, Алешка: твои заботы — мои заботы. Лети, Алешка. Тебе надо обязательно попрощаться с Лидией. Одним словом, в путь!

* * *

На леса и поля Подмосковья ложились быстрые плотные летние сумерки, когда Горелов на черной «Волге» въехал на территорию одного из военных аэродромов. Все учебные и испытательные полеты были в эти вечерние часы отменены. Безмолвствовал приаэродромный городок, лишь редкие огоньки горели в окнах командно-диспетчерского пункта. Горелов хорошо знал расположение рулежных дорожек и самолетных стоянок на этом летном поле. Уже будучи космонавтом, много раз совершал он отсюда учебно-тренировочные полеты, позволявшие поддерживать летные навыки. Ведь они не были лишними и для будущего космонавта.
- Держи левее, Вано, — приказал он шоферу.
- Будет полный порядок, Алексей Павлович, — блеснул в ответ улыбкой водитель. — Я тут тоже все знаю как свои пять пальцев.
- Смотри не споткнись о шестой, — предостерег с добродушным смешком Алексей, но Вано не думал сдаваться:
- Будьте спокойны, рядовой Берикашвили был во всем Зестафони самым глазастым.
Широкая взлетно-посадочная полоса пустовала. К вечеру бетонные плиты остыли. Они словно бы отдыхали, радуясь тому, что нет полетов и не обжигают их пламенем взлетающие машины. Ровными строчками ограничительных огней уходила вдаль полоса. Все тонуло в черных сумерках наступающей летней ночи, и только на восточной окраине снопами сыпались искры из патрубков реактивного лайнера.
—Нашу машину готовят, Алексей Павлович, — безошибочно определил Вано.
Когда они подъехали к стоянке, вое четыре двигателя после прогрева были уже выключены. Погасли снопы искр, и сумерки сразу обволокли металлическое тело лайнера. Около самолета, едва различимые в темноте, суетились люди. Издали их силуэты казались фантастическими. Кто-то поднялся по трапу в распахнутый люк, и сейчас же в фюзеляже забрезжил неяркий электрический свет.
—Ну що там робится? — донесся мягкий басок из овального люка. Окрик явно относился к тем фигурам, что суетились возле машины.
- Все в полном ажуре, командир. Можно взлетать, — ответил кто-то невидимый, и Горелов услышал глухой удар сапога по туго накачанной огромной покрышке шасси. Он стал подниматься по трапу, навстречу человеку, стоявшему у обреза люка. Электрический свет вяло скользнул по лицу этого человека. Алексей увидел китель с майорскими погонами и Золотой Звездой, а потом большой рот, нос с горбинкой и знакомые подковы густых черных бровей.
- Убийвовк! — воскликнул он удивленно и радостно. — Майор Убийвовк!
Стоявший у люка пристально вглядывался в лицо поднимавшегося Горелова.
- Мей брей! — воскликнул он еще более радостно. — Ты тот самый капитан, что жил со мной в одной комнате в Степновске?! Дывись, дывись!
- Ну да! — с удовольствием подтвердил Алексей.

- Ну, а як там королева красоты? — поинтересовался Убийвовк неожиданно. — Ох и залепила ж она мне тогда пощечину своей королевской ручкой! Як вспомню, доселе в правом ухе звенит.
—А ты позабудь, — вкрадчиво посоветовал Горелов.
Убийвовк посторонился, пропуская его в салон. Они крепко потрясли друг друга за плечи.
- Ну, как оно живется и служится? — осведомился Убийвовк. — С гантельками больше не шуткуешь?
- Сейчас некогда, — отмахнулся Алексей, ставя небольшой чемодан в багажник.
- Вот и хорошо, — поощрил Убийвовк, — пора кончать с дитячими забавками. А мы тут в далекий маршрут собрались. По секрету скажу: космонавта ждем. Как только появится, по газам — и на высоту. Помнишь, капитан, Наполеон говорил, что если хоть одна новая пушечка в войска попала, так это оружие уже не секретное. Так и у нас в авиации. Раз полет в космос намечен, мы всегда будем загодя знать. А про этого слух ходит, будто к самой Луне пойдет на свидание. Только вот нет его. Десять минут до взлета, а его нет.
- А вы его только и ждете? — насмешливо уточнил Алексей.
- Ну да, — недоверчиво прищурился Убийвовк.
- Тогда можно запускать движки и выруливать. Считайте, что этот космонавт уже у вас на борту.
- Ты? — попятился Убийвовк. — Та быть того не может. Ты — космонавт Горелов?
- Ну да.
- Мей брей! Мий гарный парубок! Так я же тебе, вам то есть, в положении «смирно» докладывать о готовности к взлету должен. Как самому большому начальнику. А я!..
- Не надо, Убийвовк, — остановил его Алексей. — Мы же старые друзья. Притом я капитан, а ты майор. Да еще и герой!
- Ну, ладно, не буду докладывать, — охотно согласился он и зычно крикнул в темноту: — Хлопцы, по местам, зараз будем выруливать!
Прежде чем скрыться в пилотской кабине, Убийвовк ласково потрепал его по плечу и обрадованно заметил:
- Гарный ты парубок, капитан. Старик Убийвовк всегда говорил, шо ты далеко уйдешь со своими гантелька-ми. — Осененный внезапной догадкой, он спросил: — Мей брей, еще на один вопросик ответь, га? А посадочку в Степновске по какому поводу мы запланировали? Убийвовк догадливый!
- Надо попрощаться, дорогой, — смущенно признался Горелов. — Но я тебя прошу — не очень об этом распространяйся. А я... Мне же предстоит не полет в зону для отработки пилотажа. Все-таки это к Луне, раз тебе все известно.
- Зразумел, шо не одно и то же, — вздохнул Убийвовк. — Ну, а прощаться с ней надо? — спросил потеплевшим голосом. — С нею, королевой красоты?
- Ты слишком уверенно называешь это имя. В Степновске есть и другие хорошие женщины.
- Шо! — вскричал Убийвовк. — Да во всем Степновске нет больше такой красавицы!
- Она моя жена, Убийвовк, — тихо подтвердил Горелов.

* * *

Двигатели гудели негромко, навевая сон. Они словно боялись потревожить плотную тишину темной ночи, опустившейся на города, леса и реки. Давно остались позади и затянулись непроницаемым пологом неба густые и яркие огни столицы. Ночь на всем пути встречала самолет, устремлявшийся на юго-восток. Звезды и облака громоздились в отполированном стекле иллюминатора. Откинувшись на мягкую спинку кресла, Горелов позевывал, смотрел на так хорошо ему известную картину ночного неба на высоте восьми тысяч метров. Она Не вызывала сейчас волнения. Ни яркие выхлопы из патрубков, ни причудливые сплетения огней на земле, ни величественная, наполненная черным мраком пустота неба, — ничто не занимало его. В нем умер сейчас художник, искатель ярких, неповторимых красок, и остался один

космонавт. Думал Алексей о предстоящем, как никогда, близком полете в лунное пространство. Долгое время, пока он изучал формулы Кеплера и вычерчивал многочисленные кривые, основанные на строгих законах небесной механики, был он далек от мысли, что полетит к Луне. Даже когда перевели его на специальную программу теоретических занятий и тренажей, полет этот казался ему делом весьма далеким и лично для него несбыточным. Но как только стал он изучать кабину нового космического корабля «Заря» и особенности полета по траектории к Луне с последующим переходом на селеноцентрическую орбиту, фантастика напрочь отступила и он увидел явь. Это была явь, родившаяся из дерзких предположений и настойчивых поисков, ставшая детищем ученых и конструкторов, вобравшая в себя вое лучшее, что было в электронике, атомной физике, кибернетике, астрономии, небесной механике и многих других науках.

Он, Горелов, вовсе не был великим ученым, да никогда и не собирался им становиться. Он получал эту явь в образе готовых формул, расчетов, приборов, и, наконец, космического корабля «Заря». А сев в пилотское кресло корабля, Горелов со всей очевидностью понял: да, ему придется туда лететь, вторгаться в безмолвное черное пространство, такое далекое от Земли. Что там? «Белое безмолвие» Джека Лондона? — мысленно усмехнулся Алеша. — Вот это будет безмолвие так безмолвие. Только оно не белое, а черное. И он пронесется по нему единой маленькой пылинкой, удалившейся от Земли почти на четыреста тысяч километров. Кто из его друзей был на такой орбите? Ни один. Все они стартовали и финишировали, испытывая на орбитах невесомость, выходя в открытый космос и возвращаясь из него в пилотскую кабину. Они уносили с собой из космоса много пережитого и увиденного, оживляющего умны© изыскания ученых. Но никто из них не приближался к Луне. Это выпало на долю курносого верхневолжского паренька Алексея Горелова, на его долю. И он был твердо уверен сейчас в одном: он не знал, гладко или трудно сложится этот полет, будет успешным, достигающим цели, или нет, но «SOS» никогда не поступит на Землю с борта «Зари». Он все сделает, чтобы пойти дальше и выше по звездной дороге, не признающей страха и растерянности слабых, одобряющей ясность рассудка и крепость нервов.

...Самолет уже шел на посадку. Горелов удивился, до чего быстро промелькнуло время. Над Степновском ночь была в разгаре, но белое зеркало Иртыша все же просматривалось кое-где на изгибах при желтом лунном свете. Веселые зеленые и красные аэродромные огоньки настойчиво лезли в глаза, колеса лайнера гулко стучали по бетону. Быстро. отрулив на положенное место, самолет замер. Из кабины вышел Убийвовк, сияя улыбкой, приблизился к Алексею.

—Все в порядке, товарищ капитан? Мабудь, вы не скажете, что Убийвовк разучился сажать машину? — И, перестав улыбаться, закончил: — Давайте сверим часы.

Ровно через два тридцать мы должны оторваться от бетонки и продолжать маршрут.

Подали трап, а потом подъехала к самолету черная и оттого почти невидимая в сумерках «Волга». Желтый луч света вырвал из мрака белое туловище лайнера и закопченные капоты двигателей. Свет погас, хлопнула дверца, и рядом с «Волгой» появилась одетая темнотой фигура шофера. Убийвовк помог Горелову снести чемодан и сверток.

—Вы за мной? — окликнул Горелов шофера, и тот безмолвно кивнул головой.

Разбрызгивая желтый свет, помчалась «Волга» от аэродрома к Степновску по такой знакомой Алексею дороге. Он вспомнил, как, отправлялись они с тяжелыми парашютными ранцами по этой дороге на прыжки, как усталые возвращались с аэродрома домой и как уходили потом с полотенцами через плечо на Иртыш.

Степновск возник за пригорком в сетке густых веселых огней. Несмотря на поздний час, гремела музыка на танцевальной площадке и хриплые, искаженные расстоянием доносились голоса актеров из какого-то кинофильма.

На большом белом экране мелькали тени. «Волга» остановилась у знакомого подъезда, и Горелов отпустил шофера, приказав ему подъехать через два часа.

- Может, вам помочь поднести вещи? — раздался вслед неуверенный голос из темноты.

- Сам, — сдержанно отказался Горелов. — Поезжайте.

Он подошел к раскрытой двери подъезда, увидел знакомую лестницу с деревянными ступеньками и деревянными перилами. Вспомнил, как совсем недавно, по-воровски оглядываясь, поднимался по ним. Нет, он не сомневался в своей любви. Просто опасался, как бы не пополз по Степновску ненужный стоустый слушок, оскорбительный для Лидии, и,

кажется, своего добился — слушок не пополз. А теперь он шагнул в парадное спокойно и уверенно, как к себе домой. Едва лишь заскрипели под ногами ступеньки, распахнулась на первом этаже дверь, и любознательные женские глаза вопросительно скользнули ему вдогонку.
—Я не к вам, — весело отрезал Горелов, — и не заблудился к тому же.
Дверь стыдливо захлопнулась. Но на втором этаже, у ее квартиры, он понял, что волнуется, и замер, переводя дыхание. Нет, никакая сурдокамера не была в состоянии отучить его волноваться. Он был сейчас просто влюбленным, у него дрожали руки и мог прерываться голос.
Он позвонил и долго слушал подъездную тишину. А потом шаги. Шаги, родившиеся в этой тишине и прозвучавшие, как ему показалось, очень громко.
- Кто это? — спросила Лидия недовольным голосом потревоженного в поздний час человека.
Он растерянно промолчал, и тогда Лидия, уже совсем сердито, окликнула: — Да отвечайте же, кто там? Вы что, не нашли лучшего времени для шуток?
- Не нашел, Лидонька, честное слово, не нашел, — громко ответил он, едва сдерживая дыхание, способное изменить голос.
- Алешка, ты! Ой! — Она заметалась за дверью, сбрасывая цепочку. Защелкали ключи в замках.
Он успел подсчитать: один, второй, третий — и насмешливо вздрогнувшим голосом выкрикнуть:
—Крепко же ты запираешься!
Дверь распахнулась, и Лидия выросла на пороге. Была она в ситцевом простеньком цветастом халате с короткими рукавами. На голых руках он увидел веснушки и мелкие пупырышки, словно ей было зябко. А потом эти руки взмахнули, как два больших крыла, обхватили его за шею и оказались очень горячими.
- Сумасшедшая, подожди! — прошептал он счастливо. — Торт не помни.
- Какой еще торт? — засмеялась Лидия.
- Фигурный. С шоколадным оленем и какими-то вензелями. Я его в самом лучшем кондитерском магазине на улице Горького купил. Только не тебе, а Наташке.
Женщина отступила в глубь коридора, тихо сказала:
- Наташка уже спит. Не будем ее будить. Лучше завтра... утром.
- Завтра меня не будет, — угрюмо признался Горелов.
- Не будет? — огорченно попятилась Лидия. — Боже мой, а как. я ждала! Приехал, чтоб подарить Наташке торт, и сразу исчезнешь? Но почему?
Алексей поцеловал ее руку, ощутил теплый волнующий запах загорелой кожи.
- Ты вся земная. От твоих рук парным молоком пахнет, — прошептал он.
- Тебе нравится? — тихо засмеялась Лидия. — Раздевайся, — и погасила свет. — Не говори сейчас йи о чем, — зашептала она в темноте, ища его губы. — Ради бога, не говори. Я знаю, что ты меня чем-то огорчишь.
Потом они сидели за маленьким столом, и Лидия угощала его холодным круто заваренным кок-чаем. Они долго молчали.
- Почему тебя завтра не будет? — спросила она наконец.
- Через два часа я должен уехать на аэродром и улететь.
- Надолго?
Он позвенел ложечкой в пиалке и усмехнулся:
- Нет. Если все благополучно сложится, я скоро вернусь.
- Куда ты летишь? — повторила она.
- На космодром.
- Уже? — и Лидия вдруг заплакала. Синие большие ее глаза заблестели, она уронила голову на стол. Алексей бросился к ней, откинул назад светлые пышные волосы, стал целовать мокрые от слез глаза и щеки.
- Ну, перестань, ну не надо, — утешал он ее, как маленькую, — будешь себя хорошо вести, позволю тебе половинку шоколадного оленя от Наташкиного торта взять.
- Пришло это? — всхлипнула Лидия.
- Это, — подтвердил он.
- Боже мой!
- Ты уже в четвертый или пятый раз поминаешь бога.
Вздрагивающие плечи Лидии замерли и выпрямились.

- Алешка, — сказала она грустным, выстраданным голосом, — какой бы я стала счастливой, если бы ты не был космонавтом!
- Сейчас об этом говорить поздно, — усмехнулся он. — Моя биография — давно размененная монета. Все выбрано и учтено.
Тыльной стороной ладони она смахнула слезу.
- Вот видишь... ты даже сам жалеешь.
- Жалею? — повысил голос Горелов. — Что ты, Лидонька! Что ты, дорогая! Да если бы мне возвратили годы и спросили, кем я хочу быть, я бы, не задумываясь, ответил: космонавтом. Ты, родная, и не представляешь, сколько интересного и необычного меня ждет.
- Все-таки... к Луне? — вздохнула она жалобно.
- К Луне! — подхватил Алексей с пафосом. — Веками она светила миру. Холодная, беззвучная. Символ покоя, маяк влюбленных. Шутка сказать, среди одних астрономов сколько персон заслужило право называться кандидатами и докторами наук за то, что ее изучали в телескопы за сотни тысяч километров. А мне доверено к ней подойти на самое близкое расстояние. Я, верхневолжский парень, Алешка Горелов, низко, низко промчусь над Луной, доставлю ее фотографии собственноручной работы. Почему ты не радуешься, Лида? Или ты не веришь, что я вернусь?
- Что ты! — испуганно воскликнула она. — Да как тебе в голову могло прийти такое? Нет, нет! — подняла па него успокоившиеся глаза. — Больше не буду плакать, —поклялась она. — Давай помолчим! — Лидия положила голову ему на плечо и счастливо зажмурилась. — Страшно подумать. Миллионы любящих женщин провожали своих мужей. Кто на войну, кто в дальние странствия... А я — к Луне.
- Гордись, моя девочка. Когда я вернусь, первое, что мы сделаем, отправимся во Дворец бракосочетаний. Самый лучший, московский.
- И никого не возьмем, — мечтательно проговорила Лидия. — Я тебе даже китель со значком космонавта запрещу надевать.
- Думаешь, это спасет?
- Спасет, — утвердительно кивнула Лидия. — Мы возьмем самых-самых непрославленных людей. Только тогда это будет хорошо. Как ты думаешь, в мои годы фата пойдет?
- Тебе все пойдет, любимая.
- И туфли на шпильках?
- И туфли на шпильках.
...Как они незаметно пролетели, эти два часа! Когда они спустились вниз по скрипучим деревянным ступенькам, над Степновском застыло небо, усеянное крупными звездами. Из поймы Иртыша веяло слабым ветерком. Улицы были безлюдными. В черных сумерках у подъезда стояла черная «Волга». Шофер дремал за рулем, Горелов обнял Лидию и ощутил под ладонью ее похолодевшую руку.
- Какая у тебя горячая ладонь, — улыбнулась она.
- Я и сам... — самодовольно начал Алексей, но она отчужденно оборвала:
- Не говори пошлостей, ты у меня весь ясный, чистый, святой.
- Не буду, — согласился он, наклонившись, поцеловал ее локоть и засмеялся.
- Чего ты? — шепотом спросила Лидия.
- Чудно... От твоих рук опять парным молоком пахнет. Этот запах и в кабине будет мне сопутствовать.
- Ты на какое расстояние подойдешь к Луне?
- Километров на пятьдесят. А что?
- Плюнь на нее, — сказала она, стараясь казаться веселой. Но Алексей почувствовал, как нелегко далась ей эта шутка, и протянул ей в тон:
- Лидочка, ты сегодня хулиганишь. С Луной надо на «вы».
- А ты все-таки сплюнь. И не раз, а все три. И через левое плечо обязательно. Тогда ты непременно возвратишься.
Потом они долго стояли рядом и молча смотрели в опрокинувшееся над Степновском предутреннее небо. Мысленно, с профессиональной точностью он прочерчивал в этом небе гиперболическую кривую, по которой пилотируемая им «Заря» уйдет к Луне. Женщина молчала, угадывая его мысли. Потом он поглядел на светящийся циферблат часов и вздохнул:
- Мне пора. Только ты не ходи провожать к машине. Лучше здесь попрощаемся. Ладно?

- Хорошо. Я не пойду, — послушно согласилась Лидия, и подбородок у нее задрожал. — Я не пойду, — повторила она, борясь с подступающими рыданиями.
В большом кабинете главного конструктора «Зари» было довольно прохладно. За приоткрытыми окнами бесновалась полуденная жара, но конденсационная установка работала безупречно, и столбик термометра показывал всего лишь двадцать четыре. На широком письменном столе лежал развернутый чертеж. Запотевшая от холода бутылка боржоми и два стакана стояли на фаянсовом блюде, щедро разрисованном розовыми лепестками. Тимофей Тимофеевич в широкой белой блузе сидел напротив Горелова в своем кресле, веселыми выпуклыми глазами молча наблюдал за ним.
Если говорить откровенно, многие космонавты не без робости перешагивали порог этого кабинета, зная крутой нрав конструктора, не терпевшего тех, кто не блистал находчивостью, путался и краснел под градом самых неожиданных вопросов, становился в тупик. К Горелову он относился доброжелательно, и Алексей это знал. Никакой робости он не ощущал перед конструктором. Он сидел свободно, даже несколько вольно — демонстративно вытянул под столом ноги. Загорелые руки были спокойно сцеплены на столе, и от них, крепких, покрытых золотистым пушком, также веяло уверенностью. Тимофей Тимофеевич все это уловил. Губы его насмешлпво дрогнули.
- Боржоми со льдом хочешь, Алексей Павлович?
- Не откажусь, — кивнул космонавт.
- А не боишься ангины? Она плохая попутчица в твоем, не скрою, довольно сложном путешествии.
- У меня горло луженое.
- Тогда пей.
Забулькала вода, стенки стакана покрылись веселыми пузырьками. Боржоми на самом деле оказался таким холодным, что сжало горло. Алексей выпил его с наслаждением, маленькими глоточками. Бесшумно поставил стакан на фаянсовое блюдо. Тимофей Тимофеевич пристально рассматривал космонавта. О каждом из космонавтов он составлял собственное мнение, которое далеко не всегда и не всем высказывал. Каждого он утверждал на полет. Были случаи, когда, утверждая, задумывался, взвешивал сильное и слабое, что таилось в человеке, иной раз вздыхал про себя, жестковато думал: «Все же я либерал. Ох какой неисправимый либерал! Старческая доброта подкралась. Его бы еще годик подержать в дублерах, а я посылаю...»~
А когда человек, внушавший небольшие сомнения, блестяще выполнял задание, так же беспощадно говорил о нем Тимофей Тимофеевич самому себе: «Молодчина! Орел! И не стыдно мне было усомниться в его возможностях накануне старта! Это старческий скептицизм подкрадывается. Одергивай себя почаще, Тимофей Тимофеевич».
Горелов, по мнению главного конструктора «Зари», входил в ту категорию космонавтов, которая не порождала сомнений. Не столь уж давно он с некоторым недоверием выслушивал восхищенные рассказы одного из своих заместителей, Станислава Леонидовича, о физических данных и добром нраве этого верхневолжского парня, пожимая плечами, говорил: «Ну, ну, посмотрим еще, что стоит данный эпикуреец». Познакомившись с Гореловым, он сразу же признал верность предварительных характеристик. Как-то странно обезоруживал его этот парень своей добротой, сдержанностью и удивительно располагающим курносым сероглазым лицом.
- Как долетелось? — спросил Тимофей Тимофеевич, и Горелов, прибегая к летному жаргону, ответил:
- Спасибо, на четырех движках.
- А настроение?
- Бодрое, Тимофей Тимофеевич. Окололунное, можно сказать.
- Кистью балуешься?
- Какое там! — беспечно отмахнулся Горелов. — Уже две недели, как в руки не брал. Никак портрет один не могу завершить.
—Чей же, если не секрет?
— Так... женщины одной знакомой, — уклонился Горелов, но под мохнатыми бровями блеснули веселым огнем глаза главного конструктора.
— Слыхал, ты жениться собрался?
— Это верно, — смутился Алексей,

- И скоро ли?
- Как только вернусь и пройду все медицинские карантины.
- Правильно поступишь, — шумно вздохнул главный. — Ничего хорошего в судьбе запоздалого холостяка не нахожу. Зря этим иные бравируют. А вот что кистью не балуешься, это плохо. Прямо тебе скажу — плохо. Ты этот недостаток должен исправить.
— Зачем, Тимофей Тимофеевич? В мои годы надо иногда и критически на себя поглядывать. Я уже давно понял, что ни Тенирса, ни Репина не получится из меня...
—Вздор!—оборвал его главный конструктор и накрыл чертеж широкой ладонью с синими венами. — Из тебя, Горелов, еще может получиться художник настоящий.
-_А я думал, космонавт, — обиженно протянул Алексей.
Тимофей Тимофееевич наклонил лобастую голову и рассмеялся:— Ревнив же ты, Алешенька, и легко раним. Космонавтом ты уже прочно стал в тот день, когда было принято решение готовить тебя к старту. А вот кисть не бросай. Очень тебя прошу, не бросай. Ведь полет к Луне, который ты на «Заре» предпримешь, в память твою навек врежется. Шутка ли сказать, — поднял правую руку конструктор. — Ты пройдешь по звездной целине к другому небесному телу, снижаясь над ним до пятидесяти километров. Ты увидишь такие краски, какие не видели ни Куинджи, ни Рокуэлл Кент, ни Гойя, ни Репин. Об этих красках всего словами не расскажешь, будь хоть ты Гоголем или Буниным. А вот на полотне... какие чудесные пейзажи ты сможешь нам подарить. Пусть в них не будет мастерства Левитана или Куинджи, но в них будет правда, и она сослужит пользу ученым, конструкторам, космонавтам. Я уже не говорю о широкой публике.
— А я считал, что в наши дни нельзя раздваиваться, что надо выбирать одно, — упрямо повторил Горелов. —
А уж если выбрал, то всего без остатка посвящай себя этой профессии.
Тимофей Тимофеевич взял за дужку роговые очки и повертел их перед собой.
—- Ты что же, ратуешь за электронного человека? — осведомился сердито главный конструктор. — А ты подумал, какой бы ужас свалился на человечество, если бы все мы превратились в электронных людей, напичканных формулами и цифрами, привыкших к программированию? Повернул ручку счетно-решающего устройства: р-раз — и вот тебе готовый ответ — ты, Алексей Павлович Горелов, такого-то года и такого-то месяца женишься на такой-то. Еще одну ленту привел в движение, новый ответ получай: ты в таком-то году совершишь такой-то полет, в таком-то родится у тебя сын или дочь, либо и то и то сразу. В третий раз ручку повернешь, а машина тебе сухо и страшно объявит: ты умрешь в таком-то году и будешь похоронен на таком-то кладбище. Дети твои проживут на Земле до такого-то года, а потом переселятся на Марс. Ерунда все это, Алеша! Оставим эти забавы на долю фантастов, грамотных и неграмотных. Мы никогда не скатимся в подобное болото цивилизации. К черту! Нам не нужны электронные человечки, которые будут питаться пилюлями и жить на кнопках. В том и прелесть чудесной, природой созданной конструкции, именуемой человеком, что она живая и все живое ей свойственно. Какими бы формулами и сложнейшими расчетами ни была напичкана моя голова, я хочу прежде всего жить и чувствовать. Каждый из нас немножечко эпикуреец. И я в этом смысле не исключение. Люблю, когда обо мне говорят хорошо, и волнуюсь, когда говорят плохо. Мне больно, если вижу, что моему другу тяжело или у меня не клеится какой-то расчет, не так завершена сложная техническая комбинация. Я наслаждаюсь небом или лесом, кричу от радости, вытаскивая из реки какого-нибудь паршивца подлещика, даже этой бутылкой ледяного боржоми, как бы это ни было банально, наслаждаюсь. С человека на Земле многое спрашивается, но ему многое и дано. Человек недолгий пришелец на нашей Земле. Однако важно не то, когда он пришел и когда ушел, а что он после себя оставил.
Вот ты сидишь передо мной, чудесное произведение природы, — самое высшее, можно сказать.
- Такое уж и чудесное, Тимофей Тимофеевич? — усмехнулся Горелов. — После ваших слов хоть бы в зеркало посмотреться, нет ли за спиной выросших крылышек.
- Крылышек не ищи, — остановил его конструктор и потянулся к бутылке боржоми, — а меня слушай внимательно. Первое впечатление о тебе — обычный простоватый парень. Немногословный, твердый, знающий, за что надо бороться в жизни. А если тебя копнуть поглубже? Какими огромными знаниями ты обладаешь! В отсеках твоего мозга, на каких-то невидимых полочках — и математика, и космическая навигация, и астрофизика. Какой-то центр, тонкий и нам недоступный, управляет твоей рукой, когда ты рисуешь, и оттого, что ты

добрый и щедрый, у тебя получаются добрые сюжеты. Такой ли ты простой, если, зная, что скоро прогремишь на весь мир и сотни девушек сочли бы за счастье стать твоей невестой, женишься без какого-либо расчета, по любви и рад удочерить ребенка, отец которого погиб.
- Вы и это знаете? — смутился Алексей.
- Я все должен знать о человеке, допущенном к облету Луны, — мягко заметил Тимофей Тимофеевич. — Впрочем, насколько мне известно, вы сами не делаете из втого секрета.
Горелов, опираясь ладонями о подлокотники, поднялся в кресле.
- Не делаю. Честное слово, не делаю, Тимофей Тимофеевич. Она такая, что лучше не встретишь. Наверное, потому и портрет ее дается мне очень трудно. Я хотел еще до полета свадьбу отпраздновать, но она наотрез отказалась.
- И правильно сделала, — одобрил главный конструктор.
- Я вас понимаю, — закивал Алексей, и кудряшки всколыхнулись на его голове.— В этом случае в ней заговорила женская гордость. Она мне что-то вроде испытания предложила. Пусть вернется из полета, пусть о нем зашумят, и, если у него голова не закружится от славы, а любовь не ослабеет, тогда я и стану его женой.
- Ей нужен муж, а не космонавт, — глотая боржоми, заметил конструктор. — Довольно естественный ход рассуждений.
На лице у главного конструктора появилась улыбка. Сейчас он видел перед собой не летчика-космонавта, обремененного сложными думами о трудном предстоящем полете, а просто влюбленного человека, грустящего в разлуке, расстроенного от дорогих ему воспоминаний. И еще подумал Тимофей Тимофеевич, что сидит перед ним молодой человек, никогда не видевший отца, не знавший скупой, но такой нужной в жизни мужской ласки. Не потому ли так спокойно и просто говорит он о самом заветном?
Алексей поправил расстегнутый ворот офицерской рубашки, нерешительно поднял на собеседника глаза:
- Она у меня чудесная, Тимофей Тимофеевич. Я после полета обязательно вас в гости позову.
- Почту за честь, — серьезно согласился главный конструктор. Потом он встал и, полуобняв за плечи Алексея, подвел его к одной из схем, висевших на стене.
- Завтра в восемь ноль-ноль стартует «Аврора». Ваши друзья сейчас отдыхают в профилактории. Вечером вы их сможете навестить. На пуск особенно не приглашаю, — произнес он, нахмурившись.
Горелов удивленно выпрямился.
—Почему? До сих пор все космонавты и дублеры присутствовали на запусках... в том числе и те, которым на другой день предстояло стартовать.
Конструктор потер переносицу.
—Это Действительно было, но вы, Алеша, исключение из правил. — Сухо остановил он Горелова, давая понять, что настало время, когда говорить должен только
он, а собеседник лишь слушать и запоминать. — Вы исключение из правил потому, что идете на такое большое, сложное,— он помолчал и наклонил голову набок, — не хочу говорить опасное, и еще раз повторяю — сложное дело. Сейчас вам надо отдыхать и как можно меньше поддаваться эмоциям. С экипажем Кострова все ясно. В успехе его старта и финиша я ни на йоту не сомневаюсь. Костров, Ножиков и Светлова поднимутся на огромную высоту. Двое выйдут в открытый космос на этой высоте: Ножиков и Светлова.
Нам надо узнать о возможности вести работы на огромной высоте в открытом космосе, а точнее, обо всем том, что необходимо для стыковки.
Горелов усмехнулся.
—Когда-то о стыковке писали очень много интересного и несбыточного, — усмехнулся он, — теоретики убеждали, что старт к Луне и другим планетам возможен только с орбитальных станций, что будут строиться целые орбитальные города с гостиницами и космодромами. Я и раньше мало верил, что все это скоро осуществимо. Когда люди окунулись в открытый космос, сразу убедились, как все это сложно. И вот результат. Старт в окололунное пространство осуществляется с Земли...
- Да. Это так, Алеша, — подтвердил главный конструктор.
- И тем не менее стыковка — великое дело, Тимофей Тимофеевич, а то, что сейчас подготовлено, превосходит все ожидания. Если на огромной высоте можно соединить два корабля, значит, в свое время станет реальным и другое.

- Что же именно, по вашему мнению?
- Создание окололунных орбитальных станций.
- Но есть еще и второй вариант, — прервал его конструктор. Горелов встретился в упор с выпуклыми изучающими глазами. — Есть еще одно благородное назначение стыковки...
- Тимофей Тимофеевич, я вас понял, — подхватил Алексей. — Стыковка доказывает, что можно будет спасти любого космонавта, находящегося на корабле, терпящем бедствие. Другой корабль выйдет на ту же орбиту, сблизится с попавшим в беду кораблем и возьмет на борт оттуда человека.

Горелов па цыпочках проходил по залам координационно-вычислительного центра. Мягкий пенопластовый пол глушил шаги, и казалось, что идет Алексей по воздуху. У экранов контрольных приборов стояли и сидели люди. Молодые, среднего возраста, пожилые и даже старые. Штатские и военные. Увенчанные щедрыми прическами и лысые. Спокойные, и волнующиеся. Тихими голосами они докладывали друг другу о каждой секунде полета далекого невидимого корабля. Было строго и торжественно, как в большом храме.

Станислав Леонидович, шагавший впереди Горелова, был в белом халате, спина его с острыми лопатками слегка покачивалась. Пройдя огромный длинный зал, Станислав Леонидович осторожно открыл голубую дверь, и Горелов следом за ним вошел в просторную комнату. Матовые плафоны едва тлели на потолке, и от этого комната казалась темной. Но это лишь в первые секунды. А потом сказочно-голубой свет становился приятным для глаза и все окружающие предметы приобретали правильные очертания.

У большого экрана телевизионной установки стоял главный конструктор «Зари». Горелов никогда не видел Тимофея Тимофеевича таким. Сутуловатая широкая спина его была резко, по-молодому выпрямлена, плечи гордо развернуты. Редкие, зачесанные назад волосы серебрились сединой, выпуклые глаза были устремлены вперед, и весь он чем-то напоминал сейчас воина на коне, покидающего поле брани после победного сражения. Большая рука Тимофея Тимофеевича сжимала телефонную трубку.

—Теперь не остается сомнения, — гремел его голос. — Осечка невозможна. Минуту назад мы получили последние телеметрические данные. Состояние всех членов экипажа отличное. Метеорных частиц за бортом корабля нет, радиация незначительная. Она составляет примерно одну тридцать четвертую той, на которую рассчитан скафандр.

Летчик-космонавт Сергей Ножиков и летчик-космонавт Евгения Светлова выходят в открытый космос.

Связь работала безупречно. Горелов и Станислав Леонидович услышали в трубке далекий, чуть приглушенный расстоянием, но все же отчетливый голос.

—От души поздравляю с победой, Тимофей Тимофеевич! Рядом со мною сидят члены Политбюро. Они вас тоже поздравляют.. И вас, и экипаж, выполняющий задание, и всех, чьим разумом и чьими руками этот полет подготовлен.
- Спасибо, — просто сказал конструктор.
- А как чувствует себя товарищ Горелов? — спросили на другом конце нровода.
- По-моему, превосходно, — ответил Тимофей Тимофеевич, покосившись на Алексея. — Стоит за моей спиной и улыбается.
- Дайте, пожалуйста, ему трубку. А вам желаю еще раз успешно завершить руководство полетом.

Главный конструктор протянул белую трубку и приглушенным голосом, переходящим на шепот, сказал:
- На, Алешка. Это секретарь ЦК.
- Летчик-космонавт капитан Горелов слушает, — побеждая волнение, произнес Алексей.
- У вас очень молодой и очень бодрый голос, — донеслось из Москвы. — А как с настроением?
- Превосходное. Тимофей Тимофеевич правду сказал.
- Рад и от вас это услышать. К заданию подготовились полностью?
- Полностью, товарищ секретарь ЦК.
- Никаких сомнений, неясностей и тревог предстоящий полет вам не внушает?
- Нет. Если понадобится, готов пожертвовать и жизнью ради...
- А вот это лишнее, — прервал его отчетливый голос секретаря ЦК. — Вы должны обязательно вернуться и вернетесь. Может быть, у вас есть какие-нибудь просьбы, пожелания?
- Есть одна просьба. Если можно, чтобы мама меня после возвращения встречала.

- Об этом мы позаботимся.
- Спасибо.
- Желаю вам получше отдохнуть перед дальним стартом. До свидания в Москве.
- До свидания.
Трубка молчала, но Алексей продолжал ее сжимать в запотевшей руке.
Главный конструктор повел щетками бровей.
—Все? Возвращайтесь-ка к реальности. Вот к этому голубому экрану.
Тимофей Тимофеевич, да какая же это реальность? Жюль Берн и тот не в силах был придумать такого, что сейчас на этом экране произойдет.
- Эмоции? Время работать! — нестрого остановил его конструктор и нажал на светящемся табло голубую кнопку. — Егоров, давайте изображение и связь! Генерал Мочалов, внимательно слушайте космонавтов.
На широком голубом фосфоресцирующем мелкими зернами поле телевизионного экрана стало появляться бледное, но с каждой секундой твердеющее изображение. Темные краски загустели, и несколько человек, окруживших вместе с Тимофеем Тимофеевичем телевизионную установку, увидели срезанную экраном часть корабля «Аврора» и две маленькие синие фигурки, отплывшие от нее. Едва ли можно было сразу определить, какая из них — Ножиков, а какая — Светлова. Люди в скафандрах, эти люди, делавшие на фантастической высоте над Землей свое фантастическое дело, были поразительно похожи. Но вот они, словно по команде, одновременно повернулись набок, и всем наблюдающим с Земли даже сквозь гермошлемы стали различимы их лица: широкое, грубоватое лицо Ножикова и мягкое, узкое — Жени Светловой. Из динамика лился бравурный голос диктора, уже подхваченный всеми радиостанциями и телестудиями мира.
—Вы видите, как впервые в истории два космонавта
выходят из советского корабля «Аврора» на высоте в десятки тысяч километров от Земли. Это — советский космонавт Сергей Ножиков и советская космонавтка Евгения Светлова. Она стала первой женщиной в мире, вторгшейся в открытый космос. Вы видите, как с помощью реактивных движков наши космонавты осуществляют маневрирование, приближаясь и удаляясь от своего корабля.
На голубом поле экрана то загасали, то становились четкими, лишь чуть размытыми изображения космонавтов. Одно из них было уже у самой кромки «Авроры». «Это, вероятно, Сережа Ножиков, — с волнением подумал Алексей. — Женя позади... Так и есть. А у него в руках кинокамера».
И снова раскатился торжественный голос диктора:
—Наши космонавты выполнили ответственное задание Родины и через несколько минут займут свои места в пилотских креслах на корабле «Аврора», где их ожидает командир экипажа летчик-космонавт подполковник Владимир Костров. Несколько позднее мы вам покажем пилотскую кабину космического корабля «Аврора».
Музыка покрыла торжественным маршем слова диктора. Вероятно, на всех телевизорах уже завершилась прямая передача из космоса, а на контрольном экране по-прежнему виднелись размытые изображения двух человек, плававших в невесомости далеко от родной Земли. Находившийся в кабине корабля Костров включил вторую контрольную телевизионную камеру, и сейчас было видно, как подплывает к «Авроре» одна из фигурок в скафандре. Было далеко не просто принять обратно на борт через узкий шлюз двух человек. «Первая — это Женя, — догадался Горелов и почувствовал, как вздрогнул от радости и гордости за нее. — Ей, конечно, сейчас нелегко. Ведь там даже пульс бьется с ускорением, в два с половиной раза чаще, чем на Земле. Какая на нее теперь навалилась усталость! Вот и движения стали замедленными».
Он не знал, что о том же самом думала в эти мгновения и Женя. Она слышала все это время неприятный и непередаваемо однообразный, однотонный звон в ушах и не могла понять, то ли это стучит ее кровь, то ли потревоженная Вселенная, врываясь в скафандр, силится что-то ей сказать на своем недоступном человеку языке. Готовясь войти в люк шлюза, Женя отыскала в черной глубине под собой звездную холодную россыпь и сказочно-голубой шар. «Неужели это Земля, и мы там живем! — подумала Женя. — Какая она красивая и далекая».
И ей стало от этого жутковато.
* * *:

В августе беспощадны среднеазиатские ветры. Иногда по четыре и пять дней подряд носятся они над городами, пустынями и степями, опаляя людей и землю невыносимым зноем, иссушая воду в мелких арыках, поднимая тучи скрипучего на зубах песка. Даже небо, голубое и неподвижно-ленивое, кажется, прокалено этими ветрами: редко сеет оно облегчающие дожди, все чаще и чаще дает власть палящему солнцу, преследующему все живое. Солнце это одинаково немилосердно и над белыми зданиями городка и над пусковыми вышками, остро возвышающимися над необъятной равниной, и над далеким от космодрома веселым Степновском, уютно прилепившимся к излучине Иртыша.
В этот день большой степновский аэродром тоже, как могло показаться, вымер от зноя. Ни один самолет не взлетал и не садился на широкую бетонку, не гудели опробуемые на стоянках двигатели. Пришел приказ все полеты запретить до тринадцати ноль-ноль, и, пожалуй, только один генерал Саврасов знал, с чем это связано.
Часть летчиков и техников была отпущена до обеда с аэродрома, и они с удовольствием отправились купаться. На улицах городка появлялись лишь редкие прохожие и проносились редкие машины.
Лидия на всех окнах опустила занавески, но и это плохо помогало — в комнатах было душно. Наташка в одних трусиках возилась в своем уголке. Играла она уже не в куклы, а в настольное лото, взяв себе в компаньоны плюшевого медведя. Лидия в полосатом шелковом халате гладила ее белые бантики и школьную форму.
Вдруг Наташка бросила лото и подбежала к окошку.
—Ой, мама, кажется, дядя Алеша в наш подъезд вошел!
Лидия побледнела и на мгновение отняла утюг от белоснежного фартука дочери.
- Успокойся, он не может сейчас прийти, — ответила она недовольно.
- Почему, мама? — удивилась Наташка. — Он же всегда приходит неожиданно. И тогда, последний раз, когда я спала. Почему он меня не разбудил? Торт принес, игрушки принес, а меня не разбудил.
- Он очень торопился, маленькая, — певучим голосом пояснила Лидия, — его ожидало большое дело.
- Большое, как я? — засмеялась Наташка.
- Нет, доча, — грустно улыбнулась и Лидия. — Гораздо большее, чем ты и я.
- Большое-пребольшое?
- Вот именно.
Наташка разочарованно отошла от окна и прищурила синие глазенки. Когда она бывала не в духе, дергала правую белую косичку. И сейчас она потеребила ее в задумчивости.
—Мама, а ты почему всегда краснеешь, когда дядя Алеша к нам приходит?
Лидия выключила утюг, уместила его в железном гнезде-подставке и укоризненно покачала головой:
- Это тебе так показалось, девочка.
- Показалось! — вскричала Наташка. — Зачем же ты говоришь неправду! Нет, ты всегда краснеешь, если он приходит. И сейчас покраснела... А я знаю, отчего это. Ты его любишь, мама! — выпалила она.
- Вот еще. Да откуда ты взяла? — совсем смешалась и нахмурилась мать.
—Нет, любишь, любишь, — упрямо повторила Наташка, — И я люблю дядю Алешу... А мне можно его папой называть?
Лидия собиралась рассердиться, но вдруг увидела, как быстро изменились глаза ребенка. Радость в них померкла, уступив место грусти и раздумью. Лидия схватила Наташку, прижала к груди.
—Эх ты, моя фантазерка! Ну как же ты так? Мы же не знаем еще с тобой, любит он тебя или нет.
—А я знаю. Меня он любит, — твердо сказала Наташа, — он мне сам об этом сказал. Вот... И что тебя любит — сказал.
Лидия погладила белую головку.
- Если бы все было так просто, девочка.
- Конечно просто... любит — и все.
- Когда он появится, мы об этом у него спросим, — не улыбаясь, сказала Лидия. — А теперь иди играй, доченька. Я тебе платье должна подшить. Уже ведь и первое сентября на носу.

Что-то в эту минуту, вероятно, произошло. Несколько машин, грузовых и легковых, промчались через городок к аэродрому, по лестнице пробежало, наверное, несколько человек сразу, потому что деревянные ступеньки застонали. Чьи-то голоса послышались за открытым окном. Привыкшая к частым учебным тревогам, без которых немыслима жизнь авиационного городка, Лидия сначала не обратила на весь этот шум внимания, но на третьем этаже отчетливо хлопнула дверь, и соседка с третьего крикнула со своей лестничной площадки соседке с первого:

—Ольга Константиновна, включайте поскорее радио. Это же бесподобно!

Лидия побледнела и, чуть не натолкнувшись на Наташку, кинулась к белому прямоугольному динамику, задрожавшими руками схватила черный шнур.

—Тебе плохо, мамочка? — испуганно спросила Наташа.

—Что ты, что ты, девочка. Мне хорошо, мне очень хорошо, — шептала Лидия, не попадая вилкой в отверстия штепселя. Наконец ей удалось включить динамик.

На нее, сразу же догадавшуюся, градом посыпались слова, повергающие в растерянность и радость. Их произносил диктор, чей голос многие годы был известен советским людям. Он сообщал им о гордых радостях и победах, случавшихся ежегодно в истории страны. Он был вдохновляющим и торжественным в таких случаях и становился скорбящим и гневным, если надо было извещать о чем-то грозном и горьком, как это было в суровом сорок первом году. Но всякий раз, если раздавались позывные и после долгой настораживающей паузы этот голос произносил первую, одинаковую во всех случаях фразу: «Внимание, внимание, работают все радиостанции Советского Союза», люди замирали в ожидании.

Лидия пропустила сейчас эту первую фразу: она включила динамик, когда далекий невидимый диктор уже прочитал первые фразы правительственного сообщения.

—...августа, в восемь часов утра по московскому времени, был выведен на орбиту пилотируемый космический корабль «Заря», совершающий полет к Луне. В заданной точке с координатами... — легкий шум помешал услышать Лидии цифры, — летчик-космонавт майор Алексей Павлович Горелов включил разгонную ракетную ступень и вышел на траекторию полета к Луне. Как свидетельствуют телеметрические данные и доклады по радио, скорость и направление полета выдерживаются с предельной точностью. Космонавт Горелов успешно перенес перегрузки при выходе на орбиту и во время удаления по траектории от Земли. В двенадцать часов пятнадцать минут по московскому времени был проведен очередной сеанс радиосвязи с кораблем «Заря». Космонавт Горелов находился на расстоянии в шестьдесят пять тысяч километров от Земли. Полет к Луне успешно продолжается.

Опустившись на диван, Лидия подперла ладонями подбородок и не замечала катившихся по щекам слез. Наташка встревоженно прильнула к ней.

—Мама, зачем ты плачешь? Ведь это же хорошо. Это же к Луне наш спутник запустили. И с человеком.

Лидия отняла от пылающих щек похолодевшие ладони и внимательно посмотрела на дочь. Странными были ее глаза, большие, сияющие — заплаканные и счастливые в одно и то же время.

- Девочка, а ты знаешь, кто управляет этим спутником?

- Нет, мама... Какой-то космонавт. Майор.

- Глупенькая, да разве ты не расслышала, когда диктор назвал его имя и отчество? Это же наш дядя Алеша. Алексей Павлович Горелов.

- Ой! — воскликнула растерявшаяся Наташка. — А ты меня не обманываешь, мама? Это взаправду дядя Алеша летит к Луне, и ему ни капелечки не страшно?

- Он же летчик-космонавт, девочка, и очень долго к этому готовился. А вот мне страшно... - - - Очень, очень!

Она умолкла, а из белого маленького динамика снова донесся голос диктора и заполнил всю их маленькую квартиру:

—Передаем в записи первый сеанс радиосвязи с летчиком-космонавтом майором Алексеем Павловичем Гореловым...

* * *

«Заря» уходила к Луне по невидимой эллиптической траектории. Целая четверть пути от космодрома к окололунной орбите осталась уже за плечами Горелова, а он все еще никак не мог освоиться с новым состоянием. Мог ли он определить, что именно было самым трудным в первой части полета? Едва ли. И одиночество, и неприспособленность к невесомости, и сложная работа с оборудованием кабины настолько его захватили, что не было на первых порах времени разобраться в своих ощущениях и мыслях.

Когда по команде с Земли он снял шторки с бокового и нижнего обзорных люков, он увидел космос на стотысячекилометровой высоте и подумал, что выглядит он гораздо суровее, чем Алексей предполагал, изучая по звездным картам, учебникам, фотоснимкам и кинофильмам свою будущую звездную дорогу. Он вспомнил, как один из его знакомых, находившихся на далеком от Москвы пункте слежения во время очередного орбитального полета, рассказывал о своих переговорах с космонавтом. «Спрашиваю его: «Ну как дорожка?» А он в ответ: «Иду твердо.» Можешь всем передать, пусть не беспокоятся». Может, на орбите в двести — четыреста километров от Земли и не возникало у этого космонавта большой тревоги, но Горелов так бы о себе не сказал. Заглянув в нижний и боковой иллюминаторы, он увидел яркую россыпь звезд и огромную черную пустоту космоса. Пока он был на земной орбите и шел по ней до точки вывода на траекторию, на освещенной стороне Земли видел с высоты трехсот километров и очертания материков, и голубые контуры океанов, большие города, и даже отдельные теплоходы, путешествующие по водной поверхности. И ему казалось, будто он проходит над Землей на сверхзвуковом истребителе в обычном тренировочном полете, только на более ощутимой высоте, чем летал он в дивизии у Кузьмы Петровича Ефимкова. Каждым нервом своим чувствовал он Землю, ее близость и греющее тепло.

Теперь оставшаяся далеко внизу Земля превратилась ё голубой клубок, от которого разматывалась его длинная дорога к Луне. Глядя на этот клубок, он с нарастающей тревогой ощущал свою полную ничтожность перед Вселенной. «С кем же меня можно сравнить, если даже Земля кажется такой маленькой с этой высоты? Ну что я такое? Песчинка, затерявшаяся в черном бездонном космическом мраке?»

Когда выдался свободный час отдыха, Горелов с удовольствием размял замлевшие под привязными ремнями плечи и ноги. Обостренный его взгляд сквозь опущенный козырек гермошлема скользил по стенам пилотской кабины «Зари». Сколько сил и выдумки вложили Тимофей Тимофеевич, Станислав Леонидович и другие конструкторы, чтобы сделать ее уютной и удобной! Здесь все было род руками: и пилотажные приборы, и выпуклые глобусы Земли и Луны, и так называемый «взор», небольшой экран, постоянно показывающий часть удаляющейся Земли, над которой находится корабль, и счетчик, регистрирующий облучение внешней стороны корабля и пилотской кабины. На этот счетчик нельзя было переводить взгляд без глухой, далеко спрятанной тревоги: а что, если вдруг!..

Здесь все было сделано, чтобы летчик-космонавт Горелов чувствовал себя человеком двадцатого века, царем природы. Но царем природы он ощущал себя на Земле, заставляя работать сложные вычислительные установки, изучая высшую математику и астрофизику, пилотируя реактивный истребитель или совершая поездку на «Вол-го». Здесь же бездонная мгла давила на него со всех сторон, напоминая каждую секунду, что он всего лишь бесконечно малая частица, передвигающаяся по загадочному, веками существующему звездному полю.

«Дон-дон» — звучали все время в ушах ровные непонятные звуки, рождавшиеся и умиравшие с одинаковыми интервалами. Алексей закрыл глаза и почувствовал сразу, что веки его, сухие и горячие, наливаются тяжестью. Шло время, свободное от наблюдений и работы с оборудованием кабины. .Чтобы уйти от реальной действительности и хотя бы немного забыть огромный глубинный космос, эту черную бездну, озаряемую иногда яркими солнечными вспышками, слепящими, как автогенное зарево, он вспоминал день отлета и перебирал заново те торжественные минуты. Знойное поле космодрома, пусковые вышки над степью и крышами светлых зданий из стекла и бетона — какую милую картину составляло все это! С этих пусковых вышек уходили в космос все его предшественники. Были они разведчиками для него, точно так же, как и он был сейчас разведчиком на этой бесконечной звездной дороге для тех

будущих космонавтов, которых и в отряде-то сейчас, возможно, нет, но которые придут и полетят гораздо дальше его. «Дон-дон» — стучало в ушах под оболочкой гермошлема. А там, на Земле, было тридцать пять по Цельсию и в маленьком срубленном из дерева, теперь опустевшем домике терпко пахло цветами, полученными им в то утро. Ночь перед стартом он проспал с завидным спокойствием, и утром его разбудил не будильник, а голоса друзей.
Алешка! — кричал Андрей Субботин, тряся его за плечо. — Если бы не бесцеремонная - настойчивость твоего дублера, ты бы всю Вселенную проспал, а не то что свой собственный старт.
- Не проспит, — смеялся генерал Мочалов. — Вселенной на многих космонавтов хватит. В том числе и на вас, Субботин.
Тимофей Тимофеевич, показывая на окно, потребовал:
—Там журналисты. Я разрешил пресс-конференцию на тридцать — тридцать пять минут. Вставайте и приводите себя в порядок.
Горелов умылся, быстро позавтракал, и, ответив на вопросы врачей, подошел к окну. На лавочках вокруг клумбы с георгинами сидело около двадцати человек. Кто с кинокамерами, кто с фотоаппаратами и блокнотами. Горелов узнал Леню Рогова в легком светло-сером костюме франтоватого кроя. Еще он узнал тучного пожилого журналиста в расстегнутом клетчатом пиджаке и коротких брюках на ярко-синих, туго натянутых помочах. Это же тот. Точно. Ему тогда в родном Верхневолжске успел Алексей что-то прокричать и помахать конвертом. А в конверте том — смешно вспоминать — была наивная просьба к Гагарину помочь поступить в отряд космонавтов. К машине Гагарина пробиться не удалось. А журналист жевал спелое яблоко и смеялся: «В чем дело, молодой человек? Может, вы тоже хотите стать космонавтом? Теперь это модно». Да, тот самый. Постарел и еще более обрюзг. Сейчас он тоже что-то жевал, прислушиваясь к голосам своих коллег. «Вот бы напомнить ему о той встрече, — весело подумал Горелов. — Нет, не стоит, еще целый подвал отмахает, и получится что-то вроде .рекламы»,
Он пригласил журналистов в светлую горницу деревянного домика и ответил на все их вопросы об орбитах и скоростях, о настроении, с которым идет в полет.
Когда пресс-конференция была объявлена генералом Мочаловым закрытой, Горелов задержал Леню Рогова, ласково положил ему руку на плечо:
- Давай простимся, старик. Все-таки, в отличие от других, ты наш.
- Но вы же меня не любили, Алексей Павлович?
— У тебя прекрасная интуиция, — усмехнулся Горелов. — Что было, то быльем поросло. Во-первых, я не то чтобы не любил тебя, но просто холодно относился. И ты прекрасно знаешь почему.
- Да, знаю, Женя.
- Женя, — согласился Горелов. — Я всегда внутренне был против того, чтобы она выходила за тебя замуж. Не пара ты ей. Извини. А сейчас все стало на свое место, Не обижайся.
Уголки Лениного рта горько дрогнули:
- На откровенность нельзя обижаться.
- А как ты сейчас?
- Живу. Кочую. Как видишь, тебя провожать приехал.
- А личное как?
- Пока никак, — пожал журналист плечами.
- Ну и что ты мне скажешь на дорожку, если пришел провожать?
- Возвращайся — это самое главное, — взволнованным шепотом быстро проговорил Рогов и как-то отчаянно махнул рукой: — Мне сейчас почему-то кажется, что твой полет — это полет не одного космонавта. Это не ты, а вся страна наша улетает туда, к Луне...
- Риторика, — прервал Горелов. — Ну, а как ты думаешь, вернуться будет легко?
- Не-ет, — так же тихо ответил Рогов, не желая, чтобы их разговор слышали другие журналисты. — И туда будет нелегко и обратно в особенности. Но я очень желаю тебе успеха. Я даже помолиться за это готов, если бы это помогло.
Горелов помолчал, внимательно рассматривая острые прорези морщин на лице Рогова — их раньше не было.
—Ну что же, спасибо за добрые слова, — сказал он напряженным голосом. — А я вернусь... Я обязательно вернусь. Вот увидишь. Ну, прощай! — он неловко обнял мешковатого Рогова,

прижал к себе. Они поцеловались. Журналисты с завистью наблюдали эту сцену: этого Рогова никогда не обойдешь в репортажах, если с ним единственным обнимается перед стартом сам Горелов!
Подошел голубой автобус, и Горелов, уже облаченный в скафандр, но еще не скрытый под гермошлемом, сел в него вместе со своим дублером Субботиным. Подошла черная «Чайка», и в ней заняли места Тимофей Тимофеевич, генерал Мочалов и полковник Нелидов. У главного корпуса, откуда шло сейчас непрерывиое слежение за пусковой площадкой, собралась толпа. Проезжая на маленькой скорости, Алексей видел высоко поднятые транспаранты: «Даешь, Алеш, к Луне придешь!», «Ура космонавту Горелову!». Рассмотрел Алексей и большой яркий шарж: он протягивает руку желтой Луне из кабины «Зари» — «Здравствуй, красавица!» А дальше колыхались над головами другие, менее интимные лозунги: «Слава Горелову, сыну Советской Отчизны!», «Вперед, к Луне!», «Вселенная, распахивай шире дверь!» Он слышал, как скандировали обитатели космодрома: «Го-ре-лоз, слава! Го-ре-лов, впе-ред!», и думал, что это уже последние люди, которые его провожают. Там, у пусковой вышки, будет меньше времени для эмоций.
Держа в согнутой руке гермошлем, как древний рыцарь, собравшийся на поединок, Алексей прощался с Тимофеем Тимофеевичем, генералом Мочаловым, Субботиным. Хлопнула дверца лифта, и бетонная площадка, запруженная провожающими, начала быстро уплывать. Станислав Леонидович помог ему выйти на последний балкон, и Горелов увидел распахнутый люк «Зари». Алексей медленно подошел к перилам. По ритуалу, давно уже узаконенному всем образом жизни космонавтов, он должен был сказать короткую прощальную речь, прежде чем исчезнуть в люковом отверстии корабля. У него в кармане лежал подготовленный им же самим текст, заботливо отредактированный полковником Нелидовым. Но сейчас ои не захотел доставать бумажку и произносить заранее подготовленные фразы. Они показались ему неживыми. И Алексей с минуту молчал на виду у тех последних, что провожали его на Земле. Ветер трепал его курчавьте волосы, сыпал колечки на лоб. Небольшая фигура Горелова отчетливо виднелась па фоне громадного серебристого тела ракеты, мирно дремавшей в объятиях стапелей.
—Товарищи и друзья! — тише, чем ему показалось, заговорил Алексей. — Когда моя мать родила меня на свет, она конечно не думала, что я стану космонавтом и мне доверят пилотировать космический корабль, направляющейся к Луне. Она мечтала лишь о том, чтобы я стал существом, достойным высокого имени «человек». Если мне доверили это задание, то человеком я, видимо, стал и мечта моей матери сбылась. Это первое, что я хотел сказать. Сегодня меня, сына России, весь советский народ провожает в далекий и трудный путь. Я говорю далекий и трудный, потому что никто из вас иначе не назовет этот полет. И я даю клятву перед Родиной-матерью, нашей партией и всем советским народом, что выйду на окололунную орбиту, какие бы испытания ни встретились на космическом маршруте!
Последние его слова потонули в криках «ура», раздавшихся внизу на цементной площадке у самого основания пусковой вышки.
—Алеша, давай в кабину. Пора, — негромко позвал Станислав Леонидович. Вместе с техником он аккуратно навинтил на скафандр гермошлем, предварительно расцеловавшись с Гореловым. Два молодых техника помогли ему занять место в низком пилотском кресле и пристегнуться ремнями. Потом они задраили тяжелые люковые двери, и он остался один, с удивлением, словно впервые, разглядывая залитую мягким ласкающим светом кабину «Зари».
Томительно долго тянулось предстартовое время. Несколько раз с ним вступали в переговоры с командного пункта космодрома то генерал Мочалов, то Тимофей Тимофеевич. Они задавали вопросы и получали на них односложные ответы. Разговаривающие были очень корректными, только Тимофей Тимофеевич однажды сердито заметил:
—Пульс, молодой человек, пульс! Это не годится. Вы все еще на Земле!
Алексей поймал себя на мысли, что действительно волнуется и виновато ответил:
- Я не буду больше, Тимофей Тимофеевич. Вас понял.
- То-то, — добродушно рассмеялся конструктор, — Иначе в угол поставлю.
- Пульс вошел в норму — генерал Мочалов передал Алексею, что уже шестьдесят пять в минуту.
—Так и около Селены держите, — пошутил он ободряюще.
Дали десятиминутную предстартовую готовность, потом пятиминутную и, наконец, последнюю, минутную, Стрелка на часах, вмонтированных в пластмассовую приборную

панель, побежала, как показалось Алексею, очень быстро. Он и представить себе не мог, что сейчас делалось на командном пункте. Операторы замерли у экранов пусковой установки, делая последние отсчеты, к стрелки неумолимо ползла к жирной красной отметке, и только голос Тимофея Тимофеевича эхом грохотал в большой светлой комнате:
- Первый!
- Готово.
- Второй!
- Готово.
- Шестой! ,
— Готово.
- Пуск!
Нет, это не шквальный пустынный ветер загудел внизу у самого основания огромной серебристой ракеты. Это белое пламя забушевало у подножья пусковой установки. Столбы дыма смешались и весело заплясали над землей» а белое пламя с легким коротким хлопком рванулось вверх. И на глазах у всех находившихся на космодроме, от главного конструктора до часового на пропускном пункте, серебристая ракета вдруг ожила и медленно-медленно отделилась от стартовой установки, волоча за собою пульсирующий фонтанчик пламени, и стала набирать высоту. Даже не верилось, что так медленно уходит в небо ракета, направленная к Луне. Тяжело и неохотно расставалась она с Землей. Но прошли секунды, и ракета исчезла из глаз, все быстрее и быстрее вспарывая синеву атмосферы,
Алексей даже не сразу почувствовал, что он уже в полете. А потом стали быстро расти перегрузки. Ясно и четко услышал он знакомый голос конструктора, будто Тимофей Тимофеевич находился не там, на Земле, от которой «Заря» уже успела удалиться километров на сто, а стоял вдесь, в кабине, у самого кресла:
—Ничего, ничего, вы полюбуйтесь на этого эпикурейца. Молодцом пошел. Пульс восемьдесят. В плотных слоях атмосферы это ведь прекрасно! Как чувствуете себя, «Кристалл»?—впервые окликнул он его по позывному.
—В плотных слоях атмосферы чувствую себя отлично, — медленно и спокойно отозвался Алексей, как привык отзываться, когда надо было отвечать на запросы
Земли, а он находился в воздухе, в кабине сверхзвукового реактивного истребителя.
Позднее, уже на орбите, пришло состояние невесомости. Это было на первых порах ново и необычно. Как только Горелов отвязался от кресла и шагнул в узкое пространство кабины, он тотчас же очутился вниз головой над полом. Он дотронулся до твердого простенка между приборной доской и задраенным окном иллюминатора и сразу же вернул себе прежнее положение. Очевидно, в это время кабина была на контрольном экране, потому что голос генерала Моча лова немедленно приказал:
—Не увлекайтесь плаванием в невесомости! Привяжитесь к креслу. Через двадцать минут перейдете с орбиты на траекторию.
Как все-таки хорошо было на орбите! Голоса «оттуда», с космодрома, были громкими, моря и континенты родной планеты светились ободряющим разноцветьем. А потом «Заря» взмыла вверх и понесла его на большой скорости к Луне, утратившей свой желтый цвет и ставшей на какое-то время черной и угрюмой.
Алексей открыл тяжелые веки и вздохнул. Никаких перегрузок он не ощущал, только во рту было немного сухо, да еще в ушах навязчиво раздавался тот же однообразный мотив: «дон-дон-дон», появившийся примерно на высоте тридцать тысяч километров. Он приоткрыл забрало гермошлема и, сняв со стены баллон с минеральной водой, сунул в рот наконечник-пистолет. Без этого пистолета нельзя было обходиться в полете. Капли воды в невесомости тотчас же превратились бы в белые шарики и стали летать по кабине, обливая приборы. Утолив жажду, Горелов повесил баллончик на место.
Неприятное, почти режущее состояние одиночества рождало десятки сомнений. «В чем дело? Почему меня не вызывают с Земли? — думал с опаской Горелов. — Может, вышли из строя батареи электропитания? Нет. Тогда бы погас свет и перестал работать глобус. Он не успел найти предположительного ответа на эти вопросы — замигали на стенде сигнальные лампочки.
- Я — Земля, — раздался не то чтобы невнятный, но уже безнадежно далекий голос. — Подтвердите удовлетворительность самочувствия и готовность продолжать полет. Прием.

- Я — «Кристалл», — ответил Горелов, с нажимом выговаривая два «л», — чувствую себя отменно.
- Что бы вы хотели передать своим соотечественникам?
- Сердечный привет и то, что задание будет выполнено в полном объеме. — Он поглядел на стрелки часов и, ободренный этим общением с Землей, улыбнулся: — Мои земляки пусть поступают, как хотят, а я ложусь спать, чтобы не нарушать распорядок.
Радиосвязь прервалась, а он и на самом деле попытался заснуть. Но сон был хрупок, проваливался, как тонкий ледок под ногами переходящего реку. Сначала приснился Верхневолжск в белой кипени весеннего вишневого цветения. Он снова попробовал заснуть, но вместо сна сумятицей мыслей оборачивалось прошлое и будущее. Он уже не принадлежал Земле, так же как и не принадлежал еще окололунному пространству, к которому стремился. «Дон-дон» — одурманивающе звучало в гермошлеме. «Может, доложить об этом космическом джазе на Землю? — подумал Алексей, но тотчас же отбросил эту мысль: — К черту! Еще подумают, паникую».
Он размышлял о Земле, и только о Земле. Он видел перед собой деревянные ступеньки знакомой лестницы, пахнущие сосной, и Лидию, спускавшуюся по ним. Она опиралась на его плечо. Ей было холодно в тонком домашнем халатике с короткими рукавами. Руки ее пахли парным молоком. Алексею казалось, будто даже здесь, в кабине, слышит он этот запах. «Она со мной, — подумал он, счастливо жмурясь, — значит, со мной не может ничего случиться. Как я ее буду любить, когда вернусь!»
Затем он подумал о матери, о друзьях, о Тимофее Тимофеевиче, который за исход полета волнуется, пожалуй, больше самого Горелова, пилотирующего «Зарю». Постепенно мысли о Земле отошли на второй план, и он постарался представить себе самое близкое будущее, тот час, когда «Заря», повинуясь заданной программе, выйдет на окололунную орбиту, полную неизвестности и возможных неожиданностей. Он скользнул взглядом по счетчику, регистрирующему облучение, и по прибору, показывающему
удаление от Земли. Ничего тревожного в показаниях не было. Просто по дуге гигантского эллипса «Заря» уже отдалилась от Земли на сто восемьдесят тысяч километров.

* * *

И еще прошел день. Земля то пряталась в черной неведомой темени космоса, то появлялась — или слева или справа, — и тогда становилось как-то теплее на душе. Голубой непрерывно льющийся свет кабины бодрил, и остаток пути не казался уже таким тяжелым. Алексей с аппетитом выпил из полиэтиленового пакетика бульон, съел шесть маленьких сандвичей и запил все это остужающей минеральной водой. В бортовом журнале он сделал все положенные отметки и своевременно лег спать. То ли от того, что он привык к постоянному состоянию невесомости, то ли от того, что цель была уже близка, он перестал волноваться и быстро заснул.
Новый нелепый сон обрушился на утомленное сознание космонавта. Чудилось ему, будто маленьким мальчиком бегает он по Покровскому бугру в Верхневолжске, играет с ребятишками в «квача». Прошел теплый ливень, и босые ноги так и влипают в мокрый суглинок. Длинноногий Володька Добрынин настигает его и вот-вот притронется, застукает, сделает «квачом». Но вдруг на глазах у онемевших ребят он, Алешка Горюн, отделяется от обрыва и плывет, кувыркаясь, по воздуху над желтым суглинистым срезом бугра и над сероватой водной гладью Волги-реки, а на трехпалубном теплоходе люди замирают в удивлении, разбегаются по каютам, лезут в ужасе под лавки. А он, Алешка, успокаивая, кричит им со смехом: «Чудаки! Я же поборол силы земного притяжения и сейчас выхожу на орбиту!»
Он очнулся от страшного звона и после крепкого сна даже не сразу понял, где находится. Но сознание мгновенно вернуло к действительности.
- «Кристалл», «Кристалл», — услыхал он голос генерала Мочалова, — как самочувствие? - Жалобы есть?
- Я не создан для жалоб, Сергей Степанович.
- А без шуток, Алексей Павлович?
- Пульс семьдесят, давление сто двадцать, — ответил он.

- Так и держите, — посоветовал Мочалов, — через двадцать минут кораблю будет сообщена новая космическая скорость, включена дополнительная ракетная установка и вы окажетесь на селеноцентрической орбите.
Горелов боязливо взглянул на приборную доску. Триста восемьдесят пять тысяч километров удаления от Земли. Наконец-то! Он задохнулся от волнения. «Дон-дон» — еще сильнее застучало в ушах. Неизвестность и пустота окружали его со всех сторон. Но теперь он знал, что цель приблизилась, и от этого волнение постепенно улеглось. Сознание стало ясным — он теперь видел конец пути, намеченного «туда». Несколько витков вокруг Луны — и он свободен. Он промчится над ее вечно сонной стылой поверхностью, временами сближаясь с ней до пятидесяти километров, сделает фото- и киносъемку и снова уйдет на гиперболическую кривую снижения.
Прошли томительные двадцать минут, прошли быстро, будто он их проглотил нервным ожиданием. «Зарю» резко встряхнуло, но он не вздрогнул при этом от неожиданности, потому что прекрасно знал, что это включились тормозные двигатели. На приборной доске зажглись две красные сигнальные лампочки. Вскоре они погасли, и с космодрома донесся торжественный голос Тимофея Тимофеевича:
— «Кристалл», Алешенька! Поздравляю, родной! Вы уже на селеноцентрической орбите! Вы над Луной. Докладывайте параметры!
«Дон-дон» — громче обычного прозвучало в ушах, но это уже был не надоедливо-угнетающий, а победный, набатный звон. «Я над Луной! — гордо подумал космонавт.— Я, верхневолжский парнишка Алешка Горелов!»
Радость совершенно убила сомнения, владевшие им всего несколько часов назад. «Я над целью, — весело передал по радио Алексей. — Иду с расчетной скоростью. Сейчас высота орбиты двести километров».
В боковой и нижний иллюминаторы он видел черную глыбу Луны с четкими пупками кратеров и солнце, низко висящее над ней. Солнце казалось здесь очень ярким, но не слишком большим, совсем не таким, каким оно наблюдалось с Земли. Низко над Луной он увидел шар, окруженный тонким светящимся колечком. Он сначала подумал недоумевая, что это за планета, но сразу же облегченно рассмеялся: «Вот тебе на, кого я не узнал! Да ведь это же собственный дом, моя родная Земля, от которой я сюда ушел. А колечко вокруг нее — это всего-навсего наша атмосфера. Но какая отсюда далекая Земля! Вернусь ли я к ней? — спросил внезапно чей-то неуверенный и расслабленный голос у него внутри. — К черту! Вернусь!— грубо оборвал его Алексей. — Иначе для чего было сюда забираться!»
«Дон-дон» — прозвенело в ушах. Он на мгновение смежил сухие, тяжелые веки, поддаваясь неожиданному, расслабляющему приступу сна.
«Заря» постепенно стала снижаться. Горелов наизусть помнил, что он должен был пройти над ее стылой поверхностью с высотой перицентра пятьдесят километров. Но когда спираль орбиты пошла вниз, высотомер под включенным лунным глобусом показал всего сорок. Затем его стрелка еще более снизилась и замерла на тридцати трех. Космонавт глянул в люк на застывшие, безлюдные, окаменевшие в своей вечной недоступности горы. Эта сторона Луны была уже не черной, а яркой, и он заволновался оттого, что невиданные краски завладели им. Нельзя было оторвать взгляда от разворачивавшейся внизу панорамы. Горные цепи с остроконечными хребтами безмолвно стыли, охваченные коричнево-огненным сиянием. Алексей включил кинокамеры и про себя подумал: «Вот что я буду рисовать потом, когда возвращусь. Тысячу раз прав Тимофей Тимофеевич — это моя тема. Это действительно никогда не забудется!»
Завершился последний расчетный виток. Но когда для «Зари» наступило время сниматься с окололунной орбиты и уходить к Земле, он вдруг почувствовал сильную тряску и, поглядев на приборы, понял, что корабль по-прежнему прикован к Луне, и начал новый виток. Он подумал, что так решили на Земле, и тотчас же попробовал связаться с космодромом.
— «Голубая», «Голубая», как ты меня слышишь? Я — «Кристалл».
Ему никто не ответил. Несколько минут он твердил свои позывные, чутко вслушиваясь в эфир. Но, кроме короткого навязчивого «дон-дон», никаких звуков в ушах у него не возникало. Скорость космического корабля изменилась, и он, похолодев, подумал, что в перицентре «Заря» пройдет совсем низко над безмолвной поверхностью Луны. Высота на приборе падала. Шкала показывала уже пять километров. «Хорошие получатся с этой высоты кинокадры,— горько

усмехнулся он.— Только кому они понадобятся?» И он впервые подумал, что может не возвратиться на Землю, а его маленькая серебряная кабина надолго превратится в искусственный спутник Луны. Конечно, его будут искать и он не имеет права чувствовать себя покинутым на орбите. На космодроме в готовности номер один, прикованный к стапелям пусковой вышки стоит корабль «Заря-2». Андрей Субботин займет в нем пилотское кресло. В кромешной космической тьме, прорезаемой слепящими солнечными вспышками, он будет на этой орбите искать бедствующий корабль, чтобы произвести стыковку и забрать его к себе на борт. А если они не найдут? Если «Заре» суждено виток за витком отсчитывать его последние дни и часы? Если умрет он в этом загадочном окололунном пространстве, лишенный возможности даже попрощаться с друзьями, матерью, Лидией?
Холодный пот склеил под гермошлемом его волосы. «Спокойнее, — тихо прошептал себе Горелов. — Чуточку спокойнее, парень. Не ты первый и не ты последний, кто из состояния «жизнь» переходит в состояние «смерть»! Вспомни из потрепанного школьного учебника рассказ о Муции Сцеволе, который вместо ответов на допросе поднес голую ладонь к свече и молчал. Вспомни Архимеда, сказавшего за минуту до смерти жестокому пришельцу слова, полные презрения и превосходства: «Воин, не спутай мои чертежи!» Вспомни Гастелло, бросившего свой бомбардировщик в огонь, если хочешь, черт возьми, обратиться к своему двадцатому веку. Вспомни и подумай, уж так ли страшна русскому человеку смерть!»
Он представил, как будет недвижимой высохшей мумией лежать, как в гробу, в своей пилотской кабине, как потом истлеет и вовсе превратится в скелет, а «Заря» будет по-прежнему методично отсчитывать виток за витком, пока не врежется в стылую поверхность ночного светила. «Я буду первым покойником на Луне... Ничего себе перспективочка», — невесело усмехнулся Алексей,
На приборе под мерцающим глобусом была цифра «тридцать». Он проходил над Океаном Бурь на высоте тридцать километров. Машинально он отыскивал взглядом нашу первую космическую станцию, когда-то здесь прилунившуюся, но изрытое, словно оспой, лицо Луны не выдало ее.
Привязанный к пилотскому креслу, космонавт видел в иллюминаторе яркую от нзпонятных вспышек поверхность Луны. Холодная радуга голубого сияния росла и ширилась над ней. Это была та сторона Луны, где сейчас господствовал двухнедельный день и температура доходила до ста двадцати градусов жары. «Лишь бы не угодить в такое пекло», — вздохнул Алексей и бросился к рукояткам дополнительных двигателей. Их энергию надо было беречь на вес золота, потому что предстоял еще длинный путь назад. Но сейчас только они могли решить его судьбу. Алексей включил два двигателя сразу, ощутил легкий толчок и увидел, как размываются в иллюминаторе пупки кратеров и очертания гор на лунном материке. Следующий виток не был уже таким страшным, потому что над тем же самым местом «Заря» прошла на высоте двести двадцать километров.
Алексей читал в иллюминаторе лунную карту, сличал ее с той, которой уже несколько лет располагало человечество, искал в ней неточности и старался запомнить их. А витки продолжались и продолжались. На двенадцатом он увидел в иллюминаторе ослепляющие взрывы на Луне, и, хотя «Заря» находилась в семистах с лишним километрах от ее поверхности, корабль сильно встряхнуло и на внешней обшивке раздался грозный стук. Алексей понял, что это метеоритный град осыпает металлическое тело корабля и ловушки уже не в силах справиться с каменным шквалом.
«Вот и все!»—подумал он и поймал себя на мысли, что одиночество и усталость лишили его в эту минуту даже страха.

* * *

Почти двое суток не было радио- и телевизионной связи с «Зарей». На всех контрольных экранах исчезло изображение корабля, и диктор, голос которого знал весь мир, скупо и суховато сообщил:
— По техническим причинам очередной сеанс телесвязи с космонавтом Гореловым откладывается на сутки.
Утренние газеты опубликовали короткое сообщение о том, что радиосвязь с кораблем «Заря» в настоящее время прекратилась и принимаются меры по установлению его местонахождения на селеноцентрической орбите.
В маленьком Степновске одинокая женщина сидела над раскрытым номером газеты и, подперев бледное лицо холодными ладонями, молчала. Короткое сообщение, набранное крупными жирными буквами, напоминало некролог. Маленькая светловолосая девочка лицом терлась о ее твердое неподвижное плечо и тревожным шепотом спрашивала:
- Почему ты молчишь, мамочка? Раньше плакала, а теперь молчишь?
- Раньше была надежда, — глухим ровным голосом отвечала мать...
У Тимофея Тимофеевича шли бесконечные заседания. Он выслушивал подчиненных, заслуженных академиков, и не отвечал им, расхаживая по огромному кабинету, с хрустом сжимая крепкие пальцы.
- Да, несомненно, ошибка произошла в коррекции корабля, и теперь есть лишь одна возможность оторвать «Зарю» от Луны — включить с Земли последний двигатель, неподвластный космонавту, послать с Земли новую вводную в счетно-решающее устройство в специальном контейнере, соединенном с пилотской кабиной «Зари».
Зазвонил белый телефон, связывающий космодром с Москвой. Вялым движением руки главный конструктор взял трубку.
- Да. Это я. Здравствуйте.
- Что будем делать, Тимофей Тимофеевич? — спрашивал знакомый голос. — Есть ли какие новости?
- Пока никаких, — ответил конструктор тихо. Трубка молчала, лишь доносилось легкое потрескивание. После большой томительной паузы конструктор услышал:
- Что будем делать? За границей печатают сенсационные статьи о катастрофе советского космического корабля. Там предлагают свои услуги в его розысках.
- Не надо, — жестко отрезал Тимофей Тимофеевич.— Мы это сделаем сами. Но пока нет никаких оснований считать гибель «Зари» фактом. Нарушение радиосвязи еще ни о чем не свидетельствует. Мы принимаем все меры. Хотя и трудно, но надо запасаться терпением.
- Хочется верить, что эти меры принесут результаты, — не очень уверенно сказали в Москве.
- Бесспорно, — подтвердил Тимофей Тимофеевич и положил трубку. — Станислав Леонидович! —- повелительно окликнул он своего первого заместителя. — Мы решимся на крайнюю меру. Запустим последний двигатель?
- Да! — жестко ответил главный конструктор «Зари». — Готовьте расчеты для схода с орбиты.
После двенадцатого витка усталый и обессиленный Алексей Горелов почувствовал, что его корабль, вышедший из повиновения, неожиданно стал послушным и берет курс к Земле. Он видел ее на расстоянии почти в четыреста тысяч километров. Окруженная зыбким пояском атмосферы, она и отсюда казалась сказочно красивой. Радиосвязь по-прежнему не работала, но по всем показаниям приборов он уже точно знал, что летит теперь по невидимой траектории к дому, назад.
Когда «Заря» прошла более половины пути, произошла неожиданная встреча с неизвестным метеоритнымроем. Приборы тотчас зарегистрировали это, и Алексей с изумлением отметил, что энергия некоторых метеоритных частиц необыкновенна. «Этого только еще недоставало», — подумал Горелов. Внутри стало жарко, и он догадался, что терморегуляторное устройство выходит из строя. Он знал, как его исправить в аварийной обстановке, и, обливаясь потом, слабея от угнетающей жары, принялся за ремонт. Стрелка термометра то становилась на свое место, показывая, что в кабине почти комнатная температура, то снова поднималась вверх. Но он ее укротил.
Космонавт еще не откликался, но телеметрические данные уже поступали с борта «Зари» на Землю, и в третьем часу утра Тимофей Тимофеевич, успокоенный, задремал в своем рабочем кресле. Нет, не колонки цифр и формул ему снились, не черная глыба Луны в своем

молчании вечного безмолвия. Виделась ему подмосковная речка, надувная резиновая лодка и спиннинговая удочка, от которой — вжик! — летит леска чуть ли не до самой середины. Он забросил спиннинг и сразу почувствовал, как стало дергать леску ровными тяжелыми толчками. Тимофей Тимофеевич открыл глаза. Сквозь большие окна лез в кабинет острый свет восходящего солнца. Ответственный дежурный тряс его за плечо. На усталом бледном лице инженера сияла не оставляющая сомнений улыбка.
- Связь?! — выкрикнул главный конструктор.
- Так точно, Тимофей Тимофеевич, — доложил дежурный. — Горелов передал, что отказали системы запуска двигателя на селеноцентрической орбите, и он долго не мог с этой орбиты сойти. Каков парень! Он сделал двенадцать незапланированных витков.
- Бедный мальчик, — без улыбки заметил Тимофей Тимофеевич. — Любой слабопервный двенадцать бы раз лишился за это время рассудка. А дальше?
- На тринадцатом витке включение дополнительного двигателя вернуло его на траекторию полета к Земле. На пути он попал в полосу метеоритной бури и отрегулировал термоустановку.
.— Температура в кабине?
- Плюс двадцать шесть.
- Превосходно. А состояние?
- Пульс и дыхание в норме. — Дежурный пристально посмотрел на пергаментное лицо своего начальника и спросил: — Как посадим «Зарю»? По системе мягкой посадки?
- Корабль да, — твердо ответил Тимофей Тимофеевич, — космонавта — нет! Только катапультировать. Чтобы не было и тысячной доли риска.

* * *

Вертолет снижался над выжженной зноем степью. Черный четырехлопастный винт равномерно молотил синеватый струящийся воздух. Легкая тень скользила по кочковатой равнине, кое-где покрытой черными жесткими кустами саксаула и слегка желтоватой от наметенных ветром барханов.
Генерал Мочалов, согнувшись, стоял за спиной у летчика, напряженно всматривался в набегающую степь. Был он в полевой гимнастерке и в сапогах с высокими голенищами, удобных для ходьбы по песку. Вертолет то с правым, то с левым креном кружился над безводной степью, и тень на земле выписывала затейливые кривые. Мочалов издали увидел кишлак, дорогу от него, стиравшуюся на желтом покрове равнины. Солнце било в глаза, но сквозь защитные очки обозревать местность было бы еще сложнее, и он только держал их за дужку в твердых пальцах. Острые прищуренные его глаза под мохнатыми бровями были сосредоточенными. Наконец он простер руку и, показывая в правую форточку кабины, волнуясь, воскликнул:
—Смотри, Платонов! Это же «Заря»!
Высокий сутуловатый военврач увидел на ровном покрове степи серебрящийся круглый предмет, отсвечивающий в солнечных лучах.
—Кабина, товарищ генерал. Она самая. И парашюты рядом лежат.
Мочалов скомандовал летчику:
—Левый крен. Скорее левый крен! Вот же он! Вот! Неужели не видите?
Нет, редко кто смог бы сравниться с этим моложавым, но уже начинающим полнеть генералом в поисках малоразмерных целей. Не зря он пролетал всю войну на штурмовике Ил-2, с которого хорошие летчики наверняка поражали не только населенные пункты, мосты, переправы, но и отдельные автомашины, танки и артиллерийские орудия на поле боя.
—Лестницу! — властно потребовал генерал.
Окрашенный в синий цвет вертолет повис в воздухе
и стал снижаться над степью. Винт работал на замедленных оборотах. Он уже не толкал кабину вперед, а только удерживал ее на одном месте на высоте трех метров от кочковатой земли. Медленно, медленно опустился вертолет на сухую знойную землю. В широком проеме распахнутой двери Мочалов видел желтую полосу иссушенной ветрами степи, черные комочки перекати-поля и струйки песка, взмывающие над ней. Этот песок ручейками переливался на белом шелке смятого и еще не собранного парашюта. Человек в оранжевой, демаскирующей его накидке, наброшенной поверх скафандра, стоял рядом с распластанным парашютом,

широко расставив ноги в тех мягких коричневых ботинках с высокой шнуровкой, которыми пользуются только космонавты. Голубая, занесенная пылью «Волга» и девушка, робко топтавшаяся рядом, не привлекли его внимания. Генерал спустился по лестнице и бросился бегом к человеку. Генерал бежал, не разбирая дороги. Тяжело дыша, скорее от волнения, чем от бега, он остановился в трех шагах от Алексея и, растопырив для объятия руки, сказал:
—Иди сюда!
Увидев, что Горелов поднял ладонь к нагретому солнцем гермошлему и собирается рапортовать, Мочалов сделал еще один шаг к нему и требовательно, совсем уже, что называется, генеральским баском повторил:
—Ну, иди, что ли, Алешка! Кому говорю!
Горелов бросился к генералу, ткнулся ему в грудь жестким гермошлемом.
Генерал помог ему отвинтить гермошлем.
—Спасибо, Сергей Степанович! — сдавленно воскликнул он. — Всем спасибо.
Мочалов сильными руками отстранил его от себя.
- Нет, постой. Это мы должны сказать тебе спасибо за то, что ты с честью прошел по звездной дороге. Да еще по какой!
- Если понадобится, я еще раз могу эту прогулочку повторить! — азартно проговорил космонавт. С загорелого лица Мочалова сбежала улыбка. Прищуренные глаза испытующе разглядывали заросшее жесткой щетиной, усталое и радостное лицо Алексея.
- Эт-то хорошо, — медленно произнес генерал. — Эт-то даже очень хорошо! Скоро мы будем готовить новый сложный полет. И будет очень важно, чтобы трехместный корабль повел человек, уже побывавший в окололунном пространстве... Ты — Алексей!
- Я готов! — не задумываясь, ответил Горелов.
Они шли по твердой, испеченной солнцем Земле. Алексей с наслаждением вдыхал раскаленный воздух карагандинской степи, слушал клекот парившего над их головами орла, далекий гул вертолетов, все еще круживших над районом его приземления.
«Отчего так прекрасно на Земле? — думал он. — Это, наверное, оттого, что на ней властвуют силы земного притяжения. И вовсе не одна, открытая стариком Ньютоном, Силы земного притяжения — их много, ребята! Это и любовь к седенькой старенькой матери, и улыбки друзей, и горячие ласки Лидии».
Что такое человеческое счастье?
Кому и какой мерой оно отпускается?
Вероятно, каждому, кто любит родную Землю, отцов и дедов своих, и жизнь, подаренную ему на этой Земле,
1964—1967